

2542-1840 (print)
2541-9145 (online)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Bulletin of Kemerovo State University.
Series: Humanities and Social Sciences

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta. Seriya: Gumanitarnye
i obshchestvennye nauki

ТОМ 10 № 2
2026

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 3 уровень.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions, DOAJ, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67379.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the third level.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: Dimensions, DOAJ, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, доцент, МГЮА (Москва, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Ass. Prof., Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Prof., Lomonosov
Moscow State University (Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, проф., АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ

(Екатеринбург, Россия).
Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар, Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Law),
Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.), Ass. Prof.,
Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ

(Великий Новгород, Россия).
Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд

Кемеровской области (Кемерово, Россия).
Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration
court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
All Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Ляковска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет
(UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof.,
University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
(Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, МПЮА
(Москва, Россия).
Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Россинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).
Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).
Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).
Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).
Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Халыпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).
Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).
Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).
Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).
Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Особенности понимания билингвами сложных логико-грамматических конструкций

Лицкевич Е. Ю. 199

Особенности совладающего поведения и жизнестойкости у мужчин и женщин, переживших развод

Пузырёва Л. О., Миткевич И. А. 209

Влияние стресс-индуцированных маркетинговых стимулов на оперативную память потребителей товаров повседневного спроса

Самоходкин Е. В. 225

Междисциплинарные исследования языка

Дискурс r/SpaceX: структурно-семантические доминанты

Смакотина Н. А. 236

ПЕДАГОГИКА

Коррекционная педагогика

Актуальные мировые тенденции в разработке и внедрении вспомогательных средств обучения лиц с ограничениями жизнедеятельности

Островский А. Н., Пяткина Е. С., Порошина А. М. 248

Методология и технология профессионального образования

Воспитательный потенциал интеллектуальных игр для формирования чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России

Кипреев С. Н. 264

Цифровая грамотность в структуре профессиональной ответственности будущего педагога

Лопаткин Г. Ю., Дивеева К. Д., Дивеев Д. В. 273

Нарративное исследование феномена *инволюция* в процессе подготовки к вступительным экзаменам в магистратуру среди китайских студентов-бакалавров

Чжан Инся 283

Общая педагогика, история педагогики и образования

Возможности оценки воспитательного потенциала школьной среды

Гани С. В., Брель Е. Ю., Майоров В. С. 296

Теория и методика обучения и воспитания

Формирование культуры здоровья у студентов высших учебных заведений

Горбаткова Е. Ю., Хусаинова Э. Р., Мануйлова Г. Р., Горбатков П. В. 307

Мультимедийные технологии как лингводидактическая модель формирования аудитивных навыков в обучении РКИ

Тагизаде В. Г. 317

Разработка оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» для аспирантов

Федорова Н. Ю. 328

ПРАВО**Публично-правовые (государственно-правовые) науки**

Классификация некоммерческих организаций через призму осуществления контроля и надзора за их деятельностью

Чудаев А. К. 337

Государственная пространственная политика современной России: отдельные конституционно-правовые проблемы

Шиндина А. В. 346

Теоретико-исторические правовые науки

Выборы и отзыв народных судей как проявление народного контроля в советский период в истории России

Пастухов А. С. 364

Уголовно-правовые науки

Криминалистические аспекты распознавания дипфейков

Волгин Ю. Г. 376

Способы и средства получения и оценки правдивых показаний: генезис, тенденции развития, классификация

Курбатова С. М. 384

Частно-правовые (цивилистические) науки

Информационные права и обязанности бенефициарного владельца корпорации

Горбачук В. 394

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Итоги Всероссийского научно-практического круглого стола «Актуальные вопросы разрешения корпоративных споров»

Трезубов Е. С. vii

COGNITIVE SCIENCES

Interdisciplinary Cognitive Studies

- Factors Influencing the Understanding of Complex Logical and Grammatical Constructions by Bilinguals
Litskevich E. Yu. 199

- Gender-Related Post-Divorce Coping Strategies and Resilience Profiles
Puzyreva L. O., Mitkevich I. A. 209

- Stress-Inducing Marketing Stimuli: Implications for Consumer Working Memory in Fast-Moving Consumer Goods
Samokhodkin E. V. 225

Interdisciplinary Linguistics

- Structural and Semantic Dominants of r/SpaceX Discourse
Smakotina N. A. 236

PEDAGOGY

Correctional Pedagogy

- Global Trends in Inclusive and Assistive Education for Students with Disabilities: A Review of International Practices
Ostrovskii A. N., Pyatkina E. S., Poroshina A. M. 248

Methodology and Technology of University Education

- Fostering Patriotism in Cadets at Russian Ministry of Internal Affairs Education Institutions: Educational Potential of Intellectual Games
Kipreev S. N. 264

- Digital Literacy in Professional Responsibility of Pre-Service Teachers
Lopatkin G. Yu., Diveeva K. D., Diveev D. V. 273

- The Impact of Involution on Chinese Undergraduates Preparing for Postgraduate Exams
Zhang Yingxia 283

General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

- Assessing the Educational Potential of School Environment
Gani S. V., Brel E. Yu., Mayorov V. S. 296

Theory and Methodology of Education and Upbringing

- Developing Health Culture in University Students
Gorbatkova E. Yu., Khusainova E. R., Manuilova G. R., Gorbatkov P. V. 307

- Multimedia-Based Language Teaching Model for Developing Listening Skills in Russian as a Foreign Language
Taghizade V. H. 317

- Developing Foreign Language Assessment Tools for Postgraduate Students
Fedorova N. Yu. 328

LAW

Public and State Law

- Control and Supervision Classification of Non-Profit Organizations
Chudayev A. K. 337

- State Territorial Policy in Modern Russia: Selected Constitutional and Legal Issues
Shindina A. V. 346

Theoretical and Historical Legal Sciences

Elections and Recall of Judges in People’s Court as a Manifestation of People’s Control in Soviet Russia

Pastukhov A. S. 364

Criminal Law

Criminal Aspects of Identifying Deepfakes

Volgin Yu. G. 376

Obtaining and Evaluating Truthful Testimony: Evolution and Classification

Kurbatova S. M. 384

Private and Civil Law

Information Rights and Obligations of the Beneficial Owner of Corporations

Gorbachuk V. 394

SCIENTIFIC LIFE

Resolving Corporate Disputes: Proceedings of the All-Russian Roundtable

Trezubov E. S. vii

оригинальная статья

eLibrary EDN: HOEUNF

Особенности понимания билингвами сложных логико-грамматических конструкций

Лицкевич Евгений Юрьевич

Тувинский государственный университет, Россия, Кызыл

Средняя общеобразовательная школа № 2, Россия, Кызыл

<https://orcid.org/0009-0000-7308-7600>

lis180@list.ru

Аннотация: В настоящее время наблюдается увеличение числа детей с отклонениями в психическом развитии, в том числе с речевой патологией, у большинства которых выявляются нарушения кодирования и декодирования речевого высказывания. Данное обстоятельство является одной из наиболее распространенных причин трудностей обучения, особенно в начальной школе на этапе формирования и становления познавательных навыков у ребенка. Эффективность процесса обучения младших школьников во многом определяется уровнем их речевого развития, сформированностью импрессивной стороны речи, в частности освоенностью ими логико-грамматических конструкций языка обучения. Нарушение понимания логико-грамматических конструкций является одним из наиболее распространенных видов речевых расстройств у детей младшего школьного возраста. Несмотря на это, нейропсихологические исследования в условиях естественной билингвальной и билингвальной среды, существующей в Республике Тыва, до настоящего времени не проводились. Цель – выявить и зафиксировать влияние языковых мезо- и макросоциокультурных факторов на особенности речевой деятельности младших школьников. Установлены различия в понимании логико-грамматических конструкций у младших школьников в условиях естественного русско-тувинского билингвизма в зависимости от очередности усвоения языка. В исследовании приняли участие 133 учащихся начальных классов, не имеющих отклонений в психическом или физическом развитии, проживающих в билингвальной среде и в условиях естественного билингвизма. В работе применялись модифицированные нейропсихологические тесты А. Р. Лурии. В результате было выявлено и зафиксировано влияние мезо- и макросоциальных средовых факторов и очередность усвоения языков на понимание логико-грамматических конструкций.

Ключевые слова: нейропсихология, билингвизм, высшие психические функции, логико-грамматические конструкции, младшие школьники, билингвальная социальная среда, языковые компетенции, Тыва

Цитирование: Лицкевич Е. Ю. Особенности понимания билингвами сложных логико-грамматических конструкций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 199–208. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-199-208>

Поступила в редакцию 20.07.2025. Принята после рецензирования 15.09.2025. Принята в печать 22.09.2025.

original article

Factors Influencing the Understanding of Complex Logical and Grammatical Constructions by Bilinguals

Evgeny Yu. Litskevich

Tuvan State University, Russia, Kyzyl

Secondary School No. 2, Russia, Kyzyl

<https://orcid.org/0009-0000-7308-7600>

lis180@list.ru

Abstract: Specialized psychological and pedagogical literature registers an increase in the number of children with speech pathologies who experience problems with encoding and decoding speech. This is a common cause of learning difficulties, especially in primary school during the formation of cognitive skills. Academic performance in primary school students largely depends on their speech development and, in particular, their ability to grasp the logical-grammatical structures of the language of instruction. Impairments in understanding logical-grammatical structures are widespread in primary school. To date, no neuropsychological studies have explored the natural bicultural and bilingual environment in the Republic of Tuva, Russia. The article describes the linguistic

meso- and macro-sociocultural factors that affect the speech activity of bilingual preschoolers in the Republic of Tuva. It establishes the effect of Russian-Tuvan bilingualism and the order of language acquisition on logical-grammatical comprehension. The sample consisted of 133 typically developing primary school students who live in a bicultural environment and in conditions of natural bilingualism. Modified neuropsychological tests by A. Luria registered the effect of meso- or macrosocial environmental factors and the order of language acquisition on the comprehension of logic and grammar.

Keywords: neuropsychology, bilingualism, higher mental functions, logical and grammatical constructions, primary school students, bicultural social environment, language competencies, Tuva

Citation: Litskevich E. Yu. Factors Influencing the Understanding of Complex Logical and Grammatical Constructions by Bilinguals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 199–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-199-208>

Received 20 Jul 2025. Accepted after review 15 Sep 2025. Accepted for publication 22 Sep 2025.

Введение

Осмысление и понимание логико-грамматических конструкций (ЛГК) детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста является одной из тех проблем, которые все еще недостаточно изучены и методически разработаны, т. к. подавляющее количество исследований в данной области сконцентрировано вокруг детей с теми или иными нарушениями речи и другими патологиями развития [1–7]. Однако изучение данного вопроса в отношении среднестатистических учащихся в условиях естественного билингвизма практически не представлено.

Нейропсихологией достоверно установлено, что понимание сложных логико-грамматических конструкций реализуется посредством нижнетеменных и теменно-затылочных отделов коры левого полушария (зона ТРО).

Именно эти зоны коры обеспечивают ориентировку в пространстве, превращение последовательной, сукцессивно поступающей информации в одновременные, симультанные схемы и служат основой для создания сложных, организованных по типу внутреннего пространства симультанных схем, которые лежат в основе операций логико-грамматическими отношениями [8].

Однако весь процесс понимания ЛГК нам представляется следующим образом:

1. Происходит декодирование воспринимаемой речи, что проявляется в четком выделении фонем из речевого потока и обеспечивается работой вторичных задневерхних отделов левой височной области.

2. Происходит понимание смысла слов, что осуществляется во вторичных отделах височной области.

Происходящее на завершающем этапе понимание значения целой фразы или целого связанного речевого высказывания обеспечивается более сложной мозговой организацией: необходимо, во-первых, удержать в слухоречевой памяти все его элементы (*функции средних и глубоко расположенных*

отделов левой височной области); во-вторых, понимание развернутой речи требует симультанного восприятия различных ее элементов, т. е. способности все запомненные элементы уложить в одновременно воспринимаемую смысловую схему (*функции теменно-затылочных и височно-теменно-затылочных отделов левого полушария – зона ТРО*); в-третьих, для понимания общего смысла, подтекста сложного речевого высказывания необходима активная поисковая деятельность – сохранение точного намерения, сформированной программы действий и контроля над ними (*передние отделы коры головного мозга*).

Нарушение же понимания сложных ЛГК может происходить на любом из указанных этапов и обуславливаться не биологическими факторами, а средовыми воздействиями.

При этом нарушение понимания речевой конструкции не связано с таким обстоятельством, как ее длина (она может состоять из двух или трех элементов [9]), и с тем, является ли конструкция завершённым высказыванием – предложением, или же представляет собой его часть.

В течение долгого времени декодирование высказанного устно или письменно собеседником предложения рассматривалось как простой процесс, для успешного осуществления которого достаточно было лишь знать значения всех слов и понимать морфологические характеристики, определяющие связь между соседними словами. Однако в настоящее время (в соответствии с представлениями структурной лингвистики) «в составе предложения стали различать достаточно сложные поверхностно-синтаксическую и глубинно-синтаксическую структуры» [10, с. 209].

Исходя из того, что акт порождения правильно сформулированного и грамматически верно составленного целостного высказывания с позиции психологии представляет собой весьма сложный процесс,

в ходе которого отчетливо проявляются особенности когнитивной сферы человека, а в частности такой высшей психической функции, как речь, мы приходим к тому, что понимание даже простого высказывания, для которого требуется как сохранность понимания отдельных слов, так и сохранение в памяти следов от серий или групп слов, устоявшихся в речевой деятельности¹, является для психики не менее сложной задачей.

В то же время в русском языке существуют такие грамматические формы, которые отражают сложные отношения между предметами, действиями или качествами. В развитой речи выражение таких отношений осуществляется с помощью системы управления, в которую входят система флексий, порядок слов в предложении и применение отдельных предлогов и / или союзов, являющихся специальными средствами передачи отношений, и оформляется посредством целостного и логически завершенного высказывания – предложения.

Разбирая и описывая синтаксическую и семантическую структуры фразы, А. Р. Лурия указывал, что «если слово является элементом языка, то предложение является единицей живой речи» [8, с. 150]. При этом предложение как целостное высказывание является основной единицей речи независимо от того устная ли это речь или письменная. Таким образом, понимание логико-грамматических конструкций – весьма сложный психологический процесс, т. к. он требует одновременного мысленного представления нескольких явлений.

Понимание ЛГК, по мнению Л. С. Цветковой, включает в себя операции сопоставления слов во фразе, выделения значений слов и их сочетаний внутри фразы, торможения несущественного впечатления и выделения системы отношений, скрытой за определенными грамматическими конструкциями [11].

Недостаточность понимания логико-грамматических конструкций (особенно пространственно-временных) детьми впервые была отмечена в 1976 г. Л. В. Яссман в ее исследовании особенностей грамматического строя речи при задержке психического развития [12]. Однако эта тематика, в том числе и при других типах нарушенного развития, долгое время не привлекала внимания исследователей. Но впоследствии многие ученые проводили исследования в данной области [13–20].

Ряд авторов [21–26] утверждают о наличии взаимосвязи между сформированностью понимания логико-грамматических конструкций и развитием когнитивных функций, т. к. правильная «расшифровка» этих конструкций свидетельствует

о сформированности у ребенка операций словесно-логического мышления, составляющих основу такой важной способности, как решение интеллектуальных задач, адекватных возрасту, и успешность обучения в целом.

Однако дискуссии о том, недостаточность каких именно когнитивных функций обуславливает низкий уровень понимания логико-грамматических конструкций языка, и научные исследования на эту тему продолжаются до сих пор.

На сегодняшний день на примере старших дошкольников установлено, что трудности восприятия и осмысления ими ЛГК чаще всего объясняются когнитивной слабостью языковых способностей ребенка, его способностью пользоваться грамматическим инструментарием языка как средством логического мышления. Более того, трудности смыслового восприятия речи сохраняются у них и на более поздних возрастных этапах [27–30], что влияет на механизмы и сроки раскрытия потенциальных возможностей для обучения и успешной коммуникации (социализации).

Помимо того, что у детей в сравнении со взрослыми в процесс понимания значительно больше вовлечены структуры правого полушария, современные исследования показывают, что успешность смыслового восприятия того или иного вида логико-грамматических конструкций выступает в прямой зависимости от иерархии связей между компонентами фразы: чем очевидней обозначены связи между этими непосредственными составляющими, тем результативнее будет понимание.

В науке традиционно принято считать, что на формирование личности, в том числе ее языковых навыков, влияют два фактора – биологический и социальный. Но помимо биологически обусловленных индивидуальных психофизиологических особенностей развития и функционирования нервной системы конкретного человека существуют и другие факторы средового воздействия – семья, друзья, школа, региональная и государственная принадлежность, культура, религия и т. д. Социально-средовые факторы разделяются на микро-, мезо- и макрофакторы. К первым факторам относится влияние семьи и ближайшего окружения; ко вторым – религиозные, культурные и языковые особенности региона проживания; к третьим – геополитические процессы социально-психологического толка (например, цифровизация населения, миграционные процессы, военные конфликты и т. д.).

В настоящее время в российском обществе происходят интенсивные процессы культурной и языковой

¹ Это дает возможность затормозить преждевременно возникающее суждение о смысле всего высказывания, которое может быть сделано на основе лишь одного фрагмента целой фразы, и не допустить замены истинного понимания смысла простой догадкой о нем.

интерференции, когда идет естественное смешение языков и вытеснение языков малых народов языками более крупными и более распространенными (например, распространение в русской речи англицизмов, замещение языков малых народов русским языком и т.д.), что способствует увеличению территорий с естественным билингвизмом, когда дети вырастают и формируют свою языковую личность в условиях смешения, а иногда и явного противоречия (например, написание *жи-ши / жы-шы* или падежное склонение в русском и тувинском языках и т.д.). Данное обстоятельство непосредственно проявляется как в устной, так и в письменной речи говорящих.

Цель исследования – выявить и зафиксировать влияние языковых мезо- и макросоциокультурных факторов на особенности речевой деятельности младших школьников. Задачи:

1) изучить и описать фактическое состояние языковых компетенций в части понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников-билингвов в условиях естественного русско-тувинского и тувинско-русского билингвизма и бикультурной социальной среды;

2) отследить влияние социальных мезо- и макрофакторов, таких как традиционная культура и языковое воспитание, на речь, в том числе на письмо как ее элемент и восприятие.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они позволят показать и объяснить причины отдельных трудностей у учащихся-билингвов в усвоении ими школьной программы по русскому языку, а также будут способствовать выстраиванию более эффективной организации образовательного процесса за счет акцентирования на своевременном и полном освоении логико-грамматических конструкций со всеми сопутствующими и смежными аспектами речи.

Актуальность исследования в условиях значительного роста учащихся с неродным русским языком, миграционных процессов в стране и мире, развития и поддержки языков коренных народов России [31], интенсивности и углубления межкультурного диалога традиционных российских этносов между собой и с этносами иных государств, в том числе сопредельных, заключается в том, что оно будет способствовать лучшему пониманию субъектов общения, принятию друг друга, определенному нивелированию возможных и вероятностных языковых барьеров и профилактике конфликтов на языковой почве.

Полученные результаты могут быть использованы учителями и другими работниками в школах при организации и проведении индивидуальной психолого-педагогической работы.

Методы и материалы

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что у младших школьников в условиях естественного русско-тувинского билингвизма уровень понимания ЛГК будет различаться в зависимости от их языковых компетенций: у монолингвов (контрольная группа) он будет выше, чем у билингвов, а у билингвов с первым языком русским будет выше, чем у билингвов с первым языком тувинским. Указанная гипотеза верифицирована эмпирически.

Также автором предполагалось наличие влияния социокультурных факторов на особенности речевой деятельности, в частности на понимание ЛГК.

В ходе исследования были использованы классические нейропсихологические пробы на понимание логико-грамматических конструкций в модификации Т. А. Фотековой и Т. В. Ахутиной [32].

В исследовании приняли участие 133 учащихся 2-х классов общеобразовательной начальной школы г. Кызыла Республики Тыва, этнический состав которых естественным образом в целом соответствует ранее проведенным исследованиям и государственной статистике [30; 33] (табл. 1). Из 133 участников было 66 (49,6 %) мужского и 67 (50,4 %) женского пола.

Среди выборки не было учащихся, имеющих психические или другие заболевания (слуха, зрения и т.д.), препятствующие усвоению стандартной общеобразовательной программы. Исследование проводилось автором индивидуально с каждым учащимся в течение второго полугодия 2024–2025 учебного года в служебном кабинете школы.

Респондентам на русском языке проговаривалась инструкция «Послушай внимательно и покажи картинку, на которой это нарисовано», после чего вместе с просьбой выбрать из них ту, что соответствует произнесенной психологом фразе, предъявлялись изготовленные типографическим способом соответствующие стандартные парные стимульные изображения.

Для исследования были сформулированы речевые конструкции, которые предъявлялись в следующем порядке:

1. Мужчину обрызгала женщина.
2. Трактором перевозится машина.
3. Газету закрывает книга.
4. Клеенка покрыта скатертью.
5. Девочкой спасен мальчик.
6. Мама перевозится дочкой.
7. В ящике бочонок.
8. Ящик за бочонком.
9. На бочонке ящик.
10. Бочонок перед ящиком.

Для количественной оценки и документирования ответа были приняты следующие параметры: 1 балл – *точное понимание*; 0,5 балла – *переспрос, самокоррекция*; 0,25 балла – *длительный поиск с нахождением правильной картинки*; 0 баллов – *неправильный выбор картинки*.

Статистическая обработка полученных результатов и социометрических данных проводилась с применением компьютерной программы IBM® SPSS® Statistics 20.0.0.1.

Распределение первого (родного, основного) языка было следующим: русский язык как родной указали 97 (72,9 %) респондентов, тувинский язык выбрали 36 (27,1 %) опрошенных (табл. 2).

117 (88 %) опрошенных указали город как место основного проживания в течение жизни, 16 (12 %) респондентов до обучения в городской школе проживали в сельской местности (табл. 3).

Возраст участников составляет минимум 7,0 лет, максимум 9,0 лет, средний возраст 7,9 лет.

Табл. 1. Этническая принадлежность внутри экспериментальной выборки
Tab. 1. Ethnicity within the experimental sample

Национальность	Частота	%
Русские	15	11,2
Тувинцы	115	86,5
Иной национальности	3	2,3
Итого	133	100,0

Табл. 2. Соотношение пола и первого / родного языка респондентов
Tab. 2. Gender vs. native language

Пол	Первый / родной язык		Итого
	Русский язык	Тувинский язык	
Мужской	43	23	66
Женский	54	13	67
Итого	97	36	133

Табл. 3. Соотношение первого / родного языка и места проживания до обучения в школе
Tab. 3. Native language vs. pre-school residence

Язык	Категория населенного пункта		Итого
	Город	Село	
Русский	88 (75,2 %)	9 (56,2 %)	97 (72,9 %)
Тувинский	29 (24,8 %)	7 (43,8 %)	36 (27,1 %)
Итого	117 (100 %)	16 (100 %)	133 (100 %)

Таким образом, в результате классификации обследуемых учащихся по языковому признаку были сформированы три экспериментальные группы:

1) монолингвы с первым и единственным языком русским (80 учащихся; 60,1 % выборки; контрольная экспериментальная группа – ЭГ1);

2) билингвы с первым языком русским и вторым языком тувинским (17 учащихся; 12,8 % выборки; экспериментальная группа – ЭГ2);

3) билингвы с первым языком тувинским и вторым языком русским (36 учащихся; 27,1 % выборки; экспериментальная группа – ЭГ3).

Результаты

В результате статистической компьютерной обработки было установлено, что средний показатель по суммарному количеству баллов у монолингвов выше, чем у билингвов (4,54 к 4,2), и у тех респондентов, для кого русский язык является первым / родным языком, он выше, чем у тех, для кого русский – второй язык (4,47 к 4,24).

При этом средний суммарный показатель русскоязычных монолингвов и билингвов с первым / родным русским языком относительно билингвов с первым / родным языком тувинским также выше (4,36 к 4,24).

Однако во всех трех случаях расчетные значения t-критерия и p-уровень его двухсторонней значимости в предположении равенства или неравенства дисперсий позволяли принять гипотезу H0 об отсутствии различий между экспериментальными группами (табл. 4).

При проверке полученных результатов с применением U-критерия Манна-Уитни отсутствие различий между двумя несвязанными выборками также подтверждалось (значимость 0,615).

В результате статистической обработки результатов проведенного исследования мы приходим к нескольким противоречивым выводам. Установлено, что монолингвы в условиях естественной бикультурной социальной среды в условиях русско-тувинского билингвизма усваивают ЛГК лучше, чем билингвы – что соответствует первоначально выдвинутой автором гипотезе. В то время как билингвы со вторым

Табл. 4. Значения t-критерия равенства средних значений для экспериментальных групп
Tab. 4. t-Criterion of equality of mean values for experimental groups

Экспериментальные группы	t-критерий
ЭГ1 + ЭГ2	0,878
ЭГ1 + ЭГ3	0,766
ЭГ2 + ЭГ3	0,126

языком русским усваивают ЛГК лучше, чем билингвы со вторым языком тувинским – что опровергает первоначально выдвинутую автором гипотезу. При этом статистически значимые различия между экспериментальными группами отсутствуют.

Данное обстоятельство имеет следующее объяснение: беря во внимание, что в специальной литературе до настоящего времени еще не разработаны окончательно детализированные критерии качественной оценки понимания логико-грамматических конструкций, необходимо учитывать, что русскоязычные монолингвы благодаря усвоенным с раннего детства навыкам обращения с системой управления речью, которые не подвергались воздействию в результате переучивания или научения при освоении второго языка, находятся в этом плане в более выгодном положении, чем билингвы, которым необходимо различать, понимать ситуативную смысловую нагрузку и (что самое важное и трудное) не путать систему флексий, порядок слов в предложении, применение предлогов и т. д. родного первого языка и приобретенного социально-значимого второго.

Более высокие средние показатели билингвов с первым тувинским языком объясняются тем, что, освоив родной тувинский язык, в котором, например, больше падежей, чем в русском, они естественным образом переходят к более сложному русскому языку, где значительно больше систем пространственных, временных и иного качества отношений. Тем самым они расширяют и увеличивают свои языковые компетенции. В то же время билингвы, первоначально освоившие русский язык со всем его многообразием семантических связей, испытывают больше трудностей при реализации своих языковых навыков в силу необходимости их сужения.

Еще один значимый фактор – социокультурная среда. Так, все участники исследования являются детьми 7–9 лет, которые в большинстве своем родились и выросли в городе и в тот период истории страны и Республики, когда внешние и внутренние миграционные потоки россиян и информационные процессы значительно увеличились. Это повлекло за собой более активную и интенсивную языковую интерференцию русского и тувинского языков, не устрояя при этом языковых норм, устоявшихся за счет традиционного уклада и образа жизни.

В контексте нашего исследования это обстоятельство можно прокомментировать следующим образом: бедность (как и смешение) словарного запаса учащегося, нарушения фонематического восприятия при сохранном слухе², несформированность

грамматического строя речи приводят к тому, что он может не понимать обращенную к нему речь или понимать ее неточно.

Таким же образом на понимание ЛГК влияет имеющийся у ребенка социокультурный жизненный опыт. В предлагаемой пробе на понимание ЛГУ участникам третьим и четвертым заданием предлагались ситуации *Газету закрывает книга* и *Клеенка покрыта скатертью*. При обработке результатов было установлено, что первая из этих двух ситуаций имеет заметный рост правильных ответов по сравнению со второй (табл. 5).

Это можно объяснить тем, что и книга, и газета (а равно и остальные субъекты взаимодействия в пробах: *мужчина – женщина, машина – трактор, девочка – мальчик, мама – дочка, ящик – бочонок*) долгое время и до настоящего времени являются неотъемлемыми атрибутами повседневной жизни (независимо от региона или традиционной культуры), а потому известны всем и каждому. Как следствие, у каждого в словарном запасе имеются семантические представления о данных предметах и тех связях и отношениях, в которые они могут вступать между собой и другими предметами. При этом данное обстоятельство в большинстве случаев обогащается еще и личным непосредственным жизненным опытом.

В то же время в традиционной тувинской культуре отсутствует понятие *скатерть*. В силу кочевого образа жизни стол как таковой в классическом и традиционном для русской культуры понимании, а тем более скатерть были неактуальны для населения республики и на практике заменялись специализированным войлочным одеялом. В современный же период времени, когда стол уверенно вошел в повседневный жизненный уклад, скатерть выпала из него в силу развития технологий и была заменена в быту клеенкой. Именно это объясняет практическое незнание предмета *скатерть* и отсутствие в словарном запасе большинства учащихся его семантического значения, а также тех потенциальных связей и отношений с другими предметами и процессами, в которые она может вступать.

Схожая ситуация и с пятым элементом пробы: *Мама перевозится дочкой*. Точное понимание показали 27 (20,3 %) учащихся, правильно ответили с самокоррекцией или после переспроса 11 (8,3 %) респондентов, дали неправильный ответ 95 (71,4 %) учащихся. Количество неверных ответов превышает количество ответов с точным пониманием в 3,5 раза.

² В тувинской речи преобладают глухие звуки. Отсюда идет множество появившихся ошибочно искаженных приехавшим русскоязычным населением традиционных тувинских фамилий *Тулуш – Дулуш + Тюлуш* и т. д.

Табл. 5. Количественные результаты ответов
Tab. 5. Responses: quantitative analysis

	Газету закрывает книга			Клеенка покрыта скатертью		
	Неправильный выбор	Переспрос, самокоррекция	Точное понимание	Неправильный выбор	Переспрос, самокоррекция	Точное понимание
Монолингвы	12 (9 %)	4 (3 %)	64 (48,1 %)	45 (33,8 %)	6 (4,5 %)	29 (21,8 %)
Билингвы с первым русским языком	3 (2,2 %)	1 (0,7 %)	13 (9,8 %)	8 (6,1 %)	0 (0 %)	9 (6,7 %)
Билингвы с первым тувинским языком	8 (6,1 %)	5 (3,8 %)	23 (17,3 %)	21 (15,8 %)	2 (1,5 %)	13 (9,8 %)
Итого	23 (17,3 %)	10 (7,5 %)	100 (75,2 %)	74 (55,7 %)	8 (6 %)	51 (38,3 %)

Это может быть объяснено парадоксальностью и нетипичностью ситуации для ребенка, противоречащей его жизненному опыту, согласно которому он привык к тому, что в жизни именно его, ребенка, мама перевозит на санках, а не наоборот.

При этом распределение точных ответов по экспериментальным группам было следующим: среди русскоязычных монолингвов дано 15 (11,2 %) правильных ответов против 58 (43,6 %) неправильных, среди билингвов с первым языком русским – 8 (6,0 %) правильных ответов против 8 (6,0 %) неправильных, среди билингвов с первым языком тувинским – 4 (3,0 %) правильных ответов против 29 (21,8 %) неправильных. В первой экспериментальной группе правильных ответов оказалось в 3,8 раза больше, чем неправильных, во второй – их было поровну, в третьей – в 7,2 раза больше.

Приведенные примеры понимания четвертой и шестой конструкций наглядно показывают, как может происходить сбой в результате влияния мезо- и макросоциальных факторов на формирование, развитие и протекание высших психических функций.

Заключение

На основании полученных результатов исследования, их статистического и качественного анализа, а также последующей интерпретации с учетом жизненного опыта респондентов и социокультурной среды как мезофактора, мы приходим к следующим выводам:

Литература / References

1. Тукфеева Ю. В. Осмысление логико-грамматических конструкций младшими школьниками как предпосылки формирования учебной деятельности. *Успехи современного естествознания*. 2004. № 7. С. 126. [Tukfeeva Yu. V. Comprehension of logical and grammatical constructions by primary schoolchildren as prerequisites for the formation of educational activity. *Advances in current natural sciences*, 2004, (7): 126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jqqazx>

1. В условиях естественной русско-тувинской билингвальной и бикультурной социальной среды русскоязычные монолингвы лучше, чем билингвы, понимают сложные логико-грамматические конструкции, предъявляемые на русском / государственном языке обучения.

2. В условиях естественной русско-тувинской билингвальной и бикультурной социальной среды дети-билингвы с первым / родным языком русским лучше, чем дети-билингвы с первым / родным языком тувинским, понимают сложные логико-грамматические конструкции, предъявляемые на русском / государственном языке обучения.

3. Значимым фактором, влияющим на понимание ЛГК, является соотношение систем управления родным и приобретаемым языками и очередность их усвоения.

4. Нарушения в понимании ЛГК в условиях естественного билингвизма могут быть в том числе обусловлены неспособностью в силу индивидуального жизненного опыта и социокультурных факторов уложить в смысловую схему воспринимаемые элементы, сбоем на этапе симультанного восприятия.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

2. Шулекина Ю. А. Понимание логико-грамматических конструкций языка учащимися первых классов общеобразовательной школы с неглубокой речевой патологией. *Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология*. 2008. № 4. С. 97–104. [Shulekina Yu. A. Understanding of logical and grammatical constructions of language by pupils of the first grades of secondary school with shallow speech pathology. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 2008, (4): 97–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/midczj>
3. Васькина Е. А., Ерофеева Н. Д., Казанская В. Л., Давидович Л. Р. Особенности развития фонематического восприятия и понимания логико-грамматических конструкций у детей с задержкой психического развития. *Инклюзия в образовании*. 2021. Т. 6. № 3. С. 111–117. [Vaskina E. A., Yerofeeva N. D., Kazanskaya V. L., Davidovich L. R. Specific features of the development of phonematic perception and understanding of logical-grammatical constructions in children with delayed mental development. *Inkluzija v obrazovanii*, 2021, 6(3): 111–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/izpzio>
4. Филатова И. А. Воспитание функциональной произносительной грамотности у детей и взрослых. *Воспитание как стратегический национальный приоритет: Междунар. образовательный форум*. (Екатеринбург, 15–16 апреля 2021 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2021. Ч. 3. С. 81–84. [Filatova I. A. Education of functional pronunciation literacy in children and adults. *Education as a strategic national priority: Proc. Intern. Educational Forum*, Ekaterinburg, 15–16 Apr 2021. Ekaterinburg: USPU, 2021, pt. 3, 81–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/Kvnp-2021-03-19>
5. Филатова И. А. Актуальные проблемы обучения школьников с нарушениями речи в условиях инклюзивного образования. *Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза: XVII Всерос. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 21–22 апреля 2022 г.) Екатеринбург, 2022. С. 18–23. [Filatova I. A. Current problems of teaching schoolchildren with speech impairment in the conditions of inclusive education. *Study and education of children with various forms of dysontogenesis: Proc. XVII All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 21–22 Apr 2022. Ekaterinburg, 2022, 18–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ewjjon>
6. Украинец О. В., Чиркова Ю. В. Групповая нейропсихологическая диагностика понимания предложных конструкций учащихся 1–4 гимназических классов. *Клиническая психология в здравоохранении, образовании и социальной сфере: методы нейропсихологии в диагностике и восстановлении нарушений психических функций: IV Всерос. межведомст. науч.-практ. конф.* (Нижний Новгород, 20–21 февраля 2025 г.) Н. Новгород: ННГУ, 2025. С. 150–159. [Ukrainets O. V., Chirkova Yu. V. Group neuropsychological diagnostics of understanding prepositional constructions in primary school children (grades 1–4). *Clinical psychology in healthcare, education and the social sphere: Methods of neuropsychology in the diagnosis and recovery of mental disorders: Proc. IV All-Russian Interdepartmental Sci.-Prac. Conf.*, Nizhniy Novgorod, 20–21 Feb 2025. Nizhniy Novgorod: UNN, 2025, 150–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbebwi>
7. Корчемагина Е. М. Направления и алгоритм нейропсихологической коррекции особенностей познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития. *VI Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая конференция РОСНОУ: конф.* (Москва, 4–20 декабря 2024 г.) М.: РосНОУ, 2025. С. 63–70. [Korchemagina E. M. Directions and algorithm of neuropsychological correction of cognitive activity characteristics of junior schoolchildren with mental development retards. *VI All-Russian Annual December Scientific and Practical Conference, Russian New University: Proc. Conf.*, Moscow, 4–20 Dec 2024. Moscow: RosNOU, 2025, 63–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdzmpx>
8. Лурия А. Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с. [Luria A. R. *Language and consciousness*. St. Petersburg: Piter, 2019, 336. (In Russ.)]
9. Хэд Г. Афазия и связанные с ней расстройства речи. М.: Гаудеамус, 2021. 647 с. [Head H. *Aphasia and kindred disorders of speech*. Moscow: Gaudeamus, 2021, 647. (In Russ.)]
10. Хомякова Т. В. Специфика декодирования логико-грамматических конструкций языка младшими школьниками с недоразвитием речи. *Наука и школа*. 2020. № 2. С. 208–216. [Khomyakova T. V. The specifics of decoding the logical-grammatical structures of the language by younger pupils with speech and language disorders. *Science and school*, 2020, (2): 208–216. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-2-208-216>
11. Цветкова Л. С. Нейропсихологическая реабилитация больных. 2-е изд., испр. и доп. М.: РАО, 2004. 420 с. [Tsvetkova L. S. *Neuropsychological rehabilitation of patients. Speech and intellectual activity*. 2nd ed. Moscow: RAO, 2004, 420. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlfxdb>
12. Яссман Л. В. Некоторые особенности владения грамматическим строем речи детьми с задержкой психического развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976. 22 с. [Yassman L. V. *Some features of the grammatical structure of speech in children with mental retardation*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1976, 22. (In Russ.)]

13. Ахутина Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 216 с. [Akhutina T. V. *Speech generation: A neuro-linguistic analysis of syntax*. 2nd ed. Moscow: LKI, 2007, 216. (In Russ.)]
14. Ахутина Т. В., Корнеев А. А., Матвеева Е. Ю. Две стратегии понимания логико-грамматических конструкций у первоклассников. *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 31. С. 10–29. [Akhutina T. V., Korneev A. A., Matveeva E. Yu. Two strategies of the comprehension of reversible sentences in primary school students. *Journal of psycholinguistics*, 2017, (31): 10–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrgygh>
15. Ахутина Т. В., Корнеев А. А., Матвеева Е. Ю. Возрастная динамика понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников и ее мозговые механизмы. *Специальное образование*. 2017. № 3. С. 15–31. [Akhutina T. V., Korneev A. A., Matveeva E. Yu. Age-related dynamics of comprehension of logicogrammatical constructions in junior schoolchildren and its brain mechanisms. *Special education*, 2017, (3): 15–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkdbdob>
16. Фотекова Т. А. Развитие высших психических функций в школьном возрасте. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 164 с. [Fotekova T. A. *The development of higher mental functions at school age*. Abakan: KhSU, 2004, 164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxlkrh>
17. Фотекова Т. А. Динамика речевых функций у школьников с общим недоразвитием речи и задержкой психического развития. *Сибирский психологический журнал*. 2009. № 33. С. 69–72. [Fotekova T. A. Dynamics of speech functions in schoolchildren with general speech delay and with impaired mental development. *Siberian Psychological Journal*, 2009, (33): 69–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwaktx>
18. Лапшина Ю. Ю. Нейропсихологический подход к диагностике нарушений понимания логико-грамматических конструкций языка у детей 4–6 лет. *Известия Уральского государственного Университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2010. Т. 85. № 6-2. С. 122–135. [Lapshina Yu. Yu. Neuropsychological approach to diagnosing disruptions in understanding of logical and grammar constructions among children aged 4 to 6. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1, Issues in Education, Science and Culture*, 2010, 85(6-2): 122–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcwrhb>
19. Статников А. И. Механизмы понимания логико-грамматических конструкций: данные компьютеризированных тестов. *Вопросы психолингвистики*. 2013. № 17. С. 194–203. [Statnikov A. I. Mechanisms of the logical-grammatical constructions comprehension: Evidences from computer-based tests. *Journal of psycholinguistics*, 2013, (17): 194–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbrtlz>
20. Статников А. И. Синдромный анализ трудностей в понимании детьми логико-грамматических конструкций. *Национальный психологический журнал*. 2015. № 2. С. 77–86. [Statnikov A. I. Syndrome analysis of difficulties in comprehending logical grammatical constructions by children. *National Psychological Journal*, 2015, (2): 77–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0208>
21. Филатова И. А., Каракулова Е. В. Психолого-педагогическое сопровождение детей с тяжелыми множественными нарушениями речи. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. 160 с. [Filatova I. A., Karakulova E. V. *Psychological and pedagogical support for children with severe multiple speech disorders*. Ekaterinburg: USPU, 2018, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vngrpl>
22. Филатова И. А. Развитие понимания логико-грамматических конструкций языка у дошкольников с дизартрией. *Центральные механизмы речи: IX Всерос. (с Междунар. уч.) науч. конф. (Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2019 г.)* СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2019. [Filatova I. A. The development of understanding of logical and grammatical constructions of language in preschoolers with dysarthria. *The central mechanisms of speech: Proc. IX All-Russian (with Intern. Participation) Sci. Conf.*, St. Petersburg, 11–13 Nov 2019. St. Petersburg: VVM Publishing House LLC, 2019. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/djuyae>
23. Киселев С. Ю. Исследование нейропсихологического профиля у детей со специфическими нарушениями речи (отзывы Ю. В. Гущина и Т. В. Ахутиной). *Культурно-историческая психология*. 2007. № 2. С. 84–92. [Kiselev S. Yu. Neuropsychological profile studies in children with specific speech disorders (reviews by Yu. V. Guschin and T. V. Akhutina). *Cultural-historical psychology*, 2007, (2): 84–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kdsohh>
24. Пермякова Е. В., Киселев С. Ю. Особенности нейропсихологического профиля первоклассников с трудностями в понимании сложных логико-грамматических конструкций языка. *Психология и современное Российское образование: IV Всерос. съезд психологов образования России*. (Москва, 8–12 декабря 2008 г.) М.: ООР ФПО России, 2008. С. 355–356. [Permyakova E. V., Kiselev S. Yu. Neuropsychological profile of first-graders with difficulties in understanding complex logical and grammatical constructions of language. *Psychology and modern Russian education: Proc. IV All-Russian Congress of Educational Psychologists of Russia*, Moscow, 8–12 Dec 2008. Moscow: OOR FPO of Russia, 2008, 355–356. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjpljd>

25. Киселев С. Ю., Лапшина Ю. Ю. Исследование нейрокогнитивных функций у детей дошкольного возраста с импрессивным дисграмматизмом. *Психологический вестник Уральского государственного университета*, ред. Н. С. Минаева, В. И. Лупандин, С. Ю. Киселев. Екатеринбург: УрГУ, 2010. С. 276–287. [Kiselev S. Yu., Lapshina Yu. Yu. Research of neurocognitive functions in preschool children with impressive dysgrammatism. *Psychological Bulletin of the Ural State University*, eds. Minaeva N. S., Lupandin V. I., Kiselev S. Yu. Ekaterinburg: USU, 2010, 276–287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhtxnv>
26. Алмазова А. А., Петрова Т. В. Результаты логопедической работы по формированию умений декодирования фразеологических единиц младшими школьниками с недоразвитием речи. *Специальное образование*. 2023. № 3. С. 5–15. [Almazova A. A., Petrova T. V. The results of logopedic work aimed at formation of phraseological units decoding skills in junior schoolchildren with speech underdevelopment. *Special education*, 2023, (3): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/btzhlc>
27. Шулекина Ю. А. Специфика декодирования парадигматических кодов языка при недоразвитии речи в младшем школьном возрасте. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. № 21. С. 329–333. [Shulekina Yu. A. The specifics of decoding paradigmatic language codes in speech underdevelopment in primary school age. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, (21): 329–333. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knvfki>
28. Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Изучение смыслового восприятия логико-грамматических конструкций старшими дошкольниками. *Специальное образование*. 2016. № 1. С. 38–51. [Valyavko S. M., Shulekina Yu. A. A study of sense comprehension of logico-grammatical constructions by senior preschool children. *Special education*, 2016, (1): 38–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrdglv>
29. Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Пространственные представления в структуре смыслового восприятия речи младших школьников. *Системная психология и социология*. 2016. № 1. С. 30–38. [Valyavko S. M., Shulekina Yu. A. Spatial representations in the structure of semantic speech perception in younger students. *Systems psychology and sociology*, 2016, (1): 30–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzzgon>
30. Фаустова И. А., Филатова И. А. Характеристика готовности старших дошкольников с общим недоразвитием речи к овладению письменной речью. *Актуальные проблемы обучения и воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья: IV Всерос. заочная науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 22 апреля 2022 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2022. С. 353–357. [Faustova I. A., Filatova I. A. Characteristics of readiness of older preschoolers with general speech underdevelopment to master written speech. *Relevant issues of education and upbringing of people with disabilities: Proc. IV All-Russian Correspondence Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 22 Apr 2022. Ekaterinburg: USPU, 2022, 353–357. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsjgoc>
31. Лицкевич Е. Ю. Состояние социально-билингвальной среды в Республике Тыва. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2022. Т. 11. № 6-1. С. 207–214. [Litskevich E. Yu. The state of the socio-bilingual environment in the Republic of Tyva. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2022, 11(6-1): 207–214. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eskqmi>
32. Фотекова Т. А., Ахутина Т. В. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов. М.: Айрис пресс, 2007. 176 с. [Fotekova T. A., Akhutina T. V. *Diagnosis of speech disorders in schoolchildren using neuropsychological methods*. Moscow: Iris press, 2007, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvilfi>
33. Лицкевич Е. Ю. Ведущий вид дисграфии и его особенности у учащихся начальных классов в условиях естественного тувинско-русского билингвизма. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8. № 3. С. 338–345. [Litskevich E. Yu. Predominant dysgraphia in primary-school students in natural tuvan-russian bilingual environment. *Vestnik Kemeroovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(3): 338–345. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-3-338-345>

оригинальная статья

eLibrary EDN: HUVBOA

Особенности совладающего поведения и жизнестойкости у мужчин и женщин, переживших развод

Пузырёва Любава Олеговна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 1236-8060

<https://orcid.org/0000-0002-3248-9133>

puzireva.l@gmail.com

Миткевич Илона Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0009-0003-9536-8798>

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей совладающего поведения и жизнестойкости у мужчин и женщин, переживших развод. Научная новизна работы заключается в выявлении половых различий в преодолении травмы развода и эффектов характеристик семьи на адаптацию после развода. Цель – выявить особенности показателей жизнестойкости и предпочитаемых копинг-стратегий у разведенных мужчин и женщин, а также провести анализ взаимосвязей этих показателей с характеристиками семейной жизни (состав семьи, семейная сплоченность, качество отношений в прошлых и текущих союзах). Респонденты: 161 человек в возрасте 26–64 лет: 61 мужчина, 100 женщин. Из них большинство относились к семьям в социально опасном положении. Результаты показали статистически значимые половые различия в уровне жизнестойкости и выборе копинг-стратегий после развода, а также особенности предпочитаемых стратегий у каждого пола. Установлены значимые корреляции между характеристиками семьи (например, числом детей от предыдущих браков) и распространенностью определенных копинг-стратегий (например, эмоциональной поддержки и когнитивного принятия). Анализ различий в восприятии семейной сплоченности и адаптации в прошлых и текущих отношениях выявил, что в новых партнерствах отмечаются более прочная эмоциональная связь и гибкость. Выводы могут быть использованы при разработке программ психологической помощи разведенным семьям и при повышении общественной осведомленности о семейной психологии.

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг-стратегии, семейная адаптация, характеристики семьи, развод, половые различия

Цитирование: Пузырёва Л. О., Миткевич И. А. Особенности совладающего поведения и жизнестойкости у мужчин и женщин, переживших развод. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 209–224. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-209-224>

Поступила в редакцию 20.06.2025. Принята после рецензирования 22.09.2025. Принята в печать 06.10.2025.

original article

Gender-Related Post-Divorce Coping Strategies and Resilience Profiles

Liubava O. Puzyreva

Perm State National Research University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 1236-8060

<https://orcid.org/0000-0002-3248-9133>

puzireva.l@gmail.com

Iлона A. Mitkevich

Perm State National Research University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0009-0003-9536-8798>

Abstract: Recently divorced men and women tend to demonstrate different coping behavior and resilience profiles. The article investigates the gender-based differences in overcoming divorce-induced trauma and examines how family characteristics influence post-divorce adaptation. Resilience indicators and preferred coping strategies were compared with family composition, family cohesion, and relationship history. The sample comprised 161 people (61 men, 100 women) aged 26–64, primarily from socially vulnerable backgrounds. The findings revealed statistically significant gender differences in both the post-divorce resilience level and the choice of coping strategies. Family characteristics, e.g., number of children from previous marriages, correlated with certain coping strategies, e.g., emotional support and cognitive acceptance. Furthermore, in terms of perceived family cohesion and flexibility,

newly formed partnerships demonstrated stronger emotional bonds compared to previous relationships. These insights can inform psychological support programs for divorced individuals and enhance public understanding of family dynamics during transition.

Keywords: resilience, coping strategies, family adaptation, family characteristics, divorce, gender differences

Citation: Puzyreva L. O., Mitkevich I. A. Gender-Related Post-Divorce Coping Strategies and Resilience Profiles. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2026, 10(2): 209–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-209-224>

Received 20 Jun 2025. Accepted after review 22 Sep 2025. Accepted for publication 6 Oct 2025.

Введение

Жизнеспособность семейной системы и способность ее членов продуктивно использовать внутренние и внешние ресурсы для реализации оптимальных стратегий деятельности имеют особое значение в современных условиях [1; 2]. Развод (как одно из наиболее стрессовых событий в жизни семьи) нарушает привычный уклад, порождает неопределенность в будущем и изменяет психоэмоциональное состояние всех членов семьи, особенно детей [3–5]. Разрушаются не только брачные узы, но и устойчивая система представлений о стабильности, безопасности и любви, на которых строилась жизнь супругов. Поэтому важно обеспечить поддержку, коммуникацию и относительную стабильность для членов семьи, чтобы минимизировать негативные последствия развода для их психического здоровья и развития. Семья в ситуации развода может выступать одновременно источником стресса и ресурсом поддержки, влияющим на способность каждого справляться с трудностями.

Однако половые особенности играют важную роль в проявлении жизнестойкости и выборе копинг-стратегий после развода, а также могут оказывать влияние на качество отношений в семье [4]. Актуальность и практическая значимость изучения половой специфики переживания постразводного периода убедительно демонстрируется в ряде исследований отечественных ученых, в которых эмпирически подтверждается наличие различий в реагировании на распад брака у мужчин и женщин [4; 6–10]. Проведенные исследования позволяют констатировать, что сам по себе факт развода выступает значительным стрессогенным фактором, провоцирующим развитие дезадаптивных эмоциональных реакций и общее снижение показателей жизнестойкости у обоих бывших супругов [4; 9]. Однако качественное своеобразие переживания данного кризиса имеет выраженную половую дифференциацию. Она проявляется, прежде всего, в особенностях структуры и динамики эмоционального реагирования, а также в специфике выбора и реализации индивидуальных копинг-стратегий, направленных на преодоление стрессовой ситуации [8; 11].

В то же время важно учитывать, что каждый человек уникален: на проявление жизнестойкости и выбор стратегий совладания влияют такие факторы, как возраст, образование, социокультурный контекст, давность развода, наличие детей и качество отношений [8; 9].

Уровень жизнестойкости и преобладающие копинг-стратегии, а также семейные характеристики (состав семьи, семейная сплоченность, качество отношений) у разведенных мужчин и женщин могут существенно влиять на процесс адаптации после развода. Изучение этих взаимосвязей дает целостное представление о факторах, определяющих психологическую адаптацию и благополучие семьи в послеразводной фазе.

Проблема адаптации после развода приобретает особую актуальность на фоне трансформации института семьи: изменяются модели семейных отношений и представления о браке, снижается рождаемость и уровень брачности [12–15]. Эти изменения диктуют необходимость глубокого исследования, поскольку фундаментальные личностные качества формируются в семье как базовой социальной группе. Психологический климат в брачных отношениях оказывает сильное влияние на благополучие супругов и детей; неблагоприятная атмосфера в семье часто предшествует ее распаду и способствует дезадаптивным реакциям. Таким образом, понимание механизмов жизнестойкости и копинг-стратегий после развода становится важным аспектом предотвращения разрушения семейных систем и поддержки их стабилизации.

Цель исследования – выявить особенности показателей жизнестойкости и предпочитаемых копинг-стратегий у разведенных мужчин и женщин, а также провести анализ взаимосвязей этих показателей с характеристиками семейной жизни (состав семьи, семейная сплоченность, качество отношений в прошлых и текущих союзах).

Задачи:

1) изучить особенности показателей жизнестойкости и предпочитаемых копинг-стратегий у мужчин и женщин, переживших развод;

2) проанализировать взаимосвязи между характеристиками семьи и показателями совладания со стрессом и жизнестойкости у мужчин и женщин после развода;

3) исследовать взаимосвязи между копинг-стратегиями, жизнестойкостью и характеристиками текущих партнерских отношений у респондентов, состоящих в отношениях после развода;

4) выявить взаимосвязи между копинг-стратегиями, жизнестойкостью и характеристиками прошлых (завершившихся разводом) парных отношений;

5) проанализировать половые различия в уровне жизнестойкости и предпочтительных копинг-стратегиях после развода;

6) сравнить показатели семейной сплоченности и адаптации в прошлых отношениях, завершившихся разводом, и настоящих партнерских отношениях.

Научная новизна работы заключается в исследовании специфики переживания развода мужчинами и женщинами, а также влияния характеристик семьи на процесс адаптации, что позволит разработать более эффективные программы психологической помощи разведенным семьям. Развод (как одно из наиболее стрессовых событий в жизни семьи) оказывает значительное влияние на психологическое благополучие и способность к адаптации к новым жизненным обстоятельствам, чем обуславливается важность проведения дальнейших исследований для более полного понимания различий в проявлении жизнестойкости, выборе копинг-стратегий и семейной адаптации после развода.

Несмотря на существующие работы, посвященные изучению специфики переживания развода у мужчин и женщин, в этой области сохраняется ряд значимых пробелов, требующих внимания. Прежде всего, требует дальнейшего исследования связь между особенностями семейных отношений и способностью к преодолению стресса и жизнестойкости у мужчин и женщин после развода. Большая часть существующих работ фокусируется на особенностях жизнестойкости и стратегиях совладания без учета пола или характеристик семьи. Кроме того, ощущается дефицит информации о влиянии опыта прошлых и текущих отношений на уровень жизнестойкости и выбор стратегий адаптации. Недостаточно также сравнительных данных о семейной сплоченности и успешности адаптации в отношениях, которые закончились разводом, и в настоящих партнерских отношениях. Эти факторы могут существенно влиять на психологическую адаптацию после развода и общее благополучие семьи.

Методы и материалы

В исследовании принял участие 161 человек (г. Пермь) в возрасте 26–64 лет: 61 мужчина

и 100 женщин. Из них большинство относились к семьям, находящимся в социально опасном положении. К таким семьям обычно относятся те, где родители не исполняют надлежащим образом родительские обязанности, негативно влияют на поведение детей или жестоко с ними обращаются; часто они характеризуются низким социально-экономическим статусом и изоляцией. Всем респондентам объяснялся анонимный характер исследования. Все участники пережили бракоразводный процесс: 109 человек инициировали развод самостоятельно, 28 – пришли к бракоразводному процессу по инициативе супруга, в 24 случаях развод был обоюдным или неуточненным. На момент исследования 80 участников (49,7 %) вступили в повторный брак, 38 (23,6 %) состоят в незарегистрированных отношениях, 43 (26,7 %) не имеют партнера. Что касается детей, 108 респондентов (67,1 %) имеют детей от предыдущих браков, 72 (44,7 %) воспитывают детей в новых семьях.

В данной работе под *половыми различиями* понимаются различия, обусловленные как биологическими, так и социокультурными факторами, традиционно ассоциирующимися с мужской и женской ролью.

В исследовании использовался комплекс методов, включающий в себя:

1) теоретические методы: анализ психологической и социологической литературы по вопросам понятий и характеристик жизнестойкости, определений и классификации копинг-стратегий, личностных особенностей людей, переживших развод, половых различий в проявлении жизнестойкости и использовании копинг-стратегий после развода;

2) организационный метод – сравнительный (поперечных срезов);

3) эмпирические методы: тест жизнестойкости С. Мадди, 1984 г. (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, 2006 г.) [16], опросник совладания со стрессом "COPE" Ч. Карвер, М. Шейера, Дж. Вентрауба, 1989 г. (в адаптации Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, 2010 г.) [17], опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» Д. Х. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави, 1985 г. (в адаптации М. Перре, 1986 г.) [18];

4) методы статистического анализа данных: описательные статистики, критерий Колмогорова-Смирнова; непараметрические математико-статистические критерии: критерий различий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона.

Для проведения процедур статистического анализа данных был использован универсальный профессиональный пакет статистической обработки данных JASP 0.19.3.0 и Microsoft Excel 2010 (вспомогательные процедуры) для среды Windows.

Результаты

Первоначальный анализ данных показал, что в среднем респонденты демонстрируют невысокий уровень жизнестойкости (табл. 1). Многим участникам исследования часто свойственно испытывать внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях, и они не всегда успешно с ним справляются. Их вовлеченность в деятельность оценивается на среднем уровне: они не всегда получают от нее удовольствие и иногда ощущают себя отчужденными в собственной жизни. Кроме того, респонденты не всегда уверены в том, что их усилия могут изменить ход событий, что проявляется в сомнениях, действительно ли борьба с трудностями влияет на итог. Умеренное у них и отношение к риску: готовность к новому опыту и восприятию жизненных испытаний как возможностей для личностного роста также находится на среднем уровне.

Анализ копинг-стратегий показал, что участники часто прибегают к позитивному переформулированию стрессовых ситуаций и стремятся преобразовать их в конструктивный опыт. Кроме того, значительная часть респондентов использует отвлечение – вовлекается в различные занятия, чтобы переключиться с неприятных мыслей. Некоторые предпочитают фокусироваться на собственных переживаниях или разряжать напряжение с помощью юмора.

Половые различия в предпочитаемых копинг-стратегиях и особенностях жизнестойкости после развода

Исследование выявило выраженные половые различия в предпочитаемых копинг-стратегиях после развода (табл. 2). Мужчины чаще прибегают

Табл. 1. Описательные статистики исследования жизнестойкости и копинг-стратегий в целом по выборке
Tab. 1. Resilience and coping strategies: descriptive statistics, total

Переменная	Мода	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение	Ассиметрия	Стандартная ошибка ассиметрии	Экспесс	Стандартная ошибка экспесса	min	max
Вовлеченность	43	34	33,6	11,5	-0,43	0,19	-0,68	0,38	4	52
Контроль	36	27	26	11,1	-0,21	0,19	-0,91	0,38	4	48
Принятие риска	17	14	13,1	7,3	-0,08	0,19	-1,12	0,38	0	29
Жизнестойкость	93	77	72,7	28,0	-0,30	0,19	-0,89	0,38	13	127
Принятие	16	15	13,3	3,2	-1,10	0,19	0,12	0,38	4	16
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	11	11	11,5	2,85	-0,14	0,19	-0,81	0,38	5	16
Обращение к религии	4	8	8,7	4,0	0,43	0,19	-1,07	0,38	4	16
Юмор	12	12	10,8	3,7	-0,38	0,19	-0,79	0,38	4	16
Сдерживание совладания	12	11	11,1	2,25	-0,07	0,19	0,29	0,38	4	16
Использование инструментальной социальной поддержки	16	13	12,4	3,2	-0,66	0,19	-0,38	0,38	4	16
Использование эмоциональной социальной поддержки	15	11	11,1	3,7	-0,29	0,19	-1,17	0,38	4	16
Использование «успокоительных»	4	8	8,6	4,1	0,40	0,19	-1,15	0,38	4	16
Подавление конкурирующей деятельности	12	12	11,4	3,2	-0,36	0,19	-0,61	0,38	4	16
Планирование	16	14	13,6	2,50	-1,05	0,19	0,68	0,38	4	16
Позитивное переформулирование и личностный рост	16	14	13,5	2,35	-0,99	0,19	0,84	0,38	6	16
Мысленный уход от проблемы	8	10	9,7	2,55	-0,01	0,19	-0,48	0,38	4	16
Активное совладание	16	14	13,3	2,57	-0,73	0,19	-0,34	0,38	6	16
Поведенческий уход от проблемы	16	10	10,4	3,6	0,01	0,19	-1,07	0,38	4	16
Отрицание	10	10	10,0	3,4	0,05	0,19	-0,94	0,38	4	16

Табл. 2. Значимость различий в предпочтении копинг-стратегий у мужчин и женщин, переживших развод (n = 161)
Tab. 2. Preferred coping strategies in divorced men and women (n = 161)

Предпочитаемые копинг-стратегии	Средние значения		U	p
	М (n = 61)	Ж (n = 100)		
Использование «успокоительных»	9,66	7,91	3856,50	0,00
Обращение к религии	7,72	9,31	2321,50	0,01
Использование эмоциональной социальной поддержки	8,51	12,63	1113,00	< 0,001
Мысленный уход от проблемы	8,89	10,16	2199,50	0,00
Подавление конкурирующей деятельности	12,16	10,88	3734,00	0,02
Принятие	12,15	13,93	2186,50	0,00
Поведенческий уход от проблемы	9,34	10,99	2241,50	0,01
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	9,46	12,70	1017,50	< 0,001
Использование инструментальной социальной поддержки	11,33	13,07	2086,00	< 0,001

к субстанции-ориентированным методам совладания со стрессом, таким как употребление алкоголя или медикаментов, тогда как женщины применяют эти способы реже. Мужчины демонстрируют меньшую склонность к когнитивному отвлечению, например через сон или фантазии, и проявляют большую настойчивость в достижении целей в стрессовых условиях, в отличие от женщин. При этом они чаще используют поведенческое отвлечение, занимаясь альтернативной деятельностью для снижения стресса. Женщины, напротив, чаще обращаются к религиозному копингу и склонны фиксироваться на негативных событиях. Они также испытывают повышенную потребность в эмоциональной поддержке и чаще ищут совета у окружающих. Эти данные подчеркивают половую специфику копинг-стратегий и их значимость для создания адаптированных программ психологической помощи.

Также были выявлены значимые половые различия в уровне жизнестойкости среди лиц, переживших развод (табл. 3). Мужчины демонстрируют более высокую способность к совладанию со стрессом в различных жизненных ситуациях по сравнению с женщинами. Кроме того, мужчины чаще убеждены

в своей способности влиять на исход событий через личные усилия и решения, тогда как у женщин этот показатель ниже, что свидетельствует о меньшей склонности связывать результаты с собственными действиями.

Полученные данные подтверждают существование двух качественно различных моделей совладающего поведения после развода. Мужская модель может быть охарактеризована как инструментально-избегающая: она ориентирована на самостоятельное регулирование эмоционального состояния через отвлечение (альтернативная деятельность, подавление конкурирующей активности) или использование внешних дезадаптивных регуляторов (вещества). Высокие показатели контроля и общей жизнестойкости у мужчин указывают на их стремление сохранить автономию и воспринимать ситуацию как управляемую, что, однако, может маскировать глубинные переживания. Женская модель является эмоционально-социальной: женщины склонны к интенсивной эмоциональной переработке опыта (концентрация на эмоциях, их выражение), активному поиску социальной поддержки (как эмоциональной, так и инструментальной) и использованию ресурсов смысловой сферы (религия, принятие). Это свидетельствует о большей вовлеченности в процесс переживания горя и потребности в разделении эмоций с социальным окружением.

Исследования Ю. А. Афанасьевой [6] и В. А. Махова [9] эмпирически подтверждают, что мужчины чаще используют избегающие и отвлекающие стратегии, в то время как женщины – эмоционально-ориентированные и социальные. Данный феномен можно объяснить взаимодействием социокультурных стереотипов и психологических особенностей. От мужчин традиционно ожидается сдержанность,

Табл. 3. Анализ половых различий в показателях жизнестойкости (n = 161)
Tab. 3. Resilience profile in divorced men and women (n = 161)

Показатель жизнестойкости	Средние значения		U	p
	М (n = 61)	Ж (n = 100)		
Жизнестойкость	79,98	68,32	3783,00	0,01
Контроль	30,28	23,45	4122,00	< 0,001

самостоятельность в решении проблем и избегание демонстрации слабости, что ведет к подавлению эмоций и поиску «быстрых» способов облегчения состояния. Для женщин же в обществе свойственно выражение эмоций и обращение за помощью, что делает их поведение более гибким и социально опосредованным.

Таким образом, было выявлено, что мужчины и женщины, пережившие развод, существенно различаются в способах преодоления стресса и уровне жизнестойкости: мужчины предпочитают активные методы совладания (например, употребление алкоголя или медикаментов, отвлечение через деятельность) и демонстрируют более высокую уверенность в контроле над исходом событий через собственные усилия, тогда как женщины чаще используют эмоционально-социальные стратегии (обращение к вере, фокусирование на негативных переживаниях, поиск поддержки и советов у окружающих) и проявляют менее выраженную веру в собственную способность влиять на результаты ситуации. Эти половые особенности управления стрессом свидетельствуют о том, что мужчины больше ориентированы на практические действия, а женщины – на эмоциональную регуляцию и межличностное взаимодействие.

Взаимосвязи характеристик семьи с показателями совладания со стрессом и жизнестойкости у мужчин и женщин после развода

Корреляционный анализ семейных характеристик и копинг-стратегий (табл. 4) показал, что число детей от предыдущих отношений прямо связано с частотой использования эмоциональной социальной поддержки и когнитивного принятия стрессовой ситуации. Иными словами, по мере увеличения количества детей от прошлых браков возрастает потребность респондента в сочувствии и эмоциональном ресурсе со стороны окружающих, а также его способность преодолевать жизненные трудности.

Корреляционный анализ выявил ряд статистически значимых, хотя и слабых по силе связей, что позволяет говорить о наличии устойчивой тенденции, согласно которой возраст респондентов и время, прошедшее с момента разрыва предыдущих отношений, положительно связаны с обращением к религиозным практикам в стрессовых ситуациях: более старшие участники и те, кто давно развелся, чаще используют веру и молитву как копинг-механизм. Продолжительность предыдущих отношений прямо коррелирует с применением таких стратегий, как обращение к религии, поиск эмоциональной и инструментальной поддержки,

Табл. 4. Взаимосвязи характеристик семьи с показателями совладания и жизнестойкости

Tab. 4. Family characteristics vs. coping and resilience

Переменная	Количество детей от предыдущего брака	Возраст	Как давно был развод	Продолжительность предыдущего брак	Какой по счету это был брак	Инициатор развода	Наличие детей от предыдущего брака	Наличие проблем в отношениях	Наличие текущих отношений	Продолжительность текущих отношений
Обращение к религии	0,02	0,19*	0,23**	0,17*	-0,23**	-0,06	-0,11	-0,09	-0,04	0,05
Использование эмоциональной социальной поддержки	0,18*	0,01	-0,02	0,19**	-0,28***	-0,26***	-0,23***	-0,26***	-0,05	-0,06
Позитивное переформулирование и личностный рост	-0,01	0,07	0,12	0,03	-0,14	-0,09	0,02	-0,19**	0,00	0,05
Мысленный уход от проблемы	0,10	0,04	-0,12	0,16*	-0,01	-0,19**	-0,25***	-0,07	-0,18**	-0,15
Планирование	-0,02	-0,09	-0,06	0,06	0,06	-0,13	0,07	-0,18**	0,02	-0,04
Принятие	0,15*	0,02	-0,07	0,09	-0,11	0,01	-0,15*	0,11	-0,15	-0,11
Юмор	0,00	0,10	0,09	0,04	0,09	-0,09	0,05	-0,18**	0,21**	0,18**
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	0,13	0,01	0,00	0,17**	-0,21**	-0,26***	-0,17**	-0,19**	-0,03	-0,01
Использование инструментальной социальной поддержки	0,05	0,08	0,04	0,19**	-0,12	-0,16*	-0,11	-0,24***	0,07	0,03
Контроль	-0,05	-0,09	0,00	-0,13	0,17**	0,03	0,13	-0,12	0,04	0,02

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

мысленный уход от проблем и акцент на эмоциональном выражении переживаний. Это свидетельствует о том, что лица с более длительными прошлыми отношениями склонны задействовать религиозные и социальные ресурсы (сочувствие, советы, практическую помощь), а также интеллектуальный или воображаемый уход от стресса и интенсивную эмоциональную переработку.

Количество предыдущих отношений связано с уровнем внутреннего контроля, отражающего уверенность в способности влиять на события и активно противостоять трудностям, но обратно коррелирует с обращением к религии, эмоциональной поддержкой и фокусировкой на негативных эмоциях. Таким образом, с ростом числа прошлых связей усиливается чувство ответственности, снижая зависимость от духовных и социальных ресурсов. Инициатива в расторжении отношений ассоциируется с меньшей склонностью к поиску эмоциональной и инструментальной поддержки, мысленному уходу и эмоциональной экспрессии, что указывает на меньшую потребность в сочувствии, фантазиях или структурированной помощи у тех, кто самостоятельно инициировал развод.

Восприятие проблем в прошлых отношениях демонстрирует обратную связь с рядом стратегий: своевременное распознавание кризиса усиливает использование социальной поддержки, инструментальной помощи, позитивного переформулирования, планирования, юмора и осознанной переработки переживаний, повышая готовность мобилизовать ресурсы для управления стрессом. Наличие текущих отношений связано с частым применением юмора и снижением мысленного ухода через сон или фантазии; длительность таких отношений усиливает эту тенденцию, способствуя реагированию на трудности с легкостью и самоиронией.

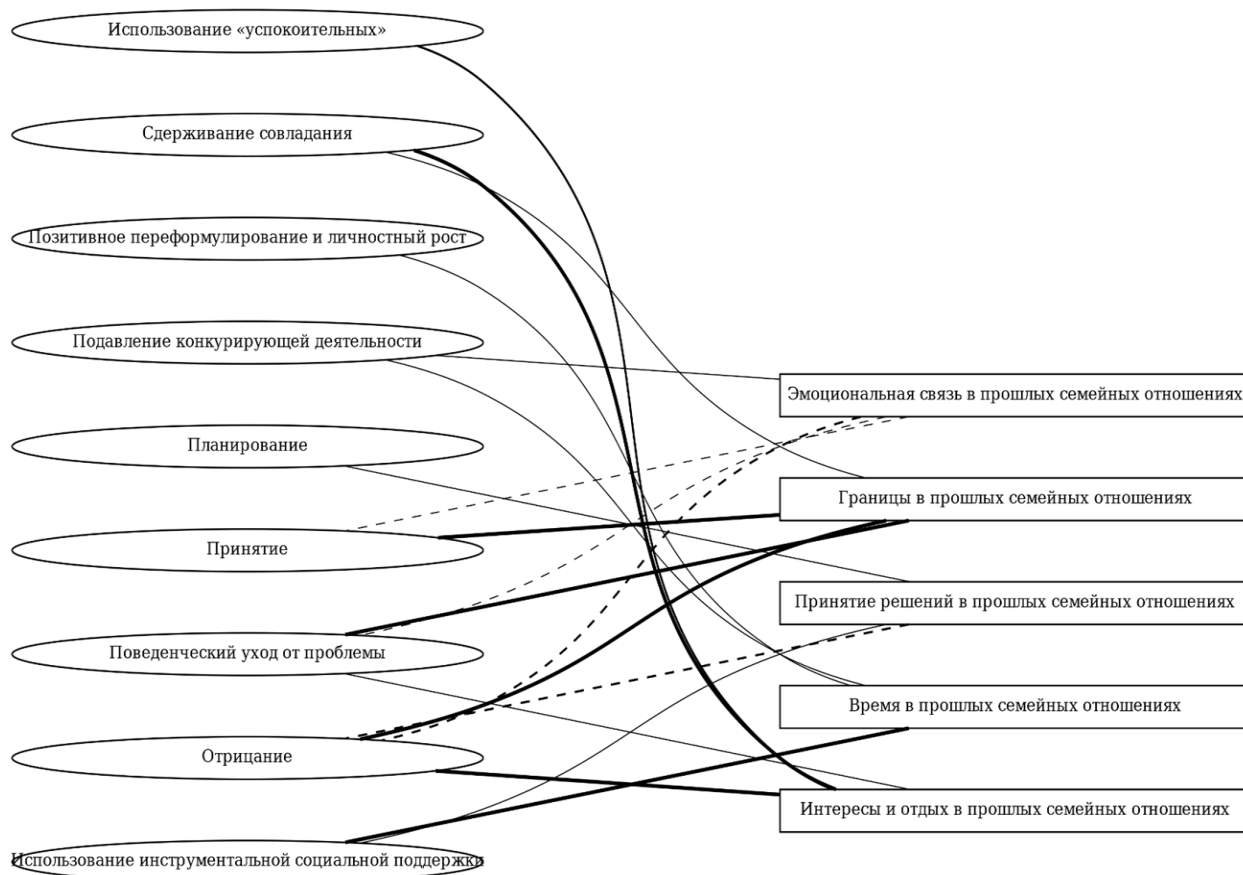
Анализ подтвердил значимость копинг-стратегий, связанных с характеристиками семейных отношений: эмоциональная и инструментальная поддержка, когнитивное принятие, религия, мысленный уход, фокус на эмоциях, позитивное переформулирование, планирование, юмор и контроль как компонент жизнестойкости. Результаты согласуются с выводами Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой и Е. Н. Осина о роли социальных и когнитивных механизмов совладания [17].

Взаимосвязи между копинг-стратегиями, жизнестойкостью и характеристиками прошлых парных отношений

Исследование показало (рис. 1), что сдерживание совладания, ограничивающее действия по преодолению стресса, коррелирует с усилением внутрисемейных границ и повышением активности в совместном

досуге. Стратегии избегания, особенно отрицание, связаны с ослаблением эмоциональной сплоченности, снижением эффективности принятия решений и уменьшением интереса к совместным занятиям. Поведенческий уход от проблем ассоциируется с утратой эмоциональной близости при одновременном укреплении формализованных границ и акценте на индивидуальных интересах и отдыхе. Активные копинг-стратегии, такие как планирование, укрепляют ретроспективные процессы принятия решений, а подавление конкурирующих действий усиливает эмоциональные связи и качество совместного времени. Позитивное переформулирование и личностный рост повышают вовлеченность в коллективный досуг, а поиск инструментальной социальной поддержки улучшает совместное принятие решений и увеличивает время взаимодействия. Активные и смыслоориентированные стратегии способствуют упорядоченной и насыщенной сплоченности в прежних супружеских отношениях, тогда как избегание и отрицание ослабляют эмоциональную близость, размывают семейные границы и ухудшают качество совместной деятельности.

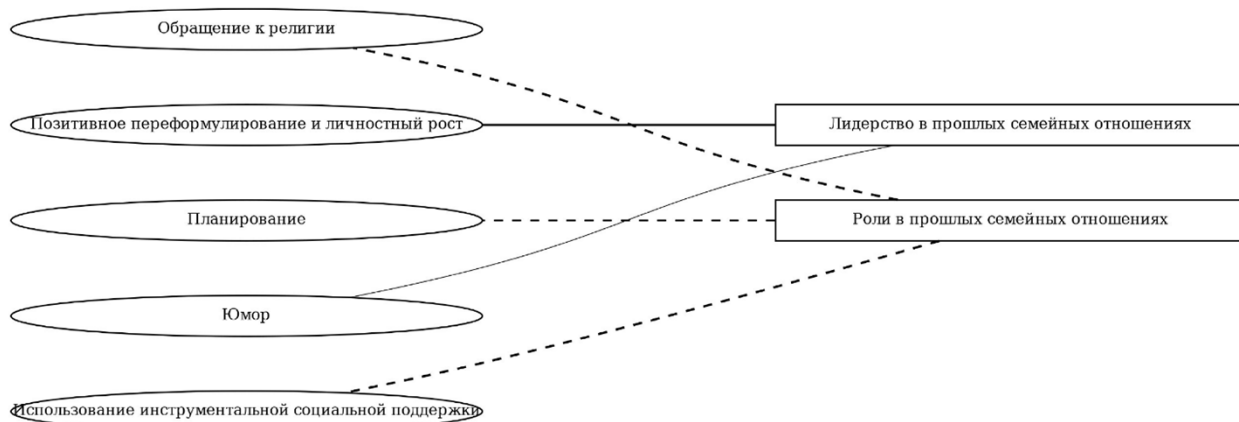
Кроме того, в выборке лиц, переживших развод, исследовались корреляции между стратегиями совладания со стрессом и ретроспективными оценками параметров семейной адаптации в прежних отношениях (рис. 2). Лидерство в прошлом демонстрировало значимую связь со смылоориентированными стратегиями: респонденты, проявлявшие лидерские качества в семье, чаще прибегали к позитивному переформулированию, личностному росту и юмору. Другие копинг-стратегии не показали достоверной корреляции с уровнем лидерства. Параметр *Дисциплина* не выявил значимых связей с копинг-механизмами, хотя наблюдались тенденции к отрицательной зависимости от применения седативных средств и сдерживания. Аналогично правила в прежних отношениях не коррелировали со стратегиями совладания, что указывает на отсутствие прямой взаимосвязи между формализацией семейных норм и способами преодоления стресса. Напротив, распределение ролей в прошлом обнаружило обратную связь с активными стратегиями: частое обращение к религиозным практикам, планированию и инструментальной социальной поддержке ассоциировалось с меньшей жесткостью традиционных ролевых моделей. Таким образом, смылоориентированные и социально-поддерживающие стратегии (позитивное переформулирование, планирование, юмор, инструментальная поддержка) коррелировали с гибкостью ролевой структуры и выраженным лидерством в прошлом, тогда как формальные параметры (*дисциплина* и *правила*) оказались слабо

Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

Рис. 1. Взаимосвязи копинг-стратегий и показателей семейной сплоченности в прошлых отношениях, завершившихся разводом

Fig. 1. Effect of family cohesion in pre-divorce relationships on coping strategies

Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

Рис. 2. Взаимосвязи копинг-стратегий и показателей семейной адаптации в прошлых отношениях, завершившихся разводом

Fig. 2. Effect of family adaptation in pre-divorce relationships on coping strategies

связаны с индивидуальными копинг-стратегиями в послеразводный период.

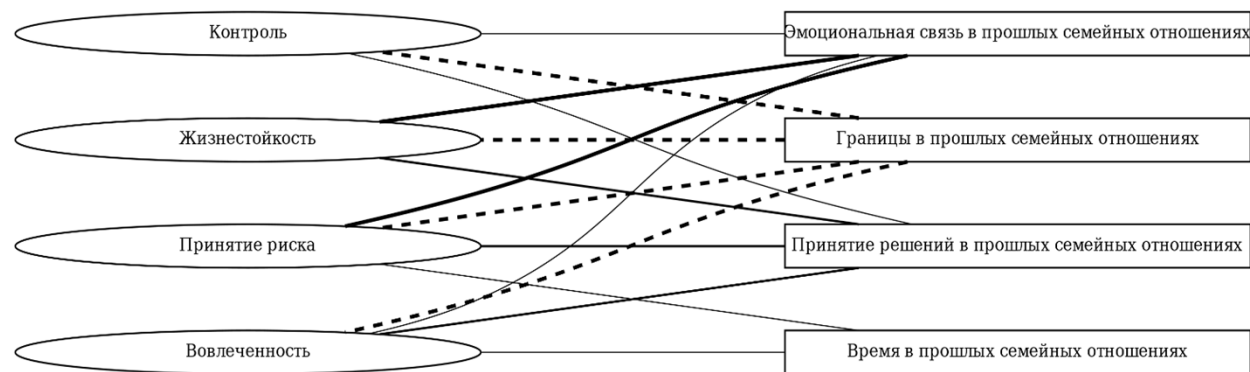
В выборке мужчин и женщин, переживших развод, исследовались взаимосвязи между показателями жизнестойкости и ретроспективными оценками параметров семейной сплоченности в прежних отношениях (рис. 3). Общий уровень жизнестойкости и его компоненты – *Контроль*, *Принятие риска* и *Вовлеченность* – положительно коррелировали с эмоциональной связью и совместным принятием решений, что указывает на то, что лица с более высокими ресурсами жизнестойкости ретроспективно отмечали более тесные эмоциональные узы и способность семьи к совместному решению проблем. Напротив, все показатели жизнестойкости демонстрировали отрицательную корреляцию с четкими семейными границами, свидетельствуя о том, что более структурированная и жесткая система отношений ассоциировалась с меньшим уровнем жизнестойкости. Вовлеченность положительно коррелировала с совместным временем, а принятие риска показало сходную тенденцию, подчеркивая значимость активного участия и гибкости в семейной динамике для формирования жизнестойкости. Однако ни общий уровень жизнестойкости, ни его компоненты не выявили значимых корреляций с параметрами *Друзья* и *Интересы и отдых*, что предполагает меньшую связь этих аспектов семейной сплоченности с личностными ресурсами жизнестойкости в контексте послеразводного опыта.

Таким образом, анализ показал, что активные копинг-стратегии укрепляли сплоченность в прежних браках, в то время как избегание и отрицание снижали эмоциональную близость и качество взаимодействия. Смыслоориентированные и социально-поддерживающие стратегии совладания

были связаны с гибкой ролевой структурой и лидерством. Формальные нормы семьи оказались менее зависимы от стратегий преодоления стресса в послеразводный период. Жизнестойкость способствовала эмоциональной близости и принятию решений в прошлых отношениях, строгие границы оказывали негативное влияние, а аспекты, связанные с социальным кругом и досугом, были менее значимы для восприятия семейной сплоченности.

Взаимосвязи между копинг-стратегиями, жизнестойкостью и характеристиками текущих парных отношений

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между особенностями текущих парных отношений у людей, переживших развод, копинг-стратегиями и уровнем жизнестойкости (рис. 4). Позитивное переформулирование, личностный рост и планирование демонстрируют положительную связь с эмоциональной близостью партнеров, тогда как отрицание связано с ней отрицательно. Показатель *Границы* в семейных отношениях прямо коррелирует с принятием, поведенческим уходом и отрицанием, но имеет обратную связь с позитивным переформулированием, активным совладанием, подавлением конкурирующей деятельности, планированием и юмором. Принятие решений в паре положительно связано с планированием и юмором. Шкала *Время*, отражающая временные аспекты взаимодействия, отрицательно коррелирует с использованием «успокоительных» средств и отрицанием, но положительно – с активным совладанием и планированием. Поддержка дружеских связей усиливается при применении позитивного переформулирования, личностного роста и юмора, но ослабляется при отрицании. Интересы и совместный досуг снижаются

Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

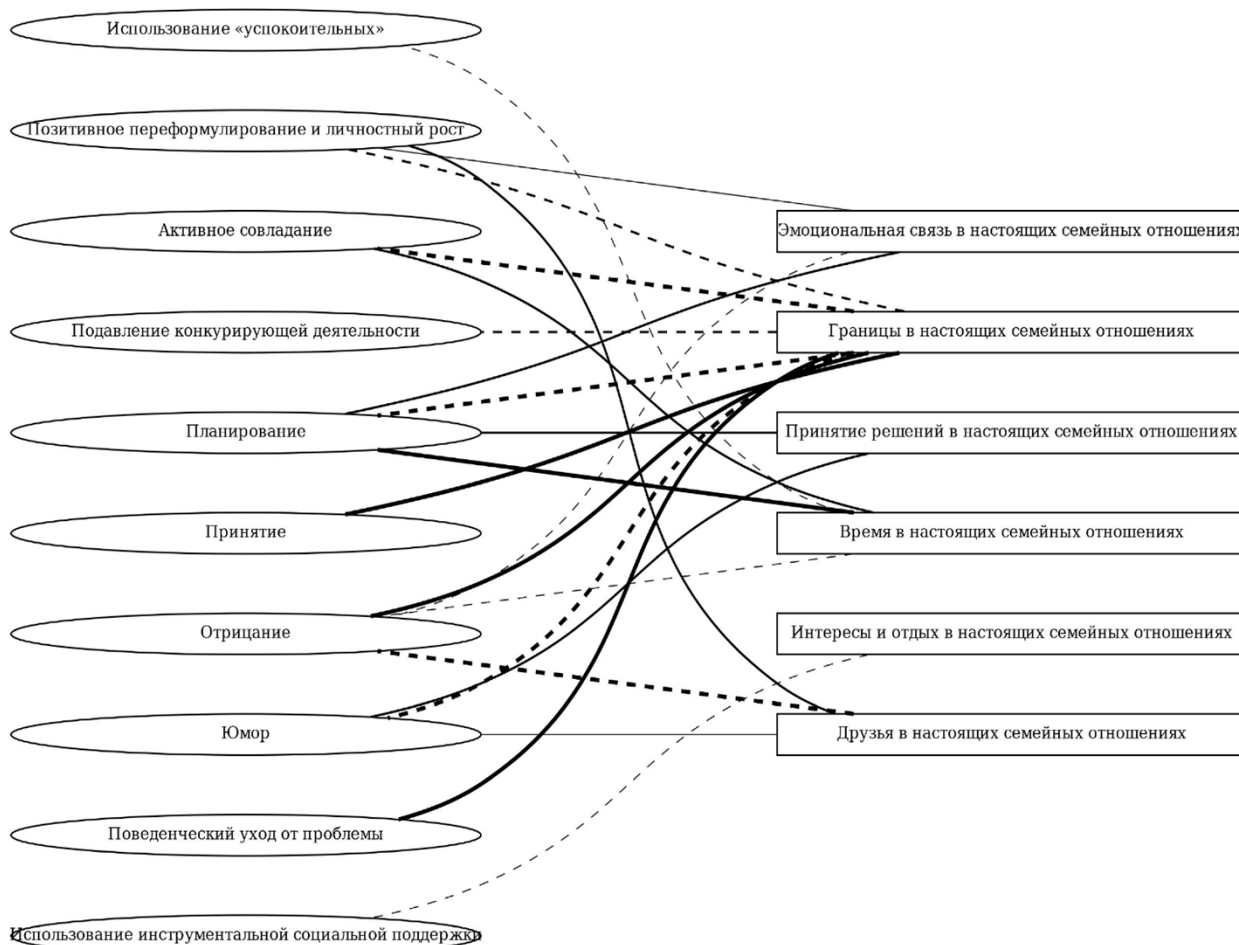
Рис. 3. Взаимосвязи жизнестойкости и показателей семейной сплоченности в прошлых отношениях, завершившихся разводом
Fig. 3. Effect of family cohesion in pre-divorce relationships on resilience profile

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

у респондентов, использующих инструментальную социальную поддержку. Таким образом, смыслоориентированные стратегии (положительное переформулирование, планирование) и юмор способствуют повышению эмоциональной близости, четкости границ, эффективности принятия решений и качества совместного досуга в новых отношениях, тогда как стратегии избегания (отрицание, поведенческий уход) и «успокоительные» средства ассоциируются с ослаблением семейной сплоченности, подчеркивая их негативное влияние на парные взаимоотношения после развода.

Помимо этого, корреляционный анализ (рис. 5) выявил значимые взаимосвязи между стратегиями совладания и характеристиками семейной адаптации в новых отношениях у лиц, переживших развод. Смыслоориентированные стратегии, такие как положительное переформулирование и личностный рост, а также юмор и инструментальная социальная

поддержка, положительно коррелировали с лидерской ролью в паре. Позитивное переформулирование и внешняя поддержка ассоциировались с усилением дисциплины. Показатель *Правила* демонстрировал значимую связь только с отрицанием: более выраженное отрицание сопровождалось менее структурированными правилами взаимодействия. Обратная корреляция распределения ролей наблюдалась с обращением к религии, позитивным переформулированием и планированием, что указывает на меньшую приверженность респондентов, использующих смыслоориентированные стратегии, жестким традиционным ролевым схемам. Напротив, отрицание ассоциировалось с их усилением. Таким образом, активные смыслоориентированные стратегии (положительное переформулирование, планирование, юмор, инструментальная поддержка) способствуют гибкой и конструктивной ролевой структуре, тогда как избегание и отрицание усиливают жесткость

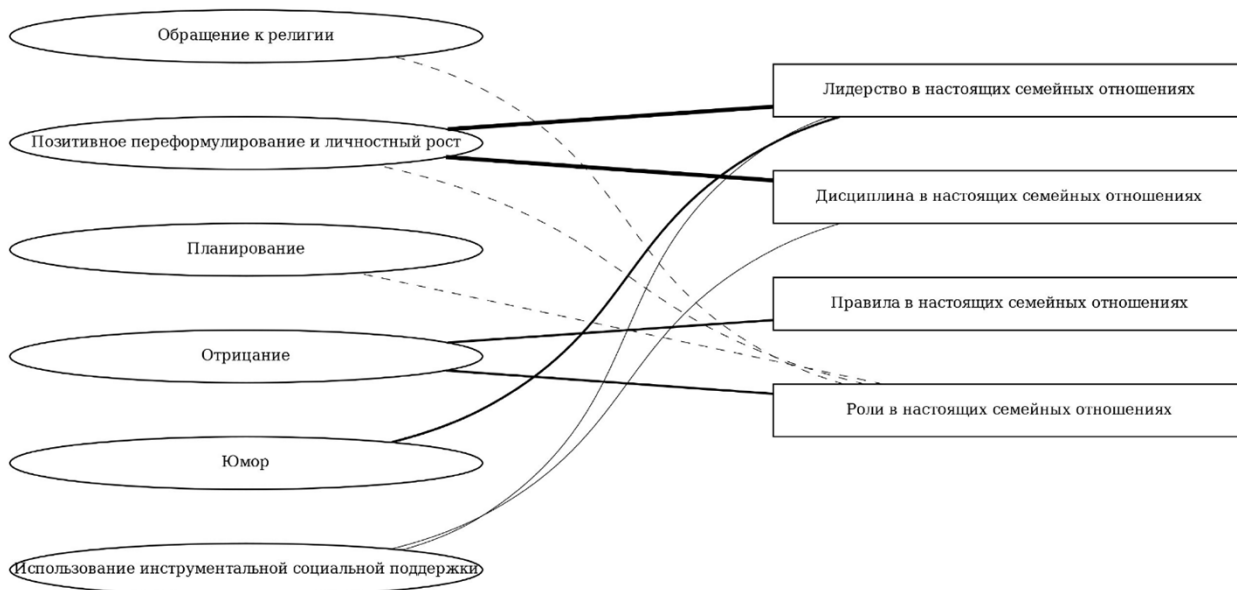
Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

Рис. 4. Взаимосвязи копинг-стратегий и показателей семейной сплоченности в текущих отношениях
 Fig. 4. Correlations between coping strategies and family cohesion in current relationships

ролей и препятствуют формированию зрелых правил взаимодействия.

В выборке мужчин и женщин, переживших развод, выявлены достоверные положительные связи между общим уровнем жизнестойкости и его компонентами и показателями сплоченности текущих партнерских отношений (рис. 6): эмоциональная близость коррелирует со всеми рассматриваемыми

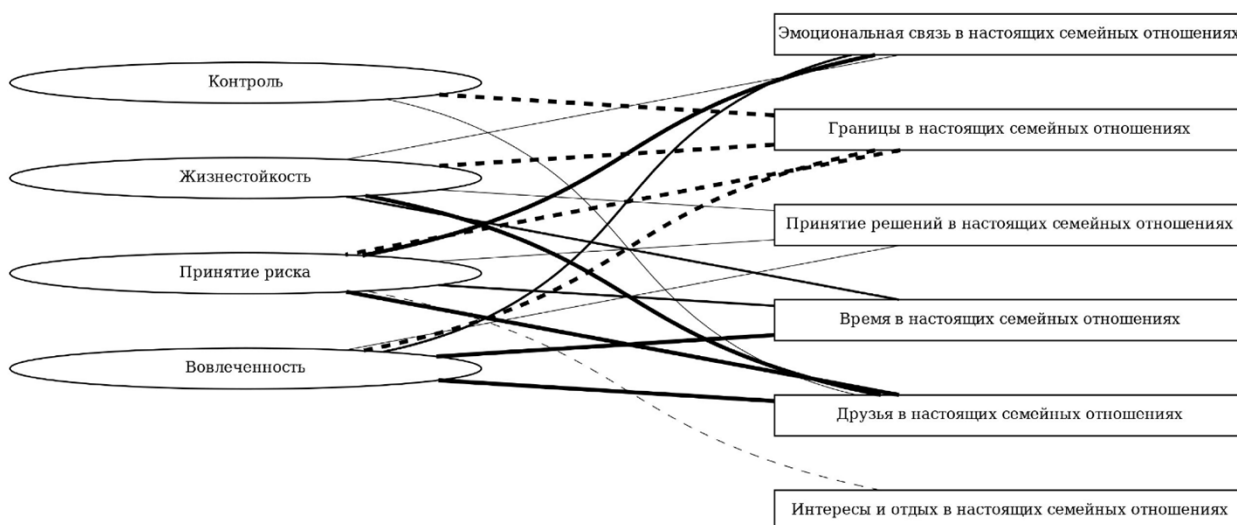
параметрами жизнестойкости, что свидетельствует о способности лиц с высоким адаптационным ресурсом устанавливать теплую эмоциональную связь в браке. Аналогично совместное принятие решений тесно связано с жизнестойкостью, принятием риска и вовлеченностью, тогда как компонент *Контроль* проявляет более слабую корреляцию. Совместное проведение свободного времени наиболее серьезно

Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

Рис. 5. Взаимосвязи копинг-стратегий и показателей семейной адаптации в текущих отношениях

Fig. 5. Correlations between coping strategies and family adaptation in current relationships

Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

Рис. 6. Взаимосвязи жизнестойкости и показателей семейной сплоченности в текущих отношениях

Fig. 6. Correlation between resilience and family cohesion in current relationships

коррелирует с вовлеченностью и готовностью к риску, подчеркивая значимость активного участия в семейных событиях для полноценного досуга. Анализ дружественных контактов внутри семейной среды показал, что жизнестойкость, принятие риска и вовлеченность способствуют поддерживающему общению вне семьи, тогда как *Контроль* демонстрирует менее выраженную связь. При этом принятие риска отрицательно коррелирует с ориентацией на интересы и отдых, что может указывать на снижение акцента на досуговую активность у риско-предрасположенных индивидов. Наконец, все четыре показателя жизнестойкости демонстрируют сильные отрицательные связи с уровнем структурированности семейных границ, что отражает отрицательное восприятие формализованных правил людьми с высоким ресурсом адаптации. Таким образом, смыслоориентированные и активные составляющие жизнестойкости способствуют более насыщенным и эмоционально поддерживающим партнерским отношениям, тогда как строго структурированные семейные границы ассоциируются с пониженным уровнем личностных адаптивных ресурсов.

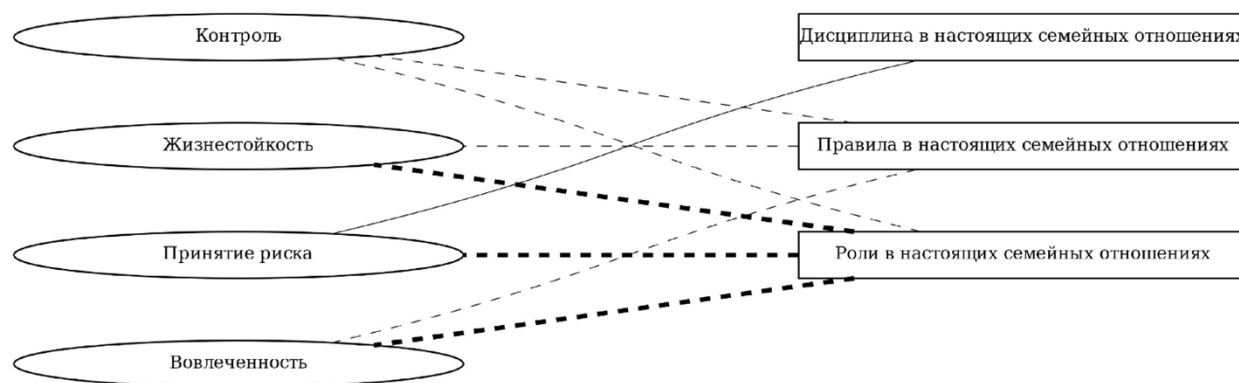
В ходе исследования были выявлены специфические связи между компонентами жизнестойкости и параметрами текущей семейной адаптации (рис. 7). Показатель лидерства не коррелировал с жизнестойкостью. Дисциплина оказалась положительно связанной с готовностью к риску, что указывает на роль стремления к новым вызовам в поддержании порядка и ответственности в отношениях. Строгость правил в паре отрицательно ассоциировалась с контролем, общим ресурсом жизнестойкости и вовлеченностью, отражая тенденцию к жестким семейным нормам у лиц с низкими адаптивными ресурсами. Распределение ролей демонстрировало обратные связи со всеми четырьмя компонентами

жизнестойкости: наиболее сильные отрицательные корреляции наблюдались с общим уровнем жизнестойкости, принятием риска и вовлеченностью, что свидетельствует о том, что высокие личностные ресурсы и активное участие в семейной жизни способствуют гибкости в гендерных и социальных ролях, в отличие от догматичного их распределения.

Связь избегающих стратегий (отрицание, поведенческий уход) с ригидностью границ и низким качеством совместного времени в прошлых отношениях указывает на то, что дезадаптивное совладание и деструктивная семейная система взаимно усиливали друг друга. Партнеры, изначально не способные к открытой коммуникации и эмоциональной близости, при стрессе прибегали к стратегии избегания, что впоследствии разрушало отношения. И наоборот, активные и смыслоориентированные стратегии были связаны с гибкостью и лидерством, что является признаком более здоровой и адаптивной семейной системы.

Можно предположить, что в дисфункциональных семьях с жесткими или, наоборот, размытыми границами не поощряется открытое обсуждение проблем. Это приводит к накоплению невыраженных обид и напряжению. Когда возникает кризис (мысль о разводе), партнеры, не имея навыков конструктивного диалога, используют избегание, что окончательно хоронит отношения. Гибкие же системы, благодаря навыкам переговоров и лидерству, используют кризис для мобилизации ресурсов и активного решения проблем.

Таким образом, смыслоориентированные стратегии (позитивное переформулирование, планирование, юмор, инструментальная поддержка) связаны с более высокой эмоциональной близостью, совместным принятием решений, насыщенным досугом и поддержкой друзей, тогда как стратегии

Прим.: сплошная линия обозначает положительные корреляции, пунктирная линия – отрицательные корреляции, толщина линии меняется в зависимости от уровня значимости (тонкая – $p < 0,05$; средняя по толщине – $p < 0,01$; утолщенная – $p < 0,001$).

Рис. 7. Взаимосвязи жизнестойкости и показателей семейной адаптации в текущих отношениях

Fig. 7. Correlation between resilience and family adaptation in current relationships

избегания (отрицание, уход, «успокоительные») разрушают семейную сплоченность. Аналогичная картина наблюдается при оценке жизнестойкости: ее общий уровень и компоненты (контроль, принятие риска, вовлеченность) усиливают эмоциональную связь, совместное принятие решений, время вместе и дружескую поддержку, но отрицательно коррелируют со строгой системой семейных границ. Готовность к риску способствует дисциплине в паре, а высокий уровень жизнестойкости и смыслоориентированные стратегии – гибкости в распределении ролей, тогда как отрицание и отсутствие адаптивного копинга укрепляют жесткую ролевую структуру и формализацию правил взаимодействия. Высокий уровень жизнестойкости и способность к конструктивному реагированию на стресс становятся значимыми факторами поддержания и развития здоровых отношений в новых семьях. Данный вывод согласуется с результатами исследования Е. В. Куфтяк в области семейного благополучия [15].

Показатели семейной сплоченности и адаптации в прошлых (завершившихся разводом) и настоящих парных отношениях

Анализ различий в восприятии семейной сплоченности и адаптации в прошлых отношениях, завершившихся разводом, и текущих отношениях показал ряд значимых различий (табл. 5). В настоящее время респонденты отмечают более прочную эмоциональную связь с партнером по сравнению с прошлыми отношениями. Совместное принятие решений также стало более выраженным в текущих отношениях, как и стремление партнеров проводить время вместе. Но стоит указать, что, несмотря на общую положительную динамику, в прошлых отношениях отмечалось большее количество общих интересов, чем в настоящих. Однако в целом уровень семейной сплоченности в текущих отношениях оценивается выше, чем в предыдущих.

Что касается аспектов семейной адаптации, в прошлых отношениях наблюдалось более четкое распределение ролей и более строгое соблюдение правил. В то же время нынешние отношения характеризуются более высоким уровнем дисциплины и более выраженным лидерством одного из партнеров. Совокупность этих факторов отражается в показателях гибкости отношений: текущие отношения респонденты воспринимают как более гибкие, чем прошлые. Современные тенденции в семейной психологии подчеркивают переход от традиционной доминантно-зависимой модели (с четким разделением ролей) к партнерской модели (с гибким распределением обязанностей). В партнерской модели роли супругов носят сменяемый характер, а обязанности и время на их выполнение делятся примерно поровну [19]

Табл. 5. Сравнительный анализ показателей семейной сплоченности и адаптации в прошлых (завершившихся разводом) и настоящих парных отношениях
Tab. 5. Family cohesion vs. pre-divorce adaptation and current relationships

Показатели сплоченности и адаптации	Средние значения		W	p
	Настоящие отношения	Прошлые отношения		
Сплоченность	33,45	31,64	2953,5	0,00
Лидерство	6,89	6,19	1762,0	0,01
Контроль	7,16	6,68	1760,0	0,12
Друзья	3,69	3,73	915,0	0,82
Уровень гибкости	29,79	28,18	3088,0	0,01
Время	3,91	3,53	1570,5	0,00
Эмоциональная связь	11,2	8,91	3482,0	0,00
Роли	7,28	8,25	970,0	0,00
Дисциплина	6,08	4,39	2898,0	0,00
Правила	2,38	2,67	454,0	0,01
Интересы и отдых	6,05	6,52	621,0	0,01
Принятие решений	3,85	3,27	1751,5	0,00
Границы	5,74	58,68	1620,5	0,68

Полученные результаты соотносятся с исследованиями, которые показывают, что многие люди после развода вступают в новые браки или партнерства, которые часто оказываются более удовлетворительными и гармоничными по сравнению с предыдущими отношениями. При этом бывшие супруги часто подчеркивают повышение уровня взаимопонимания и эмоциональной близости в новых отношениях [20]. Согласно теоретическим представлениям, вторые браки могут сопровождаться большей интимностью, чем первые. Иными словами, пары после развода нередко отмечают более теплые и доверительные отношения по сравнению с первым браком [21].

Таким образом, результаты сравнения восприятия семейной сплоченности и адаптации в прошлых отношениях, завершившихся разводом, и в текущих партнерствах свидетельствуют о значимых изменениях в сторону улучшения. Текущие отношения характеризуются более высокой эмоциональной близостью, активным совместным принятием решений и стремлением партнеров проводить время вместе, что в целом обеспечивает рост уровня сплоченности по сравнению с прошлым.

Вместе с тем в прежних отношениях наблюдалось больше общих интересов, хотя их обобщенный вклад в сплоченность был ниже. Что касается адаптации, то распределение ролей и соблюдение правил в прошлом было более жестким, тогда как в настоящее время отношения демонстрируют повышенную дисциплину и выраженное лидерство одного из партнеров. Однако следует уточнить, что сравнительный анализ восприятия прошлых и нынешних отношений мог подвергнуться влиянию когнитивных искажений. В частности, текущие отношения могут оцениваться более позитивно не только в силу их объективно более высокого качества, но и благодаря эффекту новизны, контрасту с негативным опытом предыдущего брака и социальной желательности. Данное ограничение является общим для исследований, построенных на ретроспективной оценке.

Тот факт, что респонденты оценивают текущие отношения как более сплоченные, гибкие и эмоционально близкие, даже с учетом эффекта «розовых очков», указывает на реальный личностный рост и обучение на основе прошлого опыта. Люди не просто меняют партнера, они меняют модель отношений, сознательно или бессознательно избегая паттернов, приведших к краху предыдущего брака. Меньшее количество общих интересов при более высокой общей оценке может свидетельствовать о смещении акцента с формальной общности (совместное хобби) на качество эмоциональной коммуникации и совместное принятие решений. Можно предположить, что люди, прошедшие через развод, более осознанно подходят к выбору нового партнера, ища того, кто готов к построению более здоровых отношений. Возможно, происходит коррекция: они привносят в новые отношения усвоенные уроки, намеренно избегая деструктивных паттернов прошлого (например, жесткого распределения ролей) и целенаправленно развивая то, чего не хватало (эмоциональная близость, совместное время) [22–25].

Заключение

Полученные данные подчеркивают и подтверждают важность осознания и проработки травматического опыта прошлых отношений для построения здоровых и устойчивых текущих союзов. Осознание деструктивных моделей, перенесенных из предыдущих браков, позволяет партнерам эффективнее справляться с конфликтами, укреплять эмоциональную связь и повышать удовлетворенность отношениями. Помимо этого, результаты исследования акцентируют внимание на половых различиях в стратегиях совладания: понимание этих различий помогает партнерам более чутко

реагировать на потребности друг друга, избегать недопониманий и создавать поддерживающую атмосферу в семье. Учет индивидуальных особенностей каждого супруга при выборе стратегий преодоления трудностей способствует формированию более гармоничных и эффективных способов решения проблем.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут служить основой для разработки программ профилактики разводов и укрепления партнерских отношений. Особое внимание следует уделять работе с травматическим опытом прошлых союзов, формированию конструктивных стратегий совладания со стрессом и развитию эмоциональной близости между партнерами. Понимание взаимосвязи между прошлым опытом, стратегиями преодоления трудностей и уровнем жизнестойкости позволяет людям более осознанно выстраивать свои отношения, избегать повторения негативных сценариев и создавать более гармоничную семейную жизнь.

Таким образом, результаты данного исследования подтверждают, что жизнестойкость и адаптивные копинг-стратегии в сочетании с семейными характеристиками влияют на успешную адаптацию после развода и на общее благополучие семьи. На основе полученных данных можно рекомендовать разработку психологических программ для разведенных семей, направленных на укрепление взаимопонимания и ресурсов совладания, что будет способствовать формированию здоровых, устойчивых отношений в новых семьях.

Перспектива работы видится в продолжении исследований в этой области с акцентом на специфические факторы укрепления семейного благополучия после кризиса.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. О. Пузырёва – концептуализация, обработка данных, формальный анализ, методология, проверка. И. А. Миткевич – написание статьи и подготовка окончательной редакции текста, визуализация.

Contribution: L. O. Puzyreva was responsible for the research concept, data processing, formal analysis, methodology, and verification. I. A. Mitkevich wrote the manuscript, proofread the final version, and provided visualization.

Литература / References

1. Берсирова А. К. Сплоченность как фактор позитивных отношений в семье в условиях неопределенности: представления молодых людей. *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*. 2023. Т. 6. № 4. С. 10–16. [Bersirova A. K. Cohesion as a factor of positive family relations in conditions of uncertainty: Young people's ideas. *Innovatsionnaya nauka: Psikhologiya, Pedagogika, Defektologiya*, 2023, 6(4): 10–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-10-16>
2. Гурко Т. А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2021. № 1. С. 45–53. [Gurko T. A. Children's well-being in various family structures: A review of foreign research results. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2021, (1): 45–53. (In Russ.)] https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_45
3. Ильина В. В. Подходы к пониманию кризиса личности в современной психологии. *Актуальные проблемы психологического знания*. 2015. № 1. С. 7–12. [Ilyina V. V. Approaches to the personality crisis understanding in the contemporary psychology. *Actual Problems of Psychological Knowledge*, 2015, (1): 7–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnrhxz>
4. Ипполитова Е. А., Шведенко Ю. В. Особенности кризисного состояния мужчин и женщин в ситуации распада молодой семьи. *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 5. С. 169–172. [Ippolitova E. A., Shvedenko Y. V. Specifics the crisis of the men and women in situation of collapse of a young family. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya*, 2011, (5): 169–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okanlb>
5. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 184 с. [Gurko T. A. *Theoretical approaches to family studies*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2010, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pynjkk>
6. Афанасьева Ю. А. Психологическая специфика копинг поведения мужчин и женщин. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Т. 10. № 4. С. 6–11. [Afanasieva Yu. A. Psychological specifics of coping behavior of men and women. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2019, 10(4): 6–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njdonm>
7. Даренских С. С., Ипполитова Е. А., Гурова О. С. Ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив женщин с разным социальным статусом. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2. С. 363–365. [Darenskih S. S., Ippolitova E. A., Gurova O. S. Value-semantic content of life prospects of women with different social status. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, 7(2): 363–365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xulhlv>
8. Семенова М. Н., Старцева К. Н. Особенности эмоциональной сферы у мужчин после развода и у мужчин, состоящих в браке. *Вестник Прикамского социального института*. 2023. № 3. С. 94–100. [Semenova M. N., Startseva K. N. Features of the emotional sphere in men after divorce and in men who are married. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2023, (3): 94–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/itodmq>
9. Махов В. А. Гендерные особенности переживания психотравмы развода. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 69-3. С. 295–298. [Makhov V. A. Gender features of the psycho-trauma of divorce. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2020, (69-3): 295–298. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpkkra>
10. Трухова Т. С. Особенности ценностно смысловой сферы у женщин, состоящих в браке и переживших развод. *Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология*. 2020. № 4. С. 50–55. [Trukhova T. S. Peculiarities of value and sense sphere in women in marriage and having divorce. *Syktvykar University Bulletin. Series 2: Biology. Geology. Chemistry. Ecology*, 2020, (4): 50–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kaccvt>
11. Булгакова О. С., Николаев В. И., Денисенко Н. П., Сибидев О. П. Особенности выбора копинг-стратегий у разведенных мужчин и женщин, находящихся в состоянии психоэмоционального стресса. *Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова*. 2015. Т. 7. № 2. С. 97–101. [Bulgakova O. S., Nikolaev V. I., Denisenko N. P., Sibidev O. P. The coping strategies choice in the psycho-emotional stress among menand women outside of marriage. *Herald of North-Western State Medical University Named After I. I. Mechnikov*, 2015, 7(2): 97–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzaghw>
12. Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Психология совладания с завершением близких отношений. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2015. Т. 21. № 4. С. 117–124. [Yekimchik O. A., Kryukova T. L. Coping with close relationship dissolution. *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, 2015, 21(4): 117–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkdxyd>

13. Калашникова М. Б., Петрова Е. А. Особенности защитного и совладающего поведения взрослых, имеющих травматический опыт. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 5. С. 93–98. [Kalashnikova M. B., Petrova E. A. Features of protective and coping behavior of adults with traumatic experience. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, (5): 93–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2022.5.13>
14. Капашева Г. А., Бурленова С. О., Барикова А. Р. Психологические особенности копинг-стратегий у разведенных женщин. *Инновационная наука*. 2016. № 6-3. С. 224–226. [Kapasheva G. A., Burlenova S. O., Barikova A. R. Psychological features of coping strategies in divorced women. *Innovation Science*, 2016, (6-3): 224–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcagdnd>
15. Куфтык Е. В. Семейное совладание: концептуальные положения и исследование. *Человек. Сообщество. Управление*. 2012. № 2. С. 16–30. [Kuftyak E. V. Family coping: Conceptual provisions and research. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*, 2012, (2): 16–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pytpul>
16. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с. [Leontiev D. A., Rasskazova E. I. *The resilience test*. Moscow: Smysl, 2006, 63. (In Russ.)]
17. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE. *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118. [Rasskazova E. I., Gordееva T. O., Osin E. N. Coping strategies in the structure of activity and selfregulation: Psychometric properties and applications of the COPE inventory. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2013, 10(1): 82–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyzbybt>
18. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2007. 352 с. [Eidemiller E. G., Dobryakov I. V., Nikolskaya I. M. *Family diagnosis and family psychotherapy*. St. Petersburg: Rech, 2007, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxrojz>
19. Клѣцина И. С. Ситуация развода как предмет отечественных социологических и социально психологических исследований семейных отношений. *Социальная психология и общество*. 2015. Т. 6. № 3. С. 30–45. [Klyotsina I. S. Divorce as a subject of domestic sociological and socio-psychological family studies. *Social Psychology and Society*, 2015, 6(3): 30–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2015060303>
20. Krumrei E., Coit C., Martin S., Fogo W., Mahoney A. Post-divorce adjustment and social relationships: A meta analytic review. *Journal of Divorce & Remarriage*, 2007, 46(3-4): 145–166. https://doi.org/10.1300/J087v46n03_09
21. Allgood S. M. *A study of intimacy in first married and remarried couples*. Montana: Montana State University, 1985, 65.
22. Микаэлян Л. Л. Роль надежной привязанности в терапии травмы. Эмоционально фокусированный подход. *Психология и психотерапия семьи*. 2020. № 1. С. 12–33. [Mikayelyan L. L. The role of reliable attachment in trauma therapy. emotionally focused approach. *Psikhologiya i psikhoterapiya semi*, 2020, (1): 12–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwpfrrl>
23. Одинцова М. А., Радчикова Н. П., Куляцкая М. Г. Стили преодоления травматического жизненного события в авторских сказках юношей и девушек. *Клиническая и специальная психология*. 2017. Т. 6. № 4. С. 90–104. [Odintsova M. A., Radchikova N. P., Kulyatskaya M. G. Coping styles of young people dealing with traumatic events reflected in fairy tales. *Clinical Psychology and Special Education*, 2017, 6(4): 90–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2017060407>
24. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Фести П. Влияние распада брака на профессиональную карьеру мужчин и женщин. *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*, ред. С. В. Захаров, Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: НИСП, 2009. С. 291–322. [Korchagina I. I., Prokofieva L. M., Festi P. The impact of marriage breakdown on the professional careers of men and women. *Parents and children, men and women in family and society*, eds. Zakharov S. V., Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. Moscow: NISP, 2009, 291–322. (In Russ.)]
25. Баранов А. А., Протопопова Г. Л. Влияние переживания ситуации расторгнутого брака на временную перспективу личности. *Ярославский педагогический вестник*. 2023. № 1. С. 116–125. [Baranov A. A., Protopopova G. L. The influence of experiencing the situation of a dissolved marriage on the time perspective of the individual. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2023, (1): 116–125. (In Russ.)] https://doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_116_125

оригинальная статья

eLibrary EDN: IAVBTN

Влияние стресс-индуцированных маркетинговых стимулов на оперативную память потребителей товаров повседневного спроса

Самоходкин Евгений Вячеславович

Государственный университет управления, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3901-4969

<https://orcid.org/0000-0003-3791-0123>

rodentforme@gmail.com

Аннотация: Данная работа раскрывает, каким образом три стресс-индуцированных маркетинговых стимула – страх упущенной выгоды (fear of missing out, FOMO), акцент на потенциальных потерях (loss aversion) и угроза потери социальной идентичности – модулируют вербальные компоненты рабочей памяти взрослых потребителей. Теоретическое обоснование опирается на междисциплинарную рамку маркетинга и когнитивной психологии и исходит из того, что эмоционально нагруженные маркетинговые стимулы выступают кратковременными стрессорами, способными снижать объем рабочей памяти и эффективность когнитивного контроля; в результате потребитель хуже осуществляет рациональную обработку информации и критическую оценку предложений. В данной логике стимулы рассматриваются как факторы, перераспределяющие ограниченный ресурс внимания между операциями обновления и вербального удержания. Новизна исследования заключается в дифференциации когнитивных последствий острых, а не хронических стрессоров маркетингового происхождения. Цель – выявить взаимосвязи стресс-индуцированных маркетинговых стимулов (FOMO, страх потери и угроза социальной идентичности) и изменения когнитивных процессов потребителей товаров повседневного спроса. В эксперименте приняли участие 126 респондентов в возрасте 21–50 лет. До и после десятиминутной экспозиции стандартизированных рекламных материалов участники выполняли визуальные задачи 2- и 3-back, а также тесты на прямое и обратное воспроизведение рядов цифр. Нормальность распределений проверялась критерием Андерсона-Дарлинга; дальнейший анализ зависимых выборок осуществлялся непараметрическими и параметрическими методами. Полученные данные демонстрируют разноспецифические профили ухудшения: кратковременное переживание FOMO избирательно снижает точность обновления последовательностей и сокращает оба показателя объема оперативной памяти; стимул потерь преимущественно уменьшает пассивное хранение, незначительно затрагивая исполнительные операции; угроза статусной несостоятельности вызывает наибольшее общее падение, одновременно обедняя буферную и обновляющую составляющие при максимальных эффектах. Практическая значимость исследования состоит в возможности прогнозировать, какие рекламные сообщения критически истощают ресурс внимания и требуют регулятивных ограничений. Рекомендуется дальнейшая валидация эффектов с нейрофизиологическим мониторингом, расширением возрастного диапазона и межкультурным сравнением восприимчивости.

Ключевые слова: оперативная память, когнитивные функции, fear of missing out (FOMO), loss aversion, угроза социальной идентичности, потребительское поведение

Цитирование: Самоходкин Е. В. Влияние стресс-индуцированных маркетинговых стимулов на оперативную память потребителей товаров повседневного спроса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 225–235. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-225-235>

Поступила в редакцию 02.08.2025. Принята после рецензирования 29.09.2025. Принята в печать 06.10.2025.

original article

Stress-Inducing Marketing Stimuli: Implications for Consumer Working Memory in Fast-Moving Consumer Goods

Evgeniy V. Samokhodkin

State University of Management, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3901-4969

<https://orcid.org/0000-0003-3791-0123>

rodentforme@gmail.com

Abstract: Stress-inducing marketing incentives include the fear of missing out (FOMO), loss aversion, and social identity threat. These three fears modulate the verbal working-memory components in adult consumers. The theoretical rationale draws on an interdisciplinary framework bridging marketing and cognitive psychology: emotionally charged marketing stimuli function as acute stressors capable of reducing working-memory capacity and the efficiency of cognitive control. As a result, FMCG consumers demonstrate less rational information processing and less critical evaluation of offers. Within this framework, the stimuli are factors that reallocate limited attentional resources between updating operations and verbal maintenance in working memory. The article describes the correlations between the stress-induced marketing stimuli (FOMO, fear of loss, threat to social identity) and the changes in the cognitive patterns in FMCG consumers. The study involved 126 participants aged 21–50, who completed two visual n-back tasks (2- and 3-step) followed by forward and backward digit-span tests before and after a ten-minute exposure to standardized advertising stimuli embodying each frame. Data distribution was verified using Anderson–Darling diagnostics, with differences assessed via Wilcoxon signed-rank or paired t-tests. The findings reveal differentiated impairment profiles. An acute FOMO induction selectively diminishes sequence updating accuracy and reduces both span measures. Loss aversion framing lowers passive verbal storage with a limited impact on executive updating. Social identity threat produces the broadest deterioration, simultaneously depleting buffer and updating functions, with the strongest effects. The practical relevance emerges in predicting which promotional messages critically drain attentional resources and therefore merit regulatory scrutiny. Future research should incorporate neurophysiological monitoring, broader age demographics, and cross-cultural examinations of susceptibility to stressful marketing communications.

Key words: working memory, cognitive functions, fear of missing out (FOMO), loss aversion, social identity threat, consumer behavior

Citation: Samokhodkin E. V. Stress-Inducing Marketing Stimuli: Implications for Consumer Working Memory in Fast-Moving Consumer Goods. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 225–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-225-235>

Received 2 Aug 2025. Accepted after review 29 Sep 2025. Accepted for publication 6 Oct 2025.

Введение

Современные маркетинговые коммуникации опираются на психологические стимулы, вызывающие стресс и тревожность у потребителей. Три важных триггера, широко применяемых для побуждения аудитории к немедленному действию, – это страх упустить выгоду (концепция fear of missing out, FOMO), страх потери (loss aversion), а также угроза потери социальной идентичности. Каждый из этих стимулов апеллирует к базовым когнитивно-эмоциональным реакциям человека и способен повлиять на принятие решений.

FOMO характеризуется беспокойством по поводу того, что другие могут получить ценный опыт или преимущества, которые проходят мимо данного человека. Liu X. и коллеги определяют этот триггер

как рассеянную тревогу, возникающую тогда, когда человек боится упустить позитивные переживания других людей [1]. В условиях современной «экономики внимания» эффект FOMO усиливается социальными медиа: более половины людей признают, что опасаются пропустить важные события или новости, если не будут постоянно следить за обновлениями в социальных сетях. Это подчеркивает, насколько сильно чувство исключенности из событий (так называемая *социальная исключенность*) влияет на современного потребителя. Страх упустить возможность искусственно нагнетается посредством ограниченных по времени предложений, эксклюзивных распродаж и подчеркивания высокой востребованности товара [2]. Такой подход создает

ощущение срочности, заставляя потребителя переживать, что без немедленной покупки он лишится чего-то ценного.

Не менее значимым является стимул *страх потери*. Выступая отражением эффекта избегания потерь, описанного D. Kahneman и A. Tversky [3], он опирается на склонность людей сильнее переживать о потерях, чем радоваться эквивалентным приобретениям [4]. Это означает, что сообщение, сфокусированное на возможных потерях, воспринимается более убедительно, чем сообщение о таких же потенциальных выгодах. Данная особенность активно интегрируется в маркетинговые кампании: например, указывается, что *товара осталось всего 2 штуки*, предлагаются ограниченные по времени скидки или внушают, что без перехода на новый тариф клиент *теряет X рублей в месяц*. Подобные тактики вызывают у потребителя стресс и желание любой ценой избежать упускаемой выгоды или прямого убытка [5].

Наконец, угроза потери социальной идентичности апеллирует к страху исключения из группы и утраты чувства принадлежности. Человек – социальное существо, и чувство социальной исключенности может побуждать его к определенным действиям, направленным на сохранение статуса в референтной группе [6]. Маркетинговые сообщения зачастую намекают, что без обладания тем или иным продуктом потребитель рискует «выпасть» из круга своих друзей или коллег, потеряв часть своей социальной идентичности [7]. Исследования подтверждают, что даже неочевидные угрозы потери идентичности способны влиять на выбор: например, работа K. White и J. Argo показала, что кратковременное подрывание самооценки половой принадлежности заставляет потребителей с пониженной коллективной самооценкой избегать товаров, символически ассоциированных с данной идентичностью; выбор смещается в пользу нейтральных или «безопасных» альтернатив, тогда как лица с высокой коллективной самооценкой сохраняют исходные предпочтения [8]. Также лабораторные эксперименты D. J. Benjamin и коллег выявили, что простое примирение этнической или расовой идентичности, не сопровождаемое явным негативным содержанием, уже модифицирует фундаментальные экономические параметры – субъекты принимают более терпеливые или, напротив, более риск-избегающие решения в зависимости от норм, предписываемых активированной группе [9]. В потребительской сфере схожий механизм проявляется, когда люди совершают покупки, чтобы соответствовать группе и не ощущать себя исключенными.

Таким образом, в совокупности FOMO, страх потери и социально-психологические факторы

принадлежности создают мощное эмоциональное давление, которое может изменять поведение потребителей – нередко приводя к импульсивным решениям, финансовому перенапряжению и чувству тревоги.

Актуальность изучения влияния указанных стимулов обусловлена как научным, так и практическим интересом. С одной стороны, междисциплинарный подход, объединяющий маркетинг и когнитивную психологию, позволяет выявить, каким образом стрессовые маркетинговые стимулы влияют на изменение когнитивных процессов. В работе C. F. Geißler и соавторов показано, что сильные эмоции и стресс могут снижать объем рабочей памяти и эффективность когнитивного контроля [10]. Это означает, что потребитель, находящийся под воздействием агрессивных маркетинговых стимулов (например, ощущающий дефицит времени или опасение потерять статус), потенциально менее способен к рациональной обработке информации и критическому анализу предложения. С другой стороны, понимание данных эффектов имеет прикладное значение для разработки этических маркетинговых стратегий и повышения потребительской грамотности. Если будет показано, что подобные стимулы статистически значимо ухудшают когнитивные показатели (в частности, сокращают объем кратковременной памяти), то это станет аргументом в пользу более ответственного использования агрессивного маркетинга и разработки мер защиты потребителей.

Цель исследования – выявить взаимосвязи стресс-индуцированных маркетинговых стимулов (FOMO, страх потери и угроза социальной идентичности) и изменения когнитивных процессов потребителей товаров повседневного спроса. Для достижения этой цели реализовано экспериментальное исследование, в котором оцениваются изменения результатов ряда классических когнитивных тестов до и после воздействия маркетингового стимульного материала.

Задачи:

- 1) обоснование выбора возрастной категории и характеристик выборки респондентов;
- 2) обоснование выбора методик (когнитивных тестов) для оценки изменчивости функции рабочей памяти под влиянием стрессовых стимулов;
- 3) проведение эксперимента с измерением когнитивных показателей до и после экспозиции стимулов;
- 4) статистический анализ полученных данных;
- 5) интерпретация результатов в контексте существующих научных представлений и сравнение с данными других исследований.

Настоящее исследование имеет междисциплинарный характер, находясь на стыке когнитивной психологии, маркетинга и социальной психологии.

В рамках когнитивной психологии термин *рабочая память* трактуется как динамическая система временного хранения и одновременной переработки информации, обслуживающая текущую мыслительную деятельность; ее функциональная архитектура развернута в подробных моделях, фиксирующих центральный исполнитель и модальные буферы. Понятие *оперативная память* в русскоязычной традиции обозначает близкую по смыслу способность кратковременно удерживать актуальные данные, однако не сопровождается столь детальной структурной спецификацией и, как правило, акцентирует лишь компонент хранения.

В данном исследовании термины *рабочая память* и *оперативная память* рассматриваются как взаимозаменяемые, поскольку речь идет о коротком «временном окне» активации информации, критически значимой для решения задачи. Тем не менее дальнейший текст опирается преимущественно на словосочетание *рабочая память* как на более разработанную концептуальную рамку, позволяющую интерпретировать экспериментальные эффекты через взаимодействие исполнительного механизма и модально-специфических буферов – характеристик, отсутствующих в описательной традиции оперативной памяти. Такой выбор обеспечивает терминологическую прозрачность и теоретическую обоснованность обсуждения когнитивных последствий стресс-индуцированных маркетинговых стимулов.

Методы и материалы

Исследование было проведено в период с марта по апрель 2025 г. В нем приняли участие 126 респондентов в возрасте 21–50 лет включительно (средний возраст 34,2 года, SD ≈ 8,5). Половой состав сбалансирован: 52,38 % участников мужского пола (66 респондентов) и 47,62 % женского (60 респондентов). Минимальный возраст 21 год установлен неслучайно: к этому возрасту когнитивные функции, в том числе исполнительные способности и объем рабочей памяти, достигают своей зрелости, завершив развитие в юношеском возрасте [11]. Лица более молодого возраста характеризуются незавершенным формированием префронтальных отделов мозга, что могло бы стать дополнительным фактором вариативности результатов. Также в этическом плане включение только совершеннолетних старше 21 года упростило получение информированного согласия. Верхняя граница возраста (50 лет) также обоснована: после ~50–55 лет наблюдаются возрастные когнитивные изменения – постепенно снижается емкость рабочей памяти и скорость обработки информации [12]. Ограничение выборки возрастом 50 лет позволило исключить влияние возможных возрастных

нарушений памяти и внимания, сконцентрировавшись на трудоспособной группе взрослых, для которой методы маркетингового воздействия наиболее релевантны.

Все участники дали информированное согласие на участие в эксперименте, были ознакомлены с общей процедурой и заверены в анонимности и неразглашении индивидуальных данных. Перед началом экспозиции сообщалось, что демонстрируются типичные маркетинговые материалы; просили смотреть внимательно, без выполнения каких-либо оценочных действий и без принятия решения о покупке. Личная релевантность содержания специально не акцентировалась; манипуляция рассматривалась как индукция кратковременного эмоционально-мотивационного состояния, а не как персонализированная задача выбора. Респонденты не имели диагностированных неврологических или психических заболеваний, влияющих на когнитивные функции, и не употребляли психоактивных веществ в день эксперимента.

В ходе исследования каждый респондент проходил серию когнитивных тестов дважды – до и после воздействия маркетинговых стимулов. Последовательность была фиксированной для всех: (1) базовая батарея; (2) экспозиция FOMO; немедленно затем – повтор батареи; (3) экспозиция loss aversion; повтор батареи; (4) экспозиция угрозы социальной идентичности; повтор батареи. Внутритестовые паузы регламентировались и равнялись ~30 секундам между методиками. Между повторами батареи вводились короткие перерывы, равные ~3 минутам, для профилактики утомления при сохранении целостности сессии. В качестве стимульного материала использовались фрагменты рекламных сообщений и визуальных материалов, разработанные для провоцирования указанных выше состояний FOMO, страха потери и угрозы социальной идентичности. Данные материалы имитировали реальные маркетинговые приемы. Так, демонстрировались:

- рекламные баннеры и видеоролики с ограниченными по времени акциями (*только сегодня и только для вас скидка 50 %*);
- сообщения о снижении цены товара с упором на потенциальную потерю выгоды при отказе от покупки (*вы упустите эту уникальную возможность сэкономить, если не совершите заказ сейчас*);
- социально-направленные слоганы (*оставайтесь в тренде – не будьте в стороне, 95 % ваших друзей уже приобрели этот продукт*), вызывающие у потребителя желание соответствовать группе.

Все три типа стимулов предъявлялись участникам независимо друг от друга. Общая продолжительность

экспозиции стимулов составляла ~10 минут. Стимульные наборы выравнились по базовым физическим параметрам: размер области на экране и средняя яркость кадров были приведены к единому уровню; частота смены изображений сопоставима между условиями. Звуковая дорожка видеороликов отсутствовала. Тем самым различия между условиями определялись преимущественно содержательными (семантическими) особенностями фреймов, а не сенсорной насыщенностью. Такая комбинация позволила создать у участников ощущение умеренного стресса и возбуждения, сходного с состоянием, которое вызывают навязчивые маркетинговые кампании в реальной жизни. Важно подчеркнуть, что порядок предъявления и содержание стимулов были одинаковыми для всех испытуемых, что устраняет систематический разброс и обеспечивает сопоставимость условий. Во время демонстрации материалов участники находились в тихом помещении, их мимическая и поведенческая реакция наблюдалась экспериментатором (для контроля силы воздействия при необходимости была предусмотрена досрочная остановка показа стимулов при признаках чрезмерного дискомфорта, однако таких случаев не возникло).

Оценка когнитивных процессов проводилась с помощью трех психодиагностических методик, классически применяемых для измерения объема рабочей памяти, концентрации внимания и оперативного удержания информации: N-back тест, Digit Span Forward, Digit Span Backward. Выбор именно этих методик продиктован их валидностью, распространенностью в научных исследованиях и чувствительностью к состоянию испытуемого.

1. N-back тест (варианты 2-back и 3-back) У. Кирчнера – для изучения кратковременного запоминания меняющейся информации. Суть задания заключается в последовательном предъявлении стимулов (букв на экране – 30 стимулов по 3 блока одинакового уровня сложности; отдых между блоками составлял ~30 секунд [13]), при этом испытуемый должен постоянно сравнивать текущий стимул с тем, что был показан n шагов назад, и сигнализировать, если они совпадают. В текущем исследовании применялась визуальная версия n -back: на экране компьютера по одному появлялись случайные буквы. В режиме 2-back участник нажимал кнопку, когда буква совпадала с буквой, показанной на 2 позиции ранее; в режиме 3-back – при совпадении с буквой, показанной на 3 позиции ранее. Показателем эффективности служил суммарный процент правильных выявлений по всем трем блокам (иное название – точность распознавания последовательности) при допустимом уровне ошибок [14].

2. Тест на воспроизведение цифр в прямом порядке (Digit Span Forward) Д. Векслера. Испытуемому предъявляется (на слух или визуально) ряд цифр и требуется немедленно повторить их в том же порядке. Длина последовательности постепенно увеличивается, и максимальное количество цифр, которое человек способен верно воспроизвести, интерпретируется как емкость его кратковременной памяти. В текущем исследовании тест проводился в аудиторной форме: экспериментатор зачитывал последовательности случайных цифр, начиная с длины 3, и участник повторял их вслух сразу после предъявления. Если испытуемый правильно называл всю последовательность, длина увеличивалась на +1; при ошибке давалась вторая попытка той же длины. Тест прекращался, когда обе попытки одной длины оказывались неудачными, либо участник достигал верхнего порога в 9 цифр. Показателем являлась максимальная длина серии, правильно воспроизведенной в прямом порядке. Стресс и повышенная тревожность, согласно исследованию D. Wechsler, могут временно снизить объем удерживаемых элементов за счет отвлечения ресурсов памяти на переработку эмоциональных стимулов [15]. Таким образом, ожидалось снижение среднего объема оперативной памяти после воздействия маркетинговых триггеров.

3. Тест на воспроизведение цифр в обратном порядке (Digit Span Backward) является модификацией предыдущего теста и также включен в батарею тестов Д. Векслера. Процедура предъявления идентична, однако испытуемый должен повторить услышанную последовательность в обратном порядке. Например, при предъявлении ряда 7–2–9 правильным ответом будет 9–2–7. Обратное воспроизведение требует не только хранения, но и активной перестройки информации, поэтому данный субтест оценивает компоненты рабочей памяти и оперативного внимания. Методика чувствительна к состояниям усталости, эмоционального возбуждения и т.п., поскольку требует концентрации и умственной регуляции. Данный тест включен в силу предположения, что после стрессового воздействия показатели обратного воспроизведения могут снизиться сильнее, чем прямого воспроизведения (за счет дополнительной нагрузки на центральное исполнительное звено рабочей памяти). Проведение Digit Span Backward в текущем эксперименте шло сразу вслед за прямым порядком: после того, как фиксировалась максимальная длина прямого повторения, испытуемому давались новые последовательности цифр для воспроизведения в обратном порядке по аналогичным правилам. Отдых между прямым и обратным тестом составлял ~30 секунд. Показатель – максимальная длина ряда, воспроизведенного в обратном порядке [15].

Результаты

Всего проанализированы данные 126 респондентов (исключений данных не производилось, т.к. все участники успешно завершили все этапы тестирования). Первостепенно проведен тест Андерсона-Дарлинга на нормальность распределения данных, полученных до и после воздействия стимульного материала на респондентов при критическом значении в 5 %, $A^2 = 0,764$ (табл. 1).

В обеих версиях n-back нормальность сохраняется при экспозиции loss aversion и угрозы потери социальной идентичности, тогда как FOMO вызывает заметное отклонение: A^2 достигает 1,452 в 2-back и 1,708 в 3-back, что статистически отвергает нулевую гипотезу о гауссовом законе. Таким образом, для пар до / после FOMO по обоим уровням n-back необходимо применять непараметрический критерий Уилкоксона, тогда как для сравнений, включающих loss aversion или угрозу потери социальной идентичности, допустим парный t-критерий.

В тесте на прямое воспроизведение цифр нормальность соблюдается после FOMO-стимула ($A^2 = 0,419$) и в исходном состоянии, однако нарушается после loss aversion ($A^2 = 0,989$) и угрозы потери социальной идентичности ($A^2 = 0,875$). Следовательно, анализ изменений Digit Span Forward требует отдельной стратегии: пара до / FOMO подлжит параметрическому t-тесту, тогда как для до / loss aversion и до / угроза потери социальной идентичности предпочтительнее тест Уилкоксона.

Для обратного воспроизведения цифр нормальное распределение поддерживается в трех пунктах (базовое, FOMO, loss aversion), но нарушается после предъявления угрозы потери социальной

идентичности ($A^2 = 0,926$). Это означает, что при оценке эффекта последнего стимула по Digit Span Backward следует прибегнуть к непараметрической проверке, тогда как для FOMO и loss aversion остается валидным парный t-критерий.

Далее был проведен тест Уилкоксона для оценки различий между двумя зависимыми выборками до и после воздействия стрессовых маркетинговых стимулов на оперативную память потребителей товаров повседневного спроса (табл. 2).

Сопряженные данные по n-back демонстрируют, что экспозиция FOMO-баннеров привела к устойчивому снижению точности как при двухшаговом, так и при трехшаговом обновлении рабочей памяти. Значение $W = 1966$ при $p = 0,018$ указывает на медианное уменьшение количества корректных детекций в 2-back; аналогичный показатель $W = 2302$ и $p = 0,021$ фиксирует ухудшение в более требовательной конфигурации 3-back. Степень значимости сопоставима, однако в относительном выражении спад в 3-back оказывается глубже, что косвенно подтверждает предположение о нагрузочной чувствительности центрального исполнительного звена: тревожное переживание упущенной выгоды поглощает дополнительную долю ресурсного резерва именно в сложной задаче, оставляя меньше мощности для поддержания последовательности длиной $n = 3$.

Стимул loss aversion выборочно затронул тест Digit Span Forward: статистика $W = 1943$, $p = 0,009$ демонстрирует систематическое сокращение медианного объема кратковременного запоминания при простом, пассивном удержании информации. Отсутствие значимого эффекта для ряда цифр в обратном порядке при том же стимуле позволяет предположить, что страх «отдать» ресурс скорее отвлекает на соматическую переработку угрозы и менее вмешивается в операции реструктурирования материала, тогда как чистое хранение подвергается фрагментарным утечкам внимания.

Табл. 1. Результаты теста Андерсона-Дарлинга на нормальность распределения данных до и после воздействия стимульного материала, A^2
Tab. 1. Anderson-Darling normality test: before and after stimulus exposure, A^2

Методика	До воздействия	После воздействия FOMO	После воздействия loss aversion	После воздействия угрозы потери социальной идентичности
2-back	0,648	1,452	0,613	0,611
3-back	0,175	1,708	0,487	0,504
Digit Span Forward	0,706	0,419	0,989	0,875
Digit Span Backward	0,213	0,238	0,218	0,926

Табл. 2. Результаты теста Уилкоксона для оценки различий до и после воздействия стимульного материала
Tab. 2. Wilcoxon test: before and after stimulus exposure

Методика	Стимул	W-статистика	p-значение
2-back	FOMO	1966	0,018
3-back		2302	0,021
Digit Span Forward	Loss aversion	1943	0,009
	Угроза потери социальной идентичности	2666	0,001
Digit Span Backward	социальной идентичности	2395	0,022

Воздействие угрозы утраты социальной идентичности проявило самый широкий спектр влияния. Высокодостоверный сдвиг Digit Span Forward ($W = 2666, p < 0,001$) и значимое (пусть более умеренное) снижение Digit Span Backward ($W = 2395, p = 0,022$) указывают, что социально-ролевой стресс одновременно обедняет как базовый вербальный буфер, так и контролируемые операции реверсивного воспроизведения. Вероятно, потери ресурсов внимания здесь двунаправленны: с одной стороны, активируются процессы самоконтроля и мониторинга социальной самооценки (чем может объясняться влияние на обратный счет), с другой – возникает рассеивание элементарного хранения из-за навязчивых мыслей о статусной угрозе.

Сопоставляя три стимула, можно заключить, что FOMO преимущественно ухудшает обновление информации, а не ее пассивное сохранение; loss aversion адресно бьет по кратковременной вербальной емкости без существенного вмешательства в исполнительный компонент; угроза идентичности производит смешанный эффект, понижая оба аспекта вербальной рабочей памяти. Тем самым подтверждается разноспецифический когнитивный профиль маркетинговых стрессоров.

Дальнейший анализ параметрическими методами для тех выборок, где нормальность сохранена, позволит уточнить масштаб и направленность эффектов. Используется парный t-критерий, результаты отражены в таблице 3.

Во всех случаях, представленных в таблице 3, достигнуты р-значения, не превышающие 0,05, что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии изменений. Для задачи 2-back

убедительные различия выявлены как при сценарии страха потери выгоды ($t = -4,081; p = 0,021$), так и при угрозе потери социальной идентичности ($t = -5,074; p = 0,017$). Более высокая абсолютная величина t при социальном стимуле указывает на сравнительно больший эффект, т. е. медианное снижение точности обновления рабочей памяти оказывается значительнее, когда респондент сталкивается с риском исключения из значимой группы, чем когда сообщается о непосредственной финансовой потере.

Сходная закономерность фиксируется и в более сложном условии 3-back: воздействие loss aversion приводит к статистически значимому падению показателя ($t = -5,094; p = 0,038$), однако угроза потери социальной идентичности сопровождается еще более выраженным смещением ($t = -5,518; p = 0,044$). Разница t-оценок между двумя стимулами невелика, но последовательность *идентичность > loss aversion* сохраняется на обоих уровнях n-back, что подразумевает устойчивость эффекта.

В вербальном тесте на прямое воспроизведение цифр значимый спад регистрируется лишь для сценария FOMO ($t = -2,481; p = 0,032$). Отсутствие здесь loss aversion и идентичностных строк согласуется с результатами непараметрического анализа и свидетельствует о том, что тревога упущенной выгоды сильнее остальных факторов ослабляет пассивный объем кратковременной памяти. В обратном счете цифр снижение после FOMO также подтверждено параметрически ($t = -2,564; p = 0,041$), тогда как сценарий loss aversion демонстрирует сопоставимый, но чуть менее мощный эффект ($t = -2,331; p = 0,026$). Показатель Digit Span Backward, таким образом, чувствителен к двум типам стимулов, однако FOMO-стимул снова дает более крупное по модулю значение t.

Систематическое сопоставление полученных t-оценок позволяет выстроить иерархию чувствительности когнитивных показателей к различным стресс-ориентированным воздействиям. Обновляющие задачи n-back оказываются главной мишенью для социально-статусного давления, тогда как кратковременное вербальное хранение заметнее реагирует на тревогу упущенной возможности. Стимул потери ресурса стабильно снижает производительность обеих версий n-back и в меньшей степени затрагивает обратное воспроизведение цифр. Наличие достоверных отрицательных сдвигов во всех перечисленных комбинациях подчеркивает, что каждый из трех маркетинговых стимулов способен ощутимо ухудшать те или иные аспекты оперативной памяти, однако профиль этого ухудшения варьирует в зависимости от содержания эмоционального сообщения.

Табл. 3. Результаты парного t-критерия для оценки различий до и после воздействия стимульного материала
Tab. 3. Paired t-test: before and after stimulus exposure

Методика	Стимул	t-статистика	p-значение
2-back	Loss aversion	-4,081	0,021
2-back	Угроза потери социальной идентичности	-5,074	0,017
3-back	Loss aversion	-5,094	0,038
3-back	Угроза потери социальной идентичности	-5,518	0,044
Digit Span Forward	FOMO	-2,481	0,032
Digit Span Backward	FOMO	-2,564	0,041
	Loss aversion	-2,331	0,026

Подводя итоги, стоит отметить, что результаты непараметрической проверки убедительно продемонстрировали, что тревога упущенной выгоды снижает точность обновления рабочей памяти в обеих версиях n-back, страх материальной потери адресно уменьшает пассивный объем кратковременного хранения, а угроза потери социальной идентичности одновременно обедняет базовый вербальный буфер и усложненное реверсивное воспроизведение. Параметрический анализ подтвердил и расширил картину: сценарии loss aversion и социальной идентичности статистически значимо ухудшили производительность в 2-back и 3-back, причем социально-статусный стимул дал максимальные значения t-статистик, т. е. наибольшую глубину эффекта. FOMO-стимул показал избирательное, но устойчивое влияние на прямое и обратное воспроизведение цифр, вновь демонстрируя приоритетное воздействие на операции, требующие вербального внимания.

Сопоставление знаков и величин статистических коэффициентов позволяет заключить, что разные маркетинговые стрессоры формируют дискретные когнитивные профили: FOMO подрывает процессы обновления информации и пассивное кратковременное хранение, страх потери концентрируется на объеме вербальной памяти без выраженного эффекта на исполнительную переработку, тогда как угроза потери социальной идентичности снижает оба ключевых параметра вербальной рабочей памяти и демонстрирует наибольшую силу влияния на точность сложных n-back-операций. Тем самым подтверждается многоканальная природа воздействия маркетинговых сообщений: каждый эмоционально окрашенный стимул оттягивает когнитивный ресурс по собственной траектории, снижая доступную емкость памяти и перерабатывающую способность в различной степени. Полученный комплекс данных подчеркивает необходимость учитывать содержание рекламных триггеров при оценке их когнитивных последствий и предлагает эмпирическую основу для дальнейших исследований селективных механизмов стресс-индуцированного маркетинга.

Обсуждение

Профиль FOMO трактуется как следствие усиленного мониторинга возможных упущений, что ведет к хронически повышенной ориентировочной готовности и утечке внимания из проактивного контура. При такой конфигурации первично страдает точность обновления последовательности (n-back), дополнительно истощается ресурс субвокального повторения, что проявляется в снижении рядов в прямом и реверсивном воспроизведении. Получается, что FOMO выполняет роль «аттрактора

значимости», который конкурирует с целевой задачей за исполнительный контроль и рабочий буфер; наблюдаемая деградация производительности согласуется с данной конкуренцией и не требует апелляции к сенсорной перегрузке. Влияние FOMO-стимула на задачи n-back и обе версии теста с цифрами согласуется с современными наблюдениями о «когнитивной цене» синдрома упущенной выгоды. Так, опрос 1510 китайских студентов выявил, что высокий уровень FOMO ассоциируется с дефицитом самоконтроля и снижением академического вовлечения, причем связь частично опосредуется истощением исполнительных ресурсов [16]. Схожий вывод содержится в англоязычном эксперименте 2022 г., где присутствие смартфона в поле зрения снижало скорость точного решения арифметических задач лишь у участников с выраженным FOMO [17]; следовательно, тревога упущенной выгоды выступает специфическим модератором «утечки» внимания. Полученные результаты текущей работы восполняют пробел, показывая, что острое, а не хроническое переживание FOMO уже через несколько минут приводит к статистически значимому падению точности обновления рабочей памяти. Такое совпадение с другими исследованиями усиливает аргумент, что FOMO действителен как стрессор, эксплуатирующий лимитированный ресурс внимания и тем самым «выдавливает» операции поддержки последовательной информации.

В свою очередь, страх потери в представленном эксперименте оказался менее глобальным: достоверное снижение зафиксировано в n-back и Digit Span Forward. Реакция на фрейм потерь интерпретируется как сдвиг внутреннего критерия к профилактике риска, сопровождаемый навязчивой оценкой потенциального ущерба. Это означает перераспределение ресурса в пользу мониторинговой саморегуляции и руминаций о потере, из-за чего слабее работает вербальная петля поддержания и падает емкость пассивного хранения (Digit Span Forward). При возрастании требований к последовательному обновлению (2- и 3-back) наблюдается дополнительный компонент: не столько из-за ухудшения обновления как такового, сколько вследствие конкуренции с внутренней оценочной активностью. Суммарный эффект оказывается адресным, хотя при повышенной сложности задачи он распространяется и на операции обновления. Сходное разграничение обнаружили В. Vоgданov и соавторы в репликационном исследовании, где участники выполняли три теста рабочей памяти параллельно с «рисковыми стимулами»: выраженность эффекта избегания потерь повышалась у респондентов с ограниченным объемом рабочей памяти (WMC), тогда как сами

показатели памяти оставались относительно стабильными [18]. Также в отчете о поведенческих аномалиях принятия решений подчеркивается, что «неприятие потерь» относится к фундаментальным смещениям предпочтений и сопровождается ограниченным вниманием, поскольку потенциальные убытки «перекрывают» ресурс на обработку текущих стимулов; авторы фиксируют, что подобные искажения усилятся при высокой информационной нагрузке [19].

Одновременно с этим на уровне когнитивного контроля результаты метаанализа финансового дефицита свидетельствуют о средне-негативном эффекте дефицитного контекста на рабочую память и исполнительные функции, подчеркивая, что ощущение потерь расходует значимую долю внимания и тормозной гибкости [20]. Данные о том, что у испытуемых с индуцированным «дефицитным мышлением» проседает проактивный, но не реактивный контроль, дополняют картину: n-back требует именно проактивного поддержания целевой позиции, и его деградация под loss aversion-стимулом концептуально воспроизводит описанное ERP-смещение [21]. Дополнительно стоит отметить, что фреймирование заданий как *возможность / риск* показывает, что риск-ориентированная подача увеличивает чувство угрозы и, как следствие, ухудшает производительность в тестах рабочей памяти у студентов, тогда как позитивный фрейминг оказывает стимулирующее действие [22].

Угроза социальной идентичности оказалась наиболее разрушительной: значимое падение зарегистрировано как в n-back, так и в обеих модификациях Digit Span. Широта эффекта объясняется разворачиванием самоконтролирующего цикла: усиливается самонаблюдение на соответствие норме группы, активируется предупреждающий мониторинг возможного исключения. Такой режим потребляет ресурсы одновременно из исполнительного звена (снижение точности обновления) и из вербального буфера (обеднение поддержания и затруднение реверсивного воспроизведения), формируя двуканальную деградацию. Иными словами, запускается механизм издержек поддержания аффилиативного статуса: внимание удерживается на оценке собственной состоятельности, а не на целевой последовательности и поддержании материала. Подобная двунаправленная утечка рабочего ресурса отражает выводы метаанализа по стереотипной угрозе, где отмечено, что активация риска *не соответствовать группе* снижает и исполнительный контроль, и пассивное удержание вследствие непрерывного мониторинга собственной состоятельности [23]. В отечественной физиологической периодике подчеркнуто, что социальная изоляция, трактуемая как утрата

значимых связей с группой, индуцирует хронический стресс, сопровождающийся ухудшением внимания, кратковременного хранения и исполнительных функций; авторы связывают данный эффект с гиперактивацией оси *гипоталамус – гипофиз – надпочечники* и провоспалительными каскадами [24].

Экспериментальное исследование подростков, переживших длительный период дистанционного общения, показало, что низкая плотность офлайн-контактов коррелирует с ростом ошибок в динамической матрице и удлинением времени реакции, т.е. с деградацией рабочей памяти под давлением социальной депривации [25]. Международные данные последних лет конкретизируют механизм. Продольное исследование студентов дистанционного университета фиксирует, что более высокие показатели угрозы потери социальной идентичности – переживания возможного несоответствия «своим» – связаны со снижением чувства принадлежности и сдвигами в мотивации социального взаимодействия; авторам удается показать, что на временном промежутке изменения идентичного стресса предсказывают последовательные когнитивно-поведенческие последствия, подчиненные динамике внутриличностной регуляции [26].

Заключение

Данные экспериментальной выборки однозначно подтверждают разноканальное влияние трех стрессориентированных маркетинговых стимулов на вербальные и исполнительные компоненты рабочей памяти потребителей. Первоначально предполагалось, что все три эмоциональных триггера произведут статистически сравнимое общее ухудшение когнитивных показателей, однако полученные результаты детализировали картину, выявив дискретные профили ухудшения: переживание упущенной выгоды предьявило избирательную направленность на процессы обновления информации, страх материальной потери адресно снизил объем пассивного вербального хранения, тогда как угроза социальной идентичности оказала наиболее широкий и глубокий негативный эффект, затронув оба аспекта рабочей памяти. Таким образом, исходная гипотеза о единой равнонаправленной деградации была уточнена, а выделенные паттерны продемонстрировали содержательную новизну, поскольку до настоящего момента информация об острой, в отличие от хронической, реакции FOMO и идентификационного стресса на когнитивные задачи взрослых респондентов сообщалась лишь фрагментарно.

Практическая значимость полученных выводов заключается в возможности прогнозировать, какая именно структура рекламного сообщения потенциально вызовет наиболее выраженную

когнитивную дисфункцию и, следовательно, усилит вероятность иррационального решения. Данные показывают, что угрозы утраты социального статуса требуют особого внимания со стороны регуляторов и маркетологов, поскольку подобный фрейминг не только провоцирует тревожность, но и снижает способность аудитории к критическому осмыслению информации в условиях увеличенной сложности. В прикладном аспекте рекомендуется пересмотр интенсивности использования идентификационных и дефицитарных приемов, а также разработка образовательных программ, повышающих осведомленность потребителей о потенциальной когнитивной цене их воздействия.

В дальнейшем целесообразно расширить фокус исследования, включив анализ долгосрочной памяти

как более устойчивого хранилища информации, подверженного иным механизмам стресс-индуцированного воздействия. Проверка влияния маркетинговых триггеров на консолидацию и воспроизведение долговременных следов позволит углубить понимание того, каким образом эмоциональные фреймы трансформируют не только кратковременные, но и пролонгированные когнитивные процессы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Liu X., Liu T., Zhou Z., Wan F. The effect of fear of missing out on mental health: Differences in different solitude behaviors. *BMC Psychology*, 2023, 11. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01184-5>
2. Japutra A., Gordon-Wilson S., Ekinici Y., Adam E. D. The dark side of brands: Exploring fear of missing out, obsessive brand passion, and compulsive buying. *Journal of Business Research*, 2025, 186. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2024.114990>
3. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, 47(2): 263–292. <https://doi.org/10.2307/1914185>
4. Peng K. The impact of loss aversion on decision-making in marketing and financial markets. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 2025, 149: 157–163. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/2024.19247>
5. Zheng L. The power of loss aversion: Enhancing customer engagement and retention in business. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 2024, 128: 111–116. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/2024.18268>
6. Zhang S., Huang J., Duan H., Turel O., He Q. Almost everyone loses meaning in life from social exclusion, but some more than the others: A comparison among victims, voluntary, and forced rejecters. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.658648>
7. Вавилова Ж. Е. Преломление социальной инклюзии в образах современной рекламы. *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 4. С. 100–108. [Vavilova Zh. E. Social inclusion reflected in the images of modern advertising. *Logos et Praxis*, 2021, 20(4): 100–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.4.11>
8. White K., Argo J. Social identity threat and consumer preferences. *Journal of Consumer Psychology*, 2009, 19(3): 313–325. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2009.03.007>
9. Benjamin D. J., Choi J. J., Strickland A. J. Social identity and preferences. *American Economic Review*, 2010, 100(4): 1913–1928. <https://doi.org/10.1257/aer.100.4.1913>
10. Geißler C. F., Friehs M. A., Frings C., Domes G. Time-dependent effects of acute stress on working memory performance: A systematic review and hypothesis. *Psychoneuroendocrinology*, 2023, 148. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2022.105998>
11. Brockmole J. R., Logie R. H. Age-related change in visual working memory: A study of 55,753 participants aged 8–75. *Frontiers in Psychology*, 2013, 4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00012>
12. Matysiak O., Kroemeke A., Brzezicka A. Working memory capacity as a predictor of cognitive training efficacy in the elderly population. *Frontiers in Aging Neuroscience*, 2019, 11. <https://doi.org/10.3389/fnagi.2019.00126>
13. Chen D. Y., Di X., Amaya N., Sun H., Pal S., Biswal B. B. Brain activation during the n-back working memory task in individuals with spinal cord injury: A functional near-infrared spectroscopy study. *bioRxiv: The Preprint Server for Biology*, 2024. <https://doi.org/10.1101/2024.02.09.579655>
14. Kirchner W. K. Age differences in short-term retention of rapidly changing information. *Journal of Experimental Psychology*, 1958, 55(4): 352–358. <https://doi.org/10.1037/h0043688>
15. Wechsler D. *Manual for the Wechsler adult intelligence scale*. New York: Psychological Corporation, 1955, 110.
16. Kong L., Sun H., He W., Hu W. Distraction or motivation? Unraveling the role of fear of missing out on college students' learning engagement. *BMC Psychology*, 2024, 12. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02164-z>

17. Niu G., Shi X., Zhang Z., Yang W., Jin S., Sun X. Can smartphone presence affect cognitive function? The moderating role of fear of missing out. *Computers in Human Behavior*, 2022, 136. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107399>
18. Bogdanov B., Corbin J., Dobрева S., McElroy T., Rachev N. R. Working memory capacity and the risky-choice framing effect: A preregistered replication and extension of Corbin et al. *Judgment and Decision Making*, 2023, 18. <https://doi.org/10.1017/jdm.2023.40>
19. Никишина Е. Н., Иванов В. В., Маркова О. А. Поведенческие аномалии экономических решений и возможности их преодоления. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 3. С. 15–41. [Nikishina E. N., Ivanov V. V., Markova O. A. Behavioral biases in the decision making and the possibilities of overcoming them. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2024, (3): 15–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2547>
20. Almeida F. de, Scott I. J., Soro J. C., Fernandes D., Amaral A. R., Catarino M. L., Arède A., Ferreira M. B. Financial scarcity and cognitive performance: A meta-analysis. *Journal of Economic Psychology*, 2024, 101. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2024.102702>
21. Zhang L., Xu M., Du X., Qiao L. Impact of a scarcity mindset on proactive and reactive cognitive control: The role of motivation and cognitive ability. *Psychophysiology*, 2025, 62(3). <https://doi.org/10.1111/psyp.70001>
22. Chen L., Qu L. Opportunity or risk? Appraisal and affect mediate the effect of task framing on working memory performance in university students. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.615329>
23. Montag C., Markett S. Social media use and everyday cognitive failure: Investigating the fear of missing out and social networks use disorder relationship. *BMC Psychiatry*, 2023, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05371-x>
24. Крупина Н. А., Ширенова С. Д. Нарушения когнитивных функций при длительной социальной изоляции: результаты исследований на людях и экспериментов на животных. *Успехи физиологических наук*. 2023. Т. 54. № 4. С. 18–35. [Krupina N. A., Shirenova S. D. Cognitive impairment under prolonged social isolation: Insights from human studies and animal experiments. *Progress in Physiological Science*, 2023, 54(4): 18–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0301179823040045>
25. Каменская В. Г., Татьянанина Е. В. Экспериментальное исследование рабочей памяти и внимания подростков с разной степенью вовлеченности в виртуальную деятельность в период пандемии COVID-19. *Экспериментальная психология*. 2024. Т. 17. № 2. С. 52–67. [Kamenskaya V. G., Tatyannina E. V. Experimental study of working memory and attention of adolescents with varying degrees of internet involvement during the COVID-19 pandemic. *Experimental Psychology*, 2024, 17(2): 52–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170203>
26. Bick N., Froehlich L., Voltmer J.-B., Raimann J., Reich-Stiebert N., Seidel N., Burchart M., Martiny S. E., Nikitin J., Stürmer S., Martin A. Virtually isolated: Social identity threat predicts social approach motivation via sense of belonging in computer-supported collaborative learning. *Frontiers of Psychology*, 2024, 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1346503>

оригинальная статья

eLibrary EDN: KFOTPG

Дискурс r/SpaceX: структурно-семантические доминанты

Смакотина Наталья Анатольевна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5727-7774

<https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

tasha_sni@list.ru

Аннотация: Статья посвящена комплексному структурно-семантическому анализу дискурса технологического онлайн-сообщества r/SpaceX на платформе Reddit. Актуальность и новизна исследования обусловлены возрастающей значимостью цифровых сообществ, в которых формируется и транслируется публичный образ высокотехнологичных корпораций. Тем не менее базовые элементы дискурса (типология поликодовых публикаций и совокупность тематических доминант, составляющих его семантическое ядро) остаются недостаточно изученными. Цель – выявить ключевые структурные типы и содержательные категории, которые формируют и концептуализируют семантическое ядро дискурса r/SpaceX. Материалом исследования послужил корпус из 247 публикаций сообщества (2014–2024 гг.). Методологическую основу составили количественный анализ, контент-анализ, семиотический анализ вербальных и невербальных компонентов, а также дискурс-анализ. В результате исследования разработана и обоснована типология поликодовых публикаций дискурса: вербально-визуальные (64 %), собственно вербальные (25 %) и видеовербальные (11 %). Контент-анализ позволил выявить пять тематических доминант: оперативная деятельность компании (SpaceX Activity), технические спецификации (Technical Specification), взаимодействие с государственными структурами (SpaceX and US Government), роль основателя компании (Elon Musk) и экологическая проблематика (SpaceX and Environment), при этом ядро дискурса образуют посты, посвященные текущей деятельности. Лингвостилистический анализ вербального компонента публикаций установил доминирование информативно-фактологического регистра, который формируется за счет использования глаголов процесса, специализированной терминологии и цитат экспертов, что обеспечивает достоверность изложения. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что дискурс r/SpaceX представляет собой гибридную форму цифровой коммуникации, в которой поликодовая структура, четкая тематическая организация и доминирующий фактологический регистр способствуют системной адаптации сложного технологического нарратива для широкой и разноуровневой аудитории, в результате чего происходит формирование образа SpaceX в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровой дискурс, сообщество r/SpaceX, поликодовый текст, типология публикаций, тематическая категоризация, семантическое ядро

Цитирование: Смакотина Н. А. Дискурс r/SpaceX: структурно-семантические доминанты. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2026. Т. 10. № 2. С. 236–247. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-236-247>

Поступила в редакцию 22.01.2026. Принята после рецензирования 30.03.2026. Принята в печать 13.04.2026.

original article

Structural and Semantic Dominants of r/SpaceX Discourse

Natalia A. Smakotina

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5727-7774

<https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

tasha_sni@list.ru

Abstract: This study presents a structural and semantic analysis of the discourse within the technologically oriented r/SpaceX community on Reddit. In the contemporary digital landscape, online forums construct and negotiate the public identity of technological corporations. While the socio-cultural impact of such communities is widely acknowledged, their intrinsic discursive architecture remains under-researched, e.g.,

the typology of multimodal (polycode) publications and the thematic dominants of their semantic core. The present research filled this gap by identifying the primary content structures and key topics that constitute the r/SpaceX discourse. The methodological framework employed a mixed-methods approach applied to 247 posts published between 2014 and 2024. The analysis integrated quantitative metrics, qualitative content analysis, semiotics, and discourse analysis to deconstruct communicative practices within the community. The resulting typology of polycode publications comprised verbal-visual (64%), purely verbal (25%), and video-verbal (11%) formats. The content analysis revealed five thematic dominants: SpaceX Operations (the core), Technical Specifications, Government Relations, the Founder's Role (Elon Musk), and Environmental Impact. The stylistic analysis showed a predominance of an informative-factual register, characterized by process verbs, expert citations, and technical terminology aimed at establishing credibility. As a result, the r/SpaceX discourse emerges as a distinct hybrid form of digital communication, defined by a multimodal structure that facilitates content adaptation and a rigorous thematic focus. This architecture systematically transforms complex technological narratives into accessible content, thereby shaping the SpaceX corporate image. This comprehensive structural-semantic model contributes to the theory of multimodal texts and digital communication analysis.

Keywords: digital discourse, r/SpaceX community, polycode text, publication typology, thematic categorization, semantic core

Citation: Smakotina N. A. Structural and Semantic Dominants of r/SpaceX Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 236–247. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-236-247>

Received 22 Jan 2026. Accepted after review 30 Mar 2026. Accepted for publication 13 Apr 2026.

Введение

Интернет-технологии, ускоряющие процесс создания и распространения информации, сформировали предпосылки развития новой формы общения в современном обществе – виртуального, которое расширяет «возможности как для межличностной, так и для социально значимой коммуникации» [1, с. 154]. Поскольку «на сетевые средства общения все больше ориентируется современный политический, профессиональный и деловой мир» [Там же], можно с уверенностью утверждать, что цифровые платформы становятся ключевым пространством для формирования общественного мнения о технологических инновациях. Сообщество r/SpaceX на цифровой платформе Reddit.com создает уникальный кейс для изучения структурной семантики онлайн-дискурса.

Объект исследования – цифровой дискурс r/SpaceX на платформе Reddit, предмет – типы и содержательные категории публикаций дискурса.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной структурно-семантической типологии дискурса специализированного высокотехнологического сообщества, что вносит вклад в теорию поликодовых текстов и расширяет методологию анализа гибридных форм интернет-коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью онлайн-сообществ, в которых формируется цифровой образ высокотехнологических компаний. Сообщество r/SpaceX представляет собой

уникальный гибридный феномен, где профессиональный технический дискурс сочетается с практиками технологического фэндома. Однако базовые структурные элементы дискурса – типология поликодовых публикаций и совокупность тематических доминант – остаются недостаточно изученными, что затрудняет понимание того, как именно на их основе конструируется концептуальный образ компании. Проведение комплексной структурно-семантической категоризации необходимо для выявления обозначенного базового каркаса, что составляет теоретическую основу для последующего анализа коммуникативных функций дискурса. Исследование вносит вклад в теорию поликодовых текстов и отвечает потребности методологии описания цифровой среды.

Цель исследования – выявить ключевые структурные типы и тематические доминанты, составляющие семантическое ядро дискурса r/SpaceX.

Задачи:

1) собрать и классифицировать публикации r/SpaceX с целью выявления ключевых типов контента;

2) выявить структурно-содержательные категории контента сообщества r/SpaceX для определения тематических доминант дискурса;

3) проанализировать лингвистические особенности публикаций, формирующие информативно-фактологический регистр цифрового дискурса r/SpaceX.

Методы и материалы

Материалом исследования выступили 247 публикаций сообщества r/SpaceX¹ веб-сайта Reddit.com, опубликованные в 2014–2024 гг. Публикации отбирались методом сплошной выборки в ленте доски r/SpaceX.

В ходе исследования были использованы следующие методы: количественный и контент-анализ с целью классификации публикаций по типам и тематическим категориям; семиотический анализ вербальных и невербальных компонентов сообщений; дискурс-анализ, ориентированный на определение роли цифровой среды в формировании дискурса и идеологических нарративов участников цифрового взаимодействия при формировании общественного мнения о технологических инновациях компании и образа SpaceX.

Результаты

Широкое распространение цифрового (или сетевого) дискурса [2–16] изменило коммуникативную практику, объединяя людей вокруг разнообразных, в том числе сложных технических, тем через адаптацию контента под разные уровни знаний, формируя гибридную культуру, где научная строгость сочетается с энтузиазмом заинтересованных лиц, называемых фанатами. В рамках цифрового дискурса выделяются различные типы, одним из которых является дискурс специализированных онлайн-сообществ, формирующихся вокруг деятельности высокотехнологических корпораций.

Дискурс сообщества r/SpaceX репрезентирует особый тип цифрового дискурса – синтез дескриптивной коммуникации по техническим инновациям и глубокого инженерного анализа, где все подчинено общей цели – обсуждению SpaceX. Аналогичные феномены в литературе описываются как инициативные исследования (bottom-up explorations) новых технологических концепций, осуществляемые наиболее увлеченными «фанатами» технологического дискурса [17].

Для характеристики этого типа дискурса продуктивным представляется обращение к типологии, предложенной О. Л. Михалевой и развитой в исследовании Е. Ю. Дамбаевой. В рамках этого подхода выделяется дискурс объекта – вербализация ментального пространства, основанная на общепринятых способах восприятия и интегрирования социального феномена [18; 19]. Дискурс r/SpaceX может быть охарактеризован именно как дискурс объекта, поскольку он формируется вокруг устойчивого набора объектов обсуждения (деятельность SpaceX, технические спецификации и др.) и подчиняется определенным дискурсивным правилам, сложившимся

в сообществе. В отличие от дискурса корпоративного бренда, который инициируется и контролируется самой компанией с целью позиционирования [19], дискурс r/SpaceX формируется горизонтально, на основании пользовательской активности.

Концепция, описывающая наполнение контента дискурса, связанного с компанией SpaceX, включает комплексный анализ структурно-семантических и жанровых особенностей текстов медиапространства, комбинации кодов коммуникации, выступающих в качестве инструмента общения, ориентированных на эмоциональное и экспертное вовлечение аудитории в процесс создания образа SpaceX в дискурсе посредством провокационных нарративов и визуальных стимулов [20; 21], а также посредством авторитетного цитирования и оперирования терминологией, и усиливающих доверие к информации [22].

Типология поликодовых публикаций дискурса r/SpaceX

Публикации пользователей сайта в ленте новостей отвечают форумному жанру (представляют собой информационные блоки с набором метаданных) и теории поликодовых текстов [23–26], которые рассматриваются в современной лингвистике как тексты, в которых «используется сразу несколько семиотических средств: языковые, визуальные и аудиальные» [27, с. 321]. З. И. Трубина называет такие типы текстов состоящими «из двух разноплановых частей, а именно вербальной и невербальной, которые не могут существовать отдельно друг от друга» [28, с. 163]. Е. Е. Анисимова обращается к понятию осложненного текста, «в котором вербальные и невербальные компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [29, с. 71]. Полагаем, что представление Е. Е. Анисимовой наиболее полно отражает особенности поликодовых публикаций в цифровом медиапространстве и способствует типизации постов сообщества r/SpaceX на платформе Reddit.com по способам представления информации, которые в настоящем исследовании рассматриваются в качестве цифрового «кодинга», особой «программы», с помощью которой предъясняется информационный контент.

Проведенный анализ фактического материала позволил выделить следующие типы публикаций зарегистрированных пользователей сообщества r/SpaceX, посвященные деятельности компании:

¹ r/SpaceX. URL: <https://www.reddit.com/r/spacex/?tl=ru> (accessed 10 Mar 2025).

155 вербально-визуальных публикаций (или вербально-иллюстративных), 69 собственно языковых (вербальных), 23 вербально-кинестетических (по О. В. Поймановой – видеoverбальные [30]).

Согласно представленным данным, из 247 публикаций наиболее частотными в ленте новостей сообщества выступают вербально-визуальные публикации (155 единиц, или 64 % от общего числа публикаций в доске). Под вербально-визуальными публикациями в настоящем исследовании понимаются сообщения, объединяющие в своем исполнении семиотически разнородные коды – вербальные (языковые) и невербальные (иллюстративные), отвечающие основным принципам теории коммуникации, – передачу «информации, идей, оценок или эмоций от одного человека (или группы) к другому (или другим) главным образом посредством символов»² [31, с. 2]. К такого рода публикациям относятся:

- интерактивные онлайн-опросы, создаваемые с целью формирования общественного мнения по отношению к событиям;
- публикации с изображением события в фотоформате и гиперссылкой на внешний источник информации, который часто представлен иллюстрированной статьей в авторитетном онлайн-издании или интерактивной презентацией непосредственно на сайте spacex.com;
- иллюстрированные оригинальные рерайты событий, связанных с деятельностью компании SpaceX;
- копипасты чужих публикаций и постов.

Следует отметить, что невербальный иллюстративный компонент вербально-визуальных постов выполняет информирующую, регулирующую или дополняющую функцию в публикациях и обеспечивает когерентность сообщений. М. Б. Ворошилова, рассматривая функциональную нагрузку невербальных компонентов в креолизованных текстах, описывает их взаимодействие с вербальными в терминах корреляции и выделяет параллельную, перекрестную, оппозитивную, интерпретативную и поддерживающую корреляцию [32, с. 35–37]. Таким образом, изображения выступают средством визуальной коммуникации, помогают в восприятии нетривиального контента, мотивируют дальнейший интерес к представленной тематике, превращая компанию SpaceX в национальное достояние страны.

Вербальные посты на площадке представляют текстовый формат сообщений, средством кодификации которых выступают знаки естественного языка без включения иллюстративных, звуковых или кинестетических компонентов. В ленте доски

сообщества г/SpaceX собственно вербальные публикации занимают 25 % локаций (69 единиц). Такие сообщения призваны актуализировать речевые события дискуссионного характера. Практически всегда обозначенный тип публикаций маркируется иконкой *discussion* (обсуждение). Собственно вербальными сообщениями считаются текстовые публикации (посты в вербальной форме); посты с текстовыми скриншотами; публикации, содержащие внутрипостовую гиперссылку на твиты (в основном чужие) в социальной сети X (ранее Twitter).

Особого внимания заслуживают видеoverбальные публикации сообщества г/SpaceX, которые выступают в качестве поликодовых сообщений в формате видеорядов с аудиосопровождением. Архив ленты доски объявлений сообщества показал 23 опубликованных поста видеoverбального типа (11 % от общего количества публикаций) за исследуемый период. Данные публикации запускают механизм обмена информацией между интерактивными, динамическими системами баз данных, которые принимают, преобразовывают и накапливают информацию. Речь идет о «гибридных» публикациях, осложненных видеорядами с и без аудиосопровождения. Аудиоформат таких постов часто представлен механическим звуком ракет-носителей, сопровождающимся отдельными редкими эмотивными комментариями авторов. Кроме того, в обозначенную группу входят видеопубликации, содержащие фрагменты интервью с Илоном Маском, и информационно-новостные блоки, посвященные запускам ракет-носителей Falcon и Crew Dragon, а также спутников Starlink. Обозначенные фрагменты интегрированы в публикации либо открываются при переходе по внутрипостовой гиперссылке на канал YouTube, официальный сайт SpaceX или другие официальные сайты интернет-СМИ. Публикации с видеокomпонентом отличаются высокой степенью событийности с большим количеством признаков в областях реальности, поскольку способны выходить за пределы экосистемы одной площадки, создавая видеохосты для пользователей, привыкших к общению в сети Интернет посредством видео.

Поликодовость сообщений в медиапространстве г/SpaceX способствует соотносению знаков с объектами внеязыковой действительности в процессе коммуникации, т.е. отвечает специфике цифрового «кодинга» полисемантических текстов, в которых каждый канал передачи информации способствует комплексному описанию содержательной стороны контента и иллюстрирует тематическую направленность сообщений, необходимую для формирования

² Communication. In: Theodorson S. A., Theodorson A. G. *A modern dictionary of sociology*. New York: Cassell, 1969. P. 62.

образа SpaceX в плоскости понятных для аудитории образов и референций. Именно содержательная информация публикаций (содержательные категории) в сообществе r/SpaceX формирует пользовательский интерес и, соответственно, концептуализирует образ SpaceX. Концептуализирующая функция знака («кодинг»), таким образом, рассматривается в настоящем исследовании в качестве интеллектуального конструкта цифрового дискурса, под которым понимается способность системы обеспечивать участникам коммуникации возможность формировать референции к концепт-продуктам SpaceX – устойчивым ментальным образованиям, конструируемым в дискурсе сообщества и закрепляемым в его коллективном восприятии.

Тематические доминанты дискурса

Контент-анализ публикаций сообщества r/SpaceX на сайте Reddit.com показывает следующие содержательные категории постов, представленные разными типами публикаций, концептуализирующими образ SpaceX (рис. 1).

Согласно рисунку 1, публикации рубрируются по следующим содержательным категориям:

- публикации, посвященные техническим характеристикам ракет-носителей и системам связи Starlink и Starshield (Technical specification);
- публикации, отражающие взаимодействие компании SpaceX с государственными структурами, прежде всего с NASA (SpaceX and US government);
- публикации, посвященные деятельности компании SpaceX, включающие запуск ракет-носителей, организационную структуру компании, рекрутинг и т. д. (SpaceX activity);
- публикации, посвященные высказываниям Илона Маска о планах развития компании и активных мероприятиях (Elon Musk);

- публикации, отражающие воздействие деятельности компании на окружающую среду (SpaceX and Environment).

Наибольшее количество постов (112 единиц) в ленте сообщества посвящено непосредственной деятельности компании. Структурно-семантическим ядром корпуса публикаций категории *SpaceX activity* выступает организация и иллюстрация полетов ракет-носителей класса Falcon, прежде всего в третьей версии Falcon 9 и Falcon Heavy, используемых для запусков спутников на орбиту и пилотируемого корабля Dragon к МКС. Ряд публикаций посвящен развитию и тестированию системы Starship в контексте организации орбитальных и межпланетных полетов. Кроме того, к данной категории относятся публикации, посвященные развитию и применению глобальной спутниковой системы Starlink и Starshield, а также посты сотрудников SpaceX и подписчиков сайта по технической спецификации работы в компании (рис. 2).

Рисунок 2 демонстрирует скриншоты открытых окон публикаций семантической категории *SpaceX activity*. Из общего числа публикаций тематического блока 66 постов относятся к вербально-визуальным с или без внутрипостовой гиперссылки (рис. 2а³). Некоторые публикации данного типа представлены только заголовком и фото, иллюстрирующим запуск или траекторию движения ракеты-носителя. Видеоряды (11 постов) в абсолютном большинстве случаев выступают в качестве стриминговых видеозапусков ракет или установок (рис. 2с⁴). Вербальные посты данной категории (25 единиц), выступающие в текстовом формате, мотивируют полемику, посвященную деятельности компании: рекрутинг и условия занятости в компании; обсуждение особенностей использования систем связи; выпуск

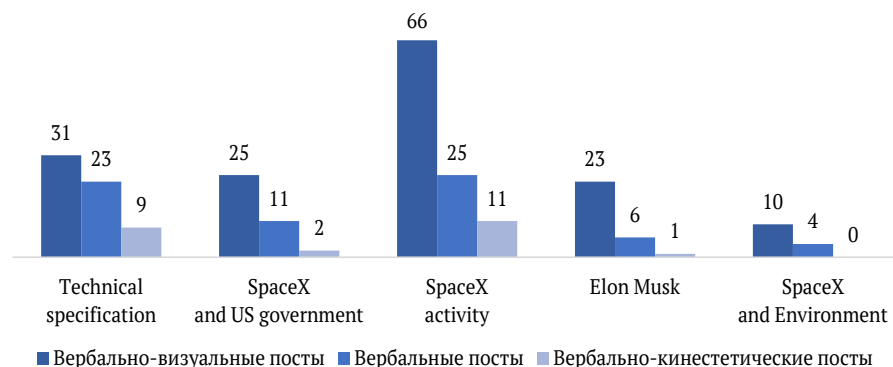

Рис. 1. Тематические доминанты постов
Fig. 1. Thematic Dominants of Reddit Posts

³ rustybeancake. SpaceX planning rapid turnaround for next Starship flight. *Reddit*. 19 Mar 2024. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/1bisi9v/spacex_planning_rapid_turnaround_for_next/ (accessed 1 Apr 2025).

⁴ vuurtje. SpaceX SN7 Test Tank Massive Rupture (LabPadre). *Reddit*. 23 Jun 2020. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/hekhnw/spacex_sn7_test_tank_massive_rupture_labpadre/ (accessed 1 Apr 2025).

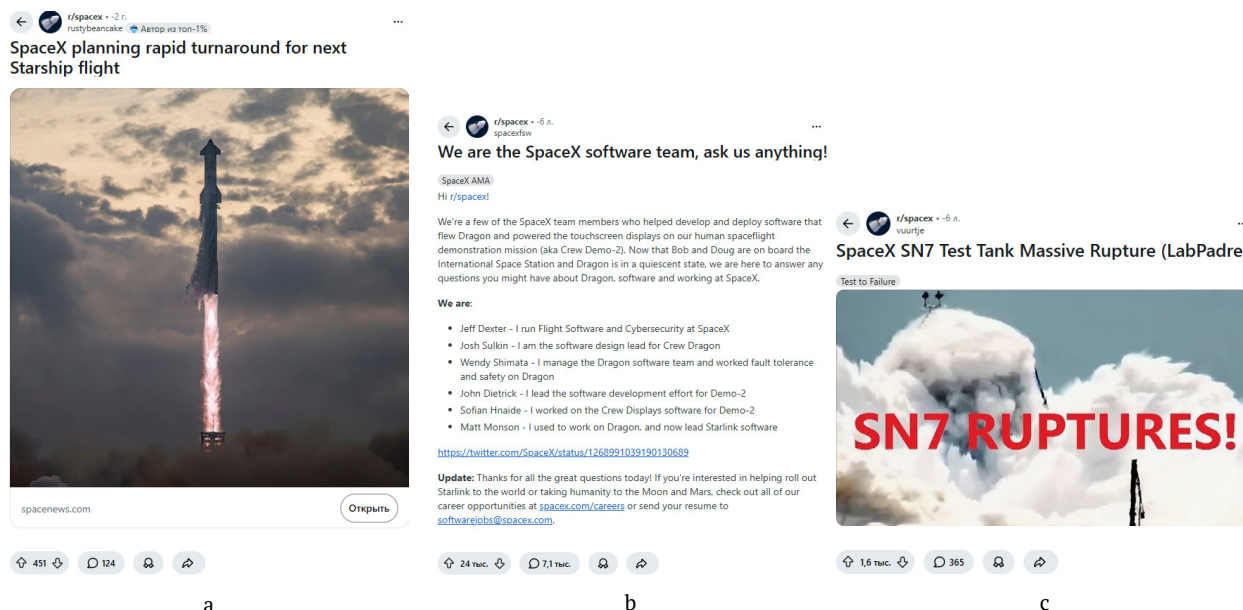

Рис. 2. Публикации семантической категории *SpaceX activity*
Fig. 2. Publications on the semantic category of *SpaceX activity*

и эксплуатацию новых образцов ракет-носителей и т. д. (рис. 2b⁵). Следует отметить высокую информативную плотность постов семантической категории *SpaceX activity*, проявляющуюся в отражении комплекса показателей технико-организационного уровня деятельности компании SpaceX.

Корпус постов семантической категории *Technical specification*, посвященных техническим характеристикам ракет-носителей Falcon и Dragon, а также спутниковых систем Starlink и Starshield, представлен 31 единицей вербально-визуальных сообщений, 9 публикациями видеорядов, 23 текстовыми публикациями (рис. 3).

Публикации предоставляют данные о технических параметрах многоэтажных ракетных ускорителей средней грузоподъемности Falcon 9 и ракет-носителей сверхтяжелого класса Falcon Heavy, а также информацию о количестве полетов, количестве доставленных на орбиту спутников и грузов, времени полетов и экипажах (рис. 3c⁶). Кроме того, в некоторых публикациях содержится информация об объеме загрузки ракет топливом при организации тест-полетов (рис. 3b⁷), приводится аналитика используемых материалов

для строительства ракет-носителей и спутников Starlink. Некоторые публикации рассматриваемой семантической категории являются по сути симуляторами полетов с возможностью изменения технических параметров. В публикации рисунка 3a⁸ при переходе по внутрипостовой гиперссылке открывается окно симулятора официального сайта iss-sim.spacex.com, где пользователи могут в игровом формате при помощи управления виртуальными джойстиком пройти виртуальный космический полет, задавая технические параметры движения. Игровая интеграция в концепции развития SpaceX формирует активный отклик аудитории поколения зумеров и способствует продвижению «продуктов» компании на рынке. Прежде всего, это касается использования спутников Starlink, которые (благодаря использованию на низкой околоземной орбите) обеспечивают высокую скорость передачи данных, необходимую для стриминга, онлайн-игр и видеоконференций.

Публикации семантической категории *SpaceX and US government*, информирующие о взаимодействии правительства США в лице государственной компании NASA, а также публикации, посвященные

⁵ spacexfs. We are the SpaceX software team, ask us anything! *Reddit*. 5 Jun 2020. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/gxb7j1/we_are_the_spacex_software_team_ask_us_anything/ (accessed 1 Apr 2025).

⁶ rykllan. SpaceX's flightworthy boosters as of Apr 30, 2021. *Reddit*. 30 Apr 2021. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/n1qbuw/spacexs_flightworthy_boosters_as_of_apr_30_2021/ (accessed 21 Apr 2025).

⁷ [SpaceX] Starship and Super Heavy were loaded with more than 10 million pounds of propellant today in a flight-like rehearsal ahead of launch. *Reddit*. 25 Oct 2023. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/17ftmuo/spacex_starship_and_super_heavy_were_loaded_with/ (accessed 21 Apr 2025).

⁸ isevenx. SPACEX – ISS Docking Simulator. *Reddit*. 12 May 2020. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/gigmfh/spacex_iss_docking_simulator/ (accessed 21 Apr 2025).

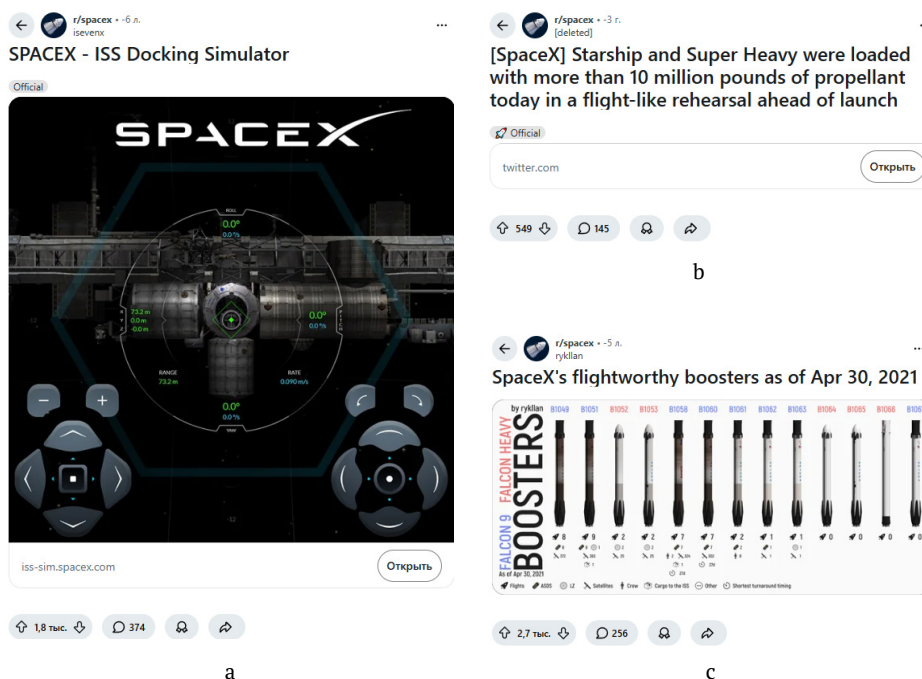

Рис. 3. Публикации семантической категории *Technical specification*
 Fig. 3. Publications on the semantic category of *Technical specification*

высказываниям, действиям или реакциям Илона Маска, показали приблизительно одинаковую активность: 25 / 23 вербально-визуальных поста, 11 / 6 собственно вербальных, 2 / 1 вербально-кинестетических. Обозначенные публикации содержат информацию о контрактах SpaceX с NASA на запуски установок Falcon 9 и создание модулей PPE (Power and Propulsion Element – модуль энергообеспечения и двигательной установки) и HALO (Habitation and Logistics Outpost – жилой и логистический аванпост) в рамках создания окололунной станции Gateway⁹ и официальные данные о прохождении сертификации FCC¹⁰, а также информацию от основателя компании о планах развития SpaceX и аналитику результатов осуществляемых миссий.

14 постов, связанных с экологическими вопросами, представлены 10 вербально-визуальными и 4 собственно вербальными сообщениями. Прежде всего, публикации освещают новости о пыльных бурях, возникающих на стартовых площадках SpaceX, и негативных последствиях неудачных запусков ракет-носителей для окружающей среды и дикой природы. К примеру, серьезный общественный резонанс с обращением в суд за отзывом лицензии у SpaceX, предоставленной FAA (Федеральным управлением гражданской авиации), вызвало самоуничтожение сверхтяжелой системы Starship над Мексиканским

заливом в апреле 2023 г. Иллюстрации взрыва в публикациях подписчиков и ссылки на статьи электронного издания The Texas Tribune¹¹ в постах, казалось, должны были способствовать формированию критического образа компании SpaceX. Однако в дискурсе сообщества эти материалы получили иную интерпретацию, поскольку были переосмыслены как свидетельство сложности и беспрецедентности программы Starship для ракетно-космической отрасли, что парадоксальным образом укрепило восприятие SpaceX как компании, работающей на пределе технологических возможностей.

Тематическая категоризация и анализ сообщений сообщества r/SpaceX, таким образом, иллюстрирует концепт-продукты компании SpaceX. К ним относятся новейшие корабли Starship и Crew Dragon, а также запуски на орбиту, кроме спутников Starlink и Starshield, французского телекоммуникационного Eutelsat 36D и проекта совместной деятельности Европейского союза и Европейского космического агентства – навигационного спутника Galileo. Тематика публикаций отражает пользовательский интерес к деятельности компании SpaceX, когнитивную активность участников коммуникации, их стремление к углубленному пониманию технических и организационных аспектов. В совокупности эти факторы способствуют формированию в дискурсе

⁹ SpaceX Илона Маска поможет NASA построить станцию около Луны. *РБК*. 10.02.2021. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/6023a90f9a7947441f5ef152?from=souru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁰ Сертификация FCC. *Tritek Battery*. URL: <https://tritekbattery.com/ru/fcc-certification/> (дата обращения: 21.04.2025).

¹¹ The Texas Tribune. URL: <https://www.texastribune.org/> (accessed 21 Apr 2025).

сообщества целостного образа SpaceX как высоко-технологичной и инновационной корпорации. Преобладание осложненных (поликодовых) типов текстов в обозначенных тематических блоках реализует когнитивно-адаптирующую функцию, которая снижает когнитивную нагрузку и делает сложный инженерный контент доступным для разноуровневой аудитории, обеспечивая полноту и целостность содержания, а также интерактивность коммуникации. Публикационная активность подписчиков r/SpaceX отражает их фокус на количественных и качественных показателях деятельности компании. Так, в публикациях сообщества неоднократно подчеркивается, что «надежность и стабильная повторяемость запусков ракеты Falcon 9 привели к сокращению затрат и снижению цены на предоставление услуг по доставке грузов. Вырос спрос со стороны владельцев небольших спутников»¹². В сообществе эти факты интерпретируются как свидетельство технологической состоятельности SpaceX и ее лидирующих позиций в отрасли, что укрепляет сформированный образ компании как надежного и инновационного игрока на рынке космических услуг.

Лингвостилистические параметры семантического ядра публикаций

Отдельного внимания заслуживают вербальные компоненты сообщений на странице сообщества, поскольку лингвостилистические параметры формируют информативную целостность и плотность семантического ядра постов. Большая часть сообщений содержит внутренние гиперссылки на официальные источники информации на сайте компании SpaceX, а также публикации в авторитетных электронных СМИ, следовательно, анализ лингвостилистических параметров вербальных репрезентаций постов необходимо проводить с учетом функциональной стилистики публицистической речи, характеризующейся информативной и воздействующей функцией на адресата, способствующей концептуализации образа SpaceX в дискурсе r/SpaceX.

Информативная функция актуализируется при подаче новостной информации о деятельности компании. В качестве регулятора публикаций выступает заголовок (или его часть) статьи или информационной рубрики официального сайта, который

содержит документальную или фактическую информацию, констатируемую или описываемую в расширенном контексте в тексте самой публикации или семантизируемую при переходе по гиперссылке. В этой связи можно говорить о стандартизации речи сообщения, которой отвечает наличие повествовательных предложений. Стиль публикации характеризуется нейтральностью изложения. Например:

- *Another goal of the Artemis program includes landing the first person of color on the lunar surface*¹³ / *Одна из задач программы Artemis – отправить на Луну первого темнокожего астронавта*¹⁴;
- *SpaceX is currently developing its next rocket, Starship, down in Boca Chica, Texas*¹⁵ / *В Техасе, на космодроме Бока-Чика, SpaceX активно работает над созданием ракеты Starship*;
- *The first two Starship flights in April and November last year ultimately failed, but each of the experimental launches provided valuable data*¹⁶ / *Два первых запуска Starship в апреле и ноябре 2023 г. закончились авариями, но каждый из них стал источником важной информации для инженеров.*

Фактологическая информация публикаций исключает субъективность подачи и фиксируется лексемами, описывающими процесс заявляемого события в любой момент его протекания, например, *begin negotiations (начать переговоры), to pursue an exchange (организовать обмен), conducting environmental assessments (проведение экологической экспертизы), provided subpar translation services (предоставили некачественную лингвистическую поддержку), plans at least four Starship launch pads (планирует как минимум четыре стартовые площадки для Starship), has ended production of new Crew Dragon astronaut capsules (прекратил производство новых капсул Crew Dragon для астронавтов)* и т. п.

Поскольку публикации сообщества посвящены деятельности компании, ключевыми можно считать глаголы, фиксирующие основные точки процесса, такие как *schedule, develop, manufacture, build, maintain, launch, start, finish, delay, cease (production), undergo (refurbishment), refurbish, fix, fly, land, trigger* и др.:

- *Like Crew Dragon, SpaceX's workhorse reusable rocket, the Falcon 9, and its more powerful variant Falcon Heavy are also refurbished after each flight,*

¹² klimensky. Как SpaceX захватывает космос. *Хабр*. 06.05.2024. URL: <https://habr.com/ru/companies/first/articles/798513/> (дата обращения: 21.04.2025).

¹³ NASA Picks SpaceX to Land Next Americans on Moon. *Reddit*. 16 Apr 2021. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/msc7pq/nasa_picks_spacex_to_land_next_americans_on_moon/ (accessed 31 Mar 2025).

¹⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

¹⁵ HPA97. Elon Musk says SpaceX could face 'genuine risk of bankruptcy' from Starship engine production. *Reddit*. 30 Nov 2021. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/r5ccpc/elon_musk_says_spacex_could_face_genuine_risk_of/ (accessed 31 Mar 2025).

¹⁶ CProphet. The next Starship mission has a tentative launch date: March 14. *Reddit*. 6 Mar 2024. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/1b819tt/the_next_starship_mission_has_a_tentative_launch/ (accessed 31 Mar 2025).

and not every component **is able to fly** to space more than once¹⁷ / Как и Crew Dragon, основная много-разовая ракета SpaceX Falcon 9 и ее более мощная версия Falcon Heavy **восстанавливаются после каждого полета**, однако не все компоненты **можно использовать повторно для полетов** в космос;

- The Starship upper stage **triggered** its flight termination system late in its burn¹⁸ / Верхняя ступень Starship **активировала** систему аварийного подрыва на завершающем этапе работы двигателей.

Включение прямой речи или цитат в публикацию, посвященную деятельности компании, характеризует документальный характер изложения, свидетельствующий о достоверности информации, экспертного мнения, представленного в посте. При фиксации статуса эксперта используются глаголы речи: *said, stated, noted, added, marked* и т. п.:

- William Gerstenmaier – SpaceX’s vice president for build and reliability who previously served as NASA’s associate administrator for human exploration – **delivered the warning** Wednesday to the Senate subcommittee on space and science at a hearing on commercial space regulations. <...> "It’s a shame when our hardware is ready to fly, and we’re not able to go fly because of regulations or review", Gerstenmaier **said**, noting that SpaceX has been ready for a month to launch the next Starship test flight. <...> He also **claimed** the regulatory delays have "nothing to do with public safety"¹⁹ / Уильям Герстенмайер – вице-президент SpaceX по разработке и надежности, ранее занимавший пост заместителя администратора NASA по пилотируемым миссиям, – **выступил в среду с предупреждением** на слушаниях подкомитета Сената по космосу и науке, посвященных регулированию коммерческой космической деятельности. <...> «Досадно, когда наше оборудование готово к полету, но мы не можем запустить его из-за нормативных требований или бюрократических согласований», – **заявил Герстенмайер**, отметив, что SpaceX уже месяц готова к следующему испытательному запуску Starship. <...> Он также **подчеркнул**,

что регуляторные задержки «не имеют никакого отношения к безопасности населения».

Кроме того, достоверность и экспертность информации подтверждаются терминологическими включениями в тексты публикаций: *falcon heavy boosters* (ускорители Falcon Heavy), *cryogenic tank-to-tank fuel transfer* (криогенная перекачка топлива между баками), *Starlink satellites and terminals* (спутники и терминалы Starlink), *missile-detection satellites* (спутники обнаружения ракетных пусков), *transporter* (групповой запуск) и т. п.:

- Starshield is drawing from SpaceX’s experience as **a satellite supplier** for the Space Force’s Space Development Agency. SDA is procuring satellites to build a **Transport Layer in low Earth orbit**, a mesh network that will move data collected by a Tracking Layer of **missile-detection satellites**²⁰ / Программа Starshield использует опыт SpaceX как **поставщика спутников** для Космического агентства развития (SDA) при Космических силах США. SDA закупает спутники для создания «**Транспортного слоя**» на низкой околоземной орбите – ячеистой сети, передающей данные, собранные «Слоем отслеживания» из **спутников обнаружения ракет**;
- SpaceX’s **static-fire test** of nearly all the engines in its Starship **booster** earlier this month was "the last box to check" before the vehicle’s first orbital launch attempt, likely sometime in March, a company official said Feb. 21. <...> "The **vehicle** is in good shape. The **pad** is in good shape"²¹ / **Статические огневые испытания** почти всех двигателей ускорителя Starship, проведенные SpaceX в начале этого месяца, стали «последним пунктом в списке проверок» перед первой попыткой орбитального запуска, запланированной ориентировочно на март. Об этом заявил представитель компании 21 февраля. <...> «**Ракета и стартовая площадка** находятся в отличном состоянии».

Таким образом, лингвостилистический анализ показывает, что информационно-фактологический регистр является доминирующим в вербальной составляющей публикаций r/SpaceX. Использование глаголов процесса, терминологии, цитат экспертов и документального синтаксиса формирует каркас

¹⁷ AWildDragon. SpaceX ending production of flagship crew capsule. *Reddit*. 28 Mar 2022. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/tq8ufp/spacex_ending_production_of_flagship_crew_capsule/ (accessed 31 Mar 2025).

¹⁸ rustybeancake. SpaceX targets February for third Starship test flight. *Reddit*. 10 Jan 2024. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/193gqo6/spacex_targets_february_for_third_starship_test/ (accessed 31 Mar 2025).

¹⁹ niki_sun. SpaceX slams regulatory 'headwinds' for holding up Starship, risking US dominance in space | CNN. *Reddit*. 19 Oct 2023. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/17biw3u/spacex_slams_regulatory_headwinds_for_holding_up/ (accessed 31 Mar 2025).

²⁰ rustybeancake. With Starshield, SpaceX readies for battle. *Reddit*. 21 Jan 2023. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/10hx1mu/with_starshield_spacex_readies_for_battle/ (accessed 31 Mar 2025).

²¹ rustybeancake. SpaceX proceeding with Starship orbital launch attempt after static fire. *Reddit*. 22 Feb 2023. URL: https://www.reddit.com/r/spacex/comments/119cmv0/spacex_proceeding_with_starship_orbital_launch/ (accessed 31 Mar 2025).

объективности и достоверности. Этот каркас выступает семантическим ядром, структурно-смысловой константой гибридного дискурса r/SpaceX, формируя базовый уровень репрезентации цифрового образа SpaceX как высокотехнологичной и инновационной компании.

Заключение

В результате анализа 247 публикаций была разработана и обоснована типология постов, составляющих основу дискурса. Установлено, что дискурс формируется тремя ключевыми типами поликодовых текстов: вербально-визуальными (64 %), вербальными (25 %), видеовербальными (11 %). Анализ показал, что именно вербально-визуальные публикации, объединяющие фактологический текст с инфографикой, выступают основным инструментом адаптации сложного инженерного контента, обеспечивая его когерентность и доступность для разноуровневой аудитории.

Контент-анализ позволил выявить и систематизировать содержательные (тематические) доминанты, формирующие семантическое ядро дискурса, отражающее фокус пользовательского интереса: оперативная деятельность компании (SpaceX Activity), технические спецификации (Technical Specification), взаимодействие с государственными структурами (SpaceX and US Government), роль основателя компании (Elon Musk) и экологическая проблематика (SpaceX and Environment). Преобладание категории SpaceX Activity (112 публикаций) подтверждает, что дискурс сконцентрирован на оперативном освещении и коллективном осмыслении текущих миссий, запусков и инженерных решений компании.

Лингвостилистический анализ вербального компонента публикаций позволил описать доминирующий информативно-фактологический регистр дискурса. Установлено, что семантическое ядро формируется за счет: 1) использования глаголов процесса, фиксирующих динамику деятельности SpaceX; 2) насыщенности специализированной терминологией и аббревиатурами; 3) включения прямой речи и цитат, что придает текстам документальность и усиливает

доверие к информации. Семантическое ядро выступает каркасом информационной плотности и создает основу для предметно-логической подачи материала.

Таким образом, дискурс r/SpaceX представляет собой гибридную форму цифровой коммуникации, характеризующуюся поликодовой структурой, где визуальные и видеоформаты системно дополняют и иллюстрируют вербальный ряд; четкой тематической организацией вокруг ключевых аспектов деятельности компании; доминированием информативного регистра, ориентированного на точную передачу фактических данных. Данная структурно-семантическая организация выполняет ключевую роль в адаптации высокоспециализированного технологического нарратива для широкой аудитории, трансформируя его в доступный контент.

В качестве перспективы исследования рассматривается анализ коммуникативно-прагматических характеристик и функций дискурса r/SpaceX, инструментов эмоционального вовлечения аудитории и конструирования образа SpaceX в цифровой среде.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Раскрытие использования ИИ: Для систематизации списка литературы, улучшения языка и стиля текстов аннотаций и основных выводов был использован искусственный интеллект DeepSeek (разработчик: DeepSeek AI, версия: Latest, знания актуальны до июля 2024 г.). Все концептуальные положения, научные выводы и интерпретации данных были сформулированы автором независимо.

AI Declaration: DeepSeek AI was employed for bibliographic systematization and stylistic editing of the abstract and summary (July 2024). The author independently developed all theoretical propositions, scientific conclusions, and data interpretations.

Литература / References

1. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2011. № 2. С. 154–159. [Sidorova I. G. Pragmatic communication characteristics of personal and interpersonal genres in the internet discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2011, (2): 154–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooxutj>
2. Галичкина Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021. № 7. С. 94–101. [Galichkina E. N. Internet discourse: The basic research areas and the tendencies of development. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*, 2021, (7): 94–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhvbdf>

3. Галиуллина Л. И. Интернет-коммуникация и ее влияние на повседневную речь. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 9-3. С. 126–128. [Galiullina L. I. Online communication and its impact on everyday speech. *International Research Journal*, 2021, (9-3): 126–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.094>
4. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры. In: Агагюлова С. И., Галичкина Е. Н., Горошко Е. И. и др. *Интернет-коммуникация как новая речевая формация*. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 9–52. [Goroshko E. I. Contemporary internet communication: Structure and main parameters. In: Agagyulova S. I., Galichkina E. N., Goroshko E. I. et al. *Internet communication as a new speech formation*. Moscow: Flinta; Nauka, 2012, 9–52. (In Russ.)]
5. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Гнозис, 2025. 592 с. [Karasik V. I. *Language bridges of understanding*. Moscow: Gnozis, 2025, 592. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hgdhvn>
6. Карасик В. И. Сетевая языковая личность. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 6. С. 33–45. [Karasik V. I. Network language personality. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, (6): 33–45. (In Russ.)] https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_33
7. Копусь Т. Л. К вопросу об исследовании цифрового языка. *Сервис Plus*. 2021. Т. 15. № 2. С. 13–23. [Kopus T. L. On the research of digital language. *Service Plus*, 2021, 15(2): 13–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2413-693X-2021-2-13-23>
8. Миронова Н. И. Интернет-коммуникация: проблемы и перспективы исследования. *Мир лингвистики и коммуникации*. 2022. № 67. С. 1–16. [Mironova N. I. Internet communication: Problems and research prospects. *World of Linguistics and Communication*, 2022, (67): 1–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iwtgts>
9. Новицкая Н. П., Аргунова В. Г. Понятие интернет-дискурса и жанры интернет-коммуникации. *Инновационное развитие современной науки: XL Междунар. науч.-практ. конф. (Анапа, 11 октября 2021 г.) Анапа: НИЦ ЭСП, 2021. С. 53–60.* [Novitskaya N. P., Argunova V. G. The concept of Internet discourse and genres of Internet communication. *Innovative development of modern science: Proc. XL Intern. Sci.-Prac. Conf., Anapa, 11 Oct 2021*. Anapa: SRC ESP, 2021, 53–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/abaqvh>
10. Хатхе А. А., Читао И. А., Хуажева Н. Х., Шхалахова Р. А. Интернет-коммуникация и его актуальная и виртуальная среда. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 11-2. С. 71–73. [Khatkhe A. A., Chitao I. A., Khuazheva N. Kh., Shkhalakhova R. A. Internet communication and its current and virtual environment. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, (11-2): 71–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-2-71-73>
11. Харченко Н. Л., Багдасарова И. Ю., Луценко Н. С., Надедова Е. А., Крутова И. Н. Цифровой дискурс как среда развертывания инновационной коммуникации в контексте информатизации общества. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 1-1. С. 178–182. [Kharchenko N. L., Bagdasarova I. Yu., Lutsenko N. S., Nadedova E. A., Krutova I. N. Digital discourse as an environment for the deployment of innovative communication in the context of informatization of society. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 2023, (1-1): 178–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twwwbh>
12. Шерматова А. М., Алимжан кызы Ж. Понятие дискурса и интернет-дискурса в современной лингвистике. *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2023. № 2. С. 256–258. [Shermatova A. M., Alimzhan kyzy Zh. The notion of discourse and Internet discourse in modern linguistics. *Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*, 2023, (2): 256–258. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2023.80.65.055>
13. Barnes S. B. *Computer-mediated communication: Human-to-human communication across the Internet*. Boston: Allyn and Bacon, 2003, 347.
14. Van Dijk J. *The network society: Social aspects of network media*. London: Sage, 2006, 292.
15. Herring S. C. Computer-mediated discourse analysis: An approach to researching online behavior. *Designing for virtual communities in the service of learning*, eds. Barab S. A., Kling R., Gray J. H. New York: Cambridge University Press, 2004, 338–376. URL: <https://homes.luddy.indiana.edu/herring/cmda.pdf> (accessed 10 Jan 2026).
16. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 272. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164771>
17. Vistisen P., Jensen T. Designers as fans: Bottom-up online explorations of new technology concepts as a genre of design fan fictions. *First Monday*, 2018, 23(12). <https://doi.org/10.5210/fm.v23i12.9298>
18. Михалёва О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки. *Системное и асистемное в языке и речи: Междунар. науч. конф. (Иркутск, 10–13 сентября 2007 г.) Иркутск: ИГУ, 2007. С. 360–377.* [Mikhaleva O. L. Object discourse vs subject discourse: System-forming features. *Systemic*

- and asystemic in language and speech: Proc. Intern. Sci. Conf., Irkutsk, 10–13 Sep 2007. Irkutsk: ISU, 2007, 360–377. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwyuci>
19. Дамбаева Е. Ю. Дискурс корпоративного бренда как тип дискурса объекта. *Вестник ВСГУТУ*. 2012. № 3. [Dambaeva E. Yu. Discourse of the corporate brand as a type of discourse of the object. *ESSUTM Bulletin*, 2012, (3). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcotzj>
 20. Shifman L. *Memes in digital culture*. Cambridge: MIT Press, 2014, 200. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001>
 21. Kozinets R. V. *Netnography: Doing ethnographic research online*. London: Sage Publications, 2010, 221.
 22. Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*, eds. Cole P., Morgan J. New York: Academic Press, 1975, 41–58. URL: <https://thegricean.github.io/xprag-ling247/readings/grice1975.pdf> (accessed 10 Jan 2026).
 23. Левит А. А. Особенности соотношения вербальной и невербальной составляющих в поликодовых текстах. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 8. [Levit A. A. Specifics of verbal and non-verbal content relationships in polycode texts. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, (8). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.3>
 24. Мавлеева Д. В. Поликодовые тексты как элемент пропаганды (на примере северокорейских политических комиксов). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 11. С. 29–34. [Mavleeva D. V. Polycode texts as an element of propaganda (on the example of North Korean political comics). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, (11): 29–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/niiwtu>
 25. Малёнова Е. Д. Поликодовый аудиовизуальный текст: от восприятия к переводу. *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 3. С. 684–687. [Malenova E. D. Polycode audiovisual text: From cognition to translation. *Cognitive Studies of Language*, 2022, (3): 684–687. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwhoxj>
 26. Новоспасская Н. В., Дугалич Н. М. Терминосистема теории поликодовых текстов. *Русистика*. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. [Novospasskaya N. V., Dugalich N. M. Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 2022, 20(3): 298–311. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
 27. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации. In: Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330. [Jakobson R. O. Language vs. other communication systems. In: Jakobson R. O. *Selected works*. Moscow: Progress, 1985, 319–330. (In Russ.)]
 28. Трубина З. И. Лингводидактический потенциал креолизованных текстов. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2019. № 3. С. 163–174. [Trubina Z. I. Linguodidactic potential of creolized texts. *Crede Experto: Transport, society, education, language*, 2019, (3): 163–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/giyvqe>
 29. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Akademia, 2003. 123 с. [Anisimova E. E. *Text linguistics and intercultural communication in creolized texts*. Moscow: Akademia, 2003, 123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywotpl>
 30. Пойманова О. В. Семантическое пространство. Анализ семантической структуры видеовербального текста. *Информационная структура текста*. М.: МГЛУ, 1994. Вып. 404. С. 9–16. [Poimanova O. V. Semantic space. Semantic structure of the video-verbal text. *Information structure of the text*. Moscow: MGLU, 1994, iss. 404, 9–16. (In Russ.)]
 31. Науменко Т. В. Социология массовых коммуникаций в структуре социологического знания. *Социологические исследования*. 2003. № 10. [Naumenko T. V. Mass communications sociology in structure of sociological knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003, (10). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooornh>
 32. Ворошилова М. Б. *Политический креолизованный текст: ключи к прочтению*. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 194 с. [Voroshilova M. B. *Political creolized text: Keys to reading*. Ekaterinburg: USPU, 2013, 194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qirmsx>

оригинальная статья

eLibrary EDN: KRSIEU

Актуальные мировые тенденции в разработке и внедрении вспомогательных средств обучения лиц с ограничениями жизнедеятельности

Островский Антон Николаевич

Российский государственный университет социальных технологий, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1098-3930

<https://orcid.org/0000-0001-5666-658X>

ostrovsky@rgust.ru

Порошина Ангелина Михайловна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 1051-9680

<https://orcid.org/0000-0002-5005-1098>

Пяткина Екатерина Станиславовна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 7312-1653

<https://orcid.org/0000-0003-4897-5803>

Аннотация: В работе рассмотрены актуальные мировые тенденции в разработке и внедрении вспомогательных средств обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья. Цель – выявить специфику современного состояния и тенденций разработки и внедрения вспомогательных средств обучения лиц с ограничениями жизнедеятельности как ориентира их последующей адаптации для совершенствования отечественной практики поддержки данной категории граждан в Российской Федерации. В рамках статьи проведен обзор актуальных зарубежных источников за период 2017–2023 гг., представляющих опыт создания и внедрения вспомогательных средств обучения. В работе рассмотрены планшеты для слабовидящих; интерфейсы электронного обучения с функциями взаимодействия для использования обучающимися с нарушением зрения и слуха; интерактивные учебные среды и онлайн-курсы, адаптированные для использования с различными вспомогательными технологиями: голосовыми ассистентами и экранными ридерами; расширяющие и альтернативные коммуникации (устройства, генерирующие речь; планшеты с приложениями преобразования текста в речь и речи в текст для улучшения чтения и письма, технологии распознавания речи); технологии виртуальной и дополненной реальности (VR / AR); интеллектуальные системы на основе метавселенной и опций VR / AR; технология "Eye-gaze" («взгляд в глаза»). В результате было установлено, что актуальными в мировой практике направлениями развития новых вспомогательных технологий в образовании являются: улучшение существующих технологий преобразования текста в речь и создание более интуитивных пользовательских интерфейсов; разработка алгоритмов, которые могут анализировать контекст и предлагать более точные и понятные голосовые команды; интеграция технологий расширяющих и альтернативных коммуникаций (устройств, генерирующих речь; планшетов с приложениями преобразования текста в речь и речи в текст для улучшения чтения и письма; мультILINGВАЛЬНЫХ систем распознавания речи) в повседневную образовательную практику и жизнь обучающихся; дальнейшее развитие технологий дополненной реальности посредством их адаптации для различных сенсорных и когнитивных особенностей восприятия информации; интеграция интеллектуальных систем на основе метавселенной в системы управления обучением для анализа данных о каждом студенте и адаптации учебного процесса под его уникальные потребности; интеграция технологии "Eye-gaze" в другие вспомогательные технологии.

Ключевые слова: реабилитация инвалидов, вспомогательные средства, образование, расширяющие и альтернативные коммуникации, технологии виртуальной и дополненной реальности, технология "Eye gaze"

Цитирование: Островский А. Н., Пяткина Е. С., Порошина А. М. Актуальные мировые тенденции в разработке и внедрении вспомогательных средств обучения лиц с ограничениями жизнедеятельности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 248–263. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-248-263>

Поступила в редакцию 16.06.2025. Принята после рецензирования 18.09.2025. Принята в печать 22.09.2025.

original article

Global Trends in Inclusive and Assistive Education for Students with Disabilities: A Review of International Practices

Anton N. Ostrovskii

Russian State University of Social Technologies, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1098-3930

<https://orcid.org/0000-0001-5666-658X>

ostrovsky@rgust.ru

Angelina M. Poroshina

Saratov National Research Chernyshevsky State University,

Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 1051-9680

<https://orcid.org/0000-0002-5005-1098>

Ekaterina S. Pyatkina

Saratov National Research Chernyshevsky State University,

Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 7312-1653

<https://orcid.org/0000-0003-4897-5803>

Abstract: The review features the latest global trends in new technological solutions in the field of education for students with disabilities. It describes the best global practices that can be implemented by Russian schools and universities. The review covers international peer-reviewed scientific articles published in 2017–2023. The list of assistive tools includes tablets for the visually impaired; e-learning interfaces with interaction functions for students with visual and hearing impairments; interactive learning environments and online courses adapted for various assistive technologies, e.g., voice assistants and screen readers; augmentative and alternative communications, e.g., speech-generating devices; tablets with text-to-speech and speech-to-text applications and speech recognition technologies; virtual and augmented reality technologies; intelligent systems based on the metaverse and virtual or augmented reality options; eye-gaze technology. The following areas were found especially relevant in global practice: improving existing text-to-speech technologies and creating more intuitive user interfaces; developing algorithms that can analyze the context and offer more accurate and understandable voice commands; integrating augmentative and alternative communication technologies into everyday education practice; adapting the augmented reality technologies to various sensory and cognitive features of information perception; integrating metaverse intelligent systems into learning management systems to analyze data on each student and adapt the education process to their unique needs; integrating eye-gaze technology into other assistive technologies.

Keywords: rehabilitation, assistive technologies, education, augmentative and alternative communications systems, virtual and augmented reality technologies, eye-gaze technology

Citation: Ostrovskii A. N., Pyatkina E. S., Poroshina A. M. Global Trends in Inclusive and Assistive Education for Students with Disabilities: A Review of International Practices. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 248–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-248-263>

Received 16 Jun 2025. Accepted after review 18 Sep 2025. Accepted for publication 22 Sep 2025.

Введение

Современная система социальной защиты инвалидов представляет собой комплекс гарантированных государством мер поддержки, направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества, в том числе получения услуг образования¹.

Проблемы реабилитации и абилитации инвалидов, а также их профессионализации приобретают особую актуальность в период студенчества, характеризующийся активным становлением личности, обретением «личностной целостности в трудных

ситуациях, обусловленных характером учебно-профессиональной деятельности и характером взаимодействия студентов друг с другом и преподавательским составом» [1, с. 344], сопровождающийся «формированием ценностей, смыслов, личностных характеристик» [2, с. 373], началом самостоятельной, взрослой жизни. Этот период представляет собой один из важнейших этапов профессионализации индивидуума, поэтому необходимость поддержания его психологического благополучия и жизнеспособности в периоды затруднений, включающих

¹ Об основах социального обслуживания граждан в РФ. ФЗ от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018). *СЗ РФ*. 2013. № 52. Ст. 7007.

систему интеграции мер поддержки с применением реабилитационных и абилитационных мероприятий в образовательных организациях среднего и высшего образования, является очевидной и актуальной.

По данным итогового отчета по результатам мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования по вопросам приема, обучения и трудоустройства лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) за 2023 г., проведенного на портале Инклюзивное образование РФ, число лиц с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся в образовательных организациях высшего образования РФ, составляет 39441 человек – 0,9 % от общего числа обучающихся в вузах, принявших участие в мониторинге (4521997 человек)².

Вопросы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов в условиях образовательных организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования РФ (Минобрнауки России), в полной мере отвечают полномочиям ведомства в соответствии с п. 4 Постановления Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». В частности, Минобрнауки России в отношении инвалидов осуществляет следующие полномочия: «порядок обеспечения условий доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг, а также оказания им при этом необходимой помощи в установленной сфере деятельности (по согласованию с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации)»³. Таким образом, задачи повышения эффективности образовательных технологий для работы с обучающимися инвалидами, в первую очередь информационных, отвечают полномочиям Минобрнауки России в части обеспечения доступности объектов предоставляемых услуг, а также оказания им при этом необходимой помощи в установленной сфере деятельности. В целом доступность образовательных технологий для лиц с ограничениями жизнедеятельности в полной мере служит реализации ряда направлений реабилитации и абилитации, определенных Распоряжением Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-р «О концепции развития в Российской Федерации системы комплексной

реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 г.»⁴ (в первую очередь социально-педагогической, профессиональной, социально-психологической).

Несмотря на высокую социальную значимость формирования доступных образовательных услуг в нашей стране, все еще остаются актуальными вопросы обеспечения обучающихся адаптированными образовательными программами, онлайн-курсами и техническими средствами. В этой связи особую важность приобретает оценка мировых контекстов развития отрасли создания и производства современных вспомогательных средств для повышения доступности образовательного процесса, что сподвигло нас к проведению обзора зарубежных источников за период 2017–2023 гг.

Цель исследования – выявить специфику современного состояния и тенденций разработки и внедрения вспомогательных средств обучения лиц с ограничениями жизнедеятельности как ориентира их последующей адаптации для совершенствования отечественной практики поддержки данной категории граждан в Российской Федерации. Пролонгированным итогом такой работы может стать инициация разработки и внедрения новых отечественных вспомогательных технологий, в мировой практике характеризующихся определением *инструменты, методы или среда, которые могут поддерживать или улучшать ограничения повседневной деятельности, вызванные функциональными нарушениями* [3], позволяющих преодолевать барьеры, мешающие полноценному образовательному процессу.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в данной работе впервые представлены результаты проведенного обзора зарубежных источников 2017–2023 гг., описывающих новейшие мировые технологические решения разработки и внедрения вспомогательных средств обучения лиц с ограничениями жизнедеятельности.

Методы и материалы

В обзоре использованы материалы 25 источников, из которых 23 – зарубежные публикации научных периодических изданий 2017–2023 гг., представляющих обобщение опыта разработки и внедрения вспомогательных средств, применяемых для облегчения образовательного процесса с обучающимися, имеющими ограниченные возможности здоровья.

² Характеристика системы высшего образования в Российской Федерации. *Инклюзивное образование*. URL: <https://инклюзивноеобразование.рф/мониторинги> (дата обращения: 16.05.2025).

³ Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования РФ и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682. *СЗ РФ*. 2018. № 26. Ст. 3851.

⁴ О концепции развития в РФ системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-р. *СЗ РФ*. 2022. № 1. Ст. 260.

Результаты

Применение вспомогательных средств обучения, ориентированных на восполнение у обучающихся утраченных функций органов зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, является общепризнанной необходимостью. Так, исследование А. McNicholl, D. Desmond и P. Gallagher показало, что применение вспомогательных технологий оказывает благоприятное влияние на такие психосоциальные аспекты обучающихся, как компетентность, адаптивность и самооценка [4]. Люди, чьи потребности во вспомогательных технологиях были полностью удовлетворены, продемонстрировали значительно более высокие результаты академической эффективности, личного благополучия по 4 из 10 шкал образовательной вовлеченности по сравнению с теми, у кого данные потребности остались неудовлетворенными.

Оценку эффективности обучения в колледже исследовали с помощью теста установки, поведения и диспозиции, важных для академического успеха студентов высших учебных заведений. Он состоит из 50 пунктов по шести подшкалам: академическая самооэффективность (14 пунктов); организованность и внимание к учебе (8 пунктов); стресс и нехватка времени (6 пунктов); вовлеченность в учебную деятельность (9 пунктов); эмоциональная удовлетворенность (7 пунктов); общение в классе (6 пунктов). Каждый пункт оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта.

Самостоятельная эффективность в учебе (SELF-A), а также академическая самооэффективность, проявляющаяся в повседневных учебных задачах, таких как конспектирование, подготовка к контрольным работам и занятиям, являются важными психосоциальными характеристиками. Это единый показатель, включающий 19 вопросов. Учащиеся оценивают каждый пункт по шкале от 0 до 100 баллов (где 0 % означает полную неуверенность в успешном выполнении, а 100 % – абсолютную уверенность). Оценка SELF-A определяется путем усреднения баллов по всем заданиям. Более высокие значения указывают на повышенную уверенность в собственных учебных возможностях. SELF-A обладает подтвержденной надежностью и валидностью.

В эксперименте приняли участие 111 человек (32 мужчины; 77 женщин; 2 представились как другие). Возраст участников варьировался от 18 до 67 лет (средний возраст мужчин – 22,62 года, средний возраст женщин – 28,59 лет, SD – 12,75). 39 участников сообщили о наличии множественных нарушений; нарушения 21 респондента были отнесены к категории *Другие* (которые включали синдром Аспергера / аутизм, синдром дефицита внимания и гиперактивности, нарушение координации развития – диспраксия / дисграфия, тяжелое

продолжающееся заболевание и нарушение речи); 21 респондент сообщил о специфических трудностях в обучении.

Выявлено, что студенты, чьи нужды в ассистивных технологиях (АТ) были в полной мере обеспечены, продемонстрировали существенно лучшие результаты по ряду параметров, связанных с успеваемостью. В частности, это касалось таких аспектов, как уверенность в собственных силах в учебе, уровень стресса, ощущение дефицита времени, а также взаимодействие в аудитории, которые оценивались с помощью CLEI. Эти показатели были значительно выше по сравнению с теми студентами, чьи потребности в АТ оставались нереализованными.

Данный факт акцентирует значимость АТ в указанных сферах для гетерогенной группы студентов с различными формами инвалидности. Это свидетельствует о потенциальной пользе АТ и оправдывает рассмотрение их применения для широкого круга студентов с ограниченными возможностями здоровья в высшем образовании. Полученные данные расширяют предшествующие исследования, которые концентрировались главным образом на преимуществах АТ в контексте вовлеченности в учебный процесс и повышении продуктивности при выполнении заданий среди учащихся с конкретными видами инвалидности, такими как нарушения зрения или дислексия.

При этом, по мнению А. McNicholl, D. Desmond и P. Gallagher, в процессе внедрения таких технологий огромную роль играет единообразное понимание всеми сотрудниками образовательных организаций их образовательных и психологических преимуществ для студентов с различными формами инвалидности [4].

S. E. Kisanga и D. H. Kisanga также отмечают несомненную важность обучения всего педагогического коллектива использованию вспомогательных технологий, что включает в себя не только знание технической стороны вопроса, но и понимание специфических потребностей студентов с различными формами нарушений функций [5].

В исследовании принял участие 21 респондент из Дар-эс-Саламского технологического института (Дар-эс-Салам, Танзания), выбранного целенаправленно из-за имеющегося многолетнего опыта поддержки студентов с ОВЗ. В число респондентов вошли 17 студентов и 4 тьютора, которые оказывали им поддержку в отделе специального образования. Тьюторы прошли обучение, чтобы помочь студентам с ОВЗ в академических вопросах, особенно в адаптации материалов. Их основная роль заключалась в расширении доступа студентов к учебным материалам, а также в налаживании связей между

преподавателями и студентами. Чтобы избежать низкого процента ответов, к участию в исследовании были приглашены все 37 студентов с ОВЗ, но приняли участие только 17.

Для сбора данных от респондентов использовались открытые анкеты и полуструктурированные интервью о типах вспомогательных технологий, которые помогают обучению студентов с ОВЗ и доступны в их учебном заведении, и о преимуществах, связанных с ними. Открытые вопросы помогли собрать данные и подтвердить готовность и способность студентов использовать вспомогательные технологии. Студенты могли выбрать наиболее удобный для них метод между полуструктурированным интервью и открытыми вопросами в анкете. 4 из 17 студентов выбрали участие в полуструктурированных интервью, в то время как 13 студентов – анкету.

В этом исследовании изучалась роль вспомогательных технологий в оказании помощи студентам с ОВЗ в вузах. В частности, в ходе исследования было установлено, что студенты с ОВЗ хорошо разбирались в технологиях, хотя их знания были ограничены теми устройствами, которые доступны в их учебном заведении. Таким образом, возникла необходимость познакомить их с другими современными устройствами. В результате исследование показало, что эти обучающиеся были лучше знакомы с компьютерами с бесплатными программами чтения с экрана с открытым исходным кодом и машинами Брайля, чем с другими устройствами, такими как Braille Note Touch. Результаты исследования по применению устройств АТ, проведенного в Дар-эс-Саламском технологическом институте, свидетельствуют о том, что бюджет, выделяемый вузам, в том числе рассматриваемому, часто не учитывает специфические потребности студентов с ОВЗ и других лиц с особыми требованиями к образованию.

Таким образом, педагоги должны получать регулярное обучение и быть в курсе последних технических разработок, чтобы эффективно использовать предоставленные технологии и устройства. Кроме того, важно содействовать сотрудничеству и обмену опытом между образовательными учреждениями, поскольку это поможет в распространении лучших практик и инновационных решений [5].

В качестве подобных технологий в работе рассматриваются:

- планшеты для слабовидящих;

- интерфейс электронного обучения с функциями взаимодействия для использования обучающимися с нарушением зрения и слуха;
- интерактивные учебные среды и онлайн-курсы, адаптированные для использования с различными вспомогательными технологиями: голосовыми ассистентами и экранными ридерами;
- расширяющие и альтернативные коммуникации (AAC);
- технологии виртуальной и дополненной реальности (VR / AR);
- интеллектуальные системы на основе метавселенной и опций VR / AR;
- технология "Eye-gaze" («взгляд в глаза»).

Планшеты для слабовидящих

Яркой иллюстрацией эффективного сетевого междисциплинарного взаимодействия для консолидации технологических разработок в области повышения доступности образования для инвалидов является пример Национальной сети по разработке вспомогательного оборудования Kosen (Kosen-AT), созданной в 2012 г. в Японии К. Kiyota, Т. Ishibashi, М. Shimakawa и К. Ito. Национальная сеть Kosen-AT с момента своего основания стремительно развивалась, привлекая к сотрудничеству ведущие технические колледжи и исследовательские центры Японии. Основная цель данной коллаборации – создание инновационных вспомогательных устройств, к числу которых относятся планшеты для слабовидящих VLITAB, позволяющие пользователям читать целые страницы на тактильном экране. Устройство VLITAB впервые дало возможность незрячим пользователям учиться, работать и играть на одном мобильном устройстве, обеспечивая цифровой доступ к информации в режиме реального времени. VLITAB преобразует любой документ в текст шрифтом Брайля. В то же время необходимо учитывать, что не все слабовидящие люди знают шрифт Брайля. Согласно статистике, более 60 % лиц с нарушениями зрения в возрасте старше 65 лет не используют шрифт Брайля в повседневной жизни⁵. Это связано с различными факторами, включая позднее наступление слепоты⁶, ограниченный доступ к обучению шрифту Брайля, а также прогрессирующие возрастные заболевания, такие как диабетическая ретинопатия и возрастная макулярная дегенерация, которые могут затруднять освоение новых навыков. Между тем необходимость улучшения образовательных программ и увеличения доступности

⁵ Азбука Брайля. Министерство Здравоохранения Воронежской области. URL: <https://vocmp.zdrav36.ru/novosti/2023-01-04-azbuka-braylya?ysclid=moj934m4v862018376> (дата обращения: 16.05.2025).

⁶ Система Брайля: распространение и популяризация, отв. ред. А. С. Корнилова. Якутск: Якутская республиканская специальная библиотека для незрячих и слабовидящих им. И. Н. Егорова-Горного, 2023. 100 с. <https://elibrary.ru/yummis>

ресурсов для изучения шрифта Брайля представляется важным аспектом в поддержке незрячих людей. В связи с этим даже такие инновационные устройства, как BLITAB, могут оставаться недоступными для части пользователей, если их внедрение не будет сопровождаться созданием обучающих программ или развитием альтернативных способов взаимодействия с текстом.

В исследовании, проведенном S. S. Senjam, A. Foster и C. Bascaran, было выявлено, что наиболее популярными устройствами в среде инвалидов, имеющих ограничения жизнедеятельности по зрению, являются говорящие часы, пишущие машины с текстом Брайля, оптические и электронные увеличительные устройства, а также компьютеры с крупными клавиатурами [6].

В рамках исследования из десяти специализированных школ для слабовидящих в г. Дели была проведена рандомизированная выборка, в нее вошли 250 учащихся. У этих учеников оценили зрительные функции с использованием адаптированной таблицы «Е» и окклюдера с несколькими отверстиями. Участники были разделены на две подгруппы: в первую вошли ученики с остротой зрения 1/60 и выше (потенциально выигрывающие от ассистивных технологий, ориентированных на зрение), а во вторую – с остротой зрения ниже 1/60 (которым, вероятно, больше подойдут АТ, основанные на тактильном или слуховом восприятии).

С помощью специально разработанной анкеты у каждого ученика выяснили наличие осведомленности об АТ и потребность в их использовании. После этого были собраны данные о сложностях, препятствующих использованию АТ, от студентов, знающих об их существовании, считающих их полезными, но не использующих их на практике. Эти сведения были собраны в отношении 42 различных вспомогательных технологий.

Доступ к вспомогательным технологиям позволяет обучающимся с нарушениями зрения значительно улучшить свои образовательные возможности и повысить уровень инклюзии в учебном процессе. Однако, несмотря на высокую потребность в этих устройствах, исследование подчеркнуло ряд значительных барьеров, препятствующих их эффективному использованию. Одна из главных проблем – недостаточная осведомленность и подготовка преподавателей к работе с такими технологиями, затрудняющие их интеграцию в учебный процесс [6]. Существует и еще один нюанс, который следует учитывать всем тем, кто внедряет вспомогательные устройства в помощь слабовидящим студентам. Так, S. E. Kisanga и D. N. Kisanga, изучив роль вспомогательных технологических устройств в содействии обучению студентов с нарушениями зрения в вузах

Танзании, выявили, что большинство данных обучающихся со временем неизбежно становятся зависимыми пользователями этих устройств [5].

Интерфейс электронного обучения с функциями взаимодействия для использования обучающимися с нарушением зрения и слуха

W. Farhan и J. A. Razmak, используя подход человеко-компьютерного взаимодействия human-computer interaction (HCI), разработали интерфейс электронного обучения с функциями взаимодействия для использования обучающимися с нарушением зрения и слуха – систему, включающую панель взаимодействия, состоящую из голосовых кнопок и вкладок, что позволяет пользователям с нарушенным зрением легко перемещаться по интерфейсу и получать информацию в аудиоформате. Для учащихся с нарушением слуха система интегрирует язык жестов и текстовые сообщения. Это дает возможность компенсировать недостаток восприятия аудиоинформации и обеспечивать полноценное взаимодействие с содержимым курса, что способствует увеличению самостоятельности студентов с нарушениями зрения в учебном процессе [7].

Эксперимент проводился как со студентами, так и с преподавателями в течение летнего семестра 2017 г. В этом эксперименте приняли участие 11 студентов с нарушениями слуха (10,8 %) и 17 студентов с нарушениями зрения (16,7 %). Всего было 102 участника.

Студентам было предложено ознакомиться с новыми функциями в предлагаемом пользовательском интерфейсе. После эксперимента их попросили ответить на вопросы опроса, состоящего из трех частей. Первой была шкала (от 0 до 9 баллов) для оценки их удовлетворенности каждой функцией. Шкала была выбрана с использованием валидированного опросника удовлетворенности взаимодействием пользователей (QUIS), который был разработан в Лаборатории человеко-компьютерного взаимодействия Университета Мэриленда в Колледж-Парке. Вторым аспектом была шкала Лайкерта (1–5 баллов), варьирующаяся от *очень сильной* до *совсем не сильной*, для оценки их удовлетворенности всем пользовательским интерфейсом. Третьим компонентом был список вопросов, касающихся их демографической информации и использования электронного обучения в академической жизни.

Ученые пришли к выводу о том, что у систем электронного обучения есть преимущества, которые стоит учитывать, и недостатки, которые мы должны минимизировать в любом новом предлагаемом интерфейсе. Однако использование как качественных, так и количественных данных является преимуществом исследования; ответы студентов

на опросы и мнения преподавателей, полученные в ходе интервью, позволили составить более четкое представление о сильных и слабых сторонах предлагаемого интерфейса электронного обучения. Среди сильных сторон, по признанию как преподавателей, так и студентов, предлагаемый интерфейс включает в себя ценные функции интерактивной коммуникации для поддержки всех студентов (независимо от их способности видеть или слышать). Результаты ответов преподавателей отражают точку зрения тех, кто, несомненно, является основными поставщиками образовательных услуг в университетах. Это означает, что в соответствии со своим реальным жизненным опытом они вносят свой вклад в это исследование, улучшая эмпирические результаты опроса студентов.

Интерактивные учебные среды и онлайн-курсы, адаптированные для использования с различными вспомогательными технологиями: голосовыми ассистентами и экранными ридерами

Интерактивные учебные среды и онлайн-курсы, адаптированные для использования с экранными ридерами и другими вспомогательными технологиями, позволяют студентам эффективно управлять своим временем и учебной нагрузкой. Применение данных технологий также способствует большей социализации и интеграции в студенческую среду обучающихся благодаря предоставляемой им возможности участия в групповых проектах и обсуждениях. Тем самым рассматриваемые инструменты снимают значительные барьеры в студенческих коммуникациях и делают процесс обучения более доступным и инклюзивным.

Для того чтобы расширить круг пользователей, W. Farhan и J. A. Razmak рекомендуют интегрировать в интерактивные учебные среды и онлайн-курсы дополнительные технологии (прежде всего голосовые ассистенты), которые могут воспроизводить текст вслух, и тактильные дисплеи, отображающие графики, схемы и иллюстрации. Такие функции позволят пользователям с разными возможностями восприятия получать максимально полную и точную информацию, необходимую для полноценного освоения учебных материалов.

В мировых междисциплинарных сообществах специалистов по инклюзии и инженеров продолжается работа над улучшением существующих технологий преобразования текста в речь и создания более интуитивных пользовательских интерфейсов; разрабатываются алгоритмы, которые могут анализировать контекст и предлагать более точные и понятные голосовые команды. Однако, несмотря на большие достижения, ученые и исследователи осознают, что впереди еще много работы.

Постоянные пользовательские отзывы и тесное сотрудничество с различными организациями, занимающимися поддержкой людей с ограниченными возможностями, позволяют оперативно вносить улучшающие изменения в существующие разработки. В частности, проект Kosen-AT продолжает оставаться основным двигателем инноваций и улучшения жизни слепых, слабовидящих людей, а также пожилых граждан, предоставляя им инструменты для независимости и полноценной интеграции в цифровое общество [7].

Расширяющие и альтернативные коммуникации

Еще одним направлением развития вспомогательных технологий, применяемых в образовании, существенно улучшающим способности студентов с множественными нарушениями к взаимодействию с окружающим миром, являются ААС – auxiliary and alternative communication. Их методы варьируются от простых жестов и карточек с изображениями до сложных электронных устройств, таких как устройства, генерирующие речь; планшеты с приложениями преобразования текста в речь и речи в текст для улучшения чтения и письма; технологии распознавания речи. Основная цель расширяющей и альтернативной коммуникации – предоставить обучающимся с ограничениями жизнедеятельности возможность выразить свои мысли, желания и потребности, что способствует не только их социальной интеграции, но и когнитивному развитию. При этом при выборе методов ААС особую важность представляет учет индивидуальных потребностей и предпочтений каждого студента, которому может подойти свой уникальный набор инструментов и стратегий. Например, для кого-то особенно полезны символы или карточки с изображениями, которые помогают выражать базовые потребности и эмоции. Для других более подходящими могут оказаться электронные устройства с синтезированной речью, обеспечивающие более широкий диапазон самовыражения своих мыслей и эмоций и позволяющие вести полноценный диалог с окружающими [8].

C. Holyfield и коллеги, оценивавшие эффективность применения ААС в детском возрасте, считают, что одним из ключевых аспектов успешного внедрения расширяющей и альтернативной коммуникации является индивидуализация подхода [Ibid.].

В рамках данного исследования были изучены трое учеников начальной школы, имеющих комплексные нарушения в развитии. Был применен метод попеременного воздействия на одного испытуемого, где каждая из используемых технологий представляла собой отдельное условие. Дети занимались со своими школьными логопедами, используя каждую из двух

технологий в течение пяти сессий, организованных блоками в случайном порядке.

В результате исследования авторы пришли к выводу, что потребности и способности каждого ребенка могут значительно различаться, поэтому важно подобрать наиболее эффективные средства и методы для каждого конкретного случая. Например, для одного ребенка может быть достаточно использования пиктограмм на карточках, в то время как другому потребуется многофункциональное электронное устройство с возможностью добавления новых слов и фраз. Важно постоянно отслеживать прогресс и адаптировать коммуникационные средства в зависимости от изменений в навыках и потребностях пользователя.

Одним из ключевых аспектов успешного внедрения ААС является также их включение в повседневную жизнь учащегося. Это требует совместной работы целой команды специалистов, в частности логопедов, и педагогов в альянсе с родителями обучающихся и другими значимыми для них близкими людьми. При этом сам процесс обучения с применением устройств, а также поддержка пользователей должны быть непрерывными и нацеленными на создание комфортных условий в различных контекстах – на уроках, на переменах, дома или в общественных местах. Регулярная практика важна для того, чтобы ААС становились естественной и интегрированной частью жизни каждого обучающегося, нуждающегося в ней.

Важно отметить, что использование ААС не исключает возможность развития естественной речи. Наоборот, они могут стать мостом к улучшению вербальных навыков. Многие исследования показывают, что обучающиеся, использующие ААС, часто демонстрируют заметные речевые улучшения. Это происходит потому, что ААС помогает создать среду, в которой обучающиеся ощущают меньшие ограничения в попытках общаться и, следовательно, обретают больше уверенности и мотивации для вербального общения. Кроме того, важно учитывать, что внедрение ААС не является полным замещением традиционных форм коммуникации. Наоборот, оно должно быть интегрировано с логопедическими занятиями, обучением устной речи и социальным взаимодействием. Таким образом, ААС становится частью комплексного подхода к развитию лиц с ограничениями функции речи [8].

Н. Tegler и коллеги проанализировали коммуникацию участников инклюзивного образовательного процесса в случаях, когда один из учащихся использует устройство, генерирующее речь (SGD – speech-generating device) [9].

В исследовании, где применялась технология айтрекинга, участвовали двое учеников с тяжелыми

формами ДЦП и когнитивными нарушениями, а также их педагоги, помощники и сверстники. Отбор участников проводился по следующим признакам:

- 1) использование технологии отслеживания взгляда для работы с системами генерации речи (SGD);
- 2) регулярное применение SGD в групповых взаимодействиях в классе не реже нескольких раз в неделю;
- 3) возрастная категория от 7 до 21 года, соответствующая возрасту обучения детей и подростков с интеллектуальными особенностями в шведской образовательной системе;
- 4) тяжелая степень церебрального паралича;
- 5) наличие интеллектуальных ограничений;
- 6) затруднения с речью, делающие ее невнятной.

Тяжесть ДЦП оценивалась на уровне 4–5 по классификации GMFCS (Gross Motor Function Classification System) и 3–5 по MACS (Manual Ability Classification System), что подразумевало передвижение в инвалидной коляске, проблемы с удержанием головы и корпуса, а также невозможность использования рук. Неразборчивость речи соответствовала уровням 3–4 по шкале Викинга. Диагноз умственной отсталости подтверждался фактом обучения участников в специализированных школах, т. к. в Швеции для зачисления в такие учреждения необходимо заключение психолога. Участники посещали разные специализированные школы для детей с трудностями в обучении, являющиеся частью начальной школьной системы. Уровень умственной отсталости в этих школах варьируется от легкого до тяжелого; педагоги и ассистенты обладают опытом работы с альтернативными методами коммуникации; соотношение количества персонала к числу учеников выше, чем в общеобразовательных школах.

Анализ показал, что три стратегии поддержки и сотрудничества способствуют созданию условий для развернутых ответов в сложных диалогах на уроке, особенно при использовании подхода SGD. Эти стратегии включают (а) структурирование и упорядочивание реплик в рамках привычной модели IRE; (б) использование ситуативно-зависимых экранных и мультимодальных средств поддержки; (в) действия педагогов, нацеленные на сохранение возможности для учеников высказывать свои мысли, ограждая их от перебивающих реплик других учеников. Ключевое различие между этими методами поддержки заключалось в том, насколько они обеспечивали учащихся, использующих SGD, необходимым словарным запасом для ответа на вопросы учителя.

Опять же ключевая роль в этом процессе, обеспечивающая условия для плавного и равноправного включения каждого обучающегося в образовательную среду, отводится педагогам и тьюторам.

В частности, педагоги часто адаптируют свои методы преподавания с учетом временных задержек, необходимых для ответов через SGD. Это может включать паузы в диалогах, повторения или переадресацию вопросов для того, чтобы создать комфортные условия для вовлечения обучающихся, использующих такие устройства. Тьюторы могут также предлагать обучающемуся помощь, оказывая ему содействие в настройке устройства или же в отдельных моментах (например, оказание физической поддержки). Все это способствует более плавному и естественному взаимодействию лица с инвалидностью с окружающим его социумом.

Обучающиеся, использующие SGD, активно выстраивают взаимодействие с устройством, осваивают его, а также синхронизируют свои ответы с остальными участниками общения. Их сверстники, в свою очередь, учатся распознавать и уважать уникальные способы коммуникации лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности, что способствует развитию эмпатии, терпимости и навыков общения у всех вовлеченных сторон; формированию инклюзивной поддерживающей образовательной среды. Еще одним из ключевых методов, способствующих повышению эффективности взаимодействия, является использование структурированных и предсказуемых стратегий общения. Преподаватели разрабатывают специальные сценарии занятий, в которых выделены моменты для использования SGD, что позволяет обучающимся с нарушениями речи почувствовать себя уверенно и подготовиться к участию в такой групповой работе с другими обучающимися. Подобные совместные проекты и групповые задания помогают установлению прочных социальных связей, что, в свою очередь, снижает уровень тревожности и предрасполагает к более активному вовлечению каждого участника в учебный процесс.

Н. Tegler и соавторы отмечают, что реализация таких подходов требует систематического профессионального развития педагогов и тьюторов, а также принятия на институциональном уровне политики, поддерживающей инклюзивное образование. Только комплексный подход, включающий техническую, методическую и эмоциональную поддержку со стороны всех участников образовательного процесса, способен создать условия для успешной интеграции в него учащихся, использующих устройства, генерирующие речь. Исследование подобных взаимодействий позволяет понять не только специфические методы и стратегии коммуникации обучающихся в инклюзивном коллективе, но и более широкие социальные и образовательные последствия таких практик. Знания об особенностях применения обсуждаемых технологий могут быть использованы для разработки рекомендаций, улучшающих

инклюзивность и эффективность обучения для всех учащихся, особенно тех, кто зависит от таких средств альтернативной коммуникации, как SGD [9].

Рассмотрим исследование I. Svensson и коллег, которые на протяжении почти трех десятилетий применяли планшеты с приложениями преобразования текста в речь и речи в текст для улучшения чтения и письма при изучении вспомогательных технологий у инвалидов с нарушением функции чтения [10].

В исследовании приняли участие 149 человек. Группа вмешательства прошла 24 сеанса обучения работе с вспомогательными технологиями, а у контрольной группы, напротив, был сделан акцент на классическом обучении.

Детальный анализ результатов эксперимента как в экспериментальной, так и в контрольной группах испытуемых показал, что у участников экспериментальной группы с более низким исходным уровнем навыков наблюдалось более заметное улучшение по сравнению с аналогичными показателями у участников контрольной группы. Полученные результаты могут указывать на то, что эффективность применения ассистивных технологий варьируется в зависимости от изначального уровня подготовки обучающихся. Данный эффект наиболее выражен в группах, где присутствуют лица с несформированными навыками самообслуживания и коммуникации. Кроме того, в ходе опросов и бесед было выявлено, что участники, которые занимались с использованием вспомогательных средств, проявляли большую удовлетворенность учебным процессом. Важно отметить, что несмотря на отсутствие значимых различий в итоговых результатах между группами, вспомогательные технологии показали свою эффективность в повышении уровня самостоятельности и уверенности у их участников. Долгосрочные эффекты таких технологий требуют дальнейшего изучения и анализа для того, чтобы определить потенциал их задействования в различных образовательных и реабилитационных программах. На основании исследования были сделаны выводы о пользе вспомогательных технологий для обучающихся с дислексией в направлении усвоения текстов, в повышении производительности обучения и появлении мотивации к нему. Последнее, по мнению I. Svensson и коллег, достигается посредством улучшения уверенности учащихся с дислексией в своих способностях. Такие технологии позволяют преодолевать барьеры не только в процессе чтения и письма, но и в общей учебной деятельности. Благодаря возможностям преобразования текста в речь учащиеся могут легче воспринимать учебный материал, что способствует более глубокому пониманию и усвоению информации. В целом индивидуализация

обучения играет ключевую роль в успешном применении вспомогательных технологий. Приложения с функцией преобразования речи в текст позволяют учащимся выражать свои мысли и идеи без ограничений, связанных с орфографией или пунктуацией. Это, в свою очередь, снижает уровень тревожности и стресса, часто сопутствующие традиционным методам обучения, и делает учебный процесс более доступным. В долгосрочной перспективе такие технологии способствуют развитию у обучающихся с дислексией независимости, приобретению ими навыков, необходимых для самостоятельного изучения и анализа текстов, открывающих новые возможности для академической и профессиональной карьеры лиц с ограничениями жизнедеятельности [10].

Технология распознавания речи (SRT – speech recognition technology) представляет собой цифровой инструмент, интегрированный в достаточно широкий спектр технологических устройств, таких как компьютеры, смартфоны и планшеты, а также в распространенные «умные» колонки и домашнюю электронику.

К. Berner и A. N. Alves высказывают суждения о способности SRT повысить уровень вовлеченности и самостоятельности людей с ограниченными возможностями при получении начального, среднего и высшего образования, а также при выполнении задач повседневной жизни. Кроме того, SRT играет ключевую роль в профессиональной интеграции людей с ограниченными возможностями. Благодаря SRT появляется возможность модифицировать множество рабочих процессов, что, в свою очередь, дает людям с ограниченными возможностями шанс эффективно справляться со своими обязанностями и принимать деятельное участие в командной работе. Например, преобразование речи в текст существенно облегчает процесс создания письменных работ для людей с ограниченной подвижностью рук, а автоматическая транскрипция голосовых команд в текстовый формат способствует их оперативной и продуктивной коммуникации. Это приобретает особую значимость в контексте дистанционной занятости, получившей широкое распространение в последние годы. Вместе с тем следует подчеркнуть, что для успешной интеграции технологий распознавания речи необходимо учитывать лингвистические и культурные особенности. Различия в языках и диалектах способны существенно повлиять на адекватность распознавания, что возлагает дополнительную ответственность на создателей программного обеспечения. Системы преобразования аудио в текст обязаны поддерживать множество лингвистических контекстов и адаптировать свои механизмы

для учета специфических акустических и лексических черт каждого языка. В данном контексте адаптация к различным языковым средам требует гибкости и точности. Это подразумевает не только учет грамматических правил, но и фонетических нюансов, свойственных каждому языку. Следовательно, мультилингвальные системы распознавания речи играют ключевую роль в обеспечении глобальной доступности технологий и расширении их практического применения. Ключевым аспектом является интерфейс и функциональность, поскольку именно они обеспечивают интуитивно понятное взаимодействие с технологией распознавания речи и ее легкую адаптацию под нужды разнообразных пользователей. Дополнительные функции, такие как адаптивные алгоритмы обучения, которые корректируют работу системы на основе индивидуальных особенностей речи пользователя, могут существенно повысить эффективность и точность ее распознавания. В итоге внедрение технологии распознавания речи в повседневную жизнь и в образовательные процессы не только способствует инклюзии людей с ограниченными возможностями, но и стимулирует их личностный и профессиональный рост, предоставляет доступ к участию в социальной жизни в целом и в профессиональном образовании в частности [11].

Технологии виртуальной и дополненной реальности

Под VR / AR – virtual and augmented reality понимаются устройства и программы, которые представляют, создают и имитируют трехмерные виртуальные среды, а пользователи могут создавать в них своих виртуальных персонажей – аватаров, которые их воплощают.

Результаты исследования L. B. Cadet и коллег показали, что обучающиеся лучше запоминают информацию, представленную в высококачественной графике, из-за повышения уровня своей вовлеченности в процесс работы с такими системами [12].

В рамках этой работы авторы стремились изучить, каким образом аспекты виртуальной реальности, такие как вовлеченность, чувство присутствия и эмоциональный отклик, влияют на процессы запоминания у людей разного возраста. Для достижения этой цели участников погружали в виртуальную среду с помощью VR-шлема, манипулируя при этом уровнем детализации трехмерных объектов (высоким и низким) и типом стимулов, вызывающих негативные, нейтральные или позитивные эмоции. В эксперименте участвовали 48 взрослых (средний возраст – 20,65 лет) и 40 детей (средний возраст – 11,63 лет), которых случайным образом распределили между двумя группами, различавшимися качеством

3D-моделирования. Субъективная оценка значимости, уровня возбуждения и ощущения присутствия производилась с помощью специализированных анкет. Оценка памяти о представленных стимулах осуществлялась посредством теста на произвольное воспроизведение.

Эмоции, вызванные взаимодействием с виртуальной средой, играют ключевую роль в процессе запоминания. Эмоционально насыщенные события и сцены запоминаются лучше, т.к. эмоции способствуют активации определенных областей мозга, отвечающих за долговременное хранение информации, при этом интенсивность эмоций может варьироваться в зависимости от возраста обучающихся. В виртуальных сценариях, где дети и взрослые переживают сильные положительные или отрицательные эмоции, результаты запоминания оказываются заметно лучше по сравнению с эмоционально нейтральными сценами [12]. В виртуальной среде пользователи могут выполнять различные виды деятельности, характеризующиеся реалистичностью и обеспечивающие глубокое погружение в процесс обучения.

В исследовании, опубликованном A. Almutairi и S. Al-Megren, описывается создание приложения для обучения арабскому языку глухих обучающихся, использующего потенциал объединения видео- и аудиопродуктов с дополненной реальностью [13].

Ученые провели предварительные исследования для определения визуальных потребностей глухих обучающихся, изучающих арабский язык, с использованием трех различных инструментов и целей:

- 1) интервью с преподавателями и переводчиками;
- 2) наблюдение за глухими детьми;
- 3) анкетирование родителей глухих детей.

Результаты опроса преподавателей и родителей глухих детей показывают, что они предпочитают использовать несколько ресурсов, в первую очередь жестовый язык, фотографии и видео. Обучающиеся, в свою очередь, лучше справлялись с тактильной азбукой и хуже – с жестовым языком. Это несоответствие подчеркивает важность учета различных точек зрения при разработке приложений, направленных на развитие грамотности у детей младшего возраста [13].

В частности, AR позволяет комбинировать реальные объекты с информацией с виртуальными объектами. В то же время дополненная информация может не ограничиваться зрением и применяться ко всем органам чувств, таким как слух, обоняние и осязание. Это делает дополненную реальность многообещающим форматом содействия процессам образовательной инклюзии, поскольку она способствует множеству средств репрезентации, действий и способов вовлечения студентов в процесс обучения [14].

Контент, обогащенный AR, способствует более глубокому пониманию материала за счет вовлечения различных сенсорных каналов, что особенно важно для лиц с ограничениями слуха. Применяя видео- и аудиоматериалы совместно с виртуальными интерактивными элементами, подобные приложения предоставляют возможность обучаться в пространстве, адаптирующемся к индивидуальным потребностям, а именно к персональным методам усвоения знаний каждого учащегося.

Прогресс в сфере AR-технологий способен кардинально изменить специализированное обучение, расширив возможности адаптации к различным сенсорным и когнитивным стилям обработки информации.

В связи с этим требуется объединение разнообразных сенсорных данных и методов взаимодействия, что позволит сделать обучение мультимодальным и в большей степени ориентированным на индивидуальные потребности. Применение тактильной стимуляции способно оказать поддержку в прояснении сложных концепций посредством чувственного опыта, в то время как визуальное сопровождение может оптимизировать процессы запоминания и усвоения изучаемой информации.

P.-H. Chen и коллеги по итогам проведенных ими исследований подчеркивают, что традиционное обучение зачастую не обеспечивает должного развития практических навыков, необходимых людям с инвалидностью и пожилым людям [15]. В представленном исследовании, где 42 участника были произвольно поделены на две равные группы (по 21 человеку в каждой), был реализован эксперимент с повторным тестированием. Первая группа изучала сначала изображение с эффектом присутствия (A), а затем изображение без данного эффекта (B). Вторая группа, наоборот, начинала с изображения B, а затем переходила к изображению A. Каждое панорамное изображение содержало определенный набор объектов, при этом некоторые объекты были общими для обоих изображений. Измерение памяти происходило дважды: сразу после просмотра изображений (тест на воспроизведение) и повторно через 10 минут (тест на узнавание). Полученные результаты свидетельствуют о том, что первая группа, начинавшая с иммерсивного контента, показала лучшую долговременную память по сравнению со второй группой, которая вначале работала с обычной визуализацией. Эти предварительные данные в конечном итоге говорят о перспективности использования 360° технологий для оценки когнитивных способностей.

В свою очередь виртуальное обучение предлагает уникальную возможность повысить уровень вовлеченности обучающихся и обеспечить более глубокое

понимание сложных ситуаций, с которыми они могут столкнуться на практике. Благодаря VR обучающиеся могут оказаться в смоделированных реальных сценариях, где им необходимо применять теоретические знания на практике, анализировать те или иные ситуации и принимать обоснованные решения. Таким образом, они не просто более эффективно и полно запоминают материал, но и «проживают» его [16; 17].

Интеллектуальные системы на основе метавселенной и опций VR / AR

Следующим уровнем применения VR-технологий в образовательном процессе является использование интеллектуальной системы на основе метавселенной для обучения студентов с ограниченными возможностями, достаточно подробно описанное в исследовании S. Sghaier и коллег [18]. Метавселенная представляет собой уникальную возможность создания адаптируемого и интерактивного пространства, учитывающего индивидуальные потребности каждого студента. Благодаря использованию VR и AR можно создать персонализированные учебные среды, где студенты могут взаимодействовать с учебным материалом в удобном для них формате. Это позволяет не только улучшить усвоение знаний, но и повысить мотивацию к обучению, делая образовательный процесс увлекательным и доступным.

Интеллектуальная система на основе метавселенной заключается в использовании искусственного интеллекта для анализа данных о каждом студенте и адаптации учебного процесса под его уникальные потребности. Это подразумевает отслеживание успеваемости учащихся в текущем режиме, определение проблемных зон и предоставление советов по повышению успеваемости. Искусственный интеллект может генерировать советы по учебным ресурсам, корректировке уровня сложности задач и даже формированию командной работы, чтобы каждый учащийся мог наиболее продуктивно участвовать в учебном процессе. Применение адаптивных методик содействует формированию равных возможностей для всех учащихся (вне зависимости от их физических или умственных особенностей).

Создание подобной интеллектуальной платформы подразумевает рассмотрение широкого спектра аспектов (от технических средств до образовательных подходов). Важнейшей составляющей выступает гибкий интерфейс, способный адаптироваться к индивидуальным нуждам и характеристикам каждого учащегося. Это предполагает конфигурацию виртуальных учебных пространств для обучающихся с различными физическими, сенсорными и когнитивными особенностями. К примеру, студенты с проблемами зрения могут пользоваться звуковым сопровождением и тактильными сигналами,

в то время как для студентов с нарушениями слуха в систему могут быть добавлены субтитры и визуальные подсказки. Важно сосредоточиться на создании интерфейсов и учебных материалов, способствующих вовлеченности и интерактивности студентов. Виртуальные практикумы, моделирование и интерактивные задания, разработанные преподавателем, дают возможность не просто знакомиться с материалами, но и активно в них участвовать.

Метавселенная предоставляет возможность создания виртуальных классов, где студенты могут взаимодействовать не только с преподавателем, но и друг с другом. Кроме того, такой формат работы может поддерживать взаимодействие между студентами и преподавателями по всему миру посредством создания единых виртуальных лабораторий в таких дисциплинах, как информатика, медицина, физика, химия [12] и науки о земле [19]. В свою очередь преподаватели должны хорошо знать эти виртуальные (трехмерные) среды и искать наилучшие методы для улучшения выполнения в них упражнений в образовательной деятельности.

Такие интерактивные методы содействуют формированию коммуникативных навыков и укрепляют ощущение единства в образовательной среде. Это особенно значимо для студентов с особыми потребностями, которым сложно адаптироваться к обычным формам обучения. Работа в группах над проектами, обсуждения и общие исследования в онлайн-формате способны значительно улучшить образовательный процесс, делая его более доступным. При этом виртуальные среды не могут выполнять функции управления успеваемостью и мониторинга действий студентов, а также не всегда поддерживают все виды учебных материалов. В связи с этим дальнейшим этапом развития онлайн-образования является объединение виртуальных платформ с системами управления обучением. Подобные методы коллективной работы могут значительно повысить эффективность обучения. Вместе с тем необходимо учитывать, что способности студентов к обучению и ориентации в пространстве существенно различаются в реальном и виртуальном мирах [20].

Наконец, стоит отметить важность постоянного мониторинга и анализа эффективности обучающих методик и технологий, используемых в такой системе. Это позволяет постоянно ее улучшать, делая данный вспомогательный инструмент образования еще более адаптивным и эффективным. Использование аналитических инструментов и сбор данных о прогрессе каждого студента помогут персонализировать учебный процесс и своевременно вносить необходимые коррективы. В конечном итоге интеллектуальная система на основе метавселенной

обучения не только откроет новые горизонты в сфере инклюзивного образования, но и заложит фундамент для будущих инноваций в этой области [18].

Технология "Eye-gaze"

Технология "Eye-gaze" – разновидность вспомогательной технологии, которая позволяет обучающимся с серьезными двигательными нарушениями получать доступ к компьютеру и управлять им с помощью глаз вместо использования традиционной клавиатуры и манипулятора типа «мышь», а также переключателей, управляемых движениями головы [21]. Технология «взгляд в глаза» работает за счет излучения инфракрасного света, который отражается от глаз учащегося. Камера «взгляд в глаза» фиксирует отраженный свет, а специальное программное обеспечение фильтрует его и анализирует направление взгляда учащегося. В результате она позволяет обучающемуся управлять объектами на экране при помощи глаз, непосредственно глядя на объект управления, и делать соответствующий выбор (например, активировать символы), удерживая свой взгляд на желаемой цели в течение определенного периода времени (известного как «время задержки»). По сравнению с методами косвенного отбора (например, сканирования с использованием переключателей) это менее трудоемкий и более эффективный метод. Таким образом, доступ к компьютеру для обучающихся с тяжелыми физическими недостатками может быть предпочтительным выбором как для образовательных и досуговых мероприятий, так и в качестве метода вспомогательного и альтернативного общения [22]. Технология «взгляд в глаза» может быть дополнительной системой, в которой устройство подключается к компьютеру извне или интегрировано непосредственно в монитор.

Растущее число исследований показало, что обучающиеся с серьезными двигательными и коммуникативными трудностями довольно легко обучаются использованию технологии «взгляд в глаза» и получают очевидную пользу от ее использования. Так, улучшение знаний, навыков и интерес к использованию технологии являются важными факторами, способствующими ее освоению; в то время как отсутствие профессиональных услуг по поддержке использования, технические проблемы или проблемы со здоровьем могут помешать внедрению [23].

Y. H. Hsieh и коллеги оценили внедрение данной технологии на Тайване, где ее сопровождением занимаются квалифицированные физиотерапевты, специалисты по трудотерапии и логопеды, прошедшие соответствующее обучение и имеющие сертификаты на право использования вспомогательных образовательных инструментов. В исследовании приняли участие 26 детей в возрасте от 14 до 58 месяцев

со значительной задержкой когнитивного и моторного развития. Для интеграции различных источников информации о коммуникативном функционировании детей использовалась коммуникативная матрица Роуланда. Авторы определили, что технология «взгляд в глаза» носит двунаправленный или транзакционный характер: ее применение для оценки реагирования обучающихся на различные учебные ситуации может улучшить понимание педагогами интересов слушателей и формирующихся у них в ходе обучения навыков [21]. Это дает педагогам возможность корректировать образовательные программы с целью повышения эффективности процесса обучения [24].

Результаты других исследований указывают на необходимость мультимодального подхода к ежедневному использованию технологии «взгляд в глаза», т. к. она, по мнению авторов, может не подходить в качестве единственного способа улучшить процесс обучения, а в ряде случаев – коммуникаций обучающихся с серьезными двигательными нарушениями. В свою очередь рекомендуется сочетать использование рассматриваемого и других вспомогательных инструментов [11]. Применение технологии «взгляд в глаза» как инструмента формирования текста при коммуникации имеет несомненные преимущества для обучающихся, имеющих ограничения функции речи [25], однако проигрывает по сравнению с менее технологичными методами вспомогательного и альтернативного общения в силу их мобильности и удобства для быстрого общения в различных контекстах. Однако технология «взгляд в глаза» и другие инструменты могут легко дополнять друг друга, повышая практичность повседневного общения [26].

Таким образом, на основании проведенного анализа международной практики разработки вспомогательных средств для лиц с ограничениями жизнедеятельности можно сделать несколько важных выводов, служащих основой для совершенствования отечественной стратегии поддержки данной категории граждан.

В качестве наиболее актуальных технологий применяемых в образовательном процессе в отношении обучающихся с ограничениями жизнедеятельности можно выделить: планшеты для слабовидящих; интерфейсы электронного обучения с функциями взаимодействия для использования обучающимися с нарушением зрения и слуха; интерактивные учебные среды и онлайн-курсы, адаптированные для использования с различными вспомогательными технологиями: голосовые ассистенты и экранные ридеры; расширяющие и альтернативные коммуникации технологии виртуальной и дополненной реальности; интеллектуальные системы на основе метавселенной и опций VR / AR; технология "Eye-gaze".

Первоочередным залогом успешного обеспечения лиц с ограниченными возможностями необходимыми вспомогательными средствами, применяемыми в образовательном процессе (который включает в себя не только физическое обеспечение, но и адаптацию технологии под каждого отдельного пользователя), является индивидуальный подход к каждому потенциальному пользователю с учетом его особенностей и образовательных потребностей. Целостная реализация этого подхода предполагается в рамках работы междисциплинарной и межведомственной команды, включающей в себя врачей, специалистов по реабилитации, социальных работников, технических специалистов по поддержке продукта, педагогов, представителей общественных объединений – организаций гражданского общества, а также самого пользователя и его семьи. Наиболее приемлемой организационной формой для такой деятельности могут выступать специализированные центры и реабилитационные клиники, которые не только предоставляют вспомогательные средства, но и предлагают комплекс обучающих услуг по их использованию и техническому обслуживанию. Такие центры играют важную роль в обеспечении непрерывности и качества обслуживания, что особенно важно для лиц с хроническими заболеваниями и сложными формами инвалидности. Кроме того, представленный выше процесс междисциплинарной и межведомственной коллаборации служит основой для успешной разработки новых вспомогательных средств.

Вторым компонентом эффективного использования вспомогательных средств в образовательном процессе для лиц с ограничениями жизнедеятельности выступает единообразное понимание важности, возможностей и ограничений их применения всеми участниками процесса обучения: преподавателями, тьюторами, студенческим сообществом, самими обучающимися инвалидами и их близкими. В отношении профессионалов отрасли это достигается посредством их постоянной информационной поддержки: проведения образовательных программ и распространения материалов, направленных на повышение уровня знаний о возможностях и преимуществах использования обсуждаемых технологий.

Еще один немаловажный элемент успеха процесса совершенствования уже созданных вспомогательных средств, применяемых в образовании, – обеспечение постоянного взаимодействия технических специалистов: разработчиков с пользователями, членами их семей, с педагогами, тьюторами и специалистами по поддержке инклюзии в образовательных организациях с проведением регулярного мониторинга, независимых аудитов

и опросов пользователей. Реализация такого подхода позволяет своевременно выявлять недостатки анализируемых устройств и систем и вносить необходимые коррективы, ориентируясь на реальный опыт и потребности конечных пользователей.

Заключение

Представленный обзор позволил определить наиболее актуальные тенденции в разработке и внедрении ключевых вспомогательных технологий для применения в сфере образования при работе с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья. При этом актуальными в мировой практике направлениями развития новых вспомогательных технологий в образовании являются:

1. Улучшение существующих технологий преобразования текста в речь и создание более интуитивных пользовательских интерфейсов; разработка алгоритмов, которые могут анализировать контекст и предлагать более точные и понятные голосовые команды.

2. Интеграция технологий расширяющих и альтернативных коммуникаций (устройств, генерирующих речь; планшетов с приложениями преобразования текста в речь и речи в текст для улучшения чтения и письма; мультилингвальных систем распознавания речи) в повседневную образовательную практику и жизнь обучающихся.

3. Дальнейшее развитие технологий дополненной реальности посредством их адаптации для различных сенсорных и когнитивных особенностей восприятия информации.

4. Интеграция интеллектуальных систем на основе метавселенной в системы управления обучением для анализа данных о каждом студенте и адаптации учебного процесса под его уникальные потребности.

5. Интеграция технологии "Eye-gaze" («взгляд в глаза») в другие вспомогательные технологии.

Важнейшим компонентом процесса внедрения новых технических и организационных решений для образовательного процесса обучающихся с ограниченными возможностями здоровья выступает реализация междисциплинарного подхода с участием медицинских работников, инженеров, педагогов и самих пользователей.

Полученная информация о мировых тенденциях как разработки вспомогательных средств для применения в сфере образования при работе с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья, так и организационных подходов к их внедрению представляется важной в качестве фактора инициации и возможного ориентира для проведения аналогичных отечественных изысканий, направленных на улучшение процессов реабилитации, абилитации и профессионализации граждан с инвалидностью.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Н. Островский – написание и редактирование статьи. Е. С. Пяткина – анализ литературных источников, написание статьи. А. М. Порошина – сбор, перевод и анализ литературных источников.

Contribution: A. N. Ostrovskii wrote the text and proofread the article. E. S. Pyatkina analyzed the literary sources and wrote the manuscript. A. M. Poroshina collected, translated, and analyzed the sources.

Литература / References

1. Котовская С. В., Воронков Д. И. Взаимосвязь жизнеспособности и личностных особенностей студентов инклюзивного вуза. *Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: IV Междунар. науч.-практ. конф.* (Донецк, 14 мая 2020 г.) Донецк: Цифровая типография, 2020. С. 343–348. [Kotovskaya S. V., Voronkov D. I. The relationship of resilience and personality characteristics of students of an inclusive university. *Actual problems of legal, economic, and socio-psychological knowledge: Theory and practice: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Donetsk, 14 May 2020. Donetsk: Cifrovaya tipografiya, 2020, 343–348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axskfy>
2. Церфус Д. Н., Корзунин В. А., Иванова Т. В., Шилова И. М. Современные конструкты психологического благополучия и жизнеспособности обучающихся в вузах. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2023. Т. 28. № 4. С. 372–377. [Tserfus D. N., Korzunin V. A., Ivanova T. V., Shilova I. M. Modern constructs of university students' psychological well-being and vitality. *Psychopedagogics in law enforcement*, 2023, 28(4): 372–377. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-495-372-377>
3. Cook A. M., Polgar J. M. *Assistive technologies-e-book: Principles and practice*. Elsevier Health Sciences, 2014, 496.
4. McNicholl A., Desmond D., Gallagher P. Assistive technologies, educational engagement and psychosocial outcomes among students with disabilities in higher education. *Disability and Rehabilitation. Assistive Technology*, 2023, 18(1): 50–58. <https://doi.org/10.1080/17483107.2020.1854874>
5. Kisanga S. E., Kisanga D. H. The role of assistive technology devices in fostering the participation and learning of students with visual impairment in higher education institutions in Tanzania. *Disability and Rehabilitation. Assistive Technology*, 2022, 17(7): 791–800. <https://doi.org/10.1080/17483107.2020.1817989>
6. Senjam S. S., Foster A., Bascaran C. Barriers to using assistive technology among students with visual disability in schools for the blind in Delhi, India. *Disability and Rehabilitation. Assistive Technology*, 2021, 16(7): 802–806. <https://doi.org/10.1080/17483107.2020.1738566>
7. Farhan W., Razmak J. A comparative study of an assistive e-learning interface among students with and without visual and hearing impairments. *Disability and Rehabilitation. Assistive Technology*, 2022, 17(4): 431–441. <https://doi.org/10.1080/17483107.2020.1786733>
8. Holyfield C., Brooks S., Schluterman A. Comparative effects of high-tech visual scene displays and low-tech isolated picture symbols on engagement from students with multiple disabilities. *Languages, Speech and Hearing Services in Schools*, 2019, 50(4): 693–702. https://doi.org/10.1044/2019_lshss-19-0007
9. Tegler H., Demmelmaier I., Johansson M. B., Norén N. Creating a response space in multiparty classroom settings for students using eye-gaze accessed speech-generating devices. *Augmentative and Alternative Communication*, 2020, 36(4): 203–213. <https://doi.org/10.1080/07434618.2020.1811758>
10. Svensson I., Nordström T., Lindeblad E., Gustafson S., Björn M., Sand C., Almgren/Bäck G., Nilsson S. Effects of assistive technology for students with reading and writing disabilities. *Disability and Rehabilitation. Assistive Technology*, 2021, 16(2): 196–208. <https://doi.org/10.1080/17483107.2019.1646821>
11. Berner K., Alves A. N. A scoping review of literature using speech recognition technologies by individuals with disabilities in multiple contexts. *Disability and Rehabilitation. Assistive Technology*, 2023, 18(7): 1139–1145. <https://doi.org/10.1080/17483107.2021.1986583>
12. Cadet L. B., Reynaud E., Chainay H. Memory for a virtual reality experience in children and adults according to image quality, emotion, and sense of presence. *Virtual Reality*, 2022, 26(1): 55–75. <https://doi.org/10.1007/s10055-021-00537-y>
13. Almutairi A., Al-Megren S. Preliminary investigations on augmented reality for the literacy development of deaf children. *Advances in visual informatics: Proc. 5 Intern. Visual Informatics Conf.*, Bangi, Malaysia, 28–30 Nov 2017. Springer International Publishing, 2017, 412–422. https://doi.org/10.1007/978-3-319-70010-6_38

14. Quintero J., Baldiris S., Rubira R., Cerón J., Velez G. Augmented reality in educational inclusion. A systematic review on the last decade. *Frontiers in Psychology*, 2019, 13(10). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01835>
15. Chen P.-H., Ho H.-W., Chen H.-C., Tam K.-W., Liu J.-C., Lin L.-F. Virtual reality experiential learning improved undergraduate students' knowledge and evaluation skills relating to assistive technology for older adults and individuals with disabilities. *BMC Medical Education*, 2024, 24. <https://doi.org/10.1186/s12909-024-05085-y>
16. Ventura S., Brivio E., Riva G., Banos R. M. Immersive versus non-immersive experience: Exploring the feasibility of memory assessment through 360 degrees technology. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02509>
17. Wohlgenannt I., Simons A., Stieglitz S. Virtual reality. *Business & Information Systems Engineering*, 2020, 62(5): 455–461. <https://doi.org/10.1007/s12599-020-00658-9>
18. Sghaier S., Elfakki A. O., Alotaibi A. A. Development of an intelligent system based on metaverse learning for students with disabilities. *Frontiers in Robotics and AI*, 2022, 6(9). <https://doi.org/10.3389/frobt.2022.1006921>
19. Reeves S. M., Crippen K. J., McCray E. D. The varied experience of undergraduate students learning chemistry in virtual reality laboratories. *Computers & Education*, 2021, 175. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2021.104320>
20. Sun R., Wu Y. J., Cai Q. The effect of a virtual reality learning environment on learners' spatial ability. *Virtual Reality*, 2019, 23(4): 385–398. <https://doi.org/10.1007/s10055-018-0355-2>
21. Hsieh Y. H., Granlund M., Hwang A. W., Hemmingsson H. Feasibility of an eye-gaze technology intervention for students with severe motor and communication difficulties in Taiwan. *Augmentative and Alternative Communication*, 2023, 40(3): 196–207. <https://doi.org/10.1080/07434618.2023.2288837>
22. Borgestig M., Al Khatib I., Masayko S., Hemmingsson H. The impact of eye-gaze controlled computer on communication and functional independence in children and young people with complex needs – A multicenter intervention study. *Developmental Neurorehabilitation*, 2021, 24(8): 511–524. <https://doi.org/10.1080/17518423.2021.1903603>
23. Karlsson P., Griffiths T., Clarke M. T., Monbaliu E., Himmelmann K., Bekteshi S., Allsop A., Pereksles R., Galea C., Wallen M. Stakeholder consensus for decision making in eye-gaze control technology for children, adolescents and adults with cerebral palsy service provision: Findings from a Delphi study. *BMC Neurology*, 2021, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12883-021-02077-z>
24. Dhondt A., Van Keer I., Van der Putten A., Maes B. Communicative abilities in young children with a significant cognitive and motor developmental delay. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities: Jarid*, 2020, 33(3): 529–541. <https://doi.org/10.1111/jar.12695>
25. Tsai M.-J. Augmentative and alternative communication service by speech-language pathologists in Taiwan. *Communication Disorders Quarterly*, 2019, 40(3): 176–191. <https://doi.org/10.1177/1525740118759912>
26. Kiyota K., Ishibashi T., Shimakawa M., Ito K. Effects of social implementation education for assistive device engineers at NIT (KOSEN) through the development of a digital reading device for the visually impaired. *Sensors (Basel)*, 2022, 22(3). <https://doi.org/10.3390/s22031047>

оригинальная статья

eLibrary EDN: MDDPRY

Воспитательный потенциал интеллектуальных игр для формирования чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России

Кипреев Сергей Николаевич

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова, Россия, Краснодар

eLibrary Author SPIN: 9382-3515

<https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>

komissar.1917@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены перспективы и практика использования в процессе воспитания чувства патриотизма таких инновационных форм, как интеллектуальные игры. Цель – рассмотреть вопросы, связанные с раскрытием воспитательного потенциала интеллектуальных игр в деле формирования патриотизма. Автор проводит исследование наиболее современных интеллектуальных игр по мнению опрошенных воспитуемых. Анализируются проблемы, возникающие в процессе воспитания курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ставятся акценты на необходимость инноватизации педагогического пространства образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, формирующего патриотическое мировоззрение современной молодежи. Научная новизна работы состоит в том, что комплекс интеллектуальных игр, используемых для патриотического воспитания курсантов системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, взят в качестве предмета специального исследования и интроспективной оценки воспитуемыми. Учитывая практическую направленность такого способа воспитания, как интеллектуальные игры, в работе рассматривается вопрос формирования патриотизма через возникновение интереса к ценностно-смысловому содержанию комплекса занятий, создающих необходимые педагогические условия для реализации воспитательного процесса в игровой форме. В работе использованы такие методы, как опрос, наблюдение, групповая беседа, анализ продуктов творческой деятельности, позволяющие подтвердить достоверность процедуры исследования и информативность сделанных выводов. Исследование проводилось в образовательных организациях различных силовых структур. В нем приняли участие 198 курсантов, прошедших подготовку по профессиональной программе «Полицейский», являющихся слушателями Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации и проходящих военную службу. Теоретическая и практическая значимость исследования состоят в проведении теоретического анализа вопросов использования в воспитательном процессе актуальных форм занятий, способствующих повышению эффективности патриотического воспитания сотрудников полиции. Сделан вывод о том, что формирование патриотизма с применением востребованных форм воспитательных мероприятий (интеллектуальные игры) – одно из актуальных направлений усовершенствования педагогического процесса.

Ключевые слова: интеллектуальные игры, воспитательный потенциал, формирование, патриотическое воспитание, чувство патриотизма, инновационные формы патриотического воспитания

Цитирование: Кипреев С. Н. Воспитательный потенциал интеллектуальных игр для формирования чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 264–272. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-264-272>

Поступила в редакцию 11.10.2025. Принята после рецензирования 11.11.2025. Принята в печать 17.11.2025.

original article

Fostering Patriotism in Cadets at Russian Ministry of Internal Affairs Education Institutions: Educational Potential of Intellectual Games

Sergey N. Kipreev

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov, Russia, Krasnodar

eLibrary Author SPIN: 9382-3515

<https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>

komissar.1917@mail.ru

Abstract: Intellectual games are an innovative form of patriotic education. An analysis of the most popular intellectual games revealed several challenges within the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, primarily related to the need to modernize the academic environment. The study was conducted in educational organizations of various law enforcement agencies. It was attended by 198 cadets who were trained in the professional program "Policeman", who are students of the Federal Penitentiary Service of Russia and are undergoing military service. The analysis included an introspective assessment performed by the cadets themselves. Intellectual games proved to be an effective practical method for increasing interest in value-semantic activities, creating a beneficial pedagogical environment through play. The survey method confirmed the reliability of the research procedure and the validity of the conclusions. A theoretical analysis of the modern educational process made it possible to increase the effectiveness of patriotic education for police officers. Intellectual games successfully fostered patriotism among cadets and improved the academic process.

Keywords: intellectual games, educational potential, formation, patriotic education, a sense of patriotism, innovative forms of patriotic education

Citation: Kipreev S. N. Fostering Patriotism in Cadets at Russian Ministry of Internal Affairs Education Institutions: Educational Potential of Intellectual Games. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 264–272. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-264-272>

Received 11 Oct 2025. Accepted after review 11 Nov 2025. Accepted for publication 17 Nov 2025.

Введение

Среди инновационных методов патриотического воспитания особое место занимают интеллектуальные игры, проводимые по образцу передач, полюбившихся телезрителям в нашей стране. Благодаря занимательному формату интеллектуальные игры особенно запоминаются обучающимся, а усвоенные знания оставляют заметный след в памяти воспитуемых. В данной работе рассмотрена такая педагогическая категория, как *чувство патриотизма*. В классическом смысле чувство патриотизма понимается как чувство любви к определенному объекту – Родине, имеющей у тех или иных людей различное понимание, воспринимаемой по-разному. Категория *чувство патриотизма* видится автором синонимичной понятию *патриотизм* и родственной концепту *патриотически ориентированное мировоззрение*.

В данной работе интеллектуальная игра рассматривается преимущественно как метод воспитания. Но стоит подчеркнуть, что интеллектуальная игра может выступать формой воспитания и в целом быть комплексом отдельных мероприятий. А. Н. Скрипкина дает определение термину

интеллектуальная игра – это «игра, основанная на применении участниками интеллекта, эрудиции. Зачастую интеллектуальная игра проводится в виде состязания между командами, для достижения победы применяются смекалка и умственные способности» [1, с. 85]. К интеллектуальным играм относятся «Брейн-ринг», «Кто хочет стать миллионером?», «Что? Где? Когда?», «Сто к одному», «Угадай мелодию», «Колесо истории», «Своя игра», «Умники и умницы», «Слабое звено». Каждая из игр направлена на формирование определенного типа и компонента чувства патриотизма (ценностного, мотивационного, поведенческого, когнитивного и пр.). Субъекты воспитания в данной работе – курсанты, являющиеся сотрудниками полиции.

Патриотизм нами понимается как социальное чувство, осознанная любовь, привязанность к Родине, преданность ей и готовность к жертвам ради нее, а также любовь к своему народу, его традициям. Под *чувством* понимается устойчивое эмоциональное переживание человека, возникающее в процессе его отношений с объектами окружающего мира: территорией проживания, историей, родным языком,

государством и пр. Воспитательный потенциал интеллектуальных игр нами рассматривается в виде совокупности возможностей интеллектуальных игр оказывать педагогическое воздействие на воспитуемых в сфере патриотического воспитания.

Среди ученых, исследовавших перспективы использования интерактивных игр для патриотического воспитания, следует отметить А. С. Аникину, которая писала о проектировании игр как средстве развития профессиональной готовности к осуществлению гражданско-патриотического воспитания [2, с. 28]. Эта работа особенно важна тем, что показывает роль интерактивных игр как специально организованной инновационной формы патриотического воспитания российских граждан. Инновационный подход к развитию патриотизма рассматривала Л. М. Кудрявцева [3].

Интеллектуальная игра как средство патриотического воспитания обучающихся описана Т. Д. Ереминой [4]. Интеллектуально-краеведческие игры как средство воспитания патриотизма у обучающихся детализированы М. М. Тарасовой [5]. Ценность данных исследований состоит в том, что ученые показали актуальность интеллектуальных игр в продвижении патриотической идеи Русского мира. А. А. Митрофанова, Е. В. Ерофеева и П. Н. Грименицкий исследовали воспитательный потенциал интеллектуальной игры в формировании патриотической позиции студентов [6]. Особый педагогический интерес представляет работа А. А. Нефедовой, в которой интеллектуальные игры рассматриваются как средство формирования патриотических качеств обучающихся в контексте изучения географии [7]. Интеллектуальные игры как средство патриотического воспитания в системе довузовского образования изучались А. Н. Скрипкиной [8].

Для сотрудников полиции является актуальной работа Е. В. Сулимовой и Н. Л. Шилович, которые оценили значение музейной педагогики в реализации задач воспитания гражданско-патриотической позиции личности [9]. Е. В. Щербинина и коллеги описали процесс реализации комплексной программы патриотического воспитания учащихся профессионального образовательного учреждения [10], а также различные взгляды на проблему патриотического воспитания молодежи в контексте регионального образования. Данная работа обладает большой ценностью для педагогики, т. к. позволяет воспитателям оценить значение системного подхода для патриотического воспитания.

В ближнем зарубежье проблематика игр в образовательном процессе также обладает актуальностью. С. Бобкалонов рассмотрел специфику компьютерных игр в образовательном процессе [11]. Использование игр для представления и пересмотра

словарного запаса проанализировал Д. Тиллабек [12]. Б. М. Торогельдиева в качестве объекта исследования взяла игру или действие как элемент формирования стратегического мышления кыргызского этноса [13]. А. Ж. Боронбаев и А. Осмонова описали особенности национальных игр [14]. Современный облик развлекательных игр представлен в работе О. М. Жолдыбаева [15].

Изучаемая нами проблема актуальна и для зарубежных исследователей. Так, вопросам использования и проектирования интеллектуальных игр в педагогическом процессе посвящена работа Р. А. Азимова, А. Г. Абдивоситовой и Э. Т. Мамаева [16]. К. Н. Акылбек описал способы создания интеллектуальных игр [17]. Н. Р. Вивеса с коллегами рассмотрел роль осведомленности об интеллектуальной собственности и мотивации в инновациях игровых продуктов как креативной индустрии [18]. Таким образом, проведенный обзор свидетельствует о высокой актуальности интеллектуальных игр для патриотического воспитания сотрудников силовых структур. Проблематика использования игровых технологий продолжает разрабатываться в педагогике и смежных науках. Кроме этого, определение воспитательного потенциала интеллектуальных игр является значимой задачей для теории воспитания.

Научная новизна работы заключается в том, что комплекс интеллектуальных игр, используемых для патриотического воспитания курсантов системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России), взят в качестве предмета специального исследования и интроспективной оценке воспитуемыми.

Цель исследования – рассмотреть вопросы, связанные с раскрытием воспитательного потенциала интеллектуальных игр в деле формирования патриотизма.

Методы и материалы

Участие в исследовании приняли курсанты в возрасте 17–26 лет, обучающиеся в образовательных организациях МВД России (98 человек), Министерства обороны Российской Федерации (68 человек) и Федеральной службы исполнения наказаний (32 человека). Всего участвовало 198 человек. Были выбраны группы респондентов для определения ведомственных отличий в процессе формирования патриотических чувств. Социальная база – преимущественно городские жители. Национальный состав – русские, чеченцы, армяне, кабардинцы, калмыки, все респонденты являются гражданами Российской Федерации. Религиозная принадлежность респондентов – христиане, мусульмане, буддисты, атеисты.

В ходе опроса, проводимого в свободном режиме в течение учебного года (как в формальном порядке, так и в ходе повседневной жизнедеятельности), испытуемым, участвовавшим в мероприятиях, нацеленных на формирование патриотизма с использованием игровых технологий, задавались формализованные вопросы об их предпочтениях (количество зависело от емкости и точности ответов испытуемых), на которые курсанты полиции давали развернутые и обоснованные ответы. Опрос проводился в рамках индивидуальной воспитательной беседы и носил неформализованный характер. При этом исследование проводилось в анонимном формате. Также руководитель исследования для чистоты получения подтверждающих данных мог изначально не уведомлять о целях беседы (проводил ее завуалированно, в служебных целях). При опросе курсантов посредством авторского опросника определялся уровень сформированности чувства патриотизма, а также сфера, где необходима дополнительная патриотическая или иная воспитательная работа.

В качестве дополнительных методов, подтверждающих выводы исследования, были использованы: наблюдение, групповая беседа и анализ продуктов творческой деятельности. Наблюдение за внешними проявлениями патриотизма позволило выявить формы проявления чувств воспитуемых и их реальное отношение к Отечеству. В ходе групповых бесед с коллективом курсантов оценивалось отношение исследуемых к играм как методу патриотического воспитания с учетом коллективного мнения. Анализ продуктов творческой деятельности курсантов (участия в культурно-досуговой работе, степени вовлеченности в занятия интеллектуальными играми) позволил оценить продуктивный компонент патриотизма и определить уровень достижений курсанта.

Результаты

В исследованиях, проведенных нами ранее, уже затрагивалась проблема патриотического воспитания [19; 20]. Воспитание чувства патриотизма через участие в интеллектуальных играх может стать эффективным методом формирования патриотических убеждений у курсантов-полицейских.

Нами проводился экспресс-опрос участников интеллектуальных игр в формате экзит-пола об оценке ими успешности интеллектуальных игр для формирования их чувства патриотизма (рис.).

Рейтинг был составлен путем простого арифметического суммирования общего количества выборов испытуемых, деленного на их численность. Все оцененные игры имеют достаточно высокие рейтинги, они включены в комплекс игр, используемых для патриотического воспитания.

При этом наибольший интерес у курсантов вызвали мероприятия, организованные по типу игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра». Менее значимыми были игры, проводившиеся по типу игр «Угадай мелодию» и «Слабое звено». Организация игр проходила в рамках межвузовских, внутриуниверситетских, факультетских и курсовых мероприятий. Как правило, участвовало несколько команд на соревновательной основе, однако в условиях ограниченного времени занятия проводились и в составе одной учебной группы.

Интеллектуальные игры имеют большой воспитательный потенциал для формирования чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России:

1. *Углубление знаний о России:* игры могут быть специально разработаны для расширения и углубления знаний о России, ее истории, культуре, географии и т.д. Курсанты могут изучать важные факты и события, которые помогут им лучше понять свою страну и ее ценности.

2. *Развитие лидерских навыков:* в интеллектуальных играх часто требуется командная работа и принятие решений в ограниченное время. Курсанты могут научиться быть эффективными лидерами, управлять группой и принимать решения в интересах своей команды.

3. *Формирование патриотического духа:* участие в играх, связанных с историей, героями и достижениями России, помогает курсантам развить патриотические чувства и гордость за свою страну. Они узнают о важности службы и защиты России, что помогает им почувствовать себя частью этой службы.

4. *Развитие аналитических навыков:* интеллектуальные игры требуют от игроков анализа информации, логического мышления, критического мышления и принятия решений. Эти навыки важны для успешной службы в МВД России, где курсанты должны

Рис. Оценка респондентами значимости отдельных интеллектуальных игр для патриотического воспитания, рейтинг от 0 до 10 баллов

Fig. Importance of intellectual games for patriotic education as assessed by cadets, 0 to 10 points

уметь анализировать сложные ситуации и принимать взвешенные решения.

5. *Укрепление командного духа*: участие в интеллектуальных играх помогает курсантам сформировать командный дух, научиться работать в команде и доверять своим товарищам. Курсанты могут увидеть, что совместные усилия, сотрудничество и взаимопомощь приводят к успеху.

6. *Улучшение коммуникационных навыков*: во время игр курсанты должны общаться, объяснять свои мысли, слушать и понимать других участников. Это способствует развитию навыков эффективного общения, что является важным аспектом в работе МВД России, где коммуникация с коллегами и гражданами – неотъемлемая часть службы.

7. *Стимулирование творческого мышления*: в играх интеллектуального характера курсанты могут сталкиваться с нестандартными ситуациями, требующими творческого подхода к их решению. Это помогает развивать гибкость мышления, находить необычные решения и применять новые подходы к проблемам, что полезно для службы в МВД России, где ситуации могут быть непредсказуемыми и требовать нетрадиционных решений.

8. *Укрепление уверенности в себе*: успех в интеллектуальных играх повышает уверенность курсантов в своих способностях и навыках. Они могут осознать свои сильные стороны и поверить в свою способность преодолеть трудности. Это важно для работы в МВД России, где курсанты должны быть уверенными в себе и своих решениях.

9. *Развитие стратегического мышления*: во время интеллектуальных игр курсанты могут учиться строить долгосрочные планы, анализировать ситуацию и предвидеть возможные последствия своих действий. Эти навыки могут быть полезными в работе в МВД России, где стратегическое мышление и умение принимать взвешенные решения являются критически важными.

10. *Взаимодействие в команде*: интеллектуальные игры часто проводятся в командном формате, что позволяет курсантам развивать навыки работы в коллективе. Они учатся слушать и уважать мнение других участников, договариваться и сотрудничать для достижения общей цели. Эти навыки важны в работе в МВД России, где командная работа и сотрудничество являются неотъемлемой частью службы.

Среди достоинств интеллектуальных игр респонденты отмечали их неформальную обстановку, возможность заинтересовать участников эмоционально-психологической притягательностью мероприятия и новизной информации, получаемой в ходе игрового занятия. Здесь следует упомянуть педагогический опыт В. Н. Синько в проведении межвузовской

интеллектуальной игры «С днем рождения, УрГАУ», которая направлена на раскрытие истории университета через призму биографий, судеб и действий людей, имевших к нему непосредственное отношение, и целью которой явилось «углубление и расширение знаний об истории вуза; воспитание у студентов чувства гражданственности, бережного отношения к историческим и культурным традициям» [21, с. 216].

Интеллектуальные игры показали свою эффективность для формирования патриотически ориентированного мировоззрения. Кроме этого, «использование игровых технологий способствует выработке навыков политического характера» [22, с. 79]. Важное значение имеет также интеллектуальная геймификация. Геймификация – это использование игровых механик и элементов в неигровых ситуациях, чтобы стимулировать людей к выполнению определенных задач или достижению целей. В контексте патриотического воспитания геймификация может быть использована для повышения интереса и мотивации к изучению истории, культуры и традиций своей страны. Л. Н. Белоногова, А. М. Соколов и С. В. Богатова пишут о том, что «мотивационно-ценностный компонент проявляется в наличии интереса к патриотической деятельности, а также в стремлении к саморазвитию и самосовершенствованию на благо малой Родины и страны» [23, с. 51].

Так, в образовательных организациях МВД России с успехом проведены следующие интеллектуальные игры:

- в 2023 г. команда Академии управления МВД России участвовала в интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?», посвященной вековым загадкам истории России;
- в 2023 г. в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя состоялась межвузовская интеллектуальная игра «Концепция правового регулирования задержания в уголовном процессе России», которая проводилась по методу «шляп мышления», где каждая команда, используя тип мышления, определенный цветом шляпы, подготовила предложения для концепции правового регулирования;
- в 2024 г. в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя проводилась Межвузовская интеллектуальная игра «Используй свою эрудицию»;
- в 2024 г. в Правовом управлении Главного управления МВД России по г. Москве проведена интеллектуальная викторина «Своя игра» в мультимедийном Культурном центре Главного управления МВД России, носившая культурно-развлекательный формат.

Вершиной использования интеллектуальных игр в правоохранительных органах является Международный турнир по интеллектуальным играм «Щит и меч», в котором участвуют десятки стран. На этом мероприятии организуются такие игровые элементы (турниры, игры), как «Эрудит-квартет», «Медиа-азбука», «Эрудит-лото». Л. Р. Мельничук пишет о том, что «участие в интеллектуально-патриотических играх формирует такие навыки, как актуализация изученной информации, структурирование и анализ игровой деятельности, активное взаимодействие с командой и организаторами мероприятий» [24, с. 139]. Эти мероприятия стали повсеместно повторяться в более локальном масштабе в других образовательных организациях МВД России.

Д. В. Горохов описал формирование патриотизма у студентов военных учебных центров с помощью интеллектуальной игры «Военная история России» [25]. Это важно тем, что игровая форма патриотического воспитания, имеющая военный характер, всегда нацелена на проявление идеалов защиты своего этноса и Родины в целом.

В ходе патриотического воспитания важно использовать воспитательный потенциал создания новых интерактивных игр. Ю. А. Селезнева и И. В. Осипов указывают на то, что «разумное сочетание воспитательного и просветительского воздействия позволяет в увлекательной форме расширять картину мира современных школьников относительно территориальной целостности и исторической роли Российской Федерации, ее национальных культурных, природных и исторических ценностей, развивать и поддерживать стремление любить свою Родину и гордиться ею» [26, с. 13–14]. Например, можно создать игру, в которой игроки должны собирать карточки с изображением известных исторических личностей, событий или мест, связанных с патриотизмом. Игроки могут соревноваться друг с другом, чтобы собрать как можно больше карточек или заработать наибольшее количество очков. Также можно использовать игровые механики, такие как уровни, достижения, награды и рейтинги, чтобы поощрять игроков к изучению новой информации и развитию своих знаний о патриотизме. Это помогает привлечь внимание к важным историческим событиям и памятникам, связанным с патриотизмом, через интерактивные игры-экскурсии и квесты.

Интерактивные карты могут быть полезны для патриотического воспитания, т. к. они позволяют визуализировать и анализировать данные о различных аспектах истории и культуры нашей страны. Приведем несколько примеров интерактивных карт, которые могут быть использованы для патриотического воспитания:

- **Карта исторических событий России.** На этой карте можно увидеть основные исторические события, связанные с Россией, такие как войны, революции, культурные достижения и т. д. Это служит подспорьем в лучшем понимании курсантами истории своей страны и ее роли в мировой истории.
- **Карта культурных достопримечательностей России.** Эта карта позволяет увидеть все основные культурные достопримечательности России, такие как музеи, театры, памятники и т. д. Курсанты могут использовать эту карту для изучения истории культуры своей страны.
- **Карта природных ресурсов России.** На этой карте показаны все основные природные ресурсы России: нефть, газ, уголь, лес и т. д. Карта помогает воспитуемым понять, как наша страна зависит от своих природных ресурсов и какие проблемы могут возникнуть в будущем, если мы не будем бережно относиться к ним.
- **Карта экономических показателей России.** На карте представлены основные экономические показатели России: ВВП, инфляция, безработица и т. д. Она способствует пониманию того, как работает экономика нашей страны и какие проблемы возникают в этой области.
- **Карта спортивных достижений России.** Эта карта показывает все основные спортивные достижения России, включая Олимпийские игры, чемпионаты мира и Европы, а также другие спортивные мероприятия. Это помогает курсантам лучше понимать роль спорта в жизни нашей страны и его влияние на национальную идентичность.

Интерактивные карты позволяют курсантам более глубоко изучить различные аспекты своей страны, что способствует повышению результативности патриотического воспитания. Однако, чтобы использовать эти карты эффективно, необходимо учитывать возрастные особенности воспитанников и их интересы. Поэтому именно интеллектуальные игры могут быть важным инструментом для формирования чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России. Они способствуют углублению знаний о России, развитию лидерских и аналитических навыков, формированию патриотического духа и укреплению командного духа.

Таким образом, логически верным будет утверждение, что в практике воспитания патриотизма целесообразно широко применять интеллектуальные игры, это позволит не только развивать когнитивную сферу личности, но и разовьет интерес к проблемам патриотического характера, окажет положительное влияние на процесс формирования мировоззрения курсантов.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что достоинством описанного в работе метода является его универсальность и вариативность (в вопросах времени и места проведения, возможности выбора стиля изложения материала, правил и формы занятия) и способность вызывать у воспитуемых неподдельный интерес. Интеллектуальные игры способны затронуть когнитивный компонент патриотических чувств и являются одной из ключевых форм педагогического воздействия, применяемых в ходе работы с личным составом при воспитании с использованием инновационных педагогических средств. В исследовании это подчеркивается тем, что игровая форма воспитания патриотизма проводилась с учетом возможностей цифровизации, с применением современных технических средств воспитания.

Не менее важным аспектом, подтверждающим необходимость учета роли интеллектуальных игр в патриотическом воспитании курсантов, является их влияние на проявления патриотизма у курсантов-полицейских. Применение игр, ориентированных на понимание специфики службы в режимной организации (распорядок дня, наряды, ограничения личного времени, особенности учебного процесса, субординация и иерархичность общения, служебная дисциплина), позволяет определять игру «своей», что повышает интерес к ней со стороны молодых полицейских.

Курсанты понимают патриотизм как интегрированное качество личности, специфическое чувство, проявляющееся в деятельности на благо Отечества и направляющее ценностно-смысловую сферу личности на интересы Родины. Комплекс игровых занятий способен создавать педагогические условия, в которых патриотические чувства не только ярче проявляются, но и получают возможность гармонично развиваться.

Литература / References

1. Скрипкина А. Н. Интеллектуальные игры как средство патриотического воспитания младших школьников. *Психологический и педагогический подходы к образованию в цифровом обществе: Междунар. науч.-практ. конф.* (Стерлитамак, 15 января 2022 г.) Уфа: Аэтерна, 2022. С. 84–86. [Skripkina A. N. Intellectual games as a means of patriotic education of younger schoolchildren. *Psychological and pedagogical approaches to education in a digital society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Sterlitamak, 15 Jan 2022. Ufa: Aeterna, 2022, 84–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uthhqf>
2. Аникина А. С. Проектирование игр как средство развития профессиональной готовности к осуществлению гражданско-патриотического воспитания. *Проблемы современного педагогического образования*. 2024. № 82-3. С. 27–30. [Anikina A. S. Designing games as a means of developing professional readiness for implementing civic-patriotic education. *Problems of modern pedagogical education*, 2024, (82-3): 27–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpmlm>
3. Кудрявцева Л. М. Инновационный подход к развитию патриотизма у детей дошкольного возраста. *Вестник научных конференций*. 2020. № 11-1. С. 70–71. [Kudryavtseva L. M. An innovative approach to the development

Таким образом, формирование патриотизма у курсантов в ходе интеллектуальных игр является важным элементом воспитательного процесса. Благодаря захватывающей атмосфере и динамичности интеллектуальные игры могут оказывать благотворное воздействие на молодых людей, формируя у них патриотическое мировоззрение и конструируя систему ценностных координат. В целом проблемы патриотического воспитания молодежи требуют комплексного подхода и участия всех заинтересованных сторон – государства, образовательных учреждений, семьи и общества в целом. Только так можно создать условия для формирования личности, способной в трудные исторические времена встать на защиту Родины.

Перспективы дальнейших исследований видятся в увеличении количественных показателей выборки испытуемых, изменении категории респондентов, дополнении процедуры исследования новыми элементами (изменением места, времени, длительности процедуры исследования, категории педагогов). Целесообразно разработать новые и усовершенствовать уже имеющиеся предложения по использованию воспитательного потенциала интеллектуальных игр для формирования патриотизма у молодого поколения. Их воспитательный потенциал может быть очень эффективным в формировании чувства патриотизма у курсантов-полицейских и создании положительного образа полиции в обществе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- of patriotism in preschool children. *Bulletin of scientific conferences*, 2020, (11-1): 70–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkllhk>
4. Еремина Т. Д. Интеллектуальная игра как средство патриотического воспитания обучающихся. *Молодежь. Наука. Будущее*, ред. К. А. Абдрахманов. Оренбург: ОГПУ, 2023. С. 154–156. [Eremina T. D. Intellectual game as a means of patriotic education of students. *Youth. Science. Future*, ed. Abdrakhmanov K. A. Orenburg: OSPU, 2023, 154–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akggld>
 5. Тарасова М. М. Интеллектуально-краеведческие игры как средство воспитания патриотизма у обучающихся. *Дополнительное образование Якутии*. 2021. № 9. С. 77–79. [Tarasova M. M. Intellectual and local authentic games as one of the ways of patriotic education for students. *Dopolnitelnoe obrazovanie Yakutii*, 2021, (9): 77–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/liavka>
 6. Митрофанова А. А., Ерофеева Е. В., Грименицкий П. Н. Воспитательный потенциал интеллектуальной игры в формировании патриотической позиции студентов. *Качество образования в современном университете: интеграция профессиональной компетентности, студенческой науки, воспитательного процесса: Всерос. науч.-метод. конф. с Междунар. уч. (Иваново, 26–28 января 2021 г.)* Иваново: ИГХТУ, 2021. С. 194–195. [Mitrofanova A. A., Yerofeeve E. V., Grimenitsky P. N. The educational potential of intellectual play in shaping the patriotic position of students. *Quality of education at a modern university: Integration of professional competence, student science, and the educational process: Proc. All-Russian Sci.-Method. Conf. with Intern. Participation*, Ivanovo, 26–28 Jan 2021. Ivanovo: ISUCT, 2021, 194–195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gvmzyb>
 7. Нефедова А. А. Интеллектуальные игры как средство популяризации географических знаний и формирования патриотических качеств обучающихся. *Вестник научных конференций*. 2024. № 5-3. С. 99–100. [Nefedova A. A. Intellectual games as a means of popularization of geographical knowledge and formation of patriotic qualities of students. *Bulletin of scientific conferences*, 2024, (5-3): 99–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iyqscg>
 8. Скрипкина А. Н. Интеллектуальные игры как средство патриотического воспитания младших школьников. *Ребенок-дошкольник в современном образовательном пространстве: межвуз. студ. науч.-практ. конф. (Липецк, 27 мая 2022 г.)* Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 148–152. [Skripkina A. N. Intellectual games as a means of patriotic education of younger schoolchildren. *Preschool child in the modern educational space: Proc. Interuniversity Student Sci.-Prac. Conf., Lipetsk, 27 May 2022*. Lipetsk: LSPU P. Semenov-Tyan-Shansky University, 2022, 148–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfrqee>
 9. Сулимова Е. В., Шилович Н. Л. Музейная педагогика в реализации задач воспитания гражданско-патриотической позиции личности. *Артемовские чтения. «Продуктивное обучение: опыт и перспективы»: XVI Междунар. науч. конф. (Самара, 8–10 февраля 2024 г.)* Самара: Научно-технический центр, 2024. С. 318–322. [Sulimova E. V., Shilovich N. L. Museum pedagogy in the implementation of the tasks of educating the civic and patriotic position of the individual. *Artemov readings. Productive learning: Experience and prospects: Proc. XVI Intern. Sci. Conf., Samara, 8–10 Feb 2024*. Samara: Scientific and Technical Center, 2024, 318–322. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxicbs>
 10. Щербинина Е. В., Бородин Д. С., Шерстобитова А. В., Николаева А. А. Патриотическое воспитание молодежи Свердловской области: два взгляда на одну проблему. *Молодёжь в меняющемся мире: вызовы современности: VII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 апреля 2016 г.)* Екатеринбург: УрГПУ, 2017. С. 191–196. [Shcherbinina E. V., Borodin D. S., Sherstobitova A. V., Nikolaeva A. A. Patriotic education of the youth of the Sverdlovsk region: Two approaches to a problem. *Youth in a changing world: Challenges of our time: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 15 Apr 2016*. Ekaterinburg: USPU, 2017, 191–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoebjr>
 11. Бобокалонов С. Таърихи пайдоиши бозиҳои компютерӣ. *Паёми Пажӯишигоҳи руиди маориф*. 2022. № 4. С. 216–223. [Bobokalonov S. History of the emergence of computer games. *Bulletin of the Institute of Development of Education*, 2022, (4): 216–223. (In Tajik)] <https://elibrary.ru/ogppoj>
 12. Tillabek D. The use of games for presenting and revising vocabulary. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 2022, (1): 101–104. <https://elibrary.ru/ictwbx>
 13. Torogeldieva B. M. The game Ordo as an element of forming the strategic thinking of the Kyrgyz ethnic group. *Turkic Studies Journal*, 2021, 3(1): 61–67. <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-1-61-67>
 14. Боронбаев А. Ж., Осмонова А. Улуттук оюндар – кыргыз маданият борбору. *Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики*. 2023. № S5. С. 88–94. [Boronbaev A. J., Osmonova A. Folk games – Kyrgyz cultural center. *Izvestiia Natsionalnoi Akademii nauk Kyrgyzskoi Respubliki*, 2023, (S5): 88–94. (In Kyrgyz)] <https://elibrary.ru/hhahgw>

15. Жолдыбаев О. М. Ойын-сауық ойындары: эволюция және заманауи көрініс. *Керуен*. 2022. Т. 75. № 2. С. 220–230. [Zholdybaev O. M. Entertainment games: Evolution and modern look. *Keruen*, 2022, 75(2): 220–230. (In Kazakh)] <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.2-19>
16. Азимов Б. А., Абдивоситова А. Г., Мамаев Э. Т. Интеллектуалдык оюндарды түзүү жана аны мектеп окуучулары үчүн колдонуу. *Билим берүүдөгү математика, физика жана маалыматтык технологиялардын актуалдуу маселелери: Эл аралык илимий-практикалык конференциясынын материалдары*. (Ош, 26–27 сентябрь 2024 г.) Ош: Ош мамлекеттик университети, 2025. С. 13–19. [Azimov B. A., Abdivositova A. G., Mamaev E. T. Creating intellectual games for schoolchildren and using them in the classroom. *Actual problems of mathematics, physics, and information technologies in education*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Osh, 26–27 Sep 2024. Osh: Osh State University, 2025, 13–19. (In Kyrgyz)] <https://elibrary.ru/dubenh>
17. Акылбек К. Н. Мектеп окуучулары үчүн интеллектуалдык оюндарды түзүүнүн жолдору. *Билим берүү, илим жана инновация*. 2023. № 7. С. 16–21. [Akylbek K. N. Ways to create intellectual games for schoolchildren. *Scientific information journal*, 2023, (7): 16–21. (In Kyrgyz)] [https://doi.org/10.58494/esai.23\(7\).2023.04](https://doi.org/10.58494/esai.23(7).2023.04)
18. Wiwesa N. R., Wan Zainodin W. H., Latiff D. I. A., Anindito F., Setiawati R. The role of intellectual property awareness and motivation in game product innovation as a creative industry. *Proceedings*, 2022, 83(1). <https://doi.org/10.3390/proceedings2022083031>
19. Кипреев С. Н. Воспитательный потенциал духовно-нравственных ценностей как средство формирования чувства патриотизма у сотрудников полиции. *Современные наукоемкие технологии*. 2024. № 4. С. 150–154. [Kipreev S. N. Educational potential of spiritual and moral values as a means of developing a sense of patriotism among police officers. *Modern high technologies*, 2024, (4): 150–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/snt.39986>
20. Кипреев С. Н. Формирование чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России с помощью генеалогии как средства духовно-нравственного воспитания. *Педагогический форум*. 2023. № 1. С. 18–20. [Kipreev S. N. Formation of a sense of patriotism among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the help of genealogy as a means of spiritual and moral education. *Pedagogical forum*, 2023, (1): 18–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcgzxx>
21. Синько В. Н. Воспитательный потенциал интеллектуальной игры в формировании патриотизма студенческой молодежи (из опыта работы). *Наука, образование, культура: конф.* (Екатеринбург, 15 февраля 2023 г.) Екатеринбург: Уральский ГАУ, 2023. С. 214–218. [Sinko V. N. The educational potential of intellectual play in the formation of patriotism among students (from work experience). *Science, education, and culture*: Proc. Conf., Ekaterinburg, 15 Feb 2023. Ekaterinburg: USACA, 2023, 214–218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpjiwag>
22. Богданов А. В. Особенности использования темы патриотизма в игровых технологиях формирования политической культуры современной российской молодежи. *Межрегиональные Пименовские чтения*. 2020. № 17. С. 76–81. [Bogdanov A. V. Peculiarities of using the topic of patriotism in gaming technologies for the formation of political culture of modern Russian youth. *Mezhhregionalnye Pimenovskie chteniia*, 2020, (17): 76–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sscqji>
23. Белоногова Л. Н., Соколов А. М., Богатова С. В. Игрофикация как механизм патриотического воспитания подрастающего поколения. *Ярославский педагогический вестник*. 2020. № 6. С. 49–55. [Belonogova L. N., Sokolov A. M., Bogatova S. V. Gamification as a mechanism of patriotic education of the younger generation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, (6): 49–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-6-117-49-55>
24. Мельничук Л. Р. Особенности организации интеллектуально-патриотических игр. *Энигма*. 2020. № 18-1. С. 136–140. [Melnichuk L. R. Peculiarities of the organization of intellectual and patriotic games. *Enigma*, 2020, (18-1): 136–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iwglmj>
25. Горохов Д. В. Формирование патриотизма у студентов военных учебных центров с помощью интеллектуальной игры «Военная история России». *Теория и практика военного образования в гражданских вузах: педагогический поиск: III Всерос. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 26–27 ноября 2020 г.) Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. С. 242–247. [Gorokhov D. V. The formation of patriotism among students of military training centers through the intellectual game Military History of Russia. *Theory and practice of military education in civilian universities: Pedagogical search*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 26–27 Nov 2020. Ekaterinburg: UMTS UPI, 2020, 242–247. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/upvibn>
26. Селезнева Ю. А., Осипов И. В. «Россия в деталях»: интерактивная игра и программа патриотического воспитания. *Magister*. 2023. № 4. С. 9–15. [Selezneva Yu. A., Osipov I. V. "Russia in detail": An interactive game and a program of patriotic education. *Magister*, 2023, (4): 9–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iuimrqs>

оригинальная статья

eLibrary EDN: PCXYVB

Цифровая грамотность в структуре профессиональной ответственности будущего педагога

Лопаткин Григорий Юрьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7624-1398

<https://orcid.org/0000-0002-7020-5197>

gr.lopatkin@gmail.com

Дивеев Данила Васильевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 8532-4710

<https://orcid.org/0000-0002-2305-4736>

Дивеева Карина Дмитриевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 8298-5780

<https://orcid.org/0000-0001-9201-4941>

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы определения роли цифровой грамотности в структуре профессиональной ответственности студентов педагогических направлений подготовки. Цель – изучить взаимосвязи проявлений цифровой грамотности и характеристик профессиональной ответственности будущих педагогов. Эмпирическую базу составили результаты диагностики, проведенной среди 179 студентов педагогических направлений Института образования Кемеровского государственного университета. В работе использовались: методика Н. В. Бужинской (на основе В. И. Андреева), методика К. Замфир в модификации А. А. Реана, методика «Индекс цифровой грамотности» (НАФИ), авторская анкета и тест на фишинг-резистентность. Теоретически обоснованы трансформации традиционных рамок профессиональной ответственности в контексте цифровизации образовательной среды вуза. Показаны интерпретации понятия *профессиональная ответственность*, актуализирована востребованность обоснования взаимосвязи и взаимообусловленности проявлений таких личностных характеристик, как ответственность и мотивация, в процессе осуществления учебной деятельности в условиях цифровизации. В результате эмпирически доказана взаимосвязь показателей цифровой грамотности и характеристик профессиональной ответственности будущих педагогов.

Ключевые слова: профессиональная ответственность, цифровая безопасность, студенты педагогических направлений подготовки, мотивация, цифровая грамотность

Цитирование: Лопаткин Г. Ю., Дивеева К. Д., Дивеев Д. В. Цифровая грамотность в структуре профессиональной ответственности будущего педагога. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 273–282. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-273-282>

Поступила в редакцию 26.12.2025. Принята после рецензирования 18.02.2026. Принята в печать 24.02.2026.

original article

Digital Literacy in Professional Responsibility of Pre-Service Teachers

Grigory Yu. Lopatkin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7624-1398

<https://orcid.org/0000-0002-7020-5197>

gr.lopatkin@gmail.com

Danila V. Diveev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 8532-4710

<https://orcid.org/0000-0002-2305-4736>

Karina D. Diveeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 8298-5780

<https://orcid.org/0000-0001-9201-4941>

Abstract: Digital competence is integrated in the professional responsibility of contemporary teachers and educators. The article examines the correlation between the digital literacy level and the professional readiness in students majoring in pedagogy. The experiment involved 179 students of the Institute of Education at Kemerovo State

University. The methods included N. V. Buzhinskaya's assessment methodology (as modified by V. I. Andreev), A. A. Rean's modification of K. Zamfir's methodology, the Digital Literacy Index, a custom questionnaire, and a phishing resistance test. As the traditional frameworks of professional responsibility evolve due to academic digitalization, the concept of professional responsibility is being redefined. Its analysis highlights the need to substantiate the relationship and interdependence of responsibility and motivation as personal characteristics in the digital academic environment. The article introduces empirical evidence for the correlation between the digital literacy indicators and the professional responsibility in pre-service teachers.

Keywords: professional responsibility, digital security, students of pedagogical training, motivation, digital literacy

Citation: Lopatkin G. Yu., Diveeva K. D., Diveev D. V. Digital Literacy in Professional Responsibility of Pre-Service Teachers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 273–282. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-273-282>

Received 26 Dec 2025. Accepted after review 18 Feb 2026. Accepted for publication 24 Feb 2026.

Введение

Стремительная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, детерминированная государственными инициативами, предъявляет принципиально новые требования к системе педагогического образования. Современный педагог действует в гибридной образовательной среде [1; 2], где цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью профессиональной деятельности [3]. Это неизбежно приводит к трансформации традиционных рамок профессиональной ответственности, которая более не может ограничиваться предметными знаниями и дидактическими компетенциями [1].

Профессиональная ответственность педагога включает не только владение предметными знаниями, но и умение использовать инновационные подходы к обучению, создавать благоприятную психологическую атмосферу в классе, учитывать индивидуальные особенности каждого подопечного. Системная работа по внедрению инноваций в образовательную и внеучебную деятельность обучающихся позволяет создавать условия для развития профессиональных качеств будущих учителей. Участвуя в инновационных проектах, студенты-педагоги получают возможность приобретать практические навыки работы с современными технологиями, учатся анализировать и решать проблемы, брать на себя ответственность за результат.

Студенты «идентифицируют себя с цифровыми коммуникациями, демонстрируя свою политическую, нравственную и профессиональную культуру в Интернете. Учащаяся молодежь, по сравнению с другими возрастными и социальными группами населения, более всего готова к потреблению контента в цифровом пространстве» [4, с. 31].

В условиях цифровизации важно умение эффективно вести онлайн-уроки, организовывать взаимодействие между участниками образовательного процесса. Современные молодые педагоги застали период пандемии, будучи студентами старших

курсов, когда преподаватели столкнулись с вызовом перевода дисциплины в дистанционный формат, в результате чего передавать практические знания стало намного труднее, нежели в рамках аудиторных занятий. Считаем важным отметить ключевой аспект профессиональной ответственности – развитие навыков онлайн-взаимодействия.

Помимо вышеупомянутого, стоит обратить внимание и на необходимость поддерживать коммуникацию не только с обучающимися, но и коллегами, а также родителями учеников, которые готовы задавать множество вопросов педагогу. Обладая опытом обучения в цифровой среде, будущие педагоги демонстрируют высокую адаптивность в коммуникации: они прогнозируют возможные технические барьеры и оперативно предлагают альтернативные форматы взаимодействия, обеспечивая непрерывность образовательного процесса. Студенты, привыкшие к цифровому общению, в большей степени ориентированы проявлять умение выстраивать диалог в онлайн-среде, соблюдать цифровой этикет и уважать мнения участников образовательного процесса.

Готовность студентов находиться в этой среде связана с профессиональной ответственностью будущих педагогов, которая проявляется в нескольких аспектах, способствующих эффективной реализации инновационных технологий в образовании.

Е. А. Фёдорова, анализируя цифровую компетентность как сложный комплексный феномен, предлагает рассматривать совокупность ее составляющих, к числу которых отнесены знания, умения, мотивация и ответственность, распределяя их по таким блокам, как информационная компетентность и медиакомпетентность, коммуникативная компетентность, техническая компетентность, потребительская компетентность [5, с. 80]. Сегодня в зону ответственности педагога входят также обеспечение цифровой безопасности и конфиденциальности данных учащихся [6], формирование их цифровой гигиены [7]

и критического мышления в медиасреде, этичное и правомерное использование цифрового контента, противодействие кибербуллингу [8, с. 27; 9, с. 21]. Таким образом, цифровая грамотность перестает быть факультативной технической компетенцией и становится операционально-технологическим и ценностным ядром обновленной профессиональной ответственности педагога, что отмечается как необходимое условие успешной педагогической деятельности [10, с. 30].

Однако, как показывают исследования, между осознанием этой необходимости и реальным уровнем подготовленности будущих педагогов обнаруживается существенный разрыв. Данные, полученные Г. Ю. Лопаткиным и М. И. Губановой, свидетельствуют о том, что у студентов педагогических направлений наиболее проблемными являются именно характеристики, связанные с ответственностью: цифровая безопасность (низкий уровень у 36,9 % студентов на начальном этапе обучения) и цифровая ответственность, включая понимание академической честности (низкий уровень у 37,4 % студентов) [11; 12]. При этом технико-инструментальные навыки развиты лучше.

Актуальность переосмысления профессиональной ответственности подтверждается международными исследованиями. Так, UNESCO в своих рекомендациях подчеркивает, что внедрение генеративного искусственного интеллекта в образование требует от педагогов не только технической компетенции, но и строгого соблюдения этических норм и защиты данных обучающихся¹. Кроме этого, глобальный характер вызовов академической честности в цифровую эпоху отмечается Д. Коттон и коллегами, указывающих на размывание границ между помощью, которую способны оказать технологии, и академическим мошенничеством [13].

Цель исследования – изучить взаимосвязи проявлений цифровой грамотности и характеристик профессиональной ответственности будущих педагогов.

Профессиональная ответственность педагога в цифровую эпоху требует переосмысления. Классические подходы, акцентирующие морально-этические нормы в офлайн-взаимодействии, сегодня должны быть экстраполированы на цифровое пространство. Мы определяем это расширенное понятие как готовность и обязанность педагога осуществлять свою деятельность с использованием цифровых технологий в строгом соответствии с правовыми нормами, этическими принципами и профессиональным

долгом, неся ответственность за цифровые последствия своих действий для образовательных результатов, личности и безопасности обучающихся.

А. Д. Урсул справедливо отмечает, что в условиях цифровизации общества адекватная позиция педагога, предполагающая в том числе наличие личной ответственности, становится фактором устойчивого развития самой образовательной системы [14]. Будущим педагогам, помимо вышеперечисленного, важно уметь отбирать и адаптировать цифровые образовательные ресурсы под нужды обучающихся, создавать собственные материалы и обеспечивать безопасный доступ к ним, уметь формулировать четкие запросы и давать конструктивную обратную связь, управлять групповыми проектами, что требует непрерывного саморазвития, умения работать в цифровой среде и осознания своей роли в формировании цифровой грамотности обучающихся.

Цифровая грамотность, в свою очередь, эволюционировала от узкотехнического понимания П. Гилстера к комплексным моделям. Аналитический центр НАФИ определяет ее как базовый набор знаний и навыков для решения задач в цифровой среде, выделяя компоненты: информационный, коммуникативный, медиаграмотность, навыки создания контента, безопасность и решение проблем². Для педагогического контекста ключевым является подход, интегрирующий не только навыки, но и мотивационный аспект [15].

Более того, в структуру цифровой грамотности правомерно включать аксиологический (ценностно-мотивационный), праксиологический (деятельностный), гносеологический (познавательный) компоненты, а также компонент безопасности [16]. Именно последний – безопасность, понимаемая как защита данных, цифровая гигиена и этика, – выступает связующим звеном с понятием *профессиональной ответственности*.

Педагогу важно обладать перечнем профессиональных качеств для успешного внедрения инновационных технологий в образовательный процесс без вреда для детского сознания. Умение учителя владеть современными инструментами и методами помогает сформировать техническую грамотность у обучающихся и не позволить переключить их внимание, например, на бездумное использование искусственного интеллекта в подготовке домашнего задания.

Цифровизация образования требует от педагогов владения цифровой компетентностью, которая включает организационные, инструментальные,

¹ ЮНЕСКО. Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. Париж: UNESCO, 2024. 56 с. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639> (дата обращения: 11.01.2026).

² Аймалетдинов Т. А., Баймуратова Л. Р., Зайцева О. А., Имаева Г. Р., Спиридонова Л. В. Аналитический центр НАФИ. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: НАФИ, 2019. 84 с.

интерактивные и социальные умения. Формирование цифровой компетентности учителя, особенно ее организационного вида, связанного с применением цифровых ресурсов в работе с учениками, является актуальной проблемой из-за необходимости постоянного обновления знаний и навыков в связи с быстрым развитием технологий. Недостаточная проверенность временем исследований по соответствующей подготовке будущих учителей усложняет ситуацию. Педагоги зачастую не могут уделять достаточно времени самообразованию в области новых технологий из-за рутины и ограниченности времени, что ведет к их отставанию от современных образовательных методов.

Учитель должен быть готов к постоянному обучению и переобучению: это умение адаптироваться к изменениям развивает гибкость, открытость к новому и желание полезно и доступно делиться с детьми информацией.

Технологии открывают возможности для взаимодействия учителя с учениками, родителями и коллегами, что стимулирует развитие коммуникативных навыков и умение работать в команде, совместно преодолевая трудности, а осознание важности персонализации обучения позволяет педагогу обращать внимание на индивидуальные особенности каждого обучающегося, лучше понимать их.

Синтезируя эти подходы, мы предлагаем рассматривать цифровую грамотность не параллельно, а внутри структуры профессиональной ответственности как ее обеспечивающую подсистему.

На рисунке 1 представлена модель, в которой можно выделить три взаимопроникающих уровня:

1. Технологически-операциональный (база): владение цифровыми инструментами, ИКТ-грамотность, умение создавать и адаптировать цифровой образовательный контент [3].

2. Когнитивно-критический (осмысление): медиа- и информационная грамотность, критическое мышление, оценка достоверности информации [8].

3. Ценностно-ответственный (ядро ответственности): цифровая безопасность, этика, академическая честность, осознанная внутренняя мотивация к профессиональному использованию технологий, стремлением к самосовершенствованию в сфере использования ИКТ [11; 12].

Именно третий уровень является системообразующим для профессиональной ответственности. Его сформированность, как мы предполагаем, напрямую связана с общей эффективностью цифровой грамотности.

Методы и материалы

Исследование базируется на системном подходе, рассматривающем цифровую грамотность как комплекс взаимосвязанных компонентов, и аксиологическом подходе, акцентирующем приоритет этических ценностей в профессиональной деятельности.

Эмпирическую базу составили результаты диагностики, проведенной среди студентов педагогических направлений (n = 179) Института образования Кемеровского государственного университета.

Использованный диагностический инструментал включал:

1) методику Н. В. Бужинской (на основе работы В. И. Андреева) для оценки способности к самосовершенствованию в области ИКТ [17, с. 322];

2) методику К. Замфир в модификации А. А. Реана для выявления уровня и структуры мотивации к применению ИКТ в будущей профессиональной деятельности (с выделением внутренней, внешней положительной и внешней отрицательной мотивации) [18, с. 287–289]. Студентам предлагался тест, в котором необходимо было дать оценку значимости

Рис. 1. Модель уровней включенности цифровой грамотности в профессиональную ответственность педагога

Fig. 1. Digital literacy integrated into the professional responsibility of pre-service teachers

мотивов применения ИКТ в будущей профессиональной деятельности по 5-балльной шкале. Определялись мотивационные комплексы студентов – тип соотношения между собой трех видов мотивации.

3) методику «Индекс цифровой грамотности» (НАФИ) для комплексной оценки уровня цифровой грамотности в процентных пунктах (п. п.);

4) авторскую анкету и тест на фишинг-резистентность для оценки уровня цифровой безопасности и ответственности [11; 12].

Для проверки гипотезы о связи проявлений цифровой грамотности и характеристик профессиональной ответственности нами был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) между показателями мотивации к использованию ИКТ в будущей профессиональной деятельности: внутренняя мотивация, внешняя положительная мотивация, внешняя отрицательная мотивация (методика К. Замфир в модификации А. А. Реана), уровнем развития способности к самосовершенствованию в сфере использования ИКТ (тест-анкета Н. В. Бужинской) и компонентами цифровой грамотности (методика НАФИ). Анализ проводился с использованием статистического пакета Statistica 10.

Результаты

Анализ данных авторской анкеты [11] подтверждает исходную гипотезу о дисбалансе в структуре цифровой грамотности будущих педагогов. При среднем общем индексе цифровой грамотности будущих педагогов на начальном этапе обучения (72.6 п. п.) наиболее низкие показатели были зафиксированы именно в сферах, непосредственно относящихся к профессиональной ответственности:

- цифровая безопасность: 36,9 % студентов продемонстрировали низкий уровень осведомленности и отсутствие устойчивых привычек безопасного поведения, что согласуется с выводами о необходимости целенаправленного формирования данного компонента [11].
- цифровая ответственность (академическая этика): 37,4 % студентов показали низкий уровень, при этом 69 % респондентов сочли допустимым использование искусственного интеллекта без указания этого факта в учебных работах, 34 % – уверенно знали правила оформления цитирования.

Эти данные свидетельствуют о том, что технологическая готовность не гарантирует ответственного профессионального поведения в цифровой среде. Потребность в формировании данных компетенций осознается и самими педагогами, указывающими на важность постоянного повышения квалификации в области цифровых технологий и методик их применения [9].

Мотивация подразумевает появление осмысленного желания повысить уровень цифровых компетенций как базу для активности в цифровом пространстве, которая необходима человеку для достижения профессионального успеха. Сфера ответственности содержит в себе аспекты безопасного взаимодействия с информационным пространством, что сегодня является приоритетным направлением цифровой безопасности личности [19].

Проведенный нами анализ взаимосвязи проявлений цифровой грамотности и характеристик профессиональной ответственности представлен на рисунке 2, где видно, что чем выше уровень внутренней мотивации студентов к использованию ИКТ в будущей профессиональной деятельности, тем выше средний балл успеваемости студентов по дисциплинам ИКТ-цикла на 1 курсе обучения. В психологии мотивация и деятельность тесно связаны: мотивация возникает при опредмечивании потребности, когда исходные потребности находят предметы удовлетворения в окружающем мире, эти предметы становятся мотивом деятельности, таким образом мотивация определяет направления и способы осуществления деятельности [20]. Возникает вопрос о первичности мотивации и успеваемости по предметам ИКТ-цикла.

Обозначим, что ни один из подиндексов цифровой грамотности статистически не связан с уровнем успеваемости по дисциплинам ИКТ-цикла. Этот факт может свидетельствовать о том, что дисциплины фокусируются на узкотехническом освоении инструментов, банальном знании алгоритмов использования программ, тогда как цифровая грамотность как более широкое понятие отражает комплекс компетенций. Высокие баллы за выполнение практических работ не гарантируют развития критического мышления (медиаграмотность), способности к грамотной онлайн-коллаборации (коммуникативная грамотность) или осознанного этического применения технологий (безопасность, отношение к инновациям).

Также тесно связаны внутренняя и внешняя положительная мотивация к использованию ИКТ в будущей профессиональной деятельности с уровнем стремления к самосовершенствованию в сфере использования ИКТ. Это является свидетельством того, что мотивация выступает не просто побочным фактором, а системообразующим элементом профессионального развития будущих педагогов в сфере цифровизации. Осознанная ценность технологий (внутренняя мотивация) и признание их необходимости (внешняя мотивация) прямо трансформируются в практическую готовность осваивать новые инструменты, анализировать их эффективность и применять на практике в образовательном процессе.

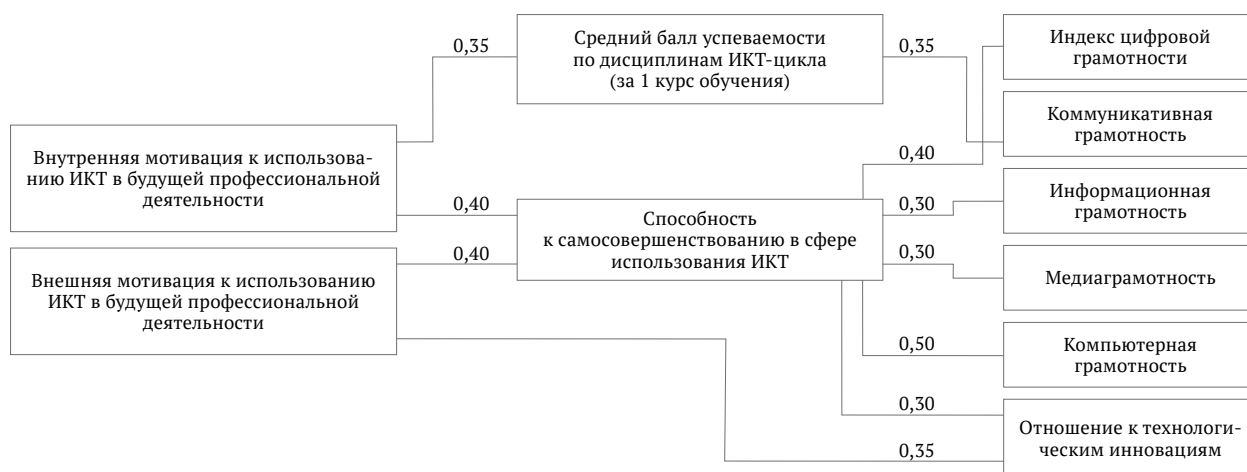

Рис. 2. Корреляционные связи показателей методики Замфир-Реана, Н. В. Бужинской, индекса цифровой грамотности (НАФИ) и его компонентов (подиндексов)

Fig. 2. Correlation relationships between the indicators of the Zamfir-Rean methodology, N. V. Buzhinskaya, the digital literacy index (NAFI) and its components (sub-indices)

В свою очередь, уровень способности к самосовершенствованию в сфере использования ИКТ тесно связан как с общим индексом цифровой грамотности, так и с большинством подиндексов, кроме коммуникативной грамотности. С большой вероятностью это можно объяснить тем, что цифровая коммуникация в наше время воспринимается людьми, особенно молодым поколением, как базовый «социальный» навык. Остальные же подиндексы намного ближе к профессиональным компетенциям, требующим целенаправленного развития, что само по себе связано со способностью к самосовершенствованию в сфере ИКТ.

Корреляционный анализ показывает взаимосвязь между внешней положительной мотивацией к использованию ИКТ в будущей профессиональной деятельности и компонентом цифровой грамотности – отношением к технологическим инновациям. Логика вполне естественна: развитие технологий, социальных сетей, приложений и прочего происходит стремительными темпами в современных реалиях; чтобы просто ориентироваться в этом мире, приходится следить за всеми изменениями и осваивать «новое», а чтобы быть востребованным профессионалом – тем более необходимо осваивать новые цифровые компетенции. Корреляция с внешней, а не с внутренней мотивацией может указывать на инструментальный и ситуативный характер этой готовности к инновациям. Студент может следить за трендами потому, что *это требуется*, а не из-за глубокого интереса или видения педагогического потенциала.

Обсуждение

Успешность освоения ИКТ-дисциплин коррелирует с коммуникативной грамотностью. Это означает, что люди, которые умеют эффективно взаимодействовать и общаться онлайн (например, через социальные сети или программы для удаленной связи), легче справляются с заданиями в рамках этих дисциплин. Это соотносится, с одной стороны, с позицией Л. В. Лазаревой и Н. М. Стяжковой о роли цифровых технологий в развитии коммуникативных навыков студентов и их мотивации к обучению [21], а с другой – с позицией А. В. Кайсиной о том, что формирование цифровой грамотности способствует развитию навыков онлайн-коллаборации [22].

О. С. Кудрявцева подтверждает, что безопасное использование цифровых технологий – ключевой навык цифровой грамотности и важная составляющая личной безопасности педагога. Автор также отмечает дефицит информации или трудности ее понимания, несмотря на широкую огласку тематики безопасности [23]. Л. Ю. Помыткина и коллеги, рассматривая проблемы цифровой ответственности, отмечают особо острые проблемы в контексте этики общения и достоверности информации, что согласуется с нашими данными о достаточно низком уровне осведомленности в сфере цифровой безопасности [24, с. 119].

Выявленный нами дисбаланс (высокие инструментальные навыки при дефиците цифровой безопасности) согласуется с данными международных исследований, в которых отмечается, что будущие педагоги демонстрируют уверенность в базовых

цифровых операциях, но испытывают трудности в областях критической оценки информации и кибербезопасности [25; 26]. Это указывает на универсальный характер проблемы и необходимость целенаправленного формирования цифровой грамотности.

Данные о том, что большинство респондентов считают допустимым использование искусственного интеллекта без указания этого факта, подтверждается позицией Е. В. Сизовой при рассмотрении проблемы формирования культуры применения генеративного искусственного интеллекта в образовании [27, с. 338].

Выявленные корреляции соотносятся с позицией Г. У. Солдатовой и коллег, согласно которой цифровая компетентность включает «не только знания и умения, но и другие два важных компонента: мотивацию на развитие и ответственность в качестве цифрового гражданина» [28, с. 318]. Особенно актуальным нам кажется включение мотивационного компонента как отдельного структурного элемента, что соответствует нашим данным о корреляции между мотивацией и уровнем цифровой грамотности.

Отмеченный нами дисбаланс в структуре цифровой грамотности студентов можно объяснить через парадокс цифровой компетентности, предложенный Г. У. Солдатовой: более компетентные пользователи чаще сталкиваются с онлайн-рисками из-за большей активности в Сети, но при этом лучше справляются с этими рисками. Установлено, что «цифровая компетентность не только является "индикатором" успешного совладания с онлайн-рисками, но и в случае ее развития способствует такому совладанию» [Там же, с. 158].

Именно мотивационно-ответственный уровень является системообразующим, определяющим направленность и качество использования цифровых технологий. Без развитой мотивационной сферы и чувства ответственности технические навыки могут использоваться во вред образовательному процессу.

Данные, представленные в зарубежных исследованиях, подтверждают положительную корреляцию между цифровыми навыками и мотивацией студентов, что согласуется с нашими выводами о связи внутренней мотивации к использованию ИКТ с успеваемостью по дисциплинам ИКТ-цикла [29].

Заключение

В условиях цифровой трансформации образования категория *профессиональная ответственность педагога* претерпевает содержательную модернизацию. Цифровая грамотность перестает быть вспомогательным инструментарием и трансформируется

в аксиологическое ядро профессионализма, где технологические навыки обретают смысл только через призму этики и безопасности.

Установлено, что ключевой проблемой является не низкий уровень технических навыков, а дефицитарность ценностно-ответственного уровня цифровой грамотности (кибербезопасность, этика, академическая честность), что требует пересмотра подходов к подготовке педагогических кадров.

Выявлено, что именно ценностно-ответственный уровень, включающий цифровую безопасность, этику и внутреннюю мотивацию к профессиональному использованию технологий, является системообразующим для профессиональной ответственности педагога.

Корреляционный анализ подтверждает наличие взаимосвязи между уровнем внутренней мотивации студентов к использованию ИКТ в профессиональной деятельности и их цифровой грамотностью, особенно в аспектах самосовершенствования и отношения к технологическим инновациям.

Отсутствие статистической связи между подиндексами цифровой грамотности и академической успеваемостью по ИКТ-дисциплинам вскрывает существенный методический разрыв. Традиционная система контроля, фокусирующаяся на алгоритмическом выполнении задач, не валидирует уровень критического мышления и цифровой этики. Высокие академические баллы создают иллюзию компетентности, маскируя дефицит безопасности и ответственности, что подтверждает необходимость внедрения комплексных методов оценки.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и апробацией модели формирования ценностно-ответственного уровня цифровой грамотности будущих педагогов, включая создание специализированных методик формирования цифровой безопасности, академической честности и этики использования искусственного интеллекта в образовательном процессе. Особое внимание следует уделить интеграции мотивационного компонента в структуру профессиональной подготовки, а также разработке критериев оценки сформированности цифровой ответственности как ключевой характеристики профессиональной компетентности современного педагога.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Г. Ю. Лопаткин – концептуализация, выстраивание авторской логики исследования. К. Д. Дивеева – поиск и анализ научных источников, интерпретация результатов, общее оформление работы. Д. В. Дивеев – проведение опроса, статистическая обработка результатов, поиск литературных источников.

Contribution: G. Yu. Lopatkin developed the research concept and designed the experiment. K. D. Diveeva reviewed scientific publications, interpreted the results, and designed the research. D. V. Diveev performed the survey, processed the results, and wrote the review.

Литература / References

1. Дроботенко Ю. Б. Стратегии развития профессиональной компетентности педагога для реализации гибридного обучения. *Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ)*. 2022. № 3. С. 11–20. [Drobotenko Yu. B. Strategies of teacher's professional competence development for implementation of hybrid learning. *INSIGHT*, 2022, (3): 11–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/npqtjz>
2. Федотова М. Г., Афанасьева О. Ю., Цилицкий В. С. Гибридная образовательная среда как фактор профессиональной подготовки учителя иностранного языка в российском университете. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2024. № 3. С. 217–234. [Fedotova M. G., Afanasyeva O. Yu., Tsilitkiy V. S. Hybrid educational environment as a factor of professional training of a foreign language teacher at a Russian university. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2024, (3): 217–234. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25588/CSPU.2024.181.3.010>
3. Сторожева С. П., Микиденко Н. Л. Профессиональная деятельность в цифровой образовательной среде: противоречия в возможностях. *Философия образования*. 2023. Т. 23. № 2. С. 178–193. [Storozheva S. P., Mikidenko N. L. Specific techniques and innovations in the practice of education. *Philosophy of Education*, 2023, 23(2): 178–193. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/PHE20230211>
4. Мартынова Т. Н., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Реализация социальной политики по поддержке учащейся молодежи в условиях цифровизации общества: региональный аспект. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2023. № 2. С. 29–36. [Martynova T. N., Zelenin A. A., Yanitskiy M. S. Implementation of social policy for the student youth support in the conditions of digitalization of the society: Regional aspect. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2023, (2): 29–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hslewl>
5. Фёдорова Е. А. Цифровая грамотность как ключевая компетенция будущего. *Наука Online*. 2019. № 2. С. 77–81. [Fedorova E. A. Digital literacy as a key competence of the future. *Science online*, 2019, (2): 77–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmwyvv>
6. Иглинская И. Г., Петракова А. В. Кибербезопасность в цифровом образовании: защита данных студентов и преподавателей. *Технопарк универсальных педагогических компетенций: II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 ноября 2024 г.)* Чебоксары: Среда, 2024. С. 88–90. [Iglinskaya I. G., Petrakova A. V. Cybersecurity in digital education: Protecting students and teachers data. *Technopark of universal pedagogical competencies: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Cheboksary, 12 Nov 2024. Cheboksary: Sreda, 2024, 88–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hfivxj>
7. Николаева М. А. Готовность педагогов к реализации занятий по цифровой гигиене. *Современный учитель – взгляд в будущее: Междунар. науч.-образоват. форум. (Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 г.)* Екатеринбург, 2022. Ч. 3. С. 48–52. [Nikolaeva M. A. Readiness of teachers to implement digital hygiene classes. *A modern teacher: Insight into the future: Proc. Intern. Sci.-Educat. Forum*, Ekaterinburg, 17–18 Nov 2022. Ekaterinburg, 2022, pt. 3, 48–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gslppd>
8. Городова Д. Д. Повышение цифровой грамотности педагогов как средство профилактики кибербуллинга. *Человек. Общество. Наука*. 2021. Т. 2. № 2. С. 23–30. [Gorodova J. D. Improving of Internet literacy as a means of cyberbullying prevention. *Human. Society. Science*, 2021, 2(2): 23–30. (In Russ.)] https://doi.org/10.53015/2686-8172_2021_2_2_23
9. Белоусов А. О., Крайнева С. В., Шефер О. Р., Лебедева Т. Н., Эрентраут Е. Н., Рогозин С. А. Цифровая культура педагога: борьба с кибербуллингом в онлайн-среде. *Педагогическое образование в России*. 2024. № 2. С. 18–25. [Belousov A. O., Kraineva S. V., Shefer O. R., Lebedeva T. N., Erentraut E. N., Rogozin S. A. The digital culture of the teacher: Fighting cyberbullying in an online environment. *Pedagogical Education in Russia*, 2024, (2): 18–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iixqop>
10. Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В. Цифровая грамотность и безопасность в Интернете. М.: Google, 2013. 311 с. [Soldatova G., Zotova E., Lebesheva M., Shlyapnikov V. *Digital literacy and internet safety*. Moscow: Google, 2013, 311. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxuecp>

11. Лопаткин Г. Ю., Губанова М. И. Особенности цифровой грамотности студентов педагогических направлений на начальном этапе обучения. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2025. № 1. С. 40–50. [Lopatkin G. Yu., Gubanova M. I. Features of digital literacy of students of pedagogical directions at the initial stage of training. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2025, (1): 40–50. (In Russ.)] https://doi.org/10.54509/22203036_2025_1_40
12. Лопаткин Г. Ю., Губанова М. И. Формирование цифровой грамотности студентов педагогических направлений в образовательном процессе вуза. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 4. С. 529–540. [Lopatkin G. Yu., Gubanova M. I. Developing digital literacy in pedagogical universities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(4): 529–540. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-4-529-540>
13. Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R. Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT. *Innovations in Education and Teaching International*, 2023, 61(2): 228–239. <https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2190148>
14. Урсул А. Д. Цифровизация и образование для устойчивого развития: перспективы взаимосвязи в процессе эволюции. *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 2. С. 39–54. [Ursul A. D. Digitisation and education for steady development: The prospects of interconnection in the evolution process. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2020, (2): 39–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.4>
15. Ельцова О. В., Емельянова М. В. К вопросу о понятии цифровой грамотности. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2020. № 1. С. 155–161. [Eltsova O. V., Emelyanova M. V. On the concept of digital literacy. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2020, (1): 155–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jqvirkg>
16. Алексеева Е. А., Алексеева Г. И. Сущность и содержание понятия «цифровая грамотность» в современных педагогических исследованиях. *Концепт*. 2025. № 11. С. 20–32. [Alekseeva E. A., Alekseeva G. I. The essence and content of the concept of digital literacy in modern pedagogical research. *Concept*, 2025, (11): 20–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11212>
17. Бужинская Н. В. Методика оценки уровня ИКТ-компетентности студентов педагогических вузов. *Вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 1. С. 319–324. [Buzhinskaya N. V. IKT-kompetentnosti level assessment technique students of pedagogical higher education institutions. *The Bryansk State University Herald*, 2016, (1): 319–324. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcytwz>
18. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика. СПб.: Питер, 2006. 304 с. [Bordovskaya N. V., Rean A. A. *Pedagogy*. St. Petersburg: Piter, 2006, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxdvtst>
19. Лукошкин А. А. Цифровая безопасность личности в условиях развития цифрового права. *Образование и право*. 2024. № 1. С. 475–482. [Lukoshkin A. A. Digital security of the individual in the context of the development of digital law. *Education and Law*, 2024, (1): 475–482. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-1-475-482>
20. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: РГБ, 2009. 352 с. [Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: RSL, 2009, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxwitb>
21. Лазарева Л. В., Стяжкова Н. М. Как цифровые технологии мотивируют студентов к обучению. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2023. Т. 42. № 4. С. 658–671. [Lazareva L. V., Styazhkova N. M. How digital technologies impact students' learning motivation. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2023, 42(4): 658–671. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-4-658-671>
22. Кайсина А. В. Цифровая грамотность как жизненно важный навык школьников в цифровой образовательной среде. *XXVIII Царскосельские чтения: Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2024 г.)* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 348–352. [Kaysina A. V. Digital literacy as a vital skill for developing students' collaboration skills and online safety. *XXVIII Tsarskoye Selo Readings: Proc. Intern Sci. Conf.*, St. Petersburg, 23–24 Apr 2024. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2024, 348–352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cybiyr>
23. Кудрявцева О. С. Информационная безопасность педагогов в контексте функциональной грамотности и глобальных компетенций субъектов образования. *E-Scio*. 2022. № 8. С. 88–96. [Kudryavtseva O. S. Information security of teachers in the context of functional literacy and global competencies of educational subjects. *E-Scio*, 2022, (8): 88–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pqfyfb>
24. Помыткина Л. Ю., Комарова Н. А., Щепеткина И. В. Цифровая грамотность как гарант безопасности жизнедеятельности бизнеса и граждан России. *Цивилизованные перемены в России: XIV Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29 ноября 2024 г.)* Екатеринбург: УГЛУТУ, 2024. С. 116–123. [Pomytkina L. Yu., Komarova N. A., Shchepetkina I. V. Digital literacy as a guarantor of the safety of business and citizens of Russia.

- Civilizational changes in Russia*: Proc. XIV All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 29 Nov 2024. Ekaterinburg: USFEU, 2024, 116–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mudjso>
25. Gallego-Arrufat M.-J., Torres-Hernández N., Pessoa T. Competence of future teachers in the digital security area. *Comunicar*, 2019, 27(61): 57–67. <https://doi.org/10.3916/c61-2019-05>
26. García J. M. G.-V., García-Carmona M., Torres J. M. T., Fernández P. M. Analysis of digital competence of educators (DigCompEdu) in teacher trainees: The context of Melilla, Spain. *Technology, Knowledge and Learning*, 2021, 28: 585–612. <https://doi.org/10.1007/s10758-021-09546-x>
27. Сизова Е. В. Концепты академической этики в условиях цифровой трансформации образования: влияние искусственного интеллекта. *Концепт*. 2025. № 7. С. 324–342. [Sizova E. V. Concepts of academic ethics in the context of digital transformation of education: The influence of artificial intelligence. *Concept*, 2025, (7): 324–342. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11146>
28. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с. [Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. *Digital generation of Russia: Competence and security*. Moscow: Smysl, 2017, 375. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuptrz>
29. El Ouaddane K., El Morabit N., Oumaira I., Chekour M. The impact of digital skills on university students' motivation: A systematic review. *Educational Process: International Journal*, 2025, 17: 1–18. <https://doi.org/10.22521/edupij.2025.17.384>

original article

eLibrary EDN: QTSOTM

The Impact of Involution on Chinese Undergraduates Preparing for Postgraduate Exams

Yingxia Zhang

College of Educational Sciences Northwest Normal University, China, Lanzhou

zhangyingxia66@163.com

Abstract: In recent years, there has been a growing interest in the postgraduate entrance examination, leading more undergraduates to prepare for it. This trend has resulted in a notable phenomenon known as *involution*, characterized by intense competition among candidates. If this continues, it could negatively impact the quality of undergraduate education. This study uses P. Bourdieu's theory of social practice as a framework and adopts a narrative approach. Through narratives and in-depth interviews, it examines the experiences of three candidates preparing for the postgraduate entrance examination. By analyzing how *involution* develops among these students, the study identifies the key factors contributing to this phenomenon. Ultimately, it aims to provide practical insights for future candidates and inform policies to reduce involution in exam preparation, thereby enhancing the undergraduate educational environment.

Keywords: postgraduate entrance examination, involution, excessive competition, university Chinese students

Citation: Zhang Yingxia. The Impact of Involution on Chinese Undergraduates Preparing for Postgraduate Exams. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 283–295. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-283-295>

Received 10 Aug 2025. Accepted after review 15 Oct 2025. Accepted for publication 20 Oct 2025.

оригинальная статья

Нарративное исследование феномена *ИНВОЛЮЦИЯ* в процессе подготовки к вступительным экзаменам в магистратуру среди китайских студентов-бакалавров

Чжан Инся

Колледж педагогических наук Северо-Западного педагогического университета, Китай, Ланьчжоу

zhangyingxia66@163.com

Аннотация: В последние годы наблюдается рост интереса к поступлению в магистратуру. В связи с этим все больше студентов-бакалавров готовятся к сдаче вступительных экзаменов. Эту тенденцию сопровождает такой феномен, как *инволюция* – чрезмерная конкуренция среди абитуриентов. Если данное явление сохранится, оно может негативно сказаться на качестве высшего образования. Опираясь на теорию социальных практик П. Бурдьё, в настоящем исследовании реализуется нарративный подход. Путем сбора нарративных текстов и материалов глубинных интервью анализируется опыт подготовки к магистерским экзаменам трех абитуриентов и систематически фиксируется, как *инволюция* проявляется в их поведении на этапе подготовки. Охарактеризована динамика формирования данного феномена, выделены ключевые условия его возникновения. В результате исследования были представлены практические рекомендации будущим поступающим и разработана политика, направленная на смягчение инволюции в процессе подготовки к экзаменам и на улучшение экосистемы высшего образования.

Ключевые слова: экзамен на поступление в магистратуру, инволюция, чрезмерная конкуренция, китайские студенты-бакалавры

Цитирование: Чжан Инся. Нарративное исследование феномена *инволюция* в процессе подготовки к вступительным экзаменам в магистратуру среди китайских студентов-бакалавров. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2026. Т. 10. № 2. С. 283–295. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-283-295>

Поступила в редакцию 10.08.2025. Принята после рецензирования 15.10.2025. Принята в печать 20.10.2025.

Introduction

Among the irrational competitions triggered by certain structural problems during the period of modernization and transformation, involution represents one such phenomenon. The surge in postgraduate entrance examinations in China has attracted significant attention from society, making the involution of these examinations a prominent topic of discussion. As supported by the data, the overall trend in the number of applicants for the examination has been steadily increasing. Notably, since 2017, the number of applicants has entered a phase of rapid growth. In 2017, the number of applicants reached 2.01 million, and this figure surpassed the 4 million mark within just five years. Prior to 2017, the annual increase in the number of postgraduate entrance exam applicants was merely 86,000. However, after 2017, this annual increase surged to 172,000¹. Although the enrollment scale of postgraduate students is expanding, the overall admission rate has not changed significantly. This implies that millions of candidates fail to gain admission each year, while an increasing number of individuals continue to enter this competitive arena as the exam craze intensifies. Students face various pressures, including heavy coursework, academic performance, further studies, and employment prospects. As a result, they may become trapped in immense competitive stress, which is detrimental to the cultivation of high-level talent and the long-term development of quality education. This study systematically examines the characteristics of involution among three students who exhibit these traits during their exam preparation. By tracking them over an extended period, the research explores the underlying logical relationships behind these characteristics, aiming to contribute to the sustainable development of higher education.

Currently, the education sector in China is exhibiting a trend of involution, primarily due to the expansion of the overall volume and scale of education. This trend is coupled with diminishing marginal returns for educated individuals resulting from investments in human capital. The research on the involution of education encompasses various domains, including basic education, higher education, vocational education, rural education, and teacher education.

Involution

The term *involution* (*nèijuan*) was first introduced in I. Kant's Critique of Judgment, where he articulated

the theory of involution [1]. He posited that involution is a process inherent in both natural and societal development, wherein individuals continuously and repetitively complexify inwardly.

In the Chinese context, P. C. C. Huang [2] was the first to introduce the concept of involution, primarily applying it in his research on the small-scale peasant economy in North China and social transformation. He argued that Chinese agriculture, achieving development at the expense of diminishing marginal returns on labor, is fundamentally characterized by the "labor intensification" of agricultural production.

J. Chen [3] was the first to utilize involution as an analytical framework to interpret the current state of rural education in China. He contended that long-standing tendencies toward involution are evident in various aspects of rural education, including functional performance, goal orientation, reform approaches, and conceptual / cultural dimensions [4]. Current research on educational involution spans multiple fields, including basic education, higher education, vocational education, rural education, and teacher education. Within the field of higher education, many new dilemmas have emerged, including over-education, a degree-centric mentality, and involution [5].

J. Xia [6] points out that involution in higher education refers to the situation where higher education, as a social system, continually refines and complicates itself internally under conditions where external expansion is challenging to achieve, yet the overall efficiency of the system does not experience qualitative development.

Involution in postgraduate entrance examination

Researchers primarily discuss the involution of postgraduate entrance examinations (known as *kaoyan*) from two perspectives: its causes and students' motivations.

Firstly, some scholars indicate that the increasing popularity of the exam, coupled with the country's emphasis on cultivating high-quality talent, has led to a growing number of students opting to take the exam, thereby giving rise to the phenomenon of involution. Other scholars, drawing on Maslow's hierarchy of needs theory, argue that the involution of postgraduate entrance exams arises from pressures related to safety needs in a competitive social environment, peer competition driven by social needs, expectations from significant others under esteem needs, and irrational choices stemming from the need for

¹ 历年考研人数和录取人数统计汇总. 在职研究生招生信息网. 23 Nov 2023. (Summary of statistic son the number of people taking the postgraduate entrance exam and the number of people admitted in the past years. *Part-time Postgraduate Admissions Information Website*. 23 Nov 2023). URL: <https://www.eduego.com/wenti/110007.html> (accessed 10 Jul 2025).

self-actualization [7]. In terms of solutions to alleviate the involution of postgraduate entrance exams, some scholars advocate for reforms to the entrance examination system to curb excessive competition. They also suggest revising employment standards that place undue emphasis on academic qualifications. Secondly, concerning the relationship between involution in postgraduate exams and college students' learning motivations, some scholars assert that different learning motivations lead to vastly different behavioral outcomes. The motivations behind the phenomenon of involution include intrinsic motivation driven by academic development, extrinsic motivation driven by career advancement, and irrational motivations induced by various mentalities. Consequently, they argue that the postgraduate education system should be further optimized, the postgraduate training framework improved, and students' learning motivations adjusted to foster high-level talents with comprehensive development in ethics, intellect, physical fitness, aesthetics, and labor.

Additionally, scholars analyze the root causes of the involution phenomenon through surveys and experimental methods. They contend that the issue is not due to a lack of self-awareness among college students, but rather their obsessive focus on using the exam to enhance their employment prospects, which results in a lack of clear understanding of the job market. They propose strengthening career planning guidance for college students, conducting objective self-assessments concerning interests and abilities, and implementing scientific and rational career planning so that students can approach the decision to take the postgraduate entrance exam more rationally [8].

In summary, research on the involution of postgraduate entrance exams in China is relatively limited and lacks a systematic approach. Current studies primarily address its causes and countermeasures through speculative methods, with a notable absence of in-depth, systematic research on the real-world manifestations of this phenomenon. Given this, the research into the generative logic of involution in postgraduate entrance exams will employ narrative research methods to gain a deeper understanding of students exhibiting characteristics of involution. This approach aims to thoroughly describe the real-world manifestations of involution and, based on these findings, explore the deeper underlying causes of this phenomenon. The study will also analyze the common characteristics of students' involution, investigate its generative logic, and provide reflections and insights for students currently experiencing involution and for the ongoing development of higher education.

Theoretical framework

P. Bourdieu posits that practice consists of three interconnected questions: where the actor practices, what the logic of the practice is, and what means are utilized in the practice. The practice is not grand or monumental; rather, it refers to the general, everyday activities of individuals [9]. Scholars have translated P. Bourdieu's focus on social activity into the concept of *practice*, which is primarily understood in relation to his foundational concepts of social practice: namely, field, habitus, and capital.

P. Bourdieu's theory of social practice serves as a theoretical framework that incorporates the dimension of practice within its research perspective. By employing social practice theory, this framework helps clarify the generative logic behind the involution of postgraduate entrance examinations. On the one hand, the involution of postgraduate entrance exams falls within the category of social practice. The practice P. Bourdieu refers to encompasses the general, everyday activities of human beings, and the involution of postgraduate entrance exams is an extension of this concept.

On the other hand, the excessive competition within the involution of postgraduate entrance exam is inherent to social practice theory. The scarcity of educational resources and the development of meritocracy have intensified competition among students taking the exam, creating a relationship of competition among actors. This competition connects different actors, leading to the formation of an objective relational structure, or field, through comparison. Besides, the mutual construction and constraint between capital and habitus are involved. The involution of postgraduate entrance exam involves the relationships between family, school, and society, and social practice theory views reality from a relational perspective, making it a fitting framework. In conclusion, social practice theory can be applied to explore the practical issues behind the generative logic of the involution in postgraduate entrance exam.

Methods and Materials

The study does not aim for statistical representativeness through a large-scale sample. It focuses on exploring in-depth information derived from individual experiences. Following the principle of purposive sampling, our objective was to select participants who could provide maximum information pertinent to the research issues. The study primarily employs a "snowball" sampling method [10] through introductions from acquaintances and online recruitment to identify three representative postgraduate entrance exam students as research subjects, with the main selection criteria outlined as follows:

1. All three participants possess a high density and intensity of information. Throughout their extensive preparation for the postgraduate entrance examination, each has accumulated rich and unique experiences, which can provide in-depth and specific firsthand data for the study of involution behaviors.

2. The three participants come from different backgrounds and exhibit significant variations in their exam preparation behaviors and attitudes, thereby achieving maximum variation sampling.

3. All three participants demonstrate a strong willingness to communicate and possess good expressive abilities. They can actively engage in interviews, sharing their experiences and insights clearly and coherently, which ensures that the study can obtain detailed and valuable information.

Considering these factors, the selection of participants Z, X, and S – representative, diverse, and capable of providing abundant information – facilitates an in-depth and comprehensive exploration of the underlying logic behind the *involution* phenomenon in postgraduate entrance examinations. Among the three candidates, the parents of Z and X are both self-employed, and their family financial conditions are relatively stable, allowing them to focus on exam preparation without excessive concern for economic issues such as postgraduate exam expenses. In contrast, S's parents are farmers, and his family financial situation is relatively tight. During his multiple attempts at the postgraduate entrance examination, S faces not only academic pressure but also economic anxiety. The specific information of the participants is summarized in table.

The study employs a narrative research method [11] to deeply explore the involution behaviors exhibited by three students during their preparation for the postgraduate entrance examination. It respects the subjective expressions of the narrators while aiming to reconstruct the specific contexts they experienced. The goal was to provide an in-depth interpretation of their experiences and insights. The three students encountered numerous struggles and engaged in self-encouragement, ultimately breaking through the involution process they faced during their preparation. To recreate this scenario,

the narrators were asked to recall and share significant events, along with the self-reflections and insights that emerged from those experiences. Through detailed analysis and description of various educational events and behaviors, the narrative research method reveals the deep educational philosophies and concepts embedded within these events, thereby uncovering the internal principles of education and teaching [12]. Additionally, emphasizing the subjects' characteristics in narrative research, this study primarily employs in-depth interviews [13].

The specific implementation process was divided into three phases: pre-interview, formal interview, and post-interview organization.

Pre-Interview Phase:

- First, a semi-structured interview outline was designed based on the objectives and a review of the literature. This outline included core modules such as motivation for postgraduate exam preparation, manifestations of involution behaviors, stress-coping strategies, and reflections on experiences, as well as open-ended questions. Second, communication was conducted online with multiple potential participants to clarify the purpose, duration, and format of the interview, as well as the principles of information confidentiality, while also coordinating suitable times for the interview. Finally, we selected three participants with typical characteristics (Students Z, X, and S).

Formal Interview Phase:

- First, we initiated ice-breaking conversations on casual topics to alleviate participants' tension, and reaffirmed the interview process and confidentiality commitments.
- Then, questions from the outline were posed in a logical order: exam preparation background → manifestations of involution behaviors → psychology and strategies → reflective cognition. We asked follow-up questions regarding ambiguous or valuable information to obtain detailed data, while maintaining neutral listening without interfering with participants' expressions of opinion.

Tab. Information on the Participants

Табл. Информация об участниках

Name	Category of the Current Institution / Category of the Institution Applied to	Candidate Category	Subject
Z	Regular Universities / Regular Universities	Admitted to Graduate School	Science
X	Key Universities / Foreign Universities	Admitted to Graduate School	Humanities
S	Regular Universities / Key Universities	Not Admitted to Graduate School	Humanities

- Finally, key information was summarized to confirm its accuracy, and we asked the participants if they had additional information to provide or any other questions to raise.

Post-Interview Organization Phase:

- The audio recordings were transcribed on the same day, and a second check was conducted to correct errors or omissions. We extracted key information from the transcribed text, and preprocessed it with labels. At the same time, we organized and archived the non-verbal information recorded during the interviews, aligning it with the textual data to create a complete interview data package.

Results

The Field of Postgraduate Entrance Exam Involution

A field is not a fixed social domain, nor is it merely a simple social relationship or a structure formed by different social statuses. Rather, a field should be viewed as the focal point of research operations. It represents a network and configuration of objective relationships between positional relations, emphasizing the balance of power and actual tensions within social relationships [14]. Therefore, the involution in the postgraduate entrance exam is generated by the tension between the university field, the education field, and the social field.

University Field: Student Blind Conformity under Group Effect. Within the university field, the structure itself is always a game of stakes. Various struggles within the field, based on territorial claims, represent battles to maintain the legitimacy of these stakes [15]. Students preparing for the postgraduate entrance exam begin competing with each another to obtain limited educational resources, resulting in competition that exceeds reasonable bounds. The involution among students in the university field can be summarized as follows:

In order to secure the limited educational resources available at the university, students engage in unreasonable competition. As participant Z noted:

- *In our school, there are limited opportunities for admission to graduate programs without an exam, so most students have to choose to take the exam. However, as the number of students increases, the energy required for the exam also grows. Every student is studying with all their might, as if this is our last lifeline.*

The relationships between exam candidates in the university field become sensitive, sometimes leading to hostility. As student X pointed out:

- *Exam students share the same campus and dormitory, so some interactions are inevitable. However, because the competition for the exam has become more intense, the relationships between students inevitably become*

more concealed. Student relationships are no longer purely friendly; they are now mixed with a lot of sensitivity, even hostility.

The primary group in the university field consists of students, whose behaviors reflect mainstream values. A large number of candidates are strongly affected by their peers. Student S explained:

- *When I first entered university, I heard many of my peers say that their future plan was to take the graduate exam. Not only that, but I also observed many seniors and juniors who were struggling with the exam. They shared their experiences with us, telling us that due to adjustments in the market economy, the job market is more competitive, so taking the exam to enhance one's competitiveness is a very good option.*

Educational Field: The Link Between Educational Background and Ability. In the educational field, involution in higher education manifests as issues such as disorderly competition and institutional dilemmas. With the devaluation of degrees in the job market, the phenomenon of educational overextension has become increasingly prominent. To alleviate employment pressure, the government has expanded graduate enrollment, thereby lengthening the educational period. Concurrently, graduates from prestigious universities working in domestic services or PhD graduates taking jobs in community offices have sparked widespread discussions in society about "wasting degrees" and education involution. The involution in graduate school entrance exams is also a reflection of the educational field. Many students consciously or unconsciously link ability with degree level, leading to exam candidates often experiencing involution.

Student S observed that many students believe passing the graduate school entrance exam can help them transcend social classes:

- *When I was preparing for the exam, I may have had similar thoughts, believing that my life would definitely be much better after getting into graduate school, at least better than it is now. But later, I realized that one must focus on the present, not project all hopes onto the future. The present comes with its own difficulties, and the future will have its own trivialities. There is no inherent connection between passing the exam and social mobility. Under some misguided online opinions, many students lack a clear sense of identity regarding their postgraduate status, leading to the misconception that higher education equals higher ability. While there is an assumption that degrees and ability are directly correlated, is that truly the case?*

Social Field: Harsh Employment Situation in the Context of Economic Structural Transformation. In the social field, the involution of postgraduate

entrance exams has similarly led students to develop a highly singular focus on their goals, value evaluation systems, and methods of competition. This is influenced by several factors within the social field:

1. Due to the transformation of the Chinese economic structure and the continuous expansion of higher education, the threshold for enterprises has been raised, increasing employment pressure for university graduates. Consequently, many students choose to further their education to secure their desired jobs. In the context of economic structural adjustments, university students often feel uncertain about their future development and lack a clear plan. Observing their peers preparing for the graduate exam, they decide to follow suit (Student S).

2. Social media has fueled the involution atmosphere surrounding the exam. With the rapid development of online media, various exam institutions and related media have extensively promoted and covered the exam, making this utilitarian behavior a booster for the involution atmosphere. Student Z believes that, compared to the harsh employment situation, a more important reason is that major exam institutions and related media, by constantly amplifying the tension around the exams, create a sense of panic among the students. This prompts them to seek external help regarding the exam.

3. Student X also mentioned that:

- *In the face of the overwhelming influence of online media, a variety of advertisements flood the internet, and many young people, including myself, are often severely "brainwashed" by these advertisements.*

Capital of Postgraduate Entrance Exam Involution

Capital is a force embedded in both social subjects and objects, serving as the principle that allows society to function in a regular manner. This is what distinguishes social competition from mere chance. According to P. Bourdieu, society is not a static entity but is constantly being constructed and evolved through the struggles of different possessors within it. In this construction process, economic capital and cultural capital play key roles [16]. The capital generated by the involution of graduate school entrance exams primarily arises from the interactions and struggles among family economic capital, academic cultural capital, and social relational network capital, leading to varied outcomes.

Family Economic Capital: The Foundation for Involution in the Postgraduate Entrance Exam. Differences in family economic capital significantly influence how children engage in the involution surrounding graduate school exams. Socioeconomically advantaged families can create a competitive edge for their children by leveraging their resources [17]. Children from affluent families often pursue graduate studies

to access better opportunities. Student Z admitted that their parents have high expectations for them, stating:

- *We had planned to take the graduate school entrance exam since college. During our preparation, we received a great deal of encouragement from our parents.*

Moreover, due to their family's financial stability, they never had to worry about the costs associated with exam preparations. They were even prepared to attempt the exam twice, with their parents fully supportive, as the family's financial situation could easily sustain their study plan. In contrast, students from average families often participate in the involution competition with the goal of achieving a more stable life. Student S discussed their motivation, explaining:

- *I did not give up because my family and I had invested too much. The closer I got to missing the opportunity, the more determined I became to succeed. I've spent four years, over a thousand days, and I feel that the result should reflect the cost I've invested. I have developed a "gambler's mindset", betting that this time I will win.*

With industrialization, urbanization, and the overall development of cities in China, social mobility has been on the rise. However, studies indicate that while urban and rural incomes are rising, the wealth gap is widening, and social stratification is becoming more pronounced [18]. The middle class strives to prevent their children from falling into the next lower class, while lower-income families hope that their children can ascend to the next level through their own efforts. As China's overall expansion trend becomes more evident, especially with the expansion and solidification of social classes, this creates the foundation for the involution surrounding graduate school exams.

Academic Cultural Capital: Driving Force behind the Involution in Postgraduate Entrance Exam.

The material and symbolic benefits guaranteed by academic capital are built on the foundation of diplomas, which are primarily valued based on the principle of "rarity equals value". The reason many university students are eager to pursue postgraduate entrance exams is mainly to increase their academic capital, thereby acquiring more symbolic capital for future development. However, as the number of higher education diploma holders continues to rise and the labor market demands higher qualifications, competition among diploma holders becomes increasingly fierce.

When individuals invest considerable time and energy into acquiring academic capital but find the returns are less than expected, involution behavior begins to emerge. Specifically, the less profit they gain, the more effort and time they are willing to invest, which leads others to imitate them. Each participant starts comparing

themselves to others, with those at the front standing out while those at the back stretch on their tiptoes. This continuous competition results in the acquisition of more valuable academic qualifications and diplomas.

As Student S observed, the primary motivation for the first job search is to obtain a higher diploma, which facilitates finding a job later on. However, after entering the workforce, they realized that to get promoted and secure higher positions, they would need to further improve their education:

- *This is the only way to stand out among many top performers.*

The "one-directional" approach in education caters to societal market demands, diverting educational practice from its fundamental task of moral and character development.

When grades become a visible target, instrumental rationality overrides value rationality, short-term goals overshadow long-term objectives, and the atmosphere of learning investment becomes involute [19]. The "theater effect" further disrupts educational rules, raising the competitive threshold. People become increasingly eager to squeeze into the increasingly narrow channels of upward mobility, placing greater importance on education and viewing it as the only "low-cost" tool for changing their fate.

Social Relational Networks: The Thrust behind the Involution in the Postgraduate Entrance Exam. According to Bourdieu, social capital is primarily formed through the relationships that members of society acquire, shaped by the quantity and quality of these relationships. Social capital is built through the connections between individuals, and by investing in social capital, actors can tap into the resources available within their relational networks.

First, exam involution is significantly influenced by peers. Student X noted that after entering university, they observed many classmates had already made plans to prepare for the graduate school entrance exams. They also noticed that most senior students were preparing for the exams and, when discussing future plans, mentioned the phenomenon of degree devaluation. In such an environment, these senior students often warned underclassmen to constantly upgrade their qualifications.

Secondly, family expectations contribute to the involution. Student X:

- *Parents often expect their children to achieve better outcomes than their own generation. Some parents, feeling disadvantaged due to their limited education, place their hopes for academic success on their children. Parents typically wish for their children to have better lives, not to follow in their own footsteps, and to have greater development opportunities. Therefore, only through hard study*

and obtaining higher degrees and qualifications can one secure a satisfying job. Thus, the "involution" of the exam sometimes stems from family pressure.

Additionally, the social environment plays a significant role. The involution of the exam among university students reflects the increasingly fierce social competition. The uncertainty in the job market leads to anxiety and insecurity among students, prompting them to accumulate advantages to secure a dominant position in the employment process. Student Z shared that their initial preparation for the graduate exams was due to their undergraduate institution lacking a competitive edge, and they hoped to improve their competitiveness through graduate studies. Later, after graduation, the decision to pursue graduate school again arose because they encountered a bottleneck in their career. Student Z:

- *When I started my job, I could improve my skills through self-learning, such as observation and communication. But to move up to a higher position, I had to enhance my qualifications. A high degree is a brick in the wall, and since I'm also in the education field, I need to keep improving myself.*

The Habitus of Postgraduate Entrance Exam Involution

In the spatial field, the different types of capital possessed by actors determine their position within that field. From a temporal perspective, actors with different habits also influence the establishment of their position in the field. The psychological factors of students preparing for the postgraduate entrance exam, along with their ingrained traditional educational concepts, intentionally or unintentionally govern their study behaviors, which are then reflected in their learning practices.

The Inertia of Involution and Psychological Warfare. When students observe their peers continuously improving and becoming more outstanding through the process of involution, they are naturally driven to invest more time and energy in pursuit of perfection. The habitus of involution has become so ingrained that it resembles inertia. If one does not participate in involution, they may feel as though they are wasting time, filled with regret and a sense of guilt. Some students during their undergraduate years may have excelled in their major courses, held positions in student organizations, and participated in numerous competitions, consistently performing well. They become accustomed to this competitive environment, making it difficult to disengage even when preparing for the postgraduate entrance exam.

Conversely, some students are simply influenced by their surrounding peers and blindly follow the trend. Student X:

- *If their friends are all exceptionally outstanding and highly competitive, they will naturally join this "battle" without realizing it. This form of involution can be understood as an involuntary process.*

Another reason for the involution in postgraduate entrance exams stems from the influence of "psychological warfare". Some students may intentionally project that they are progressing faster in their revision, which implies a broader knowledge base, thereby exerting pressure on others. When others feel this pressure, it increases their chances of success by encouraging them to follow a structured approach. This can be considered a psychological strategy. Student Z:

- *In highly competitive environments where acceptance rates for the same program in the same institution vary drastically, employing psychological tactics – such as displaying confidence and unconsciously conveying an image of thorough preparation and strong self-assurance – can induce panic among competitors. As a result, one's chances of success may increase.*

Influence of Confucian "Excellence in Learning Leads to Official Service". Zixia stated, "If one excels in official duties, they must first study; if one excels in study, they must pursue official duties". This idea has profoundly impacted Chinese educational culture for over two thousand years. It manifests in two main aspects. Firstly, the idea promotes education, knowledge, and talent, which is positive and progressive. However, on the other hand, "excellence in learning leads to official service" also advocates the notion of seeking career advancement through studying, propagating a belief in becoming a government official through academic achievement.

Under the influence of this idea, later Confucian scholars proposed notions such as "those who labor with their minds govern others; those who labor with their bodies are governed by others", and "all things are inferior, only studying is superior", reflecting a disdain for physical labor and contempt for working-class individuals. This thought has significantly impacted future generations.

Examples from ancient times, such as the "Three Moves of Mencius' Mother" and the more contemporary notion of "selling pots and pans to send the child to university", illustrate the intense educational expectations families place on their children, with educational success being a key driver [20]. Behind these strong expectations lies the Confucian cultural value of emphasizing children's education and the belief that educational success brings honor to the entire family or even the whole lineage [21]. In the context of traditional Chinese family values, education is seen as a source of family pride. Student Z:

- *In the past parents simply hoped for their children's healthy growth. Nowadays they aspire*

for their children not only to grow up healthily but also to achieve greater success. Parents often engage in competition, comparing the educational resources they invest in their children and the accomplishments their children attain. As a result, today's children bear an overwhelming amount of expectation.

Discussion

Creating a Positive Environment

Academic production within university disciplines is inextricably linked to the deep historical and regional contexts of the institution, as well as to the foundational conditions and practical capabilities inherent to the academic field. Academic activities occur within a specific field; wherein distinct disciplines operate under unique sets of rules. The strategies of actors must align with the rules of the field they are in [22].

Enhancing Individual Rationality and Guiding Collective Rationality. Developing personal ideals requires students to actively broaden their knowledge while at university, which involves extensive reading and diverse travel experiences. Regular reading enriches the mind and nurtures the spirit. Just as plum blossoms thrive even in the harshest winters, university students should dive into literature from both ancient and modern times to build a strong intellectual foundation. An open mindset promotes more rational decision-making and encourages long-term thinking.

In today's information age, it is imperative for students to cultivate a discerning awareness of the information landscape surrounding them. They should avoid merely conforming to popular discourse or being swept away by the prevailing media narratives. Instead, students ought to reflect on their roles in this information-rich era, actively engage with emerging trends and phenomena, and pursue interests that resonate with them. By embracing a process of experimentation and learning from failures throughout their university years, students can identify the fields where they can genuinely establish roots. It is essential for them to remain open to new ideas and innovations, as these developments align with contemporary trends. Consequently, young individuals must possess the courage to accept and explore novel concepts.

Overcoming Educational Anxiety and Focusing on Educational Context. In the society where consumerism prevails, the utilitarian orientation in education emphasizes its instrumental function, often prioritizing instrumental rationality over value rationality. This results in a disconnect between individuals' perceptions and behaviors and the fundamental principles of education, thereby neglecting education's pivotal role in human development. Short-sighted and profit-driven teaching methodologies are prevalent, leading to an educational

process that strays from its core essence and devolves into a mere instructional procedure. Consequently, university educators should critically evaluate their teaching methods, encouraging students to focus on their own needs and interests while leveraging real-world issues as a framework for learning.

Educators should facilitate inquiry-based learning, integrating both indirect and direct experiences to foster diverse learning opportunities. This approach will enable students to concentrate on the learning process and gradually uncover their strengths through inquiry, ultimately clarifying the career paths they aspire to pursue.

Simultaneously, parents should provide diversified attention to their children. The dominant mindset of focusing solely on intellectual education needs to change. Parents should regularly communicate with their children, recognize their talents, and consistently create opportunities for their growth, thereby enhancing their overall abilities. Student X:

- *Our development is greatly influenced by the family environment, and parental understanding is crucial. When parents have high expectations, fostering open communication is beneficial, encouraging them to embrace modern developments. It's also important for parents to continue learning and evolving with changing trends. This mutual growth between parents and children is essential.*

Preventing the Over-Utilization of Education and Optimizing the Path of Employment Reproduction.

British educational philosopher Richard Peters posited that education should prioritize matters of intrinsic value, seeking to understand them from their core essence [23]. Instrumentalized education fails to provide students with opportunities for genuine understanding; it merely emphasizes the functional aspects of knowledge. The ultimate goal of knowledge should be to enable students to comprehend what they have learned and apply it in practical contexts. This cyclical process allows for the exercise of students' autonomy and creativity in real-world scenarios. Following the significant expansion of higher education, it is crucial to actively encourage university students to pursue employment and entrepreneurship. This includes fulfilling the genuine role of employment guidance, ensuring that students interested in hands-on entrepreneurship acquire practical skills from their courses, rather than allowing career guidance to devolve into a mere formality.

Universities should enhance the accuracy of employment information dissemination. Institutions should not only guide students in taking career assessments to identify their strengths but also develop individualized career profiles for each student. Additionally, universities should actively integrate

employment resources and establish interactive platforms to support students' career development and employment opportunities.

Society at large needs to strengthen oversight of exaggerated publicity propagated by internet self-media. The internet has created numerous opportunities for students, making them susceptible to assimilation and the development of a herd mentality. Additionally, commercial practices that utilize online marketing to sell diplomas have unintentionally or intentionally exacerbated the involution of the postgraduate entrance exam. The students must critically evaluate media promotions and recognize, or even block, harmful online media publicity. When life slows down, they may come to realize that everyone's existence is, in fact, quite ordinary and humble, with individuals simply striving to live seriously and diligently.

Moving Toward Practical Rationality in Capital Supply

During the preparation for the postgraduate entrance exam, students should adhere to the principle of practical rationality. They must not overlook social characteristics or detach themselves from the essence of academia. Through their interactions with economic, social, and cultural capital, students continuously contribute to the production and reproduction of knowledge. Advancing toward practical rationality in capital supply enables students to recognize the inherent value of the postgraduate entrance exam itself, activate their inner spiritual world, and enhance their autonomy and self-awareness throughout the exam process.

Upholding the Principle of Educational Fairness and Reducing the Gap in Tangible Economic Capital.

With the rise of lifelong learning and a long-standing focus on education, families from various social backgrounds tend to have similar expectations for their children's schooling, all aiming for their children to excel in learning and secure official positions. However, the monopolization of social resources by elite families directly impacts the quality of life for lower-income groups, often compelling parents, under economic pressures, to prevent their children from pursuing higher education. This situation contributes to the entrenchment of social classes and unequal educational opportunities.

Therefore, when addressing students from families with varying levels of economic capital, it is essential for national policies to regulate and for market economic policies to play a significant role. There is an urgent need for policy measures to support students from economically disadvantaged backgrounds, ensuring they have the opportunity to pursue postgraduate education rather than abandoning their aspirations due to financial constraints.

Firstly, the government should implement relevant support policies, with universities responsible for registering and screening students preparing for the postgraduate entrance exam. For students from previous years, local government personnel or educational authorities should conduct the registration and screening. Secondly, educational decision-makers must consistently adhere to principles of fairness and justice throughout the reform process. Educational policies, serving as the framework for the educational field, have a cascading effect; thus, reforms related to higher education must prioritize fairness and justice. To effectively reduce the entrenchment of social classes and narrow the gap in tangible economic capital, it is crucial that educational policy formulation is grounded in and ultimately aims to achieve fairness and justice.

Weakening Academic Credential Violence and Establishing a Correct View of Diplomas. Firstly, university students must accurately and clearly define their identities. They need to understand that obtaining a university diploma does not automatically grant them entry into the elite class of society. Many employers today, when hiring, consider not only the applicant's degree but also place greater emphasis on the applicant's overall abilities. If some students are blindly pursuing postgraduate studies solely for the sake of acquiring a higher degree, they should reassess their views on diplomas. They need to temper their expectations and recognize that university students are no longer regarded as part of the social elite but should view themselves as ordinary workers.

Secondly, employers should also move away from a "degree-only" mindset and establish appropriate talent selection criteria. Employers should focus more on applicants' professional skills rather than solely on their academic credentials. Only when employers cease to place undue emphasis on degrees and adopt a healthy employment perspective will many university students be able to find suitable positions during their university years, thus avoiding the blind pursuit of postgraduate entrance exam preparation. Furthermore, in a market-driven modern society, universities must enhance students' adaptability to the workforce. Today university education primarily focuses on foundational education and vocational training. However, employers expect graduates to be able to adapt to specific job roles immediately upon graduation, without the need for additional retraining. Universities need to revise their talent development strategies to align with job market demands, achieving a balance between supply and demand, rather than a scenario where supply exceeds demand.

Reducing the Influence of Relational Network Social Capital and Clarifying Personal Goals. The way students

perceive themselves while preparing for the postgraduate entrance examination, along with their diverse social networks, greatly impacts their goal setting. This often results in confusion about their values. Therefore, students should develop a clear understanding of competition and their personal values.

It is essential to break free from the singular focus on taking the postgraduate entrance exam. The involution surrounding the exam arises because the perceived significance of the exam serves as a mediator in the students' minds, confining them to view it as the only viable option. To avoid involution, students who have opted to pursue a master's degree should explore multiple avenues to achieve their aspirations. As Z remarked:

- *I think one should first find their goal, then look for ways to achieve it. If my goal absolutely requires taking the postgraduate exam, then I will take it. If my goal can be achieved through other paths, then there's no need to force my way onto this crowded single-plank bridge.*

Therefore, identifying the right path for oneself and recognizing diverse channels is crucial.

Universities should provide specialized psychological counseling to assist students in forming a more objective self-perception, establishing realistic expectations, setting attainable goals, and making rational choices through careful deliberation. Concurrently, students preparing for the exam should also engage in their own psychological self-care. They should orient themselves towards life, transcend abstract logic, and approach problems in concrete scenarios to avoid involution. As X noted:

- *The term "brittle college students" is circulating online now, indicating that current university students have notably poor physical fitness.*

Therefore, universities need to proactively address the mental health issues faced by students. They could offer elective courses in psychology for those in need, which would also promote the physical and mental well-being of students. Furthermore, organizing diverse psychological activities can help individuals discover greater meaning and beauty in life.

Deconstructing the Involution Habitus in Postgraduate Entrance Exam Preparation

Ultimately, students preparing for the postgraduate entrance examination must embrace the pursuit of scholarship as their mission. The essence of this pursuit lies in the "internalization" of academic knowledge within their lives. Bourdieu referred to this internalized form as "habitus" – an open system of dispositions that is continually shaped by experiences, thereby being consistently influenced in ways that either reinforce or modify its structures [24]. It is durable but not eternal.

The involution habitus surrounding the exam represents a dynamic process, influenced by multiple factors during its formation. Therefore, to effectively address the phenomenon of exam involution, it is imperative to deconstruct this involution habitus.

Establishing the Ideal and Belief of "Knowing Oneself" to "Becoming Oneself". Students trapped in the exam involution should clearly recognize whether pursuing this path is genuinely suitable for them. The exam serves different purposes for different students. It is crucial to learn to accurately discern whether one is genuinely suited for postgraduate studies or is opting for this route merely to avoid job hunting. If studying is chosen solely to evade stepping out of one's comfort zone and confronting employment challenges, the fundamental issue remains unresolved – one will still face job searching three years later. It is essential to understand one's true inner motivations and address the core issues. Many individuals impulsively pursue the postgraduate exam without careful consideration, which contributes to the increasing severity of involution in recent years. While it is true that economic restructuring requires careful consideration of the broader environment, it is precisely during such times that one must reflect clearly on what they truly desire.

Students caught in the postgraduate entrance exam involution impose limitations upon themselves. They fail to achieve clear self-awareness, struggle to discern their own potential and limits, and consequently lose sight of other possibilities in life. They superstitiously adhere to the evaluation criteria of a singular standard system, viewing *involution* as an unavoidable reality. Therefore, university students must first maintain their independence and achieve inner transcendence to distinguish themselves from the crowd. Secondly, they must continually cultivate a studious mindset and possess the consciousness for self-cognitive iteration. This consciousness requires not only daily accumulation but also ongoing self-reflection, enabling the continual renewal of understanding regarding one's own potential, interests, and limitations.

Adopting "Excellence in Learning Leads to Official Service" and Cultivating the Ideal Personality. Students trapped in the exam involution must fully recognize the positive influence of the concept "excellence in learning leads to official service". They should continuously enrich themselves through study, thereby achieving a state of "inner sageliness". However, inner sageliness is merely a prerequisite; the true goal is to attain "outer kingliness". How is outer kingliness achieved? It is realized through self-cultivation via learning and subsequently contributing this knowledge to society, thereby becoming a valuable member of the community. Therefore, students embroiled

in exam involution should establish the value orientation of "inner sageliness and outer kingliness". Given the rapid pace of social change, to become the talent most needed by society, one should master their specialization thoroughly and profoundly.

Students trapped in the postgraduate entrance exam involution should also extricate themselves from its vortex. They should strive to cultivate the Confucian ideal personality within the framework of "inner sageliness and outer kingliness". This ideal personality entails realizing external social status, power, and achievements through the comprehensive capabilities of the individual subject. This represents the self-actualization of the subject, embodying the ideal personality achieved through self-creation.

Conclusion

Based on P. Bourdieu's theory of social practice, this study systematically explores the mechanism of involution in postgraduate entrance exam preparation, analyzed from three core dimensions: field, capital, and habitus. In the field dimension, the formation logic of postgraduate entrance exam involution manifests as the overlapping influence of three fields: the tendency of blind conformity among certain students in the university field; the cognitive bias that equates academic credentials directly with competence in the educational field; and the intensified employment pressure caused by economic structural transformation in the social field. In the capital dimension, the supporting capacity of family economic capital, the accumulation level of academic and cultural capital, and the accessibility of social network capital collectively constitute the material and resource foundation for the emergence of postgraduate entrance exam involution. In the habitus dimension, two factors jointly shape students' behavioral tendencies to participate in postgraduate entrance exam competition: the path-dependent inertia formed by the existing involution phenomenon and the profound influence of traditional Confucian educational thought that "excellence in learning leads to official service". From the perspective of the overall formation logic, the field provides a structural relational framework for postgraduate entrance exam involution, capital lays the material and resource premise for its formation, and habitus further accelerates the intensification and spread of the involution trend.

Based on the aforementioned formation logic of postgraduate entrance exam involution, this study proposes targeted mitigation suggestions from the three dimensions of field, capital, and habitus:

Focusing on Field Environment Optimization: in the university field, it is essential to guide students

in enhancing the rationality of personal choices while consolidating collective rationality through value guidance. In the educational field, efforts should be made to alleviate education-related anxiety at the social level and guide students to focus on personalized educational development paths. In the social field, the tendency for the over-instrumentalization of education should be firmly prevented, creating a more relaxed field environment for postgraduate entrance exam candidates by improving the employment market mechanism and expanding employment channels.

Emphasizing Capital Supply Restructuring: it is important adhere to the principle of educational equity and narrow the gap in family economic capital through policy preferences. The negative impact of "academic credential violence" should be weakened and guide society and individuals to establish a correct view of diplomas that prioritizes competence first. Additionally, reducing the improper interference of social network capital in postgraduate entrance exam competition, can help students clarify their personal development goals, and move toward a practice-oriented rational model of capital accumulation.

Focusing on Habitus Cognition Reconstruction: students should be guided to establish the ideal

of "knowing oneself" to "becoming oneself", and abandon the single-minded competitive mindset. Simultaneously, drawing on the Confucian ideal of "inner sageliness and outer kingliness" can cultivate a sound mentality while improving personal abilities, thereby alleviating the postgraduate entrance exam involution phenomenon at its cognitive root.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Funding: The research reported in this paper was supported by 2025 Gansu Provincial Universities Postgraduate "Innovation Star" Project (grant number: 2025CXZX-368).

Финансирование: Исследование, представленное в этой статье, было поддержано проектом «Звезда инноваций» для аспирантов университетов провинции Ганьсу 2025 года (номер гранта: 2025CXZX-368).

References / Литература

1. Kant I. *Critique of the power of judgment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 423. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804656>
2. Huang P. C. C. *The peasant economy and social change in North China*. Stanford: Stanford University Press, 1985, 384. <https://doi.org/10.1515/9780804780995>
3. 文东茅. 转制学校的合法性危机与重建[J]. 教育发展研究, 2008, (7): 31–34. [Chen J. Involution: A new perspective on the study of China's rural education. *Research in Educational Development*, 2008, (17): 31–34. (In Chin.)]
4. 杨磊, 朱德全, 樊亚博. 教育真的内卷了吗?——一个批判分析的视角. 内蒙古社会科学, 2022, 43(2): 179–189. [Yang L., Zhu D., Fan Y. Is education really involved? A critical analysis perspective. *Inner Mongolia Social Sciences*, 2022, 43(2): 179–189. (In Chin.)] <https://doi.org/10.14137/j.cnki.issn1003-5281.2022.02.023>
5. 马汴京, 张元峰. 亲子间教育期望差异与青少年能力培养——基于新人力资本理论视角. 教育经济评论, 2025, 10(1): 42–58. [Ma B., Zhang Y. Parent-child discrepancies in educational expectations and adolescents' abilities: From the perspective of new human capital theory. *China Economics of Education Review*, 2025, 10(1): 42–58. (In Chin.)] <https://doi.org/10.19512/j.cnki.issn2096-2088.2025.01.005>
6. 夏骏. 高等教育内卷化增长探讨[J]. 教育评论, 2012, (3): 12–14. [Xia J. A study on the involutionary growth of higher education. *Education Review*, 2012, (3): 12–14. (In Chin.)]
7. 代赞美. 大学生考研内卷化: 表征、机理及突破路径[D]. 吉林外国语大学, 2023, 34–39. [Zanmei D. College students take the postgraduate entrance examination inside the volume: Representation, mechanism and breakthrough path. *Jilin International Studies University*, 2023, 34–39. (In Chin.)]
8. 李淑玲. 加强大学生职业生涯规划纾解"考研"内卷[C]. 中国国际科技促进会国际院士联合体工作委员会: 教育科学发展科研学术国际论坛论文集(九). 中国劳动关系学院劳动关系与人力资源学院, 2022, 119–122. [Shuling L. To strengthen the career planning of college students and ease the "Postgraduate entrance examination" in rat race. *The working committee of the international academician consortium of the China association for the promotion of science and technology*: Proc. Academic International Forum on the Development of Educational Science and Scientific Research. School of Labor Relations and Human Resources, China Academy of Labor Relations, 2022, 119–122. (In Chin.)]
9. Bourdieu P. The logic of practice. In: Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford: Stanford University Press, 1990, 81–97.

10. Kozłowski A., Kaliszewski A., Dąbrowski J., Klimek H. *Virtual network sampling method using LinkedIn*. *MethodsX*, 2021, 8. <https://doi.org/10.1016/j.mex.2021.101393>
11. Carless D., Douglas K. Narrative research. *The Journal of Positive Psychology*, 2017, 12(3): 307–308. <https://doi.org/10.1080/17439760.2016.1262611>
12. Mertova P., Webster L. *Using narrative inquiries as a research method: An introduction to critical event narrative analysis in research, teaching and professional practice*. 2nd ed. London: Routledge, 2019, 154. <https://doi.org/10.4324/9780429424533>
13. Arthur J., Waring M., Coe R., Hedges L. *Research methods and methodologies in education*. London: Sage Publications, 2012, 456.
14. Akram S. Field: Bourdieu and beyond. In: Akram S. *Bourdieu, habitus and field: A critical realist approach*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023, 107–138. https://doi.org/10.1007/978-3-031-41846-4_4
15. Bourdieu P. *The state nobility: Elite schools in the field of power*. Stanford: Stanford University Press, 1996, 504. <https://doi.org/10.1515/9781503615427>
16. Ivemark B., Ambrose A. Habitus adaptation and first-generation university students' adjustment to higher education: A life course perspective. *Sociology of Education*, 2021, 94(3): 191–207. <https://doi.org/10.1177/00380407211017060>
17. Yang J., Zhang L., Zhu J. Educational inequality and residents' social trust in China: The role of inequality of opportunity. *Asian Journal of Social Science*, 2025, 53(3). <https://doi.org/10.1016/j.ajss.2025.100202>
18. Barone C., Hertel F. R., Smallembroek O. The rise of income and the demise of class and social status? A systematic review of measures of socio-economic position in stratification research. *Research in Social Stratification and Mobility*, 2022, 78. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2022.100678>
19. 张洋磊, 黄亚苹. "内圈" 竞争: 本科生学习投入内卷化表征及成因——基于学生评价视角. *高等工程教育研究*, 2022, (4): 146–151. [Zhang Y., Huang Y. "Inner Circle" competition: Representation and cause of the involution of undergraduate student engagement perspective of student evaluation. *Research in Higher Education of Engineering*, 2022, (4): 146–151. (In Chin.)]
20. Feinstein L., Duckworth K., Sabates R. *Education and the family: Passing success across the generations*. London: Routledge, 2008, 240. <https://doi.org/10.4324/9780203894927>
21. 刘保中, 张月云, 李建新. 社会经济地位、文化观念与家庭教育期望[J]. *青年研*, 2014, (6): 46–55. [Liu B., Zhang Y., Li J. Socioeconomic status, cultural idea and family educational expectation. *Youth Studies*, 2014, (6): 46–55. (In Chin.)]
22. 崔保师, 邓友超, 万作芳, 等. 扭转教育功利化倾向[J]. *教育研究*, 2020, 41(8): 4–17. [Cui B., Deng Y., Wan Z. et al. Changing the trend toward utilitarianism in education. *Educational Research*, 2020, 41(8): 4–17. (In Chin.)]
23. 王益彬, 张莉. 大学生就业内卷化现象、成因及其消解路径. *黑龙江高教研究*, 2022, 40(3): 139–146. [Wang Y., Zhang L. On college students' employment involution phenomenon, causes and elimination. *Heilongjiang Researches on Higher Education*, 2022, 40(3): 139–146. (In Chin.)] <https://doi.org/10.19903/j.cnki.cn23-1074/g.2022.03.004>
24. Bourdieu P., Wacquant L. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992, 348.

оригинальная статья

eLibrary EDN: RKKVKA

Возможности оценки воспитательного потенциала школьной среды

Гани Светлана Вячеславовна

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5582-5056

<https://orcid.org/0000-0003-1689-7548>

sgani@mail.ru

Брель Елена Юрьевна

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Майоров Валерий Сергеевич

Центр защиты прав и интересов детей, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0000-2294-7391>

Аннотация: Усиление деструктивных тенденций в поведении современных подростков обуславливает необходимость развития воспитательного потенциала школьной среды в качестве эффективного инструмента превентивного воздействия и успешной социализации. Цель исследования заключается в разработке анкеты, позволяющей выявлять как рискованные факторы, способствующие деструктивному поведению подростков, так и воспитательные ресурсы общеобразовательной организации с учетом особенностей ценностных и целевых ориентиров школы, системы норм, правил и организующих их условий. Практическая значимость работы состоит в создании анкеты самооценки воспитательного потенциала для общеобразовательных организаций, позволяющей выявлять как факторы риска, так и воспитательные ресурсы школьной среды. В рамках пилотажного исследования использовались методы анализа научных источников, глубинные интервью с сотрудниками общеобразовательных организаций и анкетирование. Выборка апробации составила 310 подростков в возрасте 10–18 лет и 64 сотрудника из двух общеобразовательных организаций. Разработанная анкета включает 9 блоков, охватывающих ключевые параметры школьной среды. Для каждого блока рассчитываются индексы ресурсности и риска по шкале от 0 до 10 баллов. Результаты показали существенные различия в оценке справедливости дисциплинарных мер между педагогами и подростками, высокий уровень учебного стресса у обучающихся, наличие скрытых форм травли. Сделан вывод о необходимости проведения апробации анкеты на более масштабной выборке, ее валидации и разработке дифференцированных рекомендаций по повышению воспитательного потенциала для различных типов общеобразовательных организаций.

Ключевые слова: воспитательный потенциал, школьная среда, профилактика, подростки, показатели воспитательного потенциала, деструктивное поведение

Цитирование: Гани С. В., Брель Е. Ю., Майоров В. С. Возможности оценки воспитательного потенциала школьной среды. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 296–306. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-296-306>

Поступила в редакцию 04.08.2025. Принята после рецензирования 16.10.2025. Принята в печать 20.10.2025.

original article

Assessing the Educational Potential of School Environment

Svetlana V. Gani

Russian Academy of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5582-5056

<https://orcid.org/0000-0003-1689-7548>

sgani@mail.ru

Elena Yu. Brel

Russian Academy of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Valeriy S. Mayorov

Centre for Protection of Rights and Interests of Children,
Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0000-2294-7391>

Abstract: As destructive behavior patterns among adolescents become more prevalent, schools must enhance their educational environments as tools for prevention and successful socialization. This article introduces a reliable self-assessment questionnaire designed to identify risk factors for destructive behavior and evaluate school resources

based on values, objectives, norms, rules, and organizational structure. The pilot study employed a literature review, in-depth interviews with teachers, and the aforementioned questionnaire. The sample consisted of 310 adolescents (aged 10–18) and 64 staff members from two schools. The questionnaire comprised nine sections covering key parameters of the school environment, with each section evaluating resource and risk indices on a scale of 0 to 10. The findings revealed significant discrepancies between teachers and students regarding the perceived fairness of disciplinary measures. Additionally, students reported high levels of academic stress and the presence of covert bullying. Future research will involve a larger sample to develop differentiated recommendations for enhancing the educational potential of various school types.

Keywords: educational potential, school environment, prevention, teenagers, educational potential indicators, destructive behavior

Citation: Gani S. V., Brel E. Yu., Mayorov V. S. Assessing the Educational Potential of School Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 296–306. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-296-306>

Received 4 Aug 2025. Accepted after review 16 Oct 2025. Accepted for publication 20 Oct 2025.

Введение

В условиях современного образовательного процесса школа все более четко осмысливается как сложная, целостная среда, оказывающая значительное воздействие на социальные, ценностные и нормативные сферы жизни подрастающего поколения. В современных психолого-педагогических исследованиях понятие школьной среды трактуется через интеграцию таких компонентов, как характер взаимоотношений между участниками образовательного процесса (обучающимися, педагогами, родителями), степень безопасности и доверия в коллективе, согласованность и справедливость правил, доступность образовательных возможностей, а также насыщенность пространства культурными и социокультурными практиками [1–4]. Обобщая многочисленные определения школьной среды, В. А. Ясвин делает акцент на том, что это не только система пространственно-материальных и организационных условий, но и динамичная социально-психологическая реальность, в которой формируются установки, ценности, жизненные предпочтения, раскрываются и развиваются способности обучающихся [5].

Особое место в работах современных ученых занимает анализ воспитательной среды школы – ценностно-насыщенного сегмента образовательной среды, который формируется за счет целенаправленных педагогических стратегий, транслирования норм и правил поведения, традиций и ценностей, организации сетей поддержки и реализации программ профилактики социального и психологического неблагополучия [6–8]. Развитие воспитательного потенциала современной школы должно быть направлено на создание благоприятных условий

становления личности и социализации детей в единстве образовательных и воспитательных процессов.

Кроме того, в настоящее время все более актуальным становится вопрос о профилактическом потенциале школьной среды, ее возможностях предотвращать и минимизировать проявления агрессии, травли, эмоционального неблагополучия и протестных форм поведения среди подростков [9; 10]. Проблема девиаций и деструктивных моделей поведения в школьном возрасте связана не только с личностными или семейными детерминантами, но и существенно обусловлена качеством школьного климата, уровнем доверия, существующими механизмами поддержки и социализации, а также возможностями участия ребенка в жизни школы [11].

Согласно Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г., целевым приоритетом является развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодежной среде, включающего обеспечение преемственности духовно-нравственных ценностей российского общества, воспитание у молодежи чувства сопричастности к историческому прошлому России, популяризацию семейных ценностей, а также обеспечение преемственности системы воспитания на всех уровнях общего и профессионального образования¹. В Примерной рабочей программе воспитания для общеобразовательных организаций, актуализированной в 2024 г., подчеркивается значимость профилактической работы, направленной на создание в образовательной среде безопасных условий

¹ Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025). СЗ РФ. 2024. № 36. Ст. 5484.

обучения и развития и снижение факторов риска, способствующих развитию агрессивного поведения и формированию маргинальных групп среди учеников. Отдельное внимание уделяется формированию устойчивости к негативным воздействиям, развитию у обучающихся навыков конструктивного и социально одобряемого взаимодействия с окружающими².

Таким образом, воспитательная среда школы представляет собой не только реализацию воспитательных программ, но и является институционализированной системой отношений и норм, формирующей пространство групповой идентичности, позитивной социализации и эмоциональной устойчивости подростков [12; 13].

Профилактические возможности воспитательной среды реализуются через создание условий для формирования субъектности и включенности подростков в нормативное созидание жизни школы, развитие позитивного социального опыта обучающихся (в том числе через внеурочную деятельность, волонтерство, совместные проекты, открытые дискуссии и т. п.) [14–16]. Воспитательная среда образовательной организации, выполняя профилактическую функцию, способна снижать риск возникновения травли, правонарушений, агрессивных реакций, употребления психоактивных веществ, а также способствует раннему выявлению и преодолению факторов социальной изоляции и эмоциональных трудностей у подростков [17–19].

Результаты проведенных ранее исследований демонстрируют появление новых форм отклоняющегося поведения и латентных рисков в подростковой среде, связанных с цифровизацией, конфликтами ценностей и недостаточностью таких ресурсов, как уважение и поддержка подростка со стороны взрослых, а также несоответствие оценки выраженности различных форм отклоняющегося поведения и травли [20–22]. В этой связи социально-педагогическая профилактика невозможна без диагностики роли виртуальной среды, локальных культурных традиций, форм группового давления и поддержки, степени включенности школьника в позитивные сценарии социализации, верификации сильных и слабых сторон воспитательной среды.

Современные методики оценки школьной среды и школьного климата включают различные параметры: от материально-технической оснащенности

здания школы до социально-психологических характеристик, таких как вовлеченность в учебный процесс, представление обучающихся о своих способностях, проявления травли и т. д. [23–26]. Для исследования воспитательного потенциала школы в рамках Национальных исследований качества образования были разработаны анкеты для обучающихся, родителей (законных представителей) и сотрудников школ, включающие параметры школьного климата и безопасности образовательной среды, существующих образовательных практик и особенностей организации воспитательного процесса³.

Несмотря на активную разработку диагностических инструментов оценки школьной среды и школьного климата, можно констатировать, что в настоящее время отсутствует методика, позволяющая образовательной организации проводить регулярную самодиагностику компонентов воспитательной среды, отражающих ее профилактический потенциал, а не пассивные индикаторы наличия проблем. Цель исследования заключается в разработке анкеты, позволяющей выявлять как рискованные факторы, способствующие деструктивному поведению подростков, так и воспитательные ресурсы общеобразовательной организации с учетом особенностей ценностных и целевых ориентиров школы, системы норм, правил и организующих их условий. Анкета предусматривает расчет индексов риска и ресурсности, а также их сопоставления в результате анализа ответов двух групп респондентов (обучающиеся и педагоги), что обеспечивает возможность систематического мониторинга профилактического потенциала и выявления различий в восприятии компонентов воспитательной среды школы участниками образовательных отношений. Таким образом, разработка такого инструмента становится не только исследовательской задачей, но и открывает перспективу создания универсальных моделей мониторинга и прогнозирования развития школьных сообществ на основе данных обратной связи, что является необходимым условием управления профилактикой рисков в конкретной образовательной организации.

В настоящей работе представлен первый этап пилотного исследования, в ходе которого решались следующие задачи:

1) проанализировать отечественные и зарубежные научно-методические источники по проблеме

² Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций. М.: Институт воспитания РАО, 2022. 35 с. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/aef/orxve66kt39augto500oy0ozcgnmrc2e.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

³ Воспитательный потенциал школы: ресурсы и вызовы. Результаты проведения Национальных исследований качества образования (НИКО-2023). М.: ФИРО, 2024. 77 с. URL: <https://rcmo.ru/wp-content/uploads/2024/12/Результаты-проведения-НИКО-2023.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

оценки воспитательной среды общеобразовательной организации;

2) определить ключевые параметры воспитательного потенциала школы на основе экспертных интервью с директорами школ, заместителями директоров по воспитательной работе, советниками по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями, педагогами;

3) провести апробацию разработанной анкеты в двух общеобразовательных организациях.

Все это позволило выделить показатели для оценки, а также в результате обработки и анализа полученных данных уточнить содержание анкеты.

Методы и материалы

В рамках исследования была разработана анкета для комплексной оценки воспитательного потенциала школьной среды, направленная на выявление как факторов риска возникновения различных форм отклоняющегося поведения, так и ресурсов, способствующих позитивной социализации и формированию устойчивых ценностей у подростков. Содержание вопросов анкеты основано на комплексном подходе к анализу воспитательного потенциала школьной среды через призму различных компонентов образовательного процесса.

Процесс создания инструментария включал несколько этапов:

1. Анализ научно-методических источников в области оценки школьного климата и ресурсного потенциала образовательной среды для личностного развития школьников.

2. Проведение экспертных интервью: проведено 12 глубинных интервью с сотрудниками образовательных организаций (руководители, заместители руководителей, педагоги). В ходе качественного анализа полученных данных были определены основные факторы школьной среды, которые, по мнению практикующих специалистов, отражают ее воспитательный потенциал и могут служить ресурсом для предупреждения различных форм отклоняющегося поведения подростков.

3. Проверка содержательной и очевидной валидности: эксперты (учителя, советники по воспитанию, завучи, заместители директоров) оценивали корректность вопросов, их способность отражать измеряемый феномен. Дополнительно была проведена проверка понимания вопросов подростками 11–17 лет (21 человек).

Анкета состоит из двух частей – для подростков и для сотрудников школы (педагогов, педагогов-психологов, социальных педагогов, педагогов дополнительного образования), каждая из которых охватывает 9 ключевых блоков, включающих по 10 вопросов (всего 90 вопросов в каждой анкете):

1. *Правила и дисциплина*: прозрачность, справедливость правил, вовлеченность обучающихся в их разработку.

2. *Коммуникация*: уровень доверия, проявления травли, поддержка обучающихся со стороны педагогов.

3. *Стресс учебный и рабочий*: адекватность нагрузки, эмоциональная поддержка, профилактика эмоционального выгорания.

4. *Пространство и безопасность*: организация пространства, контроль за безопасностью на территории школы, субъективное ощущение безопасности у подростков и педагогов.

5. *Нормы и ценности*: гуманистическая направленность, культура взаимоотношений, готовность к диалогу.

6. *Отношение к деструктивному поведению (подростки)*: одобряют ли подростки агрессивное, рискованное поведение, употребление психоактивных веществ, расстройства пищевого поведения и др.

7. *Профессиональное развитие (сотрудники)*: условия, создаваемые администрацией школы для профессионального роста педагогов.

8. *Дополнительное образование*: доступность и качество внеурочной деятельности (кружки, секции).

9. *Детские общественные объединения, волонтерство*: социализирующий потенциал общественной деятельности.

10. *Социокультурные возможности среды*: воспитательный потенциал мероприятий и проектов.

Для каждого блока рассчитываются индекс ресурсности и индекс риска по шкале от 0 до 10 баллов, где 0–3 балла – низкий / слабый уровень, 4–6 – средний / удовлетворительный уровень, 7–10 – высокий / сильный уровень. Для статистической обработки полученных данных применяли точный критерий Фишера (критерий для сравнения двух независимых пропорций) и t-критерий Стьюдента для независимых выборок с коррекцией Уэлча.

Пилотная апробация анкеты была проведена в апреле – мае 2025 г. в двух общеобразовательных организациях:

- Гимназия № 80 г. Челябинска: 95 подростков в возрасте 12–16 лет (36,8 % мальчиков, 63,2 % девочек) и 28 сотрудников (из них 96,4 % женщин; средний возраст респондентов составил 44,7 года; 57,1 % респондентов имеют стаж работы в школе более 20 лет);
- Средняя общеобразовательная школа № 5 г. Балабаново: 215 подростков в возрасте 10–18 лет (40,9 % мальчиков, 59,1 % девочек) и 36 сотрудников (из них 88,9 % женщин; средний возраст респондентов составил 41,9 год; 58,3 % респондентов имеют стаж работы в школе более 20 лет).

Анкетирование педагогов и обучающихся проводили анонимно, с помощью онлайн-платформы Анкетолог⁴. Проведение двух независимых опросов позволило сравнить восприятие различных аспектов школьной среды разными группами участников образовательных отношений. Результаты опроса были представлены руководителям образовательных организаций в форме аналитических отчетов, включающих, помимо данных по всем блокам анкеты, рекомендации по развитию различных аспектов школьной среды в части ее воспитательного потенциала.

Результаты

Сравнительный анализ индекса ресурсности (ИР) и индекса риска ($I_{\text{риск}}$), полученных в результате апробации, представлен в таблицах 1, 2.

Средние интегральные индексы по школам составили:

- **Подростки:** Челябинск: ИР = 6,08 балла; $I_{\text{риск}} = 4,06$ балла; Балабаново: ИР = 6,53 балла; $I_{\text{риск}} = 4,67$ балла.
- **Сотрудники:** Челябинск: ИР = 8,46 балла; $I_{\text{риск}} = 1,68$ балла; Балабаново: ИР = 7,41 балла; $I_{\text{риск}} = 3,69$ балла.

Табл. 1. Индексы ресурсности и риска по блокам для гимназии г. Челябинска, баллы

Tab. 1. Grammar school in Chelyabinsk: resource and risk indices by blocks, points

Блок	Индекс ресурсности		Индекс риска	
	Подростки	Сотрудники	Подростки	Сотрудники
Правила и дисциплина	5,7	9,5	4,3	3,2
Коммуникация	5,5	8,3	3,5	2,5
Стресс (учебный, рабочий)	4,8	8,0	7,0	4,8
Пространство и безопасность	7,7	9,1	3,4	0,9
Нормы и ценности	4,8	8,9	4,9	0,3
Отношение к деструктивному поведению (подростки)	7,7	–	2,3	–
Профессиональное развитие (сотрудники)	–	9,1	–	1,0
Дополнительное образование	6,0	8,3	3,6	0,3
Детские общественные объединения, волонтерство	6,2	7,3	4,7	0,7
Социокультурные возможности среды	6,3	7,6	2,8	1,4

Табл. 2. Индексы ресурсности и риска по блокам для школы г. Балабаново, баллы

Tab. 2. Comprehensive school in Balabanovo: resource and risk indices by blocks, points

Блок	Индекс ресурсности		Индекс риска	
	Подростки	Сотрудники	Подростки	Сотрудники
Правила и дисциплина	7,2	6,8	5,2	7,1
Коммуникация	6,2	6,1	4,3	6,4
Стресс (учебный, рабочий)	5,9	7,6	6,0	5,5
Пространство и безопасность	7,2	7,4	4,7	2,6
Нормы и ценности	5,9	8,1	5,0	2,5
Отношение к деструктивному поведению (подростки)	6,9	–	3,1	–
Профессиональное развитие (сотрудники)	–	8,4	–	0,8
Дополнительное образование	6,4	7,6	2,4	1,1
Детские общественные объединения, волонтерство	6,5	7,1	4,8	1,1
Социокультурные возможности среды	6,6	7,6	6,5	6,1

⁴ Анкетолог. URL: <https://anketolog.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

Анализ показал как существенные различия, так и сходство в оценке различных параметров школьной среды сотрудниками и обучающимися образовательных организаций, принявшими участие в пилотной апробации.

В гимназии г. Челябинска наблюдается более высокая удовлетворенность сотрудников системой дисциплины (ИР = 9,5 балла – практически максимальный уровень), в Балабаново этот показатель составил 6,8 балла (средний уровень). 94,4 % педагогов школы г. Балабаново отмечают наличие «проблемных зон» (туалеты, раздевалки), где ученики регулярно нарушают дисциплину; в гимназии доля таких ответов среди педагогов составила 46,4 % (различия статистически значимы при $p < 0,05$). Почти половина подростков, обучающихся в обеих общеобразовательных организациях (47 % в школе и 54,7 % в гимназии), указали на то, что администрация и педагоги чаще применяют воздействия в виде наказаний, чем помогают разобраться в причинах нарушений дисциплины (драки, курение, воровство и т. п.).

Риски по блоку *Коммуникация*, с точки зрения педагогов, в гимназии находятся на низком уровне ($I_{\text{риск}} = 2,5$ балла), в то время как педагоги общеобразовательной школы г. Балабаново оценивают такие риски как достаточно высокие ($I_{\text{риск}} = 6,4$ балла). Педагоги школы говорят о том, что замечают некорректное (унижающее) поведение коллег по отношению к обучающимся (28,7 % указаний), вмешательство родителей, усугубляющее конфликтные ситуации (72,2 % указаний). 52,1 % подростков из школы г. Балабаново, прошедших опрос, сталкивались с унижением со стороны учителей. Случаи травли в классе наблюдают 34,7 % учащихся гимназии и 56,7 % учеников школы (различия статистически значимы при $p < 0,05$). Это подтверждает наблюдения педагогов относительно рискогенности данного параметра.

Уровень стресса, связанного с учебой, у подростков из гимназии достигает высокого уровня ($I_{\text{риск}} = 7,0$ балла), в школе этот показатель находится на среднем уровне ($I_{\text{риск}} = 6,0$ балла). Данный параметр включает оценку подростками адекватности учебной нагрузки и требований со стороны учителей (в том числе прозрачность системы оценивания), а также поддержку со стороны педагогов и доступность психологической помощи. При этом ученики школы и гимназии (75,3 % и 73,7 % соответственно) получают поддержку учителей при возникновении учебных трудностей.

Обе образовательные организации демонстрируют высокие индексы ресурсности по параметру *Пространство и безопасность*. И взрослые, и подростки отмечают наличие камер видеонаблюдения, оперативную реакцию администрации школы

в случаях нарушения правил безопасности. Установлено, что большинство подростков (90,5 % и 87,4 % учеников гимназии и школы) чувствуют себя в безопасности на территории общеобразовательной организации. В то же время учащиеся гимназии и школы (51,6 % и 66 % соответственно) отмечают нарушения дисциплины (курение и т. п.) в туалетах и раздевалках, что согласуется с ответами педагогов.

Параметр *Нормы и ценности* педагоги обеих организаций оценивают как более ресурсный и в то же время менее рискогенный, чем подростки. В гимназии индекс ресурсности по оценкам педагогов составляет 8,9 балла, по оценкам подростков – 4,8 балла (различия статистически значимы при $p < 0,001$). Индекс риска по данному параметру педагоги гимназии оценивают как крайне низкий ($I_{\text{риск}} = 0,3$ балла), а подростки – как средний ($I_{\text{риск}} = 4,9$ балла); различия статистически значимы при $p < 0,001$. Схожая картина наблюдается и в школе г. Балабаново. Педагоги достаточно высоко оценивают профилактический ресурс норм и ценностей, транслируемых в рамках образовательного и воспитательного процессов (ИР = 8,1 балла), в то время как школьники оценивают его как средний (ИР = 5,9 балла); различия статистически значимы при $p < 0,001$. Индекс риска педагоги школы также не считают значимым ($I_{\text{риск}} = 2,5$ балла), подростки оценивают его как средний ($I_{\text{риск}} = 5,0$ балла); различия статистически значимы при $p < 0,01$.

По параметру *Отношение к деструктивному поведению (подростки)* различий между школой и гимназией практически нет, ученики оценивают ресурс данного параметра как достаточно высокий (ИР = 7,7 балла и ИР = 6,9 балла в гимназии и школе соответственно). В качестве факторов риска отметим, что 63,7 % и 62,1 % подростков из школы и гимназии соответственно положительно относятся к рискованному поведению; 40 % и 34,7 % подростков из школы и гимназии соответственно оправдывают самоповреждающее поведение; более 30 % подростков из обеих образовательных организаций считают, что при определенных обстоятельствах можно воровать у одноклассников, и одобряют проявления агрессивного поведения в качестве демонстрации силы. Эти данные согласуются с результатами исследования, проведенного нами в 2023–2024 гг. на выборке более 18 тыс. подростков в возрасте 13–18 лет [27].

Большинство педагогов и в гимназии, и в школе высоко оценивают поддержку администрации в части своего профессионального развития: организацию обсуждения сложных педагогических ситуаций, наличие системы наставничества для молодых педагогов и т. д. (ИР = 9,1 балла и ИР = 8,4 балла соответственно).

По параметрам *Дополнительное образование, Детские общественные объединения, волонтерство* и *Социокультурные возможности среды* можно увидеть практически идентичную ситуацию: подростки, в отличие от педагогов, оценивают ресурс данных мероприятий как средний (педагоги считают воспитательный и профилактический потенциал внеурочных мероприятий высоким). Кроме того, значимые различия (на уровне $p < 0,001$) обнаружилось при сравнении индексов риска по оценке педагогов и подростков в гимназии и школе по параметрам *Дополнительное образование* и *Детские общественные объединения, волонтерство* (индекс риска по оценке педагогов существенно ниже). Ученики и школы, и гимназии (62,3 % и 76,3 % соответственно) отмечают, что не чувствуют себя частью коллектива в системе дополнительного образования. Подростки, обучающиеся в общеобразовательной школе, не знают, чем занимаются школьные общественные объединения, и не интересуются этим вопросом (51,6 %), а 66,3 % учеников гимназии не участвуют в школьных социальных проектах и мероприятиях.

Показатель *Социокультурные возможности среды* оценивается по-разному в гимназии и в школе в части индекса риска: если в гимназии по оценке и педагогов, и учеников этот индекс находится в границах низкого уровня (1,4 и 2,8 балла соответственно), то в общеобразовательной школе профилактический потенциал социокультурных мероприятий, проводимых вне школы, явно не реализован ($I_{\text{риск}}$ (педагоги) = 6,1 балла; $I_{\text{риск}}$ (подростки) = 6,5 балла). Различия по этому параметру между школой и гимназией статистически значимы ($p < 0,001$). В то же время 67,9 % педагогов и 71,6 % учеников гимназии отмечают финансовые барьеры для поездок для детей из малообеспеченных семей, что не сильно отличается от показателей школы, где 61,1 % педагогов также указали на данное ограничение. 60,5 % учеников школы отмечают, что выездные мероприятия им не интересны, в гимназии процент таких ответов ниже – 49,5 % (различия статистически значимы при $p < 0,05$), но данный показатель по обеим организациям достаточно высок.

Полученные результаты демонстрируют комплексный характер воспитательного потенциала школьной среды и подтверждают необходимость дифференцированного подхода к его оценке. Выявленные различия между восприятием параметров школьной среды педагогами и учащимися согласуются с данными международных исследований о том, что взрослые участники образовательных отношений склонны недооценивать масштаб проблем, с которыми сталкиваются подростки в школе [22].

Индексы, полученные по всем блокам анкеты, свидетельствуют о принципиально разных профилях двух образовательных организаций. Гимназия демонстрирует классический профиль престижного учебного заведения, обладающего высоким ресурсным потенциалом с точки зрения сотрудников (возможности для профессионального роста, транслирования норм и ценностей, высокий потенциал внеурочных объединений и мероприятий), но значительным уровнем стресса для обучающихся (данный показатель для подростков равен 7,0 баллам – высокий уровень). В общеобразовательной школе получен более сбалансированный профиль с умеренными показателями как ресурсности, так и рисков.

Можно предположить, что в гимназии действует эффект социального сравнения: подростки постоянно сравнивают себя с академически успешными сверстниками, что создает дополнительное давление. В отличие от обычной школы, где академические ожидания более дифференцированы, гимназия формирует среду, где высокие достижения становятся нормой, а не исключением. Кроме того, у родителей подростков, обучающихся в гимназии, как правило, более высокий уровень образования и социально-экономический статус. Это приводит к формированию завышенных ожиданий относительно академических успехов, которые транслируются через повышенные требования к успеваемости. Высокие родительские ожидания могут стать источником хронического стресса у подростков.

Значительно более высокий показатель ресурсности в части дисциплинарных норм в гимназии (по сравнению со школой) может быть связан с тем, что при поступлении в гимназию предъявляются более строгие требования к обучающимся (система отбора), что изначально формирует более однородную по мотивационным и поведенческим характеристикам группу детей. Это облегчает поддержание дисциплины и снижает количество дисциплинарных нарушений в образовательной организации.

Отметим расхождение в оценке справедливости правил детьми и педагогами в обеих организациях. В условиях высокой нагрузки и недостаточных ресурсов педагоги могут неосознанно применять «двойные стандарты» – более строго относиться к «трудным» детям, внимательно отслеживая малейшие нарушения дисциплины, по сравнению с нормативными учениками. Подростки очень чувствительны к несправедливости и воспринимают такие различия как нарушение принципа равенства. Помимо этого, педагоги оценивают установленные правила как средство поддержания порядка, тогда как подростки оценивают их через призму собственного опыта, когда дисциплинарные санкции применяли по отношению к ним лично.

Анализ результатов анкетирования показал, что педагоги фиксируют преимущественно явные формы агрессии в качестве проявлений травли (физическое насилие, открытые конфликты), в то время как ученики замечают скрытые формы травли (социальное исключение, кибербуллинг, эмоциональное давление). Проблема скрытых форм травли, которые фиксируют подростки, но не замечают педагоги, требует развития компетенций учителей в области их распознавания и предотвращения.

Один из важнейших компонентов воспитательного потенциала школьной среды связан с функционированием системы дополнительного образования, которая играет значительную роль в профилактике деструктивного поведения подростков. Данный блок оценивает доступность кружков и секций, качество их функционирования, материально-техническое оснащение и, что особенно важно, способность дополнительного образования создавать инклюзивную среду, где каждый подросток может найти свое место. В обеих образовательных организациях, по мнению сотрудников, система дополнительного образования демонстрирует высокие показатели ресурсности (ИР = 8,3 балла и ИР = 7,6 балла в гимназии и школе соответственно), что свидетельствует о качественном обеспечении кружков и профессиональной готовности педагогов. Однако оценки подростков существенно ниже (ИР = 6,0 баллов и ИР = 6,4 балла в гимназии и школе соответственно), что указывает на разрыв между возможностями системы и ее восприятием обучающимися. Тревогу вызывает недостаточная реализация социализирующей функции дополнительного образования. Только 33,7 % учеников гимназии отмечают, что посещение кружков и секций позволяет им чувствовать себя частью коллектива, среди учащихся школы этот показатель несколько выше – 37,7 %, но тем не менее он также невысок. То есть при внешней доступности системы дополнительного образования ее способность формировать чувство принадлежности и предотвращать социальную изоляцию подростков остается неудовлетворительной.

Также к проблеме формирования воспитательного потенциала школы можно отнести низкий уровень участия подростков в общественной деятельности. Детские общественные объединения и волонтерская деятельность обладают мощным потенциалом для позитивной социализации подростков. Однако лишь 33,7 % учеников гимназии и 40 % учеников школы вовлечены в школьные социальные проекты, что явно недостаточно для эффективной реализации воспитательного потенциала школьной среды.

Социокультурные возможности образовательной среды, включающие организацию выездных мероприятий, экскурсий и других форм расширения

культурного кругозора подростков, важны для формирования позитивных ценностных ориентаций, укрепления коллектива и профилактики социальной дезадаптации. В данной сфере наблюдается наиболее противоречивая ситуация между двумя образовательными организациями. Основными факторами риска выступают финансовые барьеры для участия в мероприятиях детей из малообеспеченных семей.

Особенно интересным в контексте воспитательного потенциала школьной среды представляется разрыв в восприятии блока *Нормы и ценности*: педагоги в обеих организациях высоко оценивают воспитательный потенциал транслируемых ценностей, но подростки относятся к ним более скептически. Можно предположить, что педагоги переоценивают профилактическую эффективность транслируемых ценностей, ориентируясь на формальные процедуры (проведение классных часов, воспитательных мероприятий), тогда как подростки оценивают реальную практику их применения. Не стоит забывать о том, что подростковый возраст характеризуется критическим отношением к авторитетам и стремлением к самостоятельности, что может приводить к естественному скептицизму по отношению к «навязываемым» взрослыми ценностям. Также возрастные тенденции прослеживаются в отношении подростков к различным типам отклоняющегося поведения (одобрение и оправдание рискованного, агрессивного самоповреждающего поведения), что соответствует данным, полученным нами на репрезентативной выборке с участием практически всех регионов Российской Федерации [27].

Таким образом, можно резюмировать, что обе образовательные организации нуждаются в системной работе по развитию воспитательного потенциала и повышению эффективности его воздействия. Основной вывод исследования заключается в том, что создание формальной инфраструктуры воспитательной работы не гарантирует ее эффективности без активного вовлечения подростков и учета их потребностей и интересов.

Заключение

Разработанная анкета оценки воспитательного потенциала позволяет администрации образовательной организации определить, какие элементы школьной среды (дисциплина, климат, безопасность, внеурочная деятельность и др.) могут усугублять конфликты, стресс или социальную дезадаптацию обучающихся, а также оценить различия в восприятии образовательной среды педагогами и подростками, степень включенности учеников во внеурочную деятельность, что обеспечивает основу для разработки целенаправленных мер по повышению воспитательного потенциала школьной среды.

Пилотажное исследование показало существенные различия в воспитательном потенциале школ, что подтверждает необходимость индивидуального подхода к проектированию дальнейшей работы и развитию каждой образовательной организации. В результате анкетирования выявлены общие для обеих образовательных организаций проблемные области: высокий уровень учебного стресса у подростков; наличие скрытых форм травли, не распознаваемых педагогами; разрыв в восприятии справедливости дисциплинарных мер педагогами и обучающимися.

Полученные результаты подтверждают, что школьная среда представляет собой сложную систему, которая может выступать как фактором риска, так и мощным ресурсом для профилактики деструктивных форм поведения подростков. Ключевым условием трансформации среды в ресурс является создание культуры уважения и доверия, вовлечение подростков в управление школьной жизнью и обеспечение баланса между академическими требованиями и психологическим благополучием учащихся.

Направлением для дальнейшего развития и доработки анкеты может стать проведение апробации на более масштабной выборке, разработка отдельной анкеты для родителей (законных представителей) обучающихся, валидизация инструментария и подготовка рекомендаций по повышению воспитательного потенциала для различных типов общеобразовательных организаций.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития. *Экстремальная психология и безопасность личности*. 2024. Т. 1. № 3. С. 5–19. [Baeva I. A. Psychological safety of the educational environment: Formation of directions and development prospects. *Extreme psychology and personal safety*, 2024, 1(3): 5–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/epps.2024010301>
2. Крушельницкая О. Б., Маринова Т. Ю., Орлов В. А., Сластина В. Б. Профилактика школьного буллинга как фактор безопасности образовательной среды. *Современная зарубежная психология*. 2025. Т. 14. № 2. С. 74–84. [Krushelnitskaya O. B., Marinova T. Yu., Orlov V. A., Slastina V. B. Prevention of school bullying as a factor in the safety of the educational environment. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025, 14(2): 74–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140208>
3. Петрусевич П. Ю. Образовательная среда, где радуются и творят дети (образовательная среда школы Ямбурга). *Народное образование*. 2022. № 6. С. 181–188. [Petrusevich P. Yu. Educational environment where children rejoice and create (educational environment of the Yamburg school). *Narodnoe obrazovanie*, 2022, (6): 181–188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fpcnhj>
4. Cardillo R. School climate and youth development. *School climate practices for implementation and sustainability*, eds. Dary T., Pickeral T. New York: National School Climate Center, 2013, 1–4. URL: <https://schoolclimate.org/wp-content/uploads/2021/05/sc-brief-youth.pdf> (accessed 12 Dec 2025).
5. Ясвин В. А. Школьное средоведение и педагогическое средотворение. М.: Вклад в будущее, 2020. 142 с. [Yasvin V. A. *School environmental studies and pedagogical environment*. Moscow: Investment to the Future, 2020, 142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/goqmso>
6. Нечаев М. П., Зубова Е. И. Ресурсы развития воспитывающей среды класса в условиях социального многообразия. М.: АСОУ, 2014. 76 с. [Nechaev M. P., Zubova E. I. *Resources for developing educational class environment in the context of social diversity*. Moscow: ASOU, 2014, 76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uudctk>
7. Нечаев М. П., Фролова С. Л., Романова Г. А. Развитие воспитательной среды в условиях стандартизации образования. М.: АСОУ, 2019. 140 с. [Nechaev M. P., Frolova S. L., Romanova G. A. *Development of the educational environment in the context of standardization of education*. Moscow: ASOU, 2019, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hgfdgm>
8. Галкина И. В. Воспитательная система школы как важнейшее условие создания среды саморазвития личности. *Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки*. 2019. Т. 2. № 3. С. 114–117. [Galkina I. V. School educational system as main condition of creating of personal

- self-development environment. *Vestnik Kaluzhskogo Universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie Nauki. Pedagogicheskie nauki*, 2019, 2(3): 114–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mmzuha>
9. Ковров В. В. Воспитательная работа в школе как фактор профилактики насилия и обеспечения психологической безопасности образовательной среды. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2014. № 167. С. 70–81. [Kovrov V. V. Moral upbringing in schools as a factor of violence prevention and psychological safety of educational environment. *Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2014, (167): 70–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgxdxb>
 10. Реан А. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга. *Вопросы образования*. 2020. № 3. С. 37–59. [Rean A. A., Stavtsev A. A. Positive psychological interventions to prevent well-being issues, aggression and bullying in school students. *Educational Studies*, 2020, (3): 37–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-37-59>
 11. Галагузова М. А., Москвина Е. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних в образовательной организации на современном этапе. *Педагогическое образование и наука*. 2022. № 1. С. 30–39. [Galaguzova M. A., Moskvina E. V. Prevention of deviant behavior of minors in an educational organization in modern times. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2022, (1): 30–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.56163/2072-2524-2022-1-30-39>
 12. Лесконог Н. Ю., Шаламова Л. Ф. Воспитательная среда образовательной организации как фактор развития социальной активности обучающихся. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 9. С. 49–52. [Leskonog N. Yu., Shalamova L. F. The educational environment of an educational organization as a factor in the development of social activity of students. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (9): 49–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yljrat>
 13. Мануйлов Ю. С. Средовой подход в воспитании. 2-е изд., перераб. М.-Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2002. 157 с. [Manuilov Yu. S. *Environmental approach in education*. 2nd ed. Moscow-Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Administration, 2002, 157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzljijq>
 14. Мардахаев Л. В. Социальное воспитание и его субъектность. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2019. № 4. С. 43–50. [Mardakhaev L. V. Social education and its subjectivity. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2019, (4): 43–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nshlrm>
 15. Четверикова Т. Б. Концептуальные основы воспитания социальных ценностей подростков. *Мир педагогики и психологии*. 2024. № 8. С. 44–47. [Chetverikova T. B. The conceptual bases of the education of social values of adolescents. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2024, (8): 44–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dsqeru>
 16. Шустова И. Ю. Становление субъектности современного школьника. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2019. Т. 2. № 1. С. 76–86. [Shustova I. Yu. Communiti in the development of subjectivity of modern student. *Domestic and Foreign Pedagogy*, 2019, 2(1): 76–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvngws>
 17. Фадеева С. А., Ямбаева М. Г. Профилактика асоциальных проявлений обучающихся в условиях проектирования воспитательной системы школы: результаты исследования. *Нижегородское образование*. 2019. № 3. С. 26–32. [Fadeeva S. A., Yambaeva M. G. Prevention of asocial manifestations of students under conditions of designing the educational system of school: Research results. *Nizhny Novgorod Education*, 2019, (3): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xlgciq>
 18. Hansen K. G., Barene S. Exploring the associations between school climate and mental wellbeing: Insights from the MOVE12 pilot study in Norwegian secondary schools. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*, 2025, 15(4). <https://doi.org/10.3390/ejihpe15040046>
 19. Røsand I., Johansen V. Connections between the school environment and emotional problems among boys and girls in upper secondary school. *Cogent Education*, 2024, 11(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2307688>
 20. Богданович Н. В., Делибалт В. В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи. *Психология и право*. 2024. Т. 14. № 2. С. 45–66. [Bogdanovich N. V., Delibalt V. V. Deviant online behavior: From the classification of types to an analysis of assistance programmes and technologies. *Psychology and Law*, 2024, 14(2): 45–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
 21. Рослякова С. В., Пташко Т. Г., Перебейнос А. Е., Павленко Е. Ф. Интернет как фактор формирования ценностей современных подростков. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2023. № 6. С. 548–553. [Roslyakova S. V., Ptashko T. G., Perebeynos A. E., Pavlenko E. F. The Internet as a factor for forming the values of modern adolescents. *Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*, 2023, (6): 548–553. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.06.p548-553>

22. Espelage D. L., Polanin J. R., Low S. K. Teacher and staff perceptions of school environment as predictors of student aggression, victimization, and willingness to intervene in bullying situations. *School Psychology Quarterly*, 2014, 29(3): 287–305. <https://doi.org/10.1037/spq0000072>
23. Александров Д. А., Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Тенишева К. А. Школьный климат: концепция и инструмент измерения. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 104 с. [Aleksandrov D. A., Ivanyushina V. A., Khodorenko D. K., Tenisheva K. A. *School climate: Concept and measurement tool*. Moscow: HSE, 2018, 104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1737-6>
24. Бочавер А. А., Корнеев А. А., Хломов К. Д. Опросник поведенческих норм и школьного климата. *Вопросы образования*. 2023. № 4. С. 55–84. [Bochaver A. A., Korneev A. A., Khlomov K. D. Behavioral norms and school climate questionnaire. *Educational Studies*, 2023, (4): 55–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/vo-2023-16321>
25. Шумакова Н. Б., Щепланова Е. И., Сорокова М. Г. «Климат в классе» – стандартизация русскоязычной версии модифицированного опросника «Школьный климат». *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 20. № 2. С. 231–256. [Shumakova N. B., Shcheblanova E. I., Sorokova M. G. "Classroom climate" – standardization of the Russian version of the modified questionnaire "School climate". *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, 20(2): 231–256. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-2-231-256>
26. Ясвин В. А. Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление. М.: Народное образование, 2019. 448 с. [Yasvin V. A. *School environment as a subject of measurement: Expertise, design, and management*. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2019, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bhgict>
27. Гани С. В. Социализация современных подростков: риски и ресурсы. Чебоксары: Среда, 2025. 64 с. [Gani S. V. *Socialization of modern adolescents: Risks and resources*. Cheboksary: Sreda, 2025, 64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/a-10696>

оригинальная статья

eLibrary EDN: RMPTFM

Формирование культуры здоровья у студентов высших учебных заведений

Горбаткова Елена Юрьевна

Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы, Россия, Уфа
eLibrary Author SPIN: 3419-6474
<http://orcid.org/0000-0003-1720-3253>

Хусаинова Эльвира Рифгатовна

Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы, Россия, Уфа
<https://orcid.org/0009-0001-2167-371X>

Мануйлова Гульшат Римовна

Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы, Россия, Уфа
eLibrary Author SPIN: 2596-9686
<https://orcid.org/0000-0001-7302-5012>

Горбатков Павел Викторович

Уфимский университет науки и технологий, Россия, Уфа
eLibrary Author SPIN: 3841-5461
<https://orcid.org/0009-0005-5290-2449>
gorbatkovsky@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена проблеме здоровьесбережения современной студенческой молодежи. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом количества студентов с отклонениями в состоянии здоровья. Целью исследования является обоснование, разработка, внедрение и оценка эффективности мероприятий, направленных на формирование культуры здоровья студентов высших учебных заведений. Было проведено анкетирование 240 студентов Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы в возрасте 18–19 лет с последующей оценкой образа жизни обучающихся (с использованием разработанной нами программы для ЭВМ) до и после формирующего этапа исследования. Учитывая, что питание является важнейшим фактором сохранения здоровья, нами была организована у студентов оценка суточного рациона питания по методу 24-часового воспроизведения, которая выполнялась по 20 нутриентам (на констатирующем и контрольном этапах эксперимента). Для анализа использовалось собственное программное обеспечение. Для подтверждения влияния качества питания студентов на объективные показатели здоровья нами была проведена оценка минерального статуса студентов по результатам биохимического анализа сыворотки крови. Анализ анкетирования на этапе констатирующего эксперимента показал, что студенты высоко оценивают важность личного успеха и профессиональных достижений, но зачастую ставят здоровье на второстепенный план. Результаты оценки суточного рациона показали дисбаланс в структуре питания студентов. Установлен дефицит углеводов, кальция, витамина С, железа (у девушек). Результаты лабораторных исследований подтвердили нутриентную недостаточность по кальцию, магнию и железу (у девушек). Полученные результаты свидетельствуют о необходимости формирования культуры здоровья среди молодежи. В итоге основным результатом исследования стала разработка и внедрение опытно-экспериментального образовательного курса «Здоровьесбережение обучающихся» в учебный процесс вуза. Программа курса включала не только теоретические разделы (с использованием изданных нами учебно-методических материалов), но и персональный мониторинг ключевых параметров здоровья (питание, физическое развитие и адаптационные возможности организма), а также самооценку образа жизни. Все данные обрабатывались с использованием разработанных нами и зарегистрированных в Федеральном институте промышленной собственности трех программ для ЭВМ. По результатам исследования были также зарегистрированы три базы данных.

Ключевые слова: культура здоровья, студенты, физическое здоровье, рациональное питание, здоровый образ жизни

Цитирование: Горбаткова Е. Ю., Хусаинова Э. Р., Мануйлова Г. Р., Горбатков П. В. Формирование культуры здоровья у студентов высших учебных заведений. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 307–316. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-307-316>

Поступила в редакцию 22.01.2026. Принята после рецензирования 24.03.2026. Принята в печать 30.03.2026.

original article

Developing Health Culture in University Students

Elena Yu. Gorbatkova

Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russia, Ufa

eLibrary Author SPIN: 3419-6474

<http://orcid.org/0000-0003-1720-3253>

Elvira R. Khusainova

Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russia, Ufa

<https://orcid.org/0009-0001-2167-371X>

Gulshat R. Manuilova

Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russia, Ufa

eLibrary Author SPIN: 2596-9686

<https://orcid.org/0000-0001-7302-5012>

Pavel V. Gorbatkov

Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa

eLibrary Author SPIN: 3841-5461

<https://orcid.org/0009-0005-5290-2449>gorbatkovsky@mail.ru

Abstract: As the number of young people with health problems keeps growing, health awareness is becoming an important part of university education. Research Methods: The target online survey covered 240 students of the Bashkir State Pedagogical University, aged 18–19, before and after the experiment. Students' daily diets were assessed using the 24-hour recall method for 20 nutrients at the ascertainment and control stages. A biochemical analysis of blood serum made it possible to confirm the impact of diet on objective health indicators. The data obtained during the ascertainment stage revealed that students tended to value personal success and professional achievements over their health. The daily diet assessment demonstrated a deficiency in carbohydrates, calcium, vitamin C, and iron (in female students), which was confirmed by laboratory tests, including magnesium. These findings highlighted the need to foster a healthy culture among the younger generation, which was implemented as a pilot academic course, Student Health Care. Together with lectures on a healthy diet, the course included lifestyle self-assessment and self-monitoring of health parameters, such as nutrition, physical development, and adaptive capacity. The research employed three patented computer programs and three databases registered with the Federal Institute of Industrial Property.

Keywords: health culture, students, physical health, balanced nutrition, healthy lifestyle

Citation: Gorbatkova E. Yu., Khusainova E. R., Manuilova G. R., Gorbatkov P. V. Developing Health Culture in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 307–316. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-307-316>

Received 22 Jan 2026. Accepted after review 24 Mar 2026. Accepted for publication 30 Mar 2026.

Введение

Здоровье обеспечивает полноценную жизнь человека, включая физическое благополучие, психическое равновесие и социальную адаптацию. Важность культуры здоровья подчеркивается учеными, врачами и педагогами [1], однако формирование здорового образа жизни сталкивается с серьезными проблемами. Актуальность исследования определяется тем, что на сегодняшний день наблюдается значительный рост количества студентов с отклонениями в состоянии здоровья. Одной из ключевых проблем современного российского общества является низкая физическая активность молодежи [2]. Недостаточный объем занятий физкультурой в школах и вузах ведет к ухудшению состояния здоровья молодого поколения. Так, в 2024 г. число школьников и студентов с отклонениями в здоровье выросло на 371 тыс., достигнув отметки в 1 млн 336 тыс. человек [3]. Одновременно наблюдается ухудшение общего здоровья населения [4], рост числа инвалидов и увеличение потребления наркотиков и алкоголя [5].

Целью исследования является обоснование, разработка, внедрение и оценка эффективности мероприятий, направленных на формирование культуры здоровья студентов высших учебных заведений.

Задачи:

- 1) определить содержание понятия *культура здоровья*, изучить особенности отношения современных студентов к своему здоровью, а также определить осведомленность обучающихся о принципах здорового образа жизни;
- 2) оценить качество питания обучающихся по нутриентному составу суточного рациона;
- 3) для подтверждения влияния качества питания студентов на объективные показатели здоровья провести оценку минерального статуса студентов по результатам биохимического анализа венозной крови;
- 4) разработать образовательный контент, направленный на повышение формирования культуры здоровья среди студентов вузов;

5) оценить результативность экспериментальной части исследования на основе критериального подхода.

Научная новизна работы заключается в обосновании и разработке новых направлений профилактической деятельности образовательных организаций по вопросам формирования культуры здоровья студентов (с использованием разработанных цифровых информационных систем), а также в апробации критериального аппарата, объединяющего гигиенические и педагогические методы исследования (с использованием медицинских методов диагностики), что позволяет сделать более объективной оценку результативности педагогической модели формирования культуры здоровья студентов на уровне как физиологических, так и поведенческих изменений.

С педагогической точки зрения культура здоровья – это качественная характеристика личности, включающая систему знаний о здоровье, мотивацию к здоровому образу жизни (ЗОЖ) и умение применять эти знания на практике. Высокий уровень культуры здоровья человека предполагает его гармоничное общение с природой и окружающими людьми [6; 7]. Элементом культуры здоровья является внимательное и правильное отношение человека к самому себе, стремление к самосовершенствованию своей личности [8]. Уровень культуры здоровья определяется знанием резервных возможностей организма (физических, психических, духовных) и умением правильно использовать их [9; 10].

В формировании культуры здоровья имеют значение три основных компонента, которые способствуют превращению полученных знаний в образ жизни:

1. *Когнитивный компонент*, являющийся информационным фундаментом и позволяющий понять механизмы влияния факторов на организм. Компонент включает в себя совокупность знаний у обучающихся в предметной области «Культура здоровья» на теоретическом, прикладном и рефлексивном уровнях.

2. *Ценностно-мотивационный компонент*, в котором здоровье является высшей жизненной ценностью (а также базовым ресурсом успешности в учебном процессе и будущей конкурентоспособности).

3. *Деятельностный (поведенческий) компонент*, который реализуется в виде здорового образа жизни и является интегративным показателем сформированности культуры здоровья студента.

Особенностью студенческого возраста является противоречие между информированностью о ЗОЖ и реальным поведением, что требует от педагогов поиска результативных механизмов трансформации знаний в действия. Культура здоровья является тем фундаментом, на основе которого формируется

внутренняя осознанная мотивация к ведению здорового образа жизни. ЗОЖ становится для обучающегося естественным стилем жизни.

Факторы, влияющие на формирование культуры здоровья у студентов, многообразны и охватывают разные сферы жизнедеятельности молодых людей. Отметим наиболее значимые из них:

I. Образовательные факторы

- *Обучение основам здорового образа жизни.* Регулярные занятия физкультурой, информирование о здоровом питании, негативном влиянии вредных привычек, профилактике заболеваний и важности соблюдения режима дня формируют базу знаний о здоровье [11].
- *Поддержка университетских инициатив.* Создание условий для занятий спортом, развитие студенческих спортивных секций, проведение лекций и семинаров по вопросам здоровья мотивируют студентов заботиться о своем организме.

II. Социальные факторы

- *Семейное воспитание.* Привычки родителей, семейные традиции относительно питания, физической активности, отдыха оказывают значительное влияние на поведение студента [12].
- *Социальное окружение.* Студенческая среда, друзья и сокурсники влияют на выбор жизненных приоритетов и моделей поведения. Поддерживающая компания друзей способствует формированию позитивных установок на здоровый образ жизни.
- *Информационная среда.* Средства массовой информации, социальные сети и реклама активно воздействуют на предпочтения молодежи в области спорта, еды, лечения болезней и формирования общего представления о красоте тела и состоянии здоровья [13].

III. Психологические факторы

- *Стрессоустойчивость.* Высокий уровень стресса, связанный с учебой, экзаменами, личной жизнью, негативно сказывается на самочувствии и поведении студентов. Способность справляться со стрессовыми ситуациями определяет эффективность поддержания собственного здоровья.
- *Самосознание и самооценка.* Уверенность в себе, осознание ценности своего здоровья, понимание собственной ответственности за самочувствие способствуют развитию сознательного отношения к организму [14].

IV. Экологические факторы

- *Условия проживания.* Качество воздуха, воды, шума, освещение помещений университета и общежития существенно сказываются на общем уровне здоровья студентов.

- *Экологическая культура.* Осведомленность о проблемах экологии и ответственность за окружающую среду повышают интерес к собственному здоровью и заботе о природе [15].

Таким образом, культура здоровья студентов формируется под влиянием множества факторов, среди которых образовательный процесс, социальное окружение, экономические условия, психологическое состояние и экологическая обстановка играют ключевую роль. Формирование культуры здоровья требует комплексного подхода, включающего усилия образовательных учреждений, семьи, государства и самого молодого поколения.

Методы и материалы

Нами было организовано анкетирование студентов 1–2 курсов Института педагогики и Института физики, математики, цифровых и нанотехнологий Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (БГПУ им. М. Акмуллы) (с использованием разработанной нами программы для ЭВМ [16]). В опросе приняли участие 240 человек (в возрастной категории 18–19 лет). Анкетирование проводилось дважды (на констатирующем и контрольном этапах исследования).

Оценка суточного рациона питания проводилась также дважды (до и после формирующего этапа эксперимента) с использованием метода 24-часового воспроизведения (по 20 нутриентам). Для анализа использовалось собственное программное обеспечение, зарегистрированное в Федеральном институте промышленной собственности (ФИПС).

Исследование минерального статуса студентов было организовано на базе лабораторно-диагностического центра Центрального научно-исследовательского института Эпидемиологии Роспотребнадзора (ЦНИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора). Из 240 студентов экспериментальной группы методом случайной выборки были отобраны 26 человек. Был проведен биохимический анализ сыворотки крови 5 минеральных веществ: общего кальция (Ca), ионизированного кальция (Ca²⁺), калия (K⁺), железа (Fe) и магния (Mg).

Результаты

I. При анализе результатов анкетирования на этапе констатирующего эксперимента были определены особенности образа жизни студентов.

• Ценностные ориентации

1. *Хорошее здоровье:* играет приоритетную роль в системе ценностей у 37,5 % респондентов.
2. *Материальное благополучие:* определяют как наиболее важную ценность 16,7 % опрошенных.
3. *Любимая, интересная работа:* наиболее востребованная ценность у 10,4 % студентов, что отражает

стремление молодых людей находить занятие по душе.

4. *Развлечения:* назвали в качестве приоритетной ценности только 4,2 % обучающихся.

Для большей части студентов наиболее важными в системе ценностей являются хорошее здоровье, материальное благополучие и любимая, интересная работа.

• Питание студентов

1. *Режим и качество питания:* значительное количество студентов отмечают ухудшение качества питания после поступления в вуз (45,8 %). Рацион состоит преимущественно из пищи, богатой овощами и фруктами лишь у 43,7 % обучающихся, что отрицательно сказывается на питании студентов. Регулярность приема пищи низкая: в частности, 18,8 % опрошенных отмечают, что очень редко или вообще не завтракают.

2. *Факторы, влияющие на питание:* ведущими факторами ограничения качественного питания выступают собственная неорганизованность (66,7 %) и неудобное расписание занятий (58,3 %). В меньшей степени сказывается на питании недостаток финансовых средств (41,7 %).

3. *Качество услуг общественного питания:* удовлетворенность питанием в университетских заведениях невысока: менее трети опрошенных довольны уровнем сервиса (28,2 %), остальные считают его частично либо полностью неудовлетворительным. При этом ежедневно в студенческой столовой питается каждый четвертый студент (27,1 %). Студентам важно организовать режим питания, особенно принимая во внимание недостаток регулярного полноценного приема пищи и существенную зависимость от расписания занятий.

• Спортивная и досуговая активность

1. *Свободное время:* многие студенты проводят досуг пассивно: используют в досуговой деятельности гаджеты 37,5 % обучающихся.

2. *Физическая активность:* посещают спортивные секции лишь 31,3 % респондентов, каждый третий выполняет физические упражнения самостоятельно.

3. *Культурные занятия (музыка, рисование и пр.):* занимают менее трети свободного времени студентов (16,7 %).

4. *Значение физкультурно-оздоровительных мероприятий:* лишь малое число студентов активно участвуют в спортивных мероприятиях вуза (всего 8,3 %). Остальные выражают равнодушие или полное отсутствие интереса к этому виду досуговой деятельности (41,7 %).

5. *Время на свежем воздухе:* только треть студентов проводит достаточное количество времени на открытом пространстве ежедневно (2–3 часа и больше).

6. *Продолжительность сна:* средняя продолжительность сна составляет 7–8 часов в сутки лишь

у 41,7 % обучающихся, что является оптимальным временем отдыха для поддержания работоспособности организма.

• **Отношение к психоактивным веществам**

1. *Курение*: менее четверти студентов указали наличие опыта курения (20,8 %). Из них часть отказалась от табака (6,3 %). У половины курящих (47,9 %) стаж более трех лет.

2. *Алкоголь*: первый опыт употребления спиртного фиксируется в подростковом возрасте (возраст начала потребления около 16 лет – 31,3 %). Умеренное употребление алкоголя довольно распространено: многие выпивают эпизодически (45,8 %), почти каждый десятый (8,3 %) употребляет алкогольные напитки три и более раз в неделю. Наиболее популярны пиво (33,3 %) и вино (20,8 %), реже крепкий алкоголь (4,2 %).

3. *Меры против наркомании*: студенты выделяют необходимость ужесточения наказаний за преступления, связанные с наркотиками (100 %), расширения профилактических бесед (83,3 %) и увеличения числа специализированных служб помощи (66,7 %).

Таким образом, студенты БГПУ им. М. Акмуллы осознают значимость здоровья, преимущественно ориентированы на получение качественных знаний и профессиональную самореализацию. Однако существуют серьезные проблемы в организации качественного питания, физической активности и профилактики употребления психоактивных веществ, что негативно сказывается на состоянии здоровья молодежи.

II. Учитывая, что питание является важнейшим фактором сохранения здоровья, особое внимание нами было уделено оценке качества питания обучающихся. Нами дважды была организована оценка суточного рациона питания по методу 24-часового воспроизведения, которая выполнялась по 20 нутриентам. Для анализа использовалось собственное программное обеспечение [17]. В результате были рассчитаны средние показатели содержания нутриентов в суточном рационе девушек и юношей. Различия статистически значимы при сравнении полученных средних показателей с нормой физиологических потребностей ($p < 0,05$).

В ходе оценки суточного рациона установлены значимые отклонения химического состава рационов студентов от рекомендуемых норм [18]. Потребление белка оказалось повышенным у студентов обоих полов: у юношей на 22,4 % ($83,9 \pm 0,9$ г при норме 72 г в сутки), у девушек на 7,4 % ($65,5 \pm 0,3$ г при норме 61 г в сутки). Содержание жиров превышало норму только в рационах юношей $88,4 \pm 1,1$ г (на 9,1 %, норма – 81 г в сутки). При этом у всех обучающихся наблюдался дефицит углеводов: на 9,3 % у юношей ($324,7 \pm 3,1$ г, в норме потребление составляет 358 г

в сутки) и на 7,4 % у девушек ($267,6 \pm 2,1$ г, в норме – 289 г в сутки).

Изучение содержания микроэлементов и витаминов в рационах студентов позволило установить их недостаточную обеспеченность. Наиболее серьезным нарушением являлся дефицит железа в питании девушек: на 20,6 % ниже физиологической потребности ($14,3 \pm 0,19$ мг при норме 18 мг в сутки). Кроме того, было обнаружено недостаточное потребление витамина С: у девушек оно отставало от нормы на 22,1 % ($70,1 \pm 0,5$ мг), у юношей – на 14,1 % ($77,3 \pm 0,9$ мг) при норме 90 мг в сутки у студентов обоих полов. Анализ показал глубокий дефицит кальция в питании студентов: на 43,4 % ниже нормы у девушек ($566,0 \pm 4,1$ мг) и на 40,1 % – у юношей ($599,0 \pm 15,9$ мг) при норме 1000 мг в сутки для обоих полов.

III. Для объективной оценки влияния качества питания на здоровье студентов мы исследовали их минеральный статус. В лабораторно-диагностическом центре ЦНИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора был проведен биохимический анализ сыворотки крови. У 26 человек определялась концентрация 5 минеральных веществ: общего кальция (Ca), ионизированного кальция (Ca^{2+}), калия (K⁺), железа (Fe) и магния (Mg).

Результаты лабораторных исследований венозной крови определили гипокальциемию (низкий уровень ионизированного кальция) у 7,7 % студентов (от всех обследованных студентов, при норме 1000 мг), ниже нормы уровень железа был определен у 14,3 % девушек (от всех студентов, при норме 18 мг). Низкий уровень референсных значений по магнию выявлен у 57,7 % студентов (от всех обследованных, при норме 400 мг), у 30,8 % девушек – по железу (от всех студентов). У юношей показатели железа в крови оказались в пределах возрастной нормы.

В итоге установлено, что фактическое питание студентов не соответствует рекомендуемым нормам по химическому составу, что указывает на нарушение принципов сбалансированного рациона.

IV. Основным результатом исследования стали разработка, внедрение и оценка эффективности мероприятий, направленных на формирование культуры здоровья студентов вузов.

Нами был разработан опытно-экспериментальный образовательный курс «Здоровьесбережение обучающихся». Для работы со студентами издано 9 учебно-методических пособий и методических рекомендаций (из них двум пособиям присвоен гриф Учебно-методического объединения Российской Федерации, два пособия получили 1 место на VIII Международном конкурсе учебных пособий) [19–21]. Разработаны (и зарегистрированы в ФИПС) три программы для ЭВМ. Первая программа определяет группы риска для здоровья

в зависимости от образа жизни обучающихся, вторая программа позволяет оценивать качество питания студентов на основе оценки суточного рациона питания, третья программа оценивает физическое развитие и адаптационные возможности студентов [16; 18; 22]. Зарегистрированы в ФИПС три базы данных [23–25].

Кроме этого, были проведены внеурочные мероприятия, направленные на формирование культуры здоровья.

Для формирования культуры здоровья среди студенческой молодежи был реализован интерактивный образовательный процесс, основанный на личностно-ориентированном подходе. Курс «Здоровьесбережение обучающихся» был внедрен в учебный процесс студентов БГПУ им. М. Акмуллы в рамках дисциплин «Основы медицинских знаний и первая помощь при неотложных состояниях», «Возрастная анатомия, физиология и культура здоровья».

Программа курса включала не только теоретические разделы (с использованием изданных нами учебно-методических материалов), но и персональный мониторинг ключевых параметров здоровья (питание, физическое развитие и адаптационные возможности организма), а также самооценку образа жизни. Все данные обрабатывались с помощью собственного программного обеспечения.

Практической частью раздела «Понятие о здоровом образе жизни» стало анкетирование студентов с использованием разработанных (дифференцированных по гендерному признаку) опросников. Анализ данных проводился зарегистрированной (первой) компьютерной программой, оценивающей образ жизни по 9 ключевым направлениям (кластерам) с точки зрения его здоровья. Итогом для каждого студента был набор рекомендаций по коррекции обнаруженных факторов риска.

Раздел «Рациональное питание» включал не только теоретические основы, но и практику самооценки: студенты анализировали свой суточный рацион по нутриентному составу с помощью специально созданной (второй) компьютерной программы. На основании результатов диагностики создавался персональный рацион, призванный устранить выявленный дефицит питательных веществ.

В рамках изучения раздела «Физическое развитие и адаптационные возможности организма» проводилось практическое измерение студентами ключевых антропометрических и функциональных показателей. Обработка данных осуществлялась

с помощью авторской программы для ЭВМ, которая позволяла проводить сравнительный анализ с нормативными значениями для соответствующей возрастной группы и оценивать группу риска для здоровья обучающихся. Полученные результаты были для студентов важным мотивирующим фактором для регулярных занятий спортом. Также на занятиях студенты оценивали свое физическое развитие в соответствии с разработанными нами и утвержденными Министерством здравоохранения Республики Башкортостан стандартами физического развития студентов Республики Башкортостан.

Значимым направлением в работе со студентами стало привлечение их к физкультурно-оздоровительной деятельности, проводимой Институтом физической культуры и здоровья человека БГПУ им. М. Акмуллы.

Для формирования устойчивых ценностных ориентаций в отношении ЗОЖ на вузовском и групповом уровнях была организована системная внеучебная работа. На базе кафедры охраны здоровья и безопасности жизнедеятельности БГПУ им. М. Акмуллы проводился комплекс мероприятий: круглые столы, конкурсы, флешмобы и др.¹, направленные на формирование культуры здоровья.

В целях углубления и практического применения полученных компетенций была организована волонтерская деятельность на основе метода «равный обучает равного». Студенты исследуемой группы выступили в роли инструкторов-сверстников, проводя просветительскую работу по ЗОЖ среди других обучающихся вуза.

После проведения формирующего этапа исследования была организована оценка результативности работы, проведенная по следующим критериям: когнитивному (информационному), мотивационно-ценностному и деятельностному (результативному).

При оценке по когнитивному (информационному) и мотивационно-ценностному критериям получены следующие результаты. Констатирующий этап исследования выявил недостаточный уровень осведомленности респондентов о приоритетной роли образа жизни в структуре факторов здоровья: в частности, лишь половина студентов была информирована о том, что образ жизни на 50 % определяет состояние здоровья человека². При повторном анкетировании (после формирующего этапа эксперимента) показатель результативности работы по когнитивному критерию вырос: теперь уже 92 % обучающихся продемонстрировали осведомленность о влиянии образа жизни на здоровье.

¹ Представлены на официальном сайте БГПУ им. М. Акмуллы. URL: <https://bspu.ru/unit/99/news?page=5> (дата обращения: 10.12.2025).

² Доклад о состоянии здравоохранения в мире. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2002. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/whr2002.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

При первом анкетировании в соответствии с мотивационно-ценностным критерием лишь 37,5 % респондентов ответили, что хорошее здоровье играет приоритетную роль в системе ценностей, тогда как после проведения формирующего эксперимента их число достигло 53,8 %.

В рамках *деятельностной (результативной)* критериальной оценки при проведении повторного анкетирования студентов были получены положительные результаты: в рамках индикаторов пищевого поведения определено увеличение на 8,3 % числа студентов, рацион которых состоит преимущественно из пищи, богатой овощами и фруктами. В соответствии с индикатором физической активности на 12,5 % уменьшилось число обучающихся, занимающихся спортом нерегулярно. По хронобиологическому индикатору число тех респондентов, у которых средняя продолжительность сна составила 7 часов в сутки, стало больше на 6,3 %.

Был проведен повторный анализ суточного рациона питания по методу 24-часового воспроизведения. По нутрициологическому индикатору установлено увеличение потребления продуктов, содержащих кальций (отклонение от нормы составило уже 28,2 % у девушек и 31,4 % у юношей). Также положительная динамика была отмечена в отношении содержания в продуктах питания витамина С (у девушек показатель ниже нормы на 12,4 %, у юношей – на 8,2 %).

Заключение

Сегодня состояние здоровья учащейся молодежи вызывает серьезные опасения: отмечается значительный дефицит физической подготовки и низкий уровень физической активности, что способствует росту заболеваний среди молодого поколения. Проблематичность ситуации усиливается недостатком необходимых ресурсов и инфраструктуры для занятий физкультурой в образовательных учреждениях, где такие занятия существенно отстают от современных стандартов. Это отражается на показателях здоровья студентов, количество больных среди которых постоянно растет, подчеркивая необходимость срочных действий.

Под культурой здоровья подразумевается сознательное стремление поддерживать собственное благополучие посредством знаний, умений и навыков, способствующих здоровому образу жизни. Однако современные студенты чаще всего ориентированы на карьерные достижения и финансовое благополучие, ставя свое физическое здоровье лишь на второй план. Образование играет ключевую роль в формировании здорового образа жизни, однако информированность студентов относительно принципов здорового образа жизни остается недостаточной. Большинство студентов осознают важность

поддержания своего здоровья, однако практические шаги по улучшению своей физической формы предпринимаются далеко не всеми. Основные проблемы связаны с организацией питания, отсутствием регулярности приема пищи и низким уровнем физической активности. Свободное время студентов преимущественно посвящено пассивным видам отдыха, спортивная активность находится на низком уровне. Недостаточной является продолжительность ночного сна обучающихся. Что касается зависимости от психоактивных веществ, табакокурение нередко встречается в студенческой среде. Алкоголь потребляется студентами умеренно, предпочитаемыми напитками являются пиво и вино. Большинство студентов положительно относятся к инициативам по контролю оборота наркотиков и повышению осведомленности в области профилактики наркозависимости.

Для изменения сложившейся ситуации необходимы целенаправленные усилия в образовательной среде. Важно развивать методики, повышающие мотивацию студентов заниматься своим здоровьем, внедрять доступные инструменты оздоровления и пропаганды спорта. Полученные знания помогут студентам повысить уровень ответственности за свое здоровье. Особое внимание должно уделяться профилактике алкоголизма и наркомании путем организации внеурочной деятельности.

Отметим, что разработанный нами опытно-экспериментальный образовательный курс «Здоровьесбережение обучающихся», направленный на формирования культуры здоровья, способствует сохранению и укреплению здоровья студенческой молодежи.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ю. Горбаткова – концептуализация и дизайн исследования, написание статьи. Э. Р. Хусаинова – концептуализация и дизайн исследования, написание статьи. Г. Р. Мануйлова – концептуализация, получение и анализ данных, написание статьи. П. В. Горбатков – концептуализация и дизайн исследования, написание и редактирование статьи. Все авторы одобрили окончательную версию рукописи.

Contribution: E. Yu. Gorbatkova developed the research concept and design and wrote the manuscript. E. R. Khusainova developed the research concept and

design and wrote the manuscript. G. R. Manuilova obtained and analyzed the data, developed the research concept, and wrote the manuscript. P. V. Gorbatkov developed the research concept and design, wrote and proofread the manuscript. All the authors approved the final version of the manuscript.

Литература / References

1. Фомин Н. А., Вавилов Ю. Н. Физиологические основы двигательной активности. М.: Физкультура и спорт, 1991. 224 с. [Fomin N. A., Vavilov Yu. N. *Physiological basis of motor activity*. Moscow: Fizkultura i sport, 1991, 224. (In Russ.)]
2. Стрижакова О. В., Орлов В. А., Фетисов О. Б. Через культуру физическую к повышению психофизического потенциала человека. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2025. № 1. С. 244–247. [Strizhakova O. V., Orlov V. A., Fetisov O. B. Through physical culture to increase the psychophysical potential of a person. *Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*, 2025, (1): 244–247. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/edypsi>
3. Бирюкова Д. А., Вольский В. В. Спортивные формы досуга и их влияние на здоровье. *Вестник науки*. 2024. Т. 2. № 11. С. 1421–1426. [Biryukova D. A., Volsky V. V. Leisure sports and their impact on health. *Vestnik nauki*, 2024, 2(11): 1421–1426. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/amehvn>
4. Акчурин Т. И. Роль физической культуры в жизни человека. *Научный Лидер*. 2025. № 49. С. 198–200. [Akchurin T. I. The role of physical culture in human life. *Scientific Leader*, 2025, (49): 198–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/itrhho>
5. Халимова А. М. Влияние физической активности на здоровье: исследования в области спорта и здорового образа жизни. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2025. Т. 20. № 1. С. 349–355. [Khalimova A. M. The impact of physical activity on health: Research in the field of sports and a healthy lifestyle. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 2025, 20(1): 349–355. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbrpbm>
6. Шхалахова Ж. Н., Иващенко Т. А. Политика ЗОЖ в России и её влияние на молодежь в 2025 году с перспективами на 2026 год. *Международный научный-исследовательский журнал*. 2025. № 11. [Shkhalahova Z. N., Ivashchenko T. A. Healthy lifestyle policy in Russia and its impact on youth in 2025 with prospects for 2026. *International Research Journal*, 2025, (11). (In Russ.)] <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.65>
7. Алексеев Н. Г., Леонтович А. В., Обухов А. С., Фомина Л. Ф. Концепция развития исследовательской деятельности учащихся. *Исследовательская работа школьников*. 2002. № 1. С. 24–33. [Alekseev N. G., Leontovich A. V., Obukhov A. S., Fomina L. F. The concept of academic development in students. *Issledovatel'skaia rabota shkolnikov*, 2002, (1): 24–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqtrcl>
8. Питкин В. А. Формирование культуры здорового образа жизни в системе непрерывного образования. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2022. № 7. С. 316–321. [Pitkin V. A. Formation of a healthy lifestyle culture in the system of continuing education. *Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*, 2022, (7): 316–321. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pouyyn>
9. Бахтин Ю. К., Сопко Г. И., Пазыркина М. В. Формирование культуры здоровья – ответственная задача учреждений народного образования. *Молодой ученый*. 2012. № 4. С. 445–447. [Bahtin Yu. K., Sopko G. I., Pazyrkina M. V. Health culture development as a responsible task for public education institutions. *Molodoi uchenyi*, 2012, (4): 445–447. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxpgnx>
10. Попов В. И., Скоблина Н. А., Милушкина О. Ю., Федотов Д. М., Иванов М. С. Разработка нормативов биологического развития детей для различных субъектов Российской Федерации. *Гигиена и санитария*. 2025. Т. 104. № 8. С. 1043–1048. [Popov V. I., Skoblina N. A., Milushkina O. Yu., Fedotov D. M., Ivanov M. S. Development of standards for the biological development of children for various subjects of the Russian Federation. *Hygiene and Sanitation*, 2025, 104(8): 1043–1048. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2025-104-8-1043-1048>
11. Кучма В. Р., Соколова С. Б., Седова А. С., Рапопорт И. К., Чубаровский В. В., Тикашкина О. В., Болдырева М. Г. Идентификация прогностических факторов риска, связанных с образом жизни и способствующих развитию нарушений самочувствия обучающихся 9–11-х классов. *Гигиена и санитария*. 2025. Т. 104. № 1. С. 76–83. [Kuchma V. R., Sokolova S. B., Sedova A. S., Rapoport I. K., Chubarovsky V. V., Tikashkina O. V., Boldyreva M. G. Identification of prognostic risk factors associating with lifestyle contributing to the development of health disorders in 9–11 grades students. *Hygiene and Sanitation*, 2025, 104(1): 76–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2025-104-1-76-83>
12. Буланова Э. В., Данилов А. В. Влияние семейных традиций на отношение учащихся к разным формам организованной двигательной активности. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2025. Т. 20. № 2. С. 238–246. [Bulanova E. V., Danilov A. V. The influence

- of family traditions on students' attitudes to various forms of organized motor activity. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 2025, 20(2): 238–246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijumlx>
13. Морозова Л. В., Кирьянова Л. А. Возможности информационного контента в пропаганде физической активности в России. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2022. № 10. С. 283–286. [Morozova L. V., Kiryanova L. A. Possibilities of information content in promoting physical activity in Russia. *Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*, 2022, (10): 283–286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/apmhbi>
 14. Левицкая С. В., Плотникова О. С. Актуальные психолого-педагогические проблемы физического воспитания в вузе. *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2025. № 1. С. 28–34. [Levitskaya S. V., Plotnikova O. S. Current psychological and pedagogical problems of physical education in higher education institutions. *Physical Education, Sports – Science and Practice*, 2025, (1): 28–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dhidvp>
 15. Назарова И. С., Кускова И. В., Юрьева В. Ю. Экология и ее воздействие на здоровье молодежи в современных условиях: проблемы и пути решения. *Аграрное и земельное право*. 2024. № 4. С. 114–118. [Nazarova I. S., Kuskova I. V., Yurieva V. Yu. Ecology and its impact on youth health in modern conditions: Problems and solutions. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2024, (4): 114–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtxblo>
 16. Горбаткова Е. Ю. Программное обеспечение для оценки условий и образа жизни студентов вузов. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ в Федеральной службе по интеллектуальной собственности № RU 2020614672 от 20.04.2020. Правообладатель: БГПУ им. М. Акмуллы. [Gorbatkova E. Yu. *Software for assessing the conditions and lifestyle of university students*. Certificate of state registration of a computer program with the Federal Service for Intellectual Property No. RU 2020614672 dated 20/04/2020. Copyright holder: BSPU n. a. M. Akmulla. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqouag>
 17. Зулкарнаев Т. Р., Ахмадуллин У. З., Зулкарнаев Б. Р., Харисова З. И., Горбаткова Е. Ю., Лукманова А. И. Расчет химического состава и энергетической ценности рациона питания по ингредиентам блюд. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ в Федеральной службе по интеллектуальной собственности № RU 20176117257 от 03.07.2017. [Zulkarnaev T. R., Akhmadullin U. S., Zulkarnaev B. R., Kharisova Z. I., Gorbatkova E. Yu., Lukmanova A. I. *Calculation of the chemical composition and energy value of the diet based on the ingredients of the dishes*. Certificate of state registration of a computer program with the Federal Service for Intellectual Property No. RU 20176117257 dated 03/07/2017. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owbncn>
 18. Тутельян В. А., Батулин А. К., Гаппаров М. Г. и др. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2009. 36 с. [Tutelyan V. A., Baturin A. K., Gapparov M. G. et al. *Norms of physiological energy and nutritional requirements for various population groups of the Russian Federation*. Moscow: Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare, 2009, 36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zthenv>
 19. Ахмадуллин У. З., Ахмадуллина Х. М., Мочалкин П. А., Горбаткова Е. Ю., Ялаева Э. Т., Ахметзянова А. Х. Гигиенические основы формирования здоровья. Уфа: БГМУ, 2022. Ч. 1. 135 с. [Akhmadullin U. Z., Akhmadullina H. M., Mochalkin P. A., Gorbatkova E. Yu., Yalaeva E. T., Akhmetzyanova A. Kh. *Hygienic foundations of health formation*. Ufa: BSMU, 2022, pt. 1, 135. (In Russ.)]
 20. Ахмадуллин У. З., Ахмадуллина Х. М., Мочалкин П. А., Горбаткова Е. Ю., Ялаева Э. Т., Ахметзянова А. Х. Гигиенические основы формирования здоровья. Уфа: БГМУ, 2022. Ч. 2. 100 с. [Akhmadullin U. Z., Akhmadullina H. M., Mochalkin P. A., Gorbatkova E. Yu., Yalaeva E. T., Akhmetzyanova A. Kh. *Hygienic foundations of health formation*. Ufa: BSMU, 2022, pt. 2, 100. (In Russ.)]
 21. Никитюк Д. Б., Попов В. И., Милушкина О. Ю. и др. Нормативы для оценки физического развития детей и подростков Российской Федерации. М.: Научная книга, 2023. Ч. 1. 430 с. [Nikityuk D. B., Popov V. I., Milushkina O. Yu. et al. *Standards for assessing the physical development of children and adolescents in the Russian Federation*. Moscow: Nauchnaya kniga, 2023, pt. 1, 430. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gcdtdh>
 22. Горбаткова Е. Ю. Программное обеспечение для оценки физического развития и адаптационных возможностей организма. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ в Федеральной службе по интеллектуальной собственности № RU 2020618022 от 16.07.2020. [Gorbatkova E. Yu. *Software for assessing physical development and adaptive capabilities of the body*. Certificate of state registration of a computer program with the Federal Service for Intellectual Property No. RU 2020618022 dated 16/07/2020. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ybmgtd>
 23. Ахмадуллин У. З., Ахмадуллина Х. М., Горбаткова Е. Ю. Оценочные таблицы физического развития студентов г. Уфы Республики Башкортостан. Свидетельство о государственной регистрации базы данных в Федеральной службе по интеллектуальной собственности № RU 2018621629 от 22.10.2018.

- [Akhmadullin U. Z., Akhmadullina H. M., Gorbatkova E. Yu. *Evaluation tables of physical development of Ufa students of the Republic of Bashkortostan*. Certificate of state registration of the database with the Federal Intellectual Property Service No. RU 2018621629 dated 22/10/2018. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gjtcjp>
24. Абляева А. В., Абрамова В. Р., Аверьянова И. В. и др. Физическое развитие детей, подростков и молодежи Российской Федерации в 2000–2021 годах. Свидетельство о государственной регистрации базы данных в Федеральной службе по интеллектуальной собственности № RU 2022620676 от 30.03.2022. [Ablyayeva A. V., Abramova V. R., Averyanova I. V. et al. *Physical development of children, adolescents and youth of the Russian Federation in 2000–2021*. Certificate of state registration of the database with the Federal Intellectual Property Service No. RU 2022620676 dated 30/03/2022. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lqsnim>
25. Абдалова С. Р., Абляева А. В., Ануфриева Е. В. и др. Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: региональные шкалы регрессии массы тела по длине тела (часть 1). Свидетельство о государственной регистрации базы данных в Федеральной службе по интеллектуальной собственности № RU 2023620564 от 14.02.2023. [Abdalova S. R., Ablyayeva A. V., Anufrieva E. V. et al. *Physical development of children and adolescents in the Russian Federation: Regional scales of body weight regression for body length (Part 1)*. Certificate of state registration of the database with the Federal Intellectual Property Service No. RU 2023620564 dated 14/02/2023. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mslpr>

оригинальная статья

eLibrary EDN: SQOLMS

Мультимедийные технологии как лингводидактическая модель формирования аудитивных навыков в обучении РКИ

Тагизаде Вафа Гамид гызы

Бакинский славянский университет, Азербайджан, Баку

<https://orcid.org/0009-0007-5676-691X>

6500_95@mail.ru

Аннотация: Современный этап развития образования характеризуется активным внедрением цифровых и мультимедийных технологий в учебный процесс, что оказывает существенное влияние на формирование коммуникативной компетенции обучаемых. Особенно актуально это в обучении русскому языку как иностранному, где навыки аудирования остаются одним из наиболее сложных видов речевой деятельности. Научная новизна исследования заключается в системном анализе и практическом применении мультимедийных технологий как лингводидактической модели формирования аудитивных навыков, учитывающей психолого-педагогические особенности и межъязыковую интерференцию у азербайджаноязычных студентов. Цель – определить дидактический потенциал мультимедийных средств в развитии аудитивных навыков и выявить методические приемы, повышающие эффективность обучения азербайджаноязычных студентов, изучающих русский язык как иностранный. Объект исследования – процесс формирования аудитивной компетенции у студентов бакалавриата филологического профиля; предмет – применение мультимедийных технологий в обучении аудированию. В работе использовались методы анализа и систематизации литературы, педагогического наблюдения, интерпретации учебной деятельности и сравнительной классификации аудио- и видеоматериалов. Результаты показали, что интеграция обучающих и аутентичных мультимедийных ресурсов в трехэтапную модель работы с аудиотекстом (pre-, while- и post-listening) способствует активизации познавательной деятельности, формированию произносительных и лексико-грамматических навыков, развитию способности прогнозировать содержание текста и повышению мотивации обучаемых. Эффективность мультимедийного обучения напрямую зависит от методической подготовки преподавателя и целенаправленного отбора цифровых средств. Полученные выводы могут быть использованы для разработки методических рекомендаций по оптимальному применению мультимедиа в обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, аудирование, мультимедийные технологии, цифровые инструменты, интерактивное обучение, мультимодальные материалы, коммуникативные компетенции

Цитирование: Тагизаде В. Г. Мультимедийные технологии как лингводидактическая модель формирования аудитивных навыков в обучении РКИ. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 317–327. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-317-327>

Поступила в редакцию 02.02.2026. Принята после рецензирования 17.03.2026. Принята в печать 23.03.2026.

original article

Multimedia-Based Language Teaching Model for Developing Listening Skills in Russian as a Foreign Language

Vafa H. Taghizade

Baku Slavic University, Azerbaijan, Baku

<https://orcid.org/0009-0007-5676-691X>

6500_95@mail.ru

Abstract: Digital and multimedia technologies are an integral part of the learning process and significantly influence the formation of communicative skills. In teaching Russian as a foreign language (RFL), listening comprehension remains one of the most challenging and underdeveloped aspects of language proficiency. This article evaluates the didactic potential of multimedia tools for developing listening skills in Azerbaijani-speaking university students majoring in Russian philology. To achieve this aim, the study accounted for the psychological and pedagogical characteristics of cross-linguistic interference. The research methodology included pedagogical observation,

learning activity analysis, and comparative audio-visual analysis. By integrating authentic multimedia resources into a three-stage framework (pre-, while-, and post-listening), the proposed model stimulated cognitive activity and increased learner motivation. This approach enhanced pronunciation, lexical, and grammatical skills while improving the students' ability to anticipate linguistic content. The effectiveness of multimedia learning directly depended on the instructor's methodological readiness and the targeted selection of digital tools. The model can be utilized to design further methodological recommendations for optimizing multimedia integration in RFL instruction.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), listening comprehension, multimedia technologies, digital tools, interactive learning, multimodal materials, communicative skills

Citation: Taghizade V. H. Multimedia-Based Language Teaching Model for Developing Listening Skills in Russian as a Foreign Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 317–327. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-317-327>

Received 2 Feb 2026. Accepted after review 17 Mar 2026. Accepted for publication 23 Mar 2026.

Введение

Современный этап развития системы образования характеризуется активным внедрением цифровых и мультимедийных технологий, оказывающих существенное влияние на организацию и содержание учебного процесса. Цифровизация образовательной среды обуславливает необходимость пересмотра традиционных методических подходов и поиска новых средств повышения эффективности обучения, в том числе в области преподавания иностранных языков, включая русский язык как иностранный (РКИ). Как отмечается в исследовании А. Х. Абилдаевой, посвященном модернизации системы образования, приоритетным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетенций, прежде всего информационной и коммуникативной, а внедрение информационно-коммуникационных технологий способствует индивидуализации обучения, активизации познавательной деятельности и развитию коммуникативных умений, что особенно значимо при формировании рецептивных видов речевой деятельности, в частности навыков аудирования [1].

В условиях глобализации и расширения межкультурного взаимодействия изучение русского языка как иностранного становится важным инструментом профессиональной, академической и повседневной коммуникации. Согласно действующим образовательным стандартам, главная цель обучения иностранному языку – формирование коммуникативной компетенции, неотъемлемым компонентом которой выступает способность понимать иноязычную речь на слух. В этой связи одной из приоритетных задач обучения иностранному языку является формирование и развитие навыков аудирования. Однако, как отмечают современные методисты, аудирование по-прежнему остается наименее разработанным видом речевой деятельности по сравнению с говорением, чтением и письмом [2, с. 143].

Особую актуальность в данной связи приобретает проблема формирования аудитивной компетенции как одного из наиболее сложных рецептивных видов речевой деятельности. Аудирование требует от обучаемых развитого речевого слуха, устойчивого внимания, оперативной памяти и способности к интерпретации звучащей речи. Долгое время в методике существовало мнение о том, что аудитивные навыки формируются автоматически в процессе развития навыков говорения, однако исследования убедительно доказали ошибочность данного подхода и необходимость целенаправленной и системной работы над восприятием устной речи [3; 4].

Сложности формирования аудирования обусловлены также психолингвистическими, социокультурными и этнокультурными особенностями аутентичной речи носителей языка, а также отсутствием полноценной иноязычной среды в повседневной жизни обучаемых. Дополнительным препятствием для межкультурной коммуникации в последние годы стали ограничения, связанные с пандемией, что существенно сократило возможности естественного языкового взаимодействия. В этих условиях особую значимость приобретают цифровые и онлайн-ресурсы, обеспечивающие непрерывность учебного процесса, доступность аутентичных материалов и возможность регулярной тренировки навыков аудирования вне языковой среды [5; 6].

Использование аутентичных аудио- и видеоматериалов, а также интеграция аудирования с говорением в рамках интерактивных заданий способствуют развитию коммуникативной компетенции, активизации познавательной деятельности и повышению мотивации обучаемых [7, с. 46]. Сочетание звуковой и визуальной информации, а также применение интерактивных средств обучения повышают мотивацию обучаемых, активизируют их познавательную деятельность и способствуют более

глубокому осмыслению содержания аудиотекста, что, по мнению А. А. Бозорова, является одним из ключевых дидактических преимуществ использования мультимедийных технологий в образовательном процессе [8, с. 61].

Несмотря на наличие значительного количества исследований, посвященных использованию мультимедийных средств в обучении иностранным языкам, проблема их целенаправленного и системного применения в формировании навыков аудирования остается недостаточно разработанной, особенно с учетом психолого-педагогических особенностей обучаемых на различных этапах обучения.

Вместе с тем исследователи подчеркивают, что мультимедийные и цифровые технологии не заменяют традиционное обучение, а являются эффективными лишь при условии их методически обоснованного включения в учебный процесс и тесной связи с аудиторной работой [9; 10]. В данном контексте особую роль приобретает деятельность преподавателя, направленная на отбор релевантных мультимедийных средств и выстраивание системы работы с аудиоматериалами на различных этапах обучения.

Объект исследования – процесс формирования аудитивной компетенции у студентов бакалавриата филологического профиля; предмет – применение мультимедийных технологий в обучении аудированию.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе и практическом применении мультимедийных технологий как лингводидактической модели формирования аудитивных навыков, учитывающей психолого-педагогические особенности и межъязыковую интерференцию у азербайджаноязычных студентов.

Цель работы – определить дидактический потенциал мультимедийных средств в развитии аудитивных навыков и выявить методические приемы, повышающие эффективность обучения азербайджаноязычных студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют положения современной педагогики и методики обучения иностранным языкам, а также концепции коммуникативного и мультимедийного обучения. В работе использовались общенаучные и специальные методы педагогического исследования, обеспечивающие комплексный анализ проблемы формирования навыков аудирования с применением мультимедийных технологий.

В ходе исследования применялись следующие методы: анализ и обобщение научно-методической литературы по проблемам обучения аудированию

и использования мультимедийных средств в образовательном процессе; методы сравнения, классификации и систематизации для выявления дидактических возможностей различных типов мультимедийных ресурсов; педагогическое наблюдение и анализ учебной деятельности обучаемых; интерпретация полученных результатов.

База исследования – образовательный процесс по обучению русскому языку как иностранному на начальном этапе в Бакинском славянском университете (факультет иностранных языков). В исследовании участвовали 38 студентов в возрасте 18–20 лет, которым в рамках учебных занятий предлагались мультимедийные аудио- и видеоматериалы (обучающие и аутентичные), цифровые образовательные ресурсы и интерактивные задания, направленные на формирование навыков аудирования.

Исследование проводилось в три этапа. На первом – теоретико-аналитическом – этапе был осуществлен анализ педагогической, лингводидактической и методической литературы по проблеме аудирования как вида речевой деятельности, а также по вопросам применения мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам. На данном этапе были уточнены основные понятия исследования, определены цели и задачи работы.

На втором – организационно-практическом – этапе проводилось педагогическое наблюдение за учебным процессом, анализировались формы и приемы использования мультимедийных средств на занятиях иностранного языка, а также осуществлялся отбор и классификация аудио- и видеоматериалов с учетом этапов работы с аудиотекстом (подготовительного, основного и заключительного).

На третьем – обобщающем – этапе были систематизированы полученные результаты, проведен их анализ и интерпретация, а также сформулированы выводы о педагогических условиях и методических приемах, обеспечивающих эффективность формирования навыков аудирования с использованием мультимедийных технологий.

Материал исследования включал научные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблемам аудирования и мультимедийного обучения, а также учебные аудио- и видеоматериалы, применяемые в образовательном процессе. При разработке методики и подборе учебных материалов учитывались особенности языковой интерференции, возникающей в процессе восприятия русской речи азербайджаноязычными студентами, в частности различия в фонетической системе двух языков, трудности восприятия редуцированных гласных, мягкость согласных и интонационные модели русского языка.

Достоверность результатов обеспечивалась комплексным использованием методов исследования, логической согласованностью этапов работы и опорой на современные теоретические положения методики преподавания иностранных языков.

Результаты

Современное образование, как живой организм, постоянно адаптируется к вызовам времени. В эпоху цифровизации, когда информация окружает нас со всех сторон, на первый план выходят технологии, способные превратить рутинный учебный процесс в увлекательное путешествие. Именно здесь мультимедиа и аудирование, рассматриваемые через призму лингводидактики, образуют мощный синергетический союз.

Понятие и сущность мультимедийных средств в образовании

Обучающий материал должен не просто информировать учащихся, но и вовлекать их, задействуя все органы чувств. В академическом понимании мультимедиа представляет собой сложную систему программно-аппаратных средств, чья основная функция – обрабатывать и представлять информацию в разнообразных формах: звуке, изображении, тексте, графике, фотографии и видео. Ключевым аспектом является их объединение в интерактивной цифровой среде.

В контексте современного образования и, в частности, лингводидактики мультимедиа рассматриваются не как простая совокупность технических средств, а как эффективный педагогический инструмент, направленный на интенсификацию учебного процесса и повышение его результативности. Применение мультимедийных и интернет-технологий способствует модернизации образовательной среды, обеспечивает наглядность и многоканальное восприятие информации, усиливает учебную мотивацию обучаемых и активизирует их познавательную деятельность.

Особую значимость мультимедиа приобретает при обучении иностранным языкам, поскольку оно позволяет создавать искусственную языковую среду, приближенную к естественным условиям общения, расширяет спектр коммуникативных ситуаций и способствует формированию коммуникативной культуры обучаемых. Мультимедийные средства стимулируют развитие образного и творческого мышления, формируют умения анализа, структурирования и систематизации учебной информации, а также обеспечивают интеграцию традиционных и инновационных методов обучения, что в целом повышает качество усвоения учебного материала [10].

Аудирование как рецептивный вид речевой деятельности

Аудирование занимает центральное место в языковом обучении, т. к. значительная часть коммуникации в современном мире происходит через восприятие на слух. Этот процесс включает распознавание фонем, интонационных паттернов, отдельных слов и грамматических структур, анализ содержания и прогнозирование информации. Особую сложность представляют одноразовость устной речи, вариативность темпа, акцента и интонации, а также влияние фонового шума.

Аудирование тесно связано с другими видами речевой деятельности: с чтением через общие рецептивные механизмы и с говорением как сторонами устной речи. Различают контактное аудирование, происходящее в интерактивной коммуникации, и дистанционное – через радио, телевидение, аудио-записи. Механизмы аудирования включают оперативную и долговременную память, вероятностное прогнозирование, осмысление, внутреннее проговаривание и сегментацию речевой цепи. Основные трудности связаны с условиями восприятия, индивидуальными особенностями голоса носителя, темпом речи, фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями текста, а также психологическими факторами.

Основой развития устной речи у иностранных обучаемых является формирование навыков аудирования и говорения в рамках овладения русским языком. Аудирование и говорение как виды речевой деятельности всегда находятся в тесной взаимосвязи, потому что фазы слушания и говорения в процессе коммуникации постоянно сменяют друг друга. Согласно М. М. Расуловой, аудирование и говорение представляют собой две стороны единого процесса устной речи, и эффективное овладение ими требует синхронного развития обоих навыков для формирования коммуникативной компетенции [11].

В зависимости от целей и объема воспринимаемого материала выделяют следующие виды аудирования: понимание основного содержания; полное понимание; выборочное понимание; дедуктивное аудирование, предполагающее умение «читать между строк» [12, с. 181].

Несмотря на взаимосвязь всех видов речевой деятельности, аудированию часто не уделяется достаточного внимания, что приводит к дисбалансу и торможению развития других умений. Исследования А. М. Приходько [13] и А. В. Потемкиной [14, с. 21] определяют требования к обучаемым: понимание учебных и аутентичных аудиотекстов различной сложности, способность выявлять основную и второстепенную информацию, а также понимать высказывания собеседника в типичных ситуациях общения.

Для эффективного обучения аудированию педагогам необходимы инструменты, позволяющие управлять этими переменными: регулировать скорость воспроизведения, визуализировать текст и использовать мультимедийные материалы, обеспечивающие поддержку зрительного и слухового каналов одновременно.

Лингводидактические аспекты мультимедийного обучения

Лингводидактика исследует закономерности обучения языкам и разрабатывает методы и приемы преподавания в зависимости от поставленных дидактических целей. В этом контексте мультимедийные технологии выступают эффективным средством реализации принципа мультимодальности, обеспечивая одновременное задействование зрительного, слухового и (при необходимости) кинестетического каналов восприятия. По мнению Ц. Чжу, использование мультимодальных и мультимедийных технологий способствует более результативному обучению аудированию, поскольку активизирует сенсорное восприятие, познавательную деятельность и самостоятельную работу обучающихся [15, с. 92].

С лингводидактической точки зрения, как подчеркивает Л. Л. Лапаев, аудирование является единственным видом речевой деятельности, при котором обучаемый не контролирует ни предмет сообщения, ни языковые средства, что значительно усложняет процесс понимания иноязычной речи. В связи с этим исследователь обосновывает необходимость систематического использования мультимедийных и интернет-ресурсов как средства компенсации аудитивных трудностей, создания визуальной опоры и приближения учебного процесса к реальным условиям коммуникации [16].

Важное место в мультимедийном обучении занимает концепция "Edutainment" (*education + entertainment*), ориентированная на превращение образовательного процесса в увлекательную и мотивирующую деятельность. Интеграция элементов обучения и развлечения позволяет снизить психологический барьер при изучении иностранного языка и повысить уровень усвоения учебного материала. Как отмечает Л. В. Архипова, включение мультимедийных и игровых компонентов в учебный процесс способствует росту мотивации, вовлеченности обучаемых и более эффективному формированию языковых навыков и умений [17].

Виды и классификация мультимедийных средств для аудирования

Среди мультимедийных материалов в обучении аудированию целесообразно выделять два основных типа:

1. Direct Teaching Video – обучающие видеоматериалы, в которых преподаватель объясняет грамматические, фонетические и иные языковые явления, демонстрируя способы их практического применения.

2. Resource Video – дополнительные видеоматериалы, отражающие использование изученных языковых средств носителями языка в реальных коммуникативных ситуациях (повседневные диалоги, интервью, документальные фильмы и др.). Такие материалы способствуют восприятию различных акцентов и интонационных моделей, а также более глубокому пониманию живой разговорной речи.

Особое значение при этом приобретают аутентичные материалы, созданные носителями языка, поскольку они отражают реальное функционирование языковых единиц и повышают мотивацию обучающихся. Как отмечают Ж. А. Дунькович и В. В. Олюнина, использование аутентичных аудио- и видеоматериалов в условиях цифровой медиасреды позволяет максимально приблизить учебный процесс к реальным коммуникативным ситуациям, активизировать фоновые знания обучающихся и эффективно развивать навыки аудирования и говорения [18].

К. М. Синькевич выделяет преимущества таких материалов: они стимулируют интерес, дают возможность выбора, демонстрируют реальные языковые нормы и обладают разнообразными методическими особенностями [19]. Рассмотрим некоторые из них:

1. Аудиоматериалы

Цель: развитие навыков восприятия устной речи, распознавания слов, выражений и интонации.

- Auditory Russian – подборка коротких диалогов и монологов с возможностью многократного прослушивания;
- RussianPod101 – подкасты с адаптированными уроками для разных уровней (A1–B2), с транскрипциями и пояснениями;
- LingQ – аудиофайлы с текстами, встроенными словарями и функцией повторного прослушивания сложных фрагментов.

2. Видеоматериалы

Цель: создание визуальной опоры для понимания устной речи, моделирование реальных коммуникативных ситуаций.

- YouTube-каналы для РКИ: «Русский язык для иностранцев», "Learn Russian with Russian Progress" – короткие уроки и видео с аутентичными сценами;
- мультфильмы и обучающие видеоролики (например, «Зверополис» с русской озвучкой) – развитие восприятия речи в контексте, возможность работы с интонацией и эмоциями;
- Edpuzzle – интерактивные видео с встроенными заданиями на понимание содержания.

Использование видеоматериалов направлено на создание визуальной опоры для восприятия устной речи и моделирование реальных коммуникативных ситуаций, а также способствует интенсификации учебного процесса, повышению мотивации обучающихся и развитию навыков глобального, выборочного и детального аудирования в рамках коммуникативного и межкультурного подходов [20].

Психолого-педагогическое обоснование эффективности мультимедийного обучения

Две теории объясняют высокую эффективность мультимедиа:

1. Теория когнитивной нагрузки Дж. Свеллера: мультимедиа снижает внешнюю нагрузку на рабочую память, позволяя сосредоточиться на внутренней сложности материала [21].

2. Теория двойного кодирования А. Пайвио: информация, представляемая одновременно в вербальной и визуальной форме, кодируется в двух параллельных системах памяти, создавая более прочные связи и улучшая запоминание [22, с. 102].

Психолого-педагогические особенности обучаемых

Возраст 18–20 лет характеризуется формированием самосознания, активным поиском себя и подготовкой к будущей профессиональной деятельности. Для этой группы использование мультимедиа особенно эффективно, т. к. оно:

- повышает мотивацию через знакомые цифровые форматы;
- позволяет учитывать индивидуальные особенности обучаемых, регулировать скорость и сложность материала;
- формирует визуальные образы, облегчающие восприятие аудиотекстов и развивающие творческое мышление;
- способствует развитию когнитивных навыков, таких как восприятие, анализ и осознание информации.

Методические подходы к мультимедиа в аудировании

Эффективное применение мультимедиа строится на принципе интерактивности и трехэтапной модели работы с аудиоматериалом [23]:

1) *дотекстовый этап (pre-listening)*: создание мотивации, знакомство с темой, обсуждение ключевой лексики, прогнозирование содержания текста;

2) *текстовый этап (while-listening)*: непосредственное восприятие аудиоматериала с выполнением заданий на понимание основного содержания и деталей, фокус на интонации, ударении и паузах;

3) *послетекстовый этап (post-listening)*: развитие продуктивных навыков: пересказ, ролевые игры, составление вопросов, написание эссе и анализ текстов.

Н. С. Молчанова подчеркивает, что использование видеоматериалов, в частности современных российских кинофильмов, органично вписывается в эту модель, способствуя соединению восприятия речи с ее воспроизведением, формированию коммуникативной компетенции, повышению мотивации учащихся и знакомству с реалиями современной России. Интерактивные упражнения – презентации, кроссворды, инсценировки – усиливают эффект мультимедийного обучения, развивая внимание, память и коммуникативные навыки [24].

Роль преподавателя и обратная связь

В условиях обучения русскому языку как иностранному мультимедийные технологии приобретают особую дидактическую значимость, поскольку позволяют компенсировать отсутствие естественной языковой среды и учитывать сложность фонетической, грамматической и лексико-семантической системы русского языка. Использование аудио-, видео- и интерактивных средств обеспечивает многоканальное восприятие речевого материала, что особенно важно при формировании произносительных навыков, интонационных моделей, а также при освоении падежной системы, видовременных форм глагола и лексической сочетаемости.

Роль преподавателя РКИ в мультимедийной образовательной среде заключается в целенаправленном отборе аутентичных материалов, моделировании коммуникативных ситуаций и организации эффективной обратной связи, обеспечивающей коррекцию речевых ошибок интерференционного характера. Мультимедийная обратная связь (аудио- и видеокomentarии, анализ устных высказываний обучаемых, интерактивные задания) способствует развитию навыков самоконтроля и самокоррекции, повышает осознанность речевой деятельности и формирует коммуникативную компетенцию на русском языке.

Современные интернет-ресурсы второго поколения (Web 2.0) представляют собой эффективные инструменты для организации самостоятельной работы студентов и проведения аудиторных занятий. Как отмечает И. А. Малинина, использование сетевых сервисов позволяет реализовать такие возможности, как совместная деятельность участников обучения, тренировка различных видов речевой деятельности, работа с аутентичными аудио- и видеоматериалами, формирование навыков аудирования, письменной речи и расширение лексического запаса [25]. К преимуществам таких

ресурсов относится возможность выбора материала по тематике и уровню подготовки, автоматизированная система подсказок, оценка результатов и функция многократного прослушивания, что позволяет адаптировать задания под индивидуальные потребности студентов и создавать интерактивную образовательную среду.

Таким образом, эффективность применения мультимедийных средств в обучении РКИ напрямую зависит от методической подготовки преподавателя, его умения интегрировать цифровые технологии и создавать условия для активного самостоятельного обучения, стимулируя студентов к развитию навыков аудирования и других видов речевой деятельности в аутентичном контексте.

Практическая часть исследования

Практическая часть исследования проводилась на базе Бакинского славянского университета и была направлена на выявление эффективности использования мультимедийных технологий при формировании аудитивных навыков у азербайджаноязычных студентов, изучающих русский язык как иностранный.

В исследовании приняли участие 38 студентов бакалавриата филологического профиля в возрасте 18–20 лет. Все участники являлись носителями азербайджанского языка. Русский язык изучался ими в условиях образовательного процесса и не являлся языком повседневного общения для большинства обучающихся. В связи с этим участники исследования могут быть охарактеризованы как учебные билингвы.

Уровень владения русским языком на момент начала эксперимента соответствовал приблизительно А2–В1 по общеевропейской шкале CEFR (Common European Framework of Reference). Для большинства студентов были характерны типичные трудности аудирования, связанные с восприятием беглой русской речи, редукцией гласных, различием твердых и мягких согласных, а также с пониманием интонационных моделей высказывания. Эти трудности во многом обусловлены межъязыковой интерференцией между азербайджанским и русским языками, что учитывалось при разработке методических решений и подборе мультимедийных материалов.

Исследование проводилось в три взаимосвязанных этапа, каждый из которых имел практическую направленность и включал конкретные педагогические действия, наблюдения и анализ учебного процесса.

I. Теоретико-аналитический этап (подготовительный)

На этом этапе основное внимание уделялось изучению и систематизации научной литературы

по вопросам аудирования и мультимедийного обучения. Практическая ценность этапа заключалась в:

- определении критериев выбора мультимедийных материалов для занятий аудирования;
- выявлении эффективных методов организации аудиовосприятия, используемых в современных учебниках и онлайн-ресурсах;
- создании перечня обучающих и аутентичных аудио- и видеоматериалов, подходящих для разных уровней подготовки студентов;
- разработке схемы интеграции мультимедиа в учебные занятия с учетом принципа мультимодальности (зрительный, слуховой и при необходимости кинестетический каналы восприятия).

На практике это означало формирование базы ресурсов, включающей:

- 1) короткие диалоги и монологи, песни, новостные сюжеты;
- 2) видеотрекеры, моделирующие реальные коммуникативные ситуации;
- 3) интерактивные презентации, анимации и обучающие игры;
- 4) специализированные приложения и веб-платформы для развития аудитивных навыков.

II. Организационно-практический этап (основной)

На данном этапе осуществлялось непосредственное внедрение мультимедийных технологий в учебный процесс и педагогическое наблюдение за результатами их использования. Практические действия включали:

- демонстрацию аудио- и видеоматериалов на различных этапах занятия;
- подбор материалов с учетом целей занятия (понимание общего содержания, восприятие деталей, работа с интонацией и лексикой);
- проведение интерактивных заданий, организованных в соответствии с методической моделью работы с аудиотекстом: pre-listening (дотекстовый этап); while-listening (текстовый этап); post-listening (послетекстовый этап).

В ходе занятий фиксировались наблюдения за учебной деятельностью студентов: уровень понимания текста, скорость выполнения заданий, степень вовлеченности обучающихся в работу.

Дополнительно применялись методы адаптации аудиоматериалов с учетом уровня владения языком и особенностей восприятия:

- регулировка скорости воспроизведения аудиозаписей;
- выделение ключевых слов и выражений на экране;
- разбиение сложных фраз на смысловые части;
- использование субтитров при первичном или повторном прослушивании.

Особое внимание уделялось преодолению трудностей аудирования, вызванных фонетической и интонационной интерференцией, характерной для азербайджаноязычной аудитории.

III. Обобщающий этап (аналитический)

На заключительном этапе осуществлялись систематизация и анализ результатов педагогического эксперимента. Практическая часть включала:

- оценку эффективности использования мультимедийных средств для формирования навыков аудирования;
- сопоставление результатов выполнения аудитивных заданий на начальном и итоговом этапах обучения;
- анализ динамики усвоения материала обучаемыми.

Результаты наблюдений показали положительную динамику в развитии аудитивных навыков студентов. В частности, было отмечено:

- улучшение понимания устной речи;
- повышение точности воспроизведения услышанного;
- активизация лексико-грамматических навыков;
- развитие способности прогнозировать содержание аудиотекста.

По итогам исследования были сформулированы методические рекомендации для преподавателей, включающие:

- оптимальную последовательность использования мультимедийных средств на различных этапах урока;
- сочетание аутентичных и обучающих аудиоматериалов;
- подбор интерактивных заданий для разных уровней подготовки;
- стратегии обратной связи и коррекции ошибок.

Результаты педагогического эксперимента

Для определения эффективности предложенной методики был проведен сравнительный анализ результатов начального (pre-test) и итогового (post-test) тестирования аудитивных навыков студентов.

На начальном этапе студентам было предложено прослушать аудиотекст средней сложности и выполнить задания на понимание общего содержания, выявление ключевой информации, распознавание отдельных лексических единиц и интонационных особенностей речи.

Результаты начального тестирования показали:

- 34 % студентов продемонстрировали уровень понимания, соответствующий среднему уровню;
- 46 % обучаемых испытывали трудности при восприятии деталей аудиотекста;

- 20 % студентов смогли успешно выполнить большинство заданий.

После систематического использования мультимедийных материалов на занятиях аудирования было проведено итоговое тестирование, включавшее аналогичные по сложности задания. Результаты показали заметную положительную динамику:

- 62 % студентов успешно справились с заданиями на понимание содержания аудиотекста;
- 25 % показали высокий уровень точности восприятия деталей;
- только 13 % студентов продолжали испытывать значительные трудности.

Таким образом, общий уровень успешности выполнения аудитивных заданий увеличился примерно на 28 %, что свидетельствует о положительном влиянии мультимедийных технологий на развитие навыков восприятия устной речи.

Наблюдения также показали, что использование мультимедийных материалов повышает мотивацию обучаемых, способствует более активному участию студентов в учебной деятельности, облегчает восприятие аутентичной речи благодаря сочетанию аудио- и визуальных каналов информации.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что мультимедийные технологии являются эффективным инструментом формирования аудитивных навыков при обучении русскому языку как иностранному, особенно в условиях азербайджаноязычной аудитории.

Эффективность типов заданий и мультимедийных инструментов

Анализ результатов педагогического эксперимента показал, что наибольшую результативность при формировании аудитивных навыков продемонстрировали следующие виды заданий и инструментов:

1. Типы заданий:

- pre-listening – прогнозирование содержания, разбор ключевой лексики и обсуждение темы;
- while-listening – многократное прослушивание с заданиями на понимание деталей и общего смысла;
- post-listening – пересказ услышанного, инсценировка диалогов, мини-тексты, интерактивные упражнения.

2. Мультимедийные инструменты:

- аудио- и видеоклипы с аутентичными диалогами и новостными сюжетами;
- интерактивные презентации и обучающие игры;
- субтитры и визуальное выделение ключевых слов;
- специализированные онлайн-платформы для многократного прослушивания и самопроверки.

Таким образом, комбинация аутентичных аудио- и видеоматериалов с интерактивными заданиями и визуальной поддержкой показала наибольшую эффективность для формирования аудитивных навыков у студентов учебных билингвов.

Результаты практического исследования подтверждают, что мультимедийные технологии обладают значительным дидактическим потенциалом и способствуют более эффективному формированию аудитивных навыков у студентов, изучающих русский язык как иностранный. Наибольшую результативность демонстрирует использование комбинированных заданий (pre-, while- и post-listening) совместно с аутентичными мультимедийными материалами и интерактивной визуальной поддержкой, что облегчает восприятие устной речи и компенсирует влияние межъязыковой интерференции.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило высокую эффективность использования мультимедийных технологий в обучении русскому языку как иностранному, особенно при формировании навыков аудирования у азербайджаноязычных студентов. Анализ современных педагогических и лингводидактических практик показал, что мультимедийные средства являются мощным инструментом, способным облегчить восприятие аудиотекста, повысить мотивацию обучаемых и развить их когнитивные и коммуникативные навыки.

Практическая реализация исследования включала три взаимосвязанных этапа: теоретико-аналитический, организационно-практический и обобщающий:

1. Первый этап предполагал систематизацию педагогической, лингводидактической и методической литературы, что позволило определить принципы подбора и классификации аудио- и видеоматериалов, а также критерии их интеграции в учебный процесс.
2. Второй этап включал педагогическое наблюдение, проведение мультимедийных занятий и организацию

интерактивной работы с аудиоматериалами. Этот этап позволил выявить наиболее эффективные формы, приемы и инструменты работы с аудированием, включая использование комбинированных заданий (pre-, while- и post-listening) совместно с аутентичными аудио- и видеоматериалами и визуальной поддержкой.

3. Третий этап заключался в систематизации интерпретации результатов педагогического эксперимента, что позволило сформулировать методические рекомендации по оптимальному применению мультимедиа на занятиях по русскому языку как иностранному.

Исследование также показало, что эффективность цифровых инструментов зависит не только от их функциональных возможностей, но и от педагогического мастерства преподавателя. Важными аспектами являются: умение интегрировать мультимедиа в образовательный процесс, адаптировать инструменты под цели занятия и уровень обучаемых, обеспечивать обратную связь и контролировать усвоение материала.

Таким образом, результаты исследования могут быть использованы для разработки методических рекомендаций по выбору и применению мультимедийных и цифровых средств в обучении иностранным языкам. Их внедрение способствует повышению эффективности занятий, развитию инновационных подходов в преподавательской практике и формированию у азербайджаноязычных студентов устойчивых коммуникативных и учебных компетенций.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Абилдаева А. Х. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения. *Перспективы развития информационных технологий*. 2015. № 27. С. 85–96. [Abildaeva A. Kh. The use of information and communication technologies in the teaching and learning process. *Perspektivy razvitiia informatsionnykh tekhnologii*, 2015, (27): 85–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbuzar>
2. Сальникова А. А., Милушенко Т. В. Использование мультимедиа при обучении аудированию на среднем этапе (на материале английского языка). *Новые технологии в обучении иностранным языкам: региональная науч.-практ. конф.* (Омск, 1 июня 2020 г.) Омск: ОмГУ, 2020. С. 142–146. [Salnikova A. A., Milyushenko T. V. The usage of multimedia in teaching of listening at secondary level. *New Technologies in foreign language teaching: Proc. Regional Sci.-Prac. Conf.*, Omsk, 1 Jun 2020. Omsk: OmSU, 2020, 142–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/keqyyt>
3. Андреева Н. В. Аудирование в условиях языковой среды (уровень В1–В2): отбор материала. *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом*. 2017. № 4. С. 35–38. [Andreeva N. V. Developing listening

- skills in the conditions of language environment (level B1–B2): Choosing materials. *International Post-Graduate Student Bulletin. Russian Language Abroad*, 2017, (4): 35–38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykhuui>
4. Малушко Е. Ю. Аудитивная компетенция как сложное речевое умение и необходимый компонент профессиональной компетенции выпускника магистратуры. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2012. № 14. С. 367–371. [Malushko E. Yu. Auditive competence as a complex speech skill and a necessary component of professional competence of a ma course's graduate. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2012, (14): 367–371. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pqgbrj>
 5. Быч Е. И. Использование интернет-ресурсов в обучении аудированию. *Juvenis scientia*. 2018. № 3. С. 25–26. [Bych E. I. The use of Internet resources in teaching listening. *Juvenis scientia*, 2018, (3): 25–26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yuoiff>
 6. Гулянец А. Б., Гулянец С. Б., Семина В. В. Проблема создания лингвокультурного комментария как средства межкультурной коммуникации. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2020. № 3. С. 133–140. [Guliyants A. B., Guliyants S. B., Semina V. V. Challenges in creating linguocultural commentary as a means of cross-cultural communication. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2020, (3): 133–140. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bvnmppm>
 7. Стояновский А. М., Величкова Л. В., Ведель Г. Е., Измайлова Л. С., Кузьмина Л. Г., Шарова Н. А., Княжева Е. А., Гришаева Р. И., Ермакова Р. А. Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе. Воронеж: ВГУ, 1999. 204 с. [Stoyanovsky A. M., Velichkova L. V., Vedel G. E., Izmailova L. S., Kuzmina L. G., Sharova N. A., Knyazheva E. A., Grishaeva R. I., Ermakova R. A. *Current issues in teaching foreign languages at school and university*. Voronezh: VSU, 1999, 204. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vykvxf>
 8. Бозоров А. А. Использование информационно-коммуникационных технологий на уроках английского языка. *Academy*. 2019. № 3. С. 60–63. [Bozorov A. A. The use of information and communication technologies in English language lessons. *Academy*, 2019, (3): 60–63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zluikl>
 9. Шумилин В. П., Шумилина Н. Г. Использование интернет-технологии в образовании. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2019. № 1. С. 355–357. [Shumilin V. P., Shumilina N. G. Use of Internet technologies in education. *Scientific Notes of Orel State University*, 2019, (1): 355–357. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dfftfv>
 10. Каликназарова Ш. Использование мультимедийных средств в обучении русскому языку. *Международный научный журнал «Новый Ренессанс»*. 2024. Т. 1. № 3. С. 982–985. [Kaliknazarova Sh. Using multimedia in teaching Russian language. *New Renaissance International Scientific Journal*, 2024, 1(3): 982–985. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.12736488>
 11. Расулова М. М. Методика развития навыков аудирования аутентичной русской речи. *Международный журнал науки и технологий*. 2025. Т. 2. № 4. С. 50–52. [Rasulova M. M. Methods for developing listening skills in authentic Russian speech. *International Journal of Science and Technology*, 2025, 2(4): 50–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.70728/tech.v2.i04.017>
 12. Будникова А. С., Иванова Е. В. Особенности обучения аудированию как речевому виду деятельности. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2022. № 2. С. 180–184. [Budnikova A. S., Ivanova E. V. Features of listening trainings as a speech activity. *Scholarly Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2022, (2): 180–184. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nplquo>
 13. Приходько А. М. Особенности использования аутентичных видеоматериалов на уроках английского языка с целью развития языковых умений обучающихся. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 12-2. С. 221–225. [Prikhodko A. M. Features of using authentic video materials in English lessons to develop student's language skills. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, (12-2): 221–225. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xotikf>
 14. Потемкина В. А. Формирование иноязычной социокультурной компетенции у студентов неязыковых факультетов при обучении аудированию на материале социомаркированных текстов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 22 с. [Potemkina V. A. *Formation of foreign-language sociocultural competence among students of non-linguistic faculties through listening instruction based on socio-marked texts*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2010, 22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qhfcaj>
 15. Чжу Ц. Совершенствование методики обучения иноязычному аудированию с использованием средств мультимедиа и интернета. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1. С. 91–93. [Zhu J. Improving the methodology of teaching foreign language listening using multimedia and the Internet. *The World of Science, Culture and Education*, 2021, (1): 91–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-186-91-93>

16. Лапаев Л. Л. Использование интернет-ресурсов при обучении аудированию иноязычных текстов на занятиях по иностранному (английскому) языку. *Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе*. 2016. Т. 5. № 4. С. 19–21. [Lapaev L. L. The use of Internet resources in teaching listening comprehension of foreign-language texts in foreign (English) language classes. *Teaching Methods of Infocommunications in Higher School*, 2016, 5(4): 19–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlxffd>
17. Архипова Л. В. Развитие аудитивных умений у иностранных учащихся при использовании монологических текстов на уроках РКИ. *Концепт*. 2016. № Т42. С. 94–104. [Arkhipova L. V. Developing listening skills in foreign learners through the use of monologic texts in teaching Russian as a foreign language. *Concept*, 2016, (Т42): 94–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wynjab>
18. Дунькович Ж. А., Олюнина В. В. Интегративное обучение аудированию в эпоху цифровых медиа. *Лингводидактика: IX Респ. науч.-практ. семинар*. (Минск, 21 октября 2022 г.) Минск: БГУ, 2022. С. 45–49. [Dunkovich Zh. A., Olyunina V. V. An integrative approach to teaching listening in the age of digital media. *Linguodidactics: Proc. IX Republican Sci.-Prac. Seminar, Minsk, 21 Oct 2022*. Minsk: BSU, 2022, 45–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxfbjg>
19. Синькевич К. М. Методика развития умений аудирования в процессе совершенствования социолингвистической компетенции. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012. № 1. С. 270–274. [Sinkevich K. M. Methods for developing listening skills in the process of improving sociolinguistic competence. *Scientific Notes. Electronic Academic Journal of Kursk State University*, 2012, (1): 270–274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyccen>
20. Гуныашова Г. А. Использование видеоматериалов в обучении аудированию на уроке иностранного языка. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-3. С. 34–37. [Gunyashova G. A. Use of video materials in teaching listening in foreign language lessons. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, (2-3): 34–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txtnxr>
21. Sweller J. Chapter two – Cognitive load theory. *Psychology of Learning and Motivation*, 2011, (55): 37–76. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-387691-1.00002-8>
22. Миляева Л. В. Двойное кодирование как одна из основных когнитивных стратегий обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023. Т. 13. № S1. С. 100–105. [Milyaeva L. V. Dual coding as one of the main cognitive educational categories in second language learning in a non-linguistic university. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2023, 13(S1): 100–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-c-100-105>
23. Крылова И. А., Матюшин Н. Д. Развитие умений аудирования на иностранном языке у младших школьников с использованием интернет-ресурсов. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 7. № 3. С. 274–280. [Krylova I. A., Matyushin N. D. Development of foreign language listening skills in younger schoolchildren using internet resources. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2022, 7(3): 274–280. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/ped20220037>
24. Молчанова Н. С. Обучение аудированию на уроке русского языка как иностранного с использованием российских кинофильмов. *Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность*. 2016. № 2. С. 83–87. [Molchanova N. S. Listening skill training at the lesson of the Russian language as foreign using Russian films. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2016, (2): 83–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzzilx>
25. Малинина И. А. Использование интернет-ресурсов второго поколения Web 2.0 в обучении аудированию. *Молодой ученый*. 2012. № 11. С. 446–448. [Malinina I. A. The use of second-generation Internet resources (Web 2.0) in teaching listening comprehension. *Molodoi uchenyi*, 2012, (11): 446–448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfxefh>

оригинальная статья

eLibrary EDN: XUGASN

Разработка оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» для аспирантов

Федорова Наталия Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 9822-3540

<https://orcid.org/0000-0001-7704-0199>

natajfedorova@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме разработки средств контроля и оценки результатов обучения аспирантов иностранному языку. Цель исследования заключается в разработке, теоретическом обосновании и апробации алгоритма создания фонда оценочных средств по иностранному языку для программ аспирантуры, реализация которого на практике обеспечит последовательную и системную организацию оценки достигнутого уровня компетенций, а также позволит оперативно реагировать на изменения, происходящие в профессиональной сфере общения, и интегрировать в систему обучения новые задачи и форматы коммуникации. На основе анализа сложившихся к настоящему времени требований к оценочным средствам и методам проведения контроля соответствия уровня освоения компетенций целям, определяемым федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, были сформулированы принципы создания оценочных средств для курса обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Автор предлагает пошаговый алгоритм разработки фонда оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» для программ аспирантуры, позволяющий реализовать эти принципы. В качестве исходных данных для создания фондов оценочных средств рассматриваются типовые профессиональные задачи, требующие от будущего выпускника владения иностранным языком. Представленные в статье рекомендации позволят преподавателям разрабатывать контрольные задания и критерии оценки их выполнения, благодаря которым обучающиеся получат четкое и ясное представление о стилистических и структурных характеристиках научного текста, а также освою эффективные коммуникативные стратегии. В работе подчеркивается, что функция критериев оценки выполнения контрольных заданий не сводится исключительно к количественному измерению результатов обучения. Критерии оценки должны служить инструментом формирования у обучающихся способности осознанно избегать отступлений от языковых норм и узуальной традиции общения в профессиональной сфере.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, иноязычная коммуникативная компетенция, иностранный язык в аспирантуре, фонд оценочных средств, критерии оценки, формирующее оценивание

Цитирование: Федорова Н. Ю. Разработка оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» для аспирантов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 328–336. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-328-336>

Поступила в редакцию 20.08.2025. Принята после рецензирования 17.10.2025. Принята в печать 20.10.2025.

original article

Developing Foreign Language Assessment Tools for Postgraduate Students

Nataliia Yu. Fedorova

Saint Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 9822-3540

<https://orcid.org/0000-0001-7704-0199>

natajfedorova@rambler.ru

Abstract: This article explores the current methodologies and instruments used to assess postgraduate students' achievements in foreign language learning. The author developed, theoretically substantiated, and tested an algorithm for designing a pool of foreign-language assessment tools for postgraduate programs. This framework ensures a consistent and systematic evaluation of academic achievements, providing a rapid response to changes

in professional communication while integrating new tasks and communication modes into the curriculum. Based on an analysis of the assessment requirements outlined in the Federal State Educational Standards of Higher Education, the author formulated guidelines and a step-by-step algorithm for developing effective foreign-language assessment materials. The procedure begins by identifying typical communication tasks that incorporate foreign language proficiency as an essential component of students' professional competencies. The design recommendations focus primarily on evaluation criteria that serve as a tool to stimulate the development of students' command of scientific style and facilitate effective communication strategies. This formative function serves as an essential addition to summative grading. Furthermore, the guidelines for developing assessment criteria can help students avoid errors in professional communication.

Keywords: foreign language acquisition, foreign communicative competences, foreign language for postgraduate students, pool of assessment tools, evaluation criteria, formative assessment

Citation: Fedorova N. Yu. Developing Foreign Language Assessment Tools for Postgraduate Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 328–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-328-336>

Received 20 Aug 2025. Accepted after review 17 Oct 2025. Accepted for publication 20 Oct 2025.

Введение

Несмотря на огромное количество исследований по различным аспектам реализации компетентного подхода в высшем образовании, проблема эффективного контроля его результатов по-прежнему актуальна. Оживленная дискуссия в педагогической литературе свидетельствует о наличии ряда сложностей практического характера, возникающих при разработке оценочных средств, а также о необходимости теоретического обоснования выбора методов и инструментов проверки соответствия достигнутого уровня компетенций требованиям государственных образовательных стандартов. Экспертами Высшей школы экономики был опубликован аналитический обзор исследовательских проектов, направленных на выработку рекомендаций по формированию и оценке универсальных компетенций. Авторы этой публикации не только подвели итог достижениям в данной сфере, но и выявили ряд проблемных вопросов, на которые пока не найдено исчерпывающих ответов. Причины, по мнению исследователей, кроются прежде всего в отсутствии единой концепции описания универсальных компетенций, которое влечет за собой сложности их детализации при определении задач обучения и при формулировке индикаторов степени их проявления [1]. Эти сложности объясняются отчасти тем, что, согласно И. А. Зимней и Е. В. Земцовой, компетенции трудно поддаются анализу и измерению в силу своей многомерности, междисциплинарности и динамичности [2].

Многие программы по иностранному языку, используемые в настоящее время при подготовке аспирантов, носят инновационный характер, т. к. их авторы стремятся учесть происходящие в настоящее время изменения в контексте межкультурного общения. Появляются новые задачи, каналы и виды коммуникации, возрастают объемы передаваемой

информации [3–5]. Более разнородной становится аудитория: в получении научных сведений сегодня заинтересованы широкие круги общественности. Можно утверждать, что необходимые ученым для общения на иностранном языке компетенции – это динамично развивающаяся система, и тенденции ее развития не следует игнорировать при проектировании средств контроля результатов обучения.

Когда мы говорим об оценке результатов обучения, нужно помнить, что каждое контрольное задание, каждая оценка рассматриваются как новый этап в развитии обучающихся. Поэтому задачей преподавателя является построение системы оценки и контроля, обеспечивающей благоприятные условия для такого развития.

Теоретическая значимость работы состоит в определении и обосновании подхода к разработке фонда оценочных средств по иностранному языку для аспирантов, который позволяет решить эту проблему.

В качестве теоретической базы для определения принципов и методов организации контроля и оценивания результатов обучения аспирантов иностранному языку мы использовали концепции формирующего оценивания и контекстного обучения.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней представлено поэтапное описание приемов разработки оценочных средств для обучения аспирантов иностранному языку, объединенных в целостный алгоритм, позволяющий целенаправленно реализовать данные концепции.

Цель исследования заключается в разработке, теоретическом обосновании и апробации алгоритма создания фонда оценочных средств по иностранному языку для программ аспирантуры, реализация которого на практике обеспечит последовательную и системную организацию оценки достигнутого

уровня компетенций, а также позволит оперативно реагировать на изменения, происходящие в профессиональной сфере общения, и интегрировать в систему обучения новые задачи и форматы коммуникации.

Основной тенденцией развития теории и практики образования в высшей школе, на которую указывают многие исследователи, является возрастание количества функций контроля и оценки и все более тесная их интеграция в учебный процесс [6–10]. Наиболее традиционная и очевидная функция контроля – это собственно оценочная, которая заключается в определении соответствия фактических достижений обучающихся планируемому результату обучения. Вместе с тем все большее внимание уделяется в настоящее время корректирующей, стимулирующей и учебно-организационной функциям контроля. Опираясь на результаты выполнения контрольных заданий, преподаватель вносит коррективы в учебный процесс, а обучающийся планирует свою дальнейшую работу, решает, каким аспектам иноязычной коммуникации необходимо уделить первоочередное внимание, выбирает наиболее успешные учебные стратегии. Обучающиеся перестают быть пассивными исполнителями инструкций преподавателя. Обсуждение с преподавателем целей обучения, критериев оценки, освоение студентами приемов самоконтроля и самооценки помогают стимулировать продвижение вперед, закладывают основу способности к самостоятельному обучению в течение всей жизни [10].

Начиная с 1980-х гг. проводятся эксперименты с целью изучения влияния тестирования на учебный процесс. Это явление в зарубежной методической литературе получило название *the washback effect*. Отмечаются как его положительные стороны, так и его недостатки. Так, С. Дж. Мессик и Дж. Браун сходятся во мнении о том, что стремление тщательно подготовить студентов к тестам обедняет учебный процесс, т. к. преподаватели уделяют излишне пристальное внимание тестовым заданиям в ущерб коммуникативным, тренировке письменных навыков в ущерб развитию устной речи [7; 8]. Другая проблема, на которую указывает Р. П. Мильруд, заключается в замене обучения речи заданиями на развитие умений установления соответствий, дифференциации верного и неверного, выстраивания логической последовательности, которые не будут востребованы в реальной коммуникации [11]. Отметим также, что нацеленность студентов на результат в виде определенного балла создает нежелательную эмоциональную напряженность, а внимание к грамматической форме отрицательно сказывается на способности обучающихся сосредотачиваться на смысле высказываний.

Осознание того глубинного и многостороннего влияния, которое оказывает на процесс обучения оценивание его результатов, выдвинуло на первый план проблему валидности, интерактивности и аутентичности материалов для контроля. Вслед за Л. Ф. Бахманом и А. С. Пальмером под аутентичностью контрольного задания мы будем понимать степень соответствия его характеристик параметрам задачи, для решения которой используется иностранный язык, а его интерактивность определим как степень вовлеченности обучающихся [9, с. 13].

Л. Ф. Бахман и А. С. Пальмер пишут, что в учебных условиях невозможно полностью воспроизвести ситуацию общения, и степень аутентичности задания определяется тем, насколько оно соответствует параметрам описания реальной задачи общения [9]. Данный тезис можно считать одним из основополагающих при разработке как учебных, так и контрольных заданий. Следуя ему, необходимо выбрать наиболее важные параметры, определяющие коммуникативную ситуацию – они должны быть отражены в задании. В профессионально ориентированном обучении иностранному языку эти параметры включают: цель деятельности; характеристику участников коммуникации; жанры текстов, создаваемых в процессе коммуникации.

Усилия исследователей в последние десятилетия были направлены на построение модели коммуникативной компетенции. Согласно существующим взглядам на природу речевой коммуникации, решение любой задачи общения требует привлечения комплекса знаний, умений и стратегий [12]. Важным компонентом коммуникативной компетенции в профессиональной сфере является стратегическая компетенция. Вслед за Д. Дугласом мы будем рассматривать стратегическую компетенцию как систему, состоящую из двух взаимодействующих компонентов. Первый компонент – это собственно коммуникативные компетенции, второй объединяет когнитивные и метакогнитивные компетенции. Для решения коммуникативной задачи необходимо оценить ее сложность и имеющиеся ресурсы, выработать план содержания текста, выбрать наиболее эффективные способы воплощения этого плана. Самоконтроль и самооценка на всех этапах выполнения задачи относятся к метакогнитивным стратегиям [12, с. 76]. Кроме того, важную роль играет способность опираться на знания из профессиональной сферы для раскодирования смысла текстов. В этом отношении мы абсолютно согласны с Н. И. Алмазовой, Н. В. Поповой и Т. Г. Евтушенко, которые полагают, что обучение студентов неязыковых специальностей должно опираться на тексты, имеющие узкую профессиональную направленность [13].

В 1990-х гг. А. А. Вербицкий сформулировал принципы контекстного обучения, которые в дальнейшем оказали существенное влияние на подходы к формированию программ высшего образования, а также на методику обучения иностранному языку в целом и на методы оценки результатов обучения в частности. Главной чертой контекстного обучения является переход деятельности обучающегося от учебной через квазипрофессиональную к профессиональной деятельности [14]. Роль преподавателя состоит в создании условий для развития практических умений, опыта, качеств личности обучающихся, что возможно только в процессе квазипрофессиональной деятельности. Таким образом, первостепенное значение приобретает контекст деятельности, моделирующий предметные, целевые, социальные, психологические и мотивационные признаки реальной деятельности [15].

При обучении иностранному языку в аспирантуре моделирование контекста реального общения в профессиональной сфере приобретает исключительную важность. В процессе выполнения контрольных заданий обучающиеся используют все освоенные ими компетенции, задействуют различные стратегии организации работы с информацией и приемы подготовки выступления или письменного текста, ориентируясь на ожидания потенциальной аудитории и конвенции общения в научной сфере. Это своего рода подготовка к реальной ситуации коммуникации, когда впечатление, которое производит доклад или статья, может влиять на суждение коллег о качестве научной работы.

Создание фондов оценочных средств подразумевает определение подхода к формулировке критериев оценки выполнения контрольных заданий и описания методов интеграции контроля оценочных процедур в учебный процесс. В качестве теоретической базы для решения этой задачи целесообразно использовать концепцию формирующего оценивания. Формирующее оценивание – это такая организация контроля и оценки результатов обучения, которая приводит к переосмыслению обучающимися своей роли в оценочной деятельности и формированию у них способности использовать обратную связь в дальнейшей работе [16]. М. А. Юрченко отмечает, что «обратная связь подчеркивает пробелы в понимании и конкретно информирует обучающихся о том, как они могут улучшить свои результаты» [17, с. 42], а также позволяет преподавателю гибко реагировать на запросы обучающихся. Важным условием успешного воплощения принципов формирующего оценивания является понимание обучающимися критериев оценки, т. к. им необходимо научиться самостоятельно оценивать свои работы с точки зрения их соответствия требуемым характеристикам текста [18].

Оценка продуктивных видов речевой деятельности включает в себе трудность, т. к. «она всегда субъективна, и основная задача – это достижение максимальной объективности при субъективном оценивании» [6, с. 152]. При разработке критериев оценки письменной речи обычно используют обобщенные показатели, которые в дальнейшем детализируются с учетом особенностей конкретного задания. В результате учитываются структура работы; логичность и последовательность изложения материала; уместное использование средств передачи логической связи между отдельными частями текста; отсутствие орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок; соответствие используемых речевых средств уровню обучения; выполнение стилистических правил жанра; соответствие содержания текста поставленной задаче [6].

Еще более сложно оценить устную речь из-за большого количества показателей, которые необходимо зафиксировать в течение короткого промежутка времени. Объектами оценки при выполнении устных заданий являются не только содержательные, стилистические, риторические и языковые аспекты речи, но и особенности произношения и интонация, а также общее впечатление от выступления [19]. Следует отметить, что на качество выполнения устных заданий ощутимо влияют психологические факторы. Если обучающиеся сталкиваются с абсолютно новой ситуацией, темп речи, вариативность лексики, уровень синтаксических конструкций и языковая корректность речи снижаются [20].

Текст как продукт коммуникации в контексте заданной ситуации общения рассматривается в единстве лингвистических, прагматических, социолингвистических, социокультурных и когнитивных факторов. Для современных исследователей проблем оценивания в курсе иностранного языка отправной точкой является понимание коммуникации как ситуативно обусловленного процесса достижения понимания смысла передаваемого сообщения. Поэтому при определении факторов, влияющих на эффективность коммуникации, важно учитывать особенности восприятия устной или письменной речи аудиторией [21]. Необходимо знать, какую информацию, в какой форме и с какой целью они ожидают получить в процессе коммуникации. Таким образом, важно, чтобы критерии были сформулированы с учетом всех основных требований, предъявляемых к тексту того или иного жанра, и в целом описывали, как выглядит эталонный текст. Критерии должны отражать коммуникативную эффективность текста, т. е. учитывать содержательные, структурные и риторические факторы.

Подведем итог вышеизложенному и сформулируем принципы разработки средств и методов

контроля и оценки результатов профессионально ориентированного обучения иностранному языку. Во-первых, мы рассматриваем контроль как инструмент, способствующий повышению мотивации обучающихся, развитию их способности к самоконтролю и к самостоятельному планированию своей учебной деятельности. Каждый этап процесса оценивания должен наглядно демонстрировать, какие практические задачи могут выполняться с помощью уже освоенных компетенций и какие существуют возможности для дальнейшего развития. Во-вторых, чтобы использовать потенциал контроля как средства управления учебным процессом, необходимо обеспечить обратную связь и тесную интеграцию контроля и оценивания в учебный процесс. Важно обеспечить плавный переход от самооценки обучающимися своих результатов к оценке их работ преподавателем и к планированию дальнейшей совместной деятельности преподавателя и обучающихся. Следующий принцип предполагает создание контекста учебной деятельности, моделирующего условия и задачи реальной профессиональной деятельности. Это позволит выполнить требование комплексности оценки компетенций как многоаспектного конструкта. Не менее важно учитывать принцип поэтапного формирования компетенций, которое требует детальной проработки задач обучения и использования различных методов контроля их достижения.

Методы и материалы

Материалами исследования послужили публикации российских и зарубежных ученых по проблемам методики обучения иностранному языку и по вопросам проектирования учебно-методического обеспечения учебного процесса в высшей школе, труды по стилистике научного текста. Для отбора текстового материала использовались научные статьи, отрывки монографий по экологии и гидрометеорологии, а также презентации с сайтов некоммерческих экологических организаций. Кроме того, использовались работы, выполненные обучающимися: аннотации статей и устные доклады, сопровождающиеся электронной презентацией.

Методы исследования включали общенаучные методы (изучение теоретических трудов, анализ основных понятий и терминов исследования) и педагогические методы. К числу педагогических методов, использованных в данной работе, относятся: анализ письменных работ и презентаций аспирантов, а также аннотаций к научным статьям, авторы которых не обучались по данной программе; беседы с обучающимися экспериментальных групп.

В ходе обсуждения с аспирантами контрольных заданий и критериев их оценивания мы стремились выяснить, понятны ли им формулировки критериев и помогают ли им эти формулировки составить грамотный текст в соответствии с поставленной задачей. Эксперимент по определению эффективности применения контрольных заданий проводился среди аспирантов первого курса, обучавшихся в Российском государственном гидрометеорологическом университете. В нем приняли участие 16 человек.

Результаты

В ходе исследования был разработан алгоритм создания фонда оценочных средств по иностранному языку для программ аспирантуры. Практическим результатом стали создание и апробация фондов оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» для нескольких профилей обучения по направлению 05.06.01 – Науки о Земле.

Первым и наиболее ответственным этапом разработки оценочных средств, на результатах которого базируются все дальнейшие решения их авторов, следует считать этап целеполагания. В основе предлагаемого нами алгоритма лежит сложившийся к настоящему времени в педагогике высшей школы подход к разработке рабочих программ дисциплин, который предполагает детализацию компетенций и описание отдельных их компонентов: знаний, умений, способностей, необходимых для решения практических задач в профессиональной сфере деятельности [22]. На этом этапе отбираются типовые профессиональные задачи, выполнение которых станет объектом контроля. Определяются планируемые результаты обучения в терминах *знать – уметь – владеть*. В методической литературе их называют индикаторами достижения целей обучения [10].

Например, в соответствии с ФГОС ВО для программ подготовки научно-педагогических кадров выпускники должны обладать способностью самостоятельно осуществлять научно-исследовательскую деятельность с использованием современных методов исследования и информационно-коммуникационных технологий (компетенция ОПК-1), быть готовыми участвовать в работе российских и международных исследовательских коллективов (компетенция УК-3), осуществлять научную коммуникацию на государственном и иностранном языках (компетенция УК-4)¹.

В результате проведения консультаций с представителями выпускающих кафедр нами были выбраны профессиональные задачи, на основе которых предстояло разработать контрольные задания. В их число вошли: прохождение собеседования при приеме

¹ Федеральные государственные стандарты высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/95/91/7> (дата обращения: 25.04.2025).

на работу; получение профессиональной информации из иноязычных источников; подготовка аннотации научной статьи на иностранном языке; подготовка доклада с презентацией по теме научной работы.

Следует отметить, что при выполнении каждой из перечисленных задач задействуются несколько компетенций. Например, для того чтобы подготовить презентацию в мультимедийной форме, с которой обучающийся будет выступать на конференции, он должен:

1) знать способы, технологии и методы получения, хранения, переработки информации из иноязычных источников (компетенция ОПК-1), структурные особенности научного доклада, стилистические особенности научного текста, правила составления слайдов презентации и закономерности восприятия модульного текста аудиторией (компетенции УК-3, УК-4);

2) уметь эффективно использовать технологии и методы получения, хранения, переработки информации из иноязычных источников (компетенция ОПК-1), гибко применять цифровые инструменты подготовки слайдов презентации, придерживаясь общепринятой стилистики научного модульного текста, планировать и структурировать текст выступления (компетенции ОПК-1, УК-3, УК-4), эффективно иллюстрировать основные положения доклада слайдами электронной презентации (компетенции УК-3, УК-4);

3) владеть способностью к отбору, критической оценке и целесообразному использованию информации из иноязычных источников (компетенция ОПК-1), стратегиями планирования презентаций, способностью создавать стилистически приемлемый научный текст, а также модульный текст с учетом особенностей его восприятия аудиторией, способностью оценивать текст слайдов с точки зрения наглядности, краткости, ясности формулировок, эффективности использования визуальных способов представления информации (компетенции УК-3, УК-4).

Таким образом, итогом первого этапа разработки фонда оценочных средств стали: список типовых коммуникативных задач, к выполнению которых необходимо подготовить аспирантов, и реестр планируемых результатов обучения в терминах *знать – уметь – владеть*, представляющий собой результат детализации целевых компетенций в приложении к конкретным профессиональным задачам.

На втором этапе планируются виды заданий и отбираются аутентичные тексты, формирующие содержательную составляющую процесса обучения и контроля его результатов. Система заданий включает традиционные способы контроля, направленные на проверку знаний и навыков, и инновационные задания, позволяющие оценить способность

обучающихся использовать освоенные компетенции при решении задач творческого характера. В фонде оценочных средств по иностранному языку относительно простые методы, например тестирование, будут использоваться для проверки знаний и навыков. Для оценки проявления компетенций в деятельности обучающимся предлагаются задания творческого характера, которые предполагают достаточно сложную организацию работы и, следовательно, требуют тщательно разработанной системы оценивания. Результатом второго этапа работы над фондом оценочных средств является документ, который содержит список контрольных заданий для каждого раздела курса с описанием жанров текстов, с которыми предстоит работать обучающимся. Кроме того, на данном этапе определяются основные требования к создаваемым текстам.

После того как сформировано представление об эталонном тексте как о результате выполнения коммуникативной задачи, можно приступить к разработке текстов контрольных заданий и критериев оценки. Прежде всего следует определить, по каким параметрам будет проводиться оценка. Например, доклад на конференции мы предлагаем оценивать по следующим показателям: структура доклада, соответствующая международным стандартам представления результатов научной деятельности; эффективное использование слайдов презентаций для иллюстрации основных положений представляемого исследования; оптимальная для слушателя координация информации на слайдах и текста речи; деление доклада на смысловые блоки и уместное использование сигнальных средств при переходе от одного аспекта содержания доклада к другому [23; 24]. Формулировки критериев оценки должны быть подробными и понятными для обучающихся, чтобы, ориентируясь на эти формулировки, они могли избежать ошибок и стилистических недочетов.

Таким образом, результатом выполнения всех этапов предлагаемого алгоритма является фонд оценочных средств, состоящий из трех основных компонентов:

1. Реестр индикаторов достижения целей обучения, конкретизирующих целевые компетенции и содержащих обобщенную формулировку типов задач, которые будет выполнять обучающийся, когда овладеет целевыми компетенциями.

2. Паспорт фонда оценочных средств, в котором определены типы контрольных заданий для каждого раздела учебного курса.

3. Оценочные средства, включающие формулировку заданий, критерии оценки, методические рекомендации и методические материалы с необходимой для выполнения заданий информацией.

Фонд оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» для программ аспирантуры, разработанный в соответствии с данным алгоритмом, был апробирован в Российском государственном гидрометеорологическом университете. Была проведена оценка результатов выполнения двух типов заданий: устный доклад с презентацией по теме исследования и подготовка аннотации статьи. Тексты аннотаций и доклады, подготовленные обучающимися группы основного эксперимента, сравнивались с работами аспирантов, проходивших обучение в более ранний период, когда проводился разведывательный эксперимент (табл.).

Кроме того, был проведен анализ аннотаций статей, представленных в редакцию журнала «Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета» авторами, не принадлежащими к экспериментальной группе. Из 56 рассмотренных образцов аннотаций 38 содержали языковые ошибки и стилистические недочеты. 12 образцов из этих 38 было сложно читать из-за многочисленных лексико-грамматических ошибок, структурных и стилистических погрешностей (табл.). Эти данные близки к результатам, полученным Л. А. Шимановской. Она пишет, что из 127 аннотаций 77 аннотаций на английском языке неграмотны с точки зрения синтаксиса, лексики и стилистики [25].

Работы аспирантов, входящих в экспериментальную группу, заметно отличались от работ их предшественников (разведывательный эксперимент) и от работ ученых, не обучавшихся по данной программе. В числе написанных ими аннотаций не было таких, которые нуждались бы в существенной переработке. В целом аннотации и доклады обучающихся экспериментальной группы обладали более четкой структурой и связностью, в них

использовались эффективные способы акцентирования актуальности рассматриваемых вопросов и значимости полученных результатов.

Заключение

Необходимость компонентного описания компетенций в сочетании с их интеграцией в моделируемую профессиональную реальность составляет наивысшую трудность для преподавателей. В соответствии с предлагаемым в данной работе алгоритмом первый этап создания оценочных средств заключается в детализации компонентов компетенций. Их необходимо сформулировать так, чтобы их освоение можно было проверить с высокой степенью достоверности. Поэтому работу над материалами для контроля и оценки результатов обучения необходимо начинать с выявления задач, которые выполняет ученый в процессе научного познания и при обмене научными знаниями и опытом. Описание результатов выполнения этих задач лежит в основе определения индикаторов достижения целей обучения. Следующий шаг – отбор аутентичных текстов, демонстрирующих характеристики жанров речевых произведений, созданных в ходе выполнения коммуникативных задач. Образцы текстов служат для достижения двух целей. Преподаватель, во-первых, определяет, с текстами какого жанра, объема и содержания будут работать обучающиеся, и, во-вторых, формулирует критерии оценки работ обучающихся таким образом, чтобы отразить в них основные характеристики текстов-образцов. Критерии оценки разрабатываются для каждого конкретного задания и представляют собой детальное описание требований к создаваемому тексту. Обучающиеся используют их, чтобы научиться выбирать подходящие к ситуации общения коммуникативные стратегии и речевые средства оформления высказываний.

Табл. Данные вычисления средних значений оценок за доклад и аннотацию научной статьи
Tab. Average grades for presentations and abstracts

Показатель	Основной эксперимент		Разведывательный эксперимент		Аннотации статей «внешних» авторов
	Доклад	Аннотация	Доклад	Аннотация	
Общее количество работ	16	16	12	12	56
Количество оценок «отлично»	2	4	2	2	–
Количество оценок «хорошо»	14	12	5	7	–
Количество оценок «удовлетворительно»	0	0	4	3	12
Количество оценок «неудовлетворительно»	0	0	1	0	–
Средняя оценка	4,16	4,25	3,67	3,92	–
Доля аннотаций, требующих значительной доработки (%)	–	0	–	25	21

Таким образом, представленные в работе рекомендации позволят преподавателям разрабатывать контрольные задания и критерии оценки их выполнения, благодаря которым обучающиеся получают четкое и ясное представление о стилистических и структурных характеристиках научного текста, а также осваивают эффективные коммуникативные стратегии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Авдеева С. М., Гасс П. В., Карданова Е. Ю., Корешникова Ю. Н., Куликова А. А., Орел Е. А., Пашченко Т. В., Сорокин П. С. Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования. *Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества*, Москва, 13–30 апреля 2021 г. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 52 с. [Avdeeva S. M., Gass P. V., Kardanova E. Yu., Koreshnikova Yu. N., Kulikova A. A., Orel E. A., Pashchenko T. V., Sorokin P. S. Assessment of universal competences as learning outcomes of higher education. *Analytical report to XXII April International Academic Conference on Economic and Social Development*, Moscow, 13–30 Apr, 2021. Moscow: NRU HSE, 2021, 52. (In Russ.)]
2. Зимняя И. А., Земцова Е. В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности как целостного результата образования. In: Зимняя И. А., Земцова Е. В. *Единая социально-профессиональная компетентность выпускника университета: понятие, подходы к формированию и оценке*. М., 2008. С. 35–45. [Zimnyaya I. A., Zemtsova E. V. An integrative approach to assessing the unified social and professional competence as a holistic educational outcome. In: Zimnyaya I. A., Zemtsova E. V. *Unified socio-professional competence of a university graduate: Concept and approaches to formation and assessment*. Moscow, 2008, 35–45. (In Russ.)]
3. Дектерев С. Б., Осокина Н. Ю. Роль английского языка в формировании профессиональной коммуникативной компетенции. *Современные проблемы гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды на пространстве СНГ: Междунар. науч.-практ. конф.* (Санкт-Петербург, 22–24 октября 2020 г.) СПб.: РГГМУ, 2020. С. 703–704. [Dektarev S. B., Osokina N. Yu. The role of English in the formation of professional communicative competence. *Modern problems of hydrometeorology and environmental monitoring in the CIS: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 22–24 Oct 2020. St. Petersburg: RSHU, 2020, 703–704. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrsdnr>
4. Мирзоева Ф. Р. Формирование умений в системе универсальных компетенций в процессе изучения иностранного языка в аспирантуре. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1. С. 49–51. [Mirzoeva F. R. Skills formation in the system of universal competences in the process of studying a foreign language in graduate school. *The World of Science, Culture and Education*, 2021, (1): 49–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-49-51>
5. Полубиченко Л. В. Иностранный язык в подготовке современного российского ученого (новая программа по иностранному языку для аспирантов неязыковых факультетов МГУ). *Профессиональное лингвообразование: XVI Междунар. науч.-практ. конф.* (Нижегород, 5 октября 2022 г.) Н. Новгород: Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. С. 260–266. [Polubichenko L. V. Foreign language for modern Russian researchers (a new postgraduate foreign language programme for non-linguistic faculties of MSU). *Professional linguistic education: Proc. XVI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Nizhny Novgorod, 5 Oct 2022. Nizhny Novgorod: Nizhegorodsky institute of management – branch RANEPА, 2022, 260–266. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/enyryq>
6. Башмакова Н. И., Вороновская И. А., Всемиров М. И. и др. Актуальные вопросы языкового тестирования. СПб.: СПбГУ, 2008. 357 с. [Bashmakova N. I., Voronovskaya I. A., Mironov M. I. et al. *Current issues in language testing*. St. Petersburg: SPbSU, 2008, 357. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quofvx>
7. Messick S. Validity and washback in language testing. *Language Testing*, 1996, 13(3): 241–256. <https://doi.org/10.1177/026553229601300302>
8. Brown J. D. The washback effects of English tests. *University of Hawaii Working Papers in ESL*, 1997, 16(1): 27–45.
9. Bachman L. F., Palmer A. S. *Language testing in practice: Designing and developing useful language tests*. Oxford: Oxford University Press, 1996, 377.
10. Минин М. Г., Муратова Е. А., Михайлова Н. С. Фонд оценочных средств в структуре образовательных программ. *Высшее образование в России*. 2011. № 5. С. 112–118. [Minin M. G., Muratova E. A., Mikhailova N. S. Development of assessment tools bank within education program structure. *Higher Education in Russia*, 2011, (5): 112–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuppin>

11. Мильруд Р. П. Приемы и технологии обучения устной речи. *Язык и культура*. 2015. № 1. С. 104–121. [Millrood R. P. Techniques and technologies of teaching oral communication. *Language and Culture*, 2015, (1): 104–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/29/12>
12. Douglas D. *Assessing language for specific purposes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 311.
13. Алмазова Н. И., Попова Н. В., Евтушенко Т. Г. Организационно-методические аспекты создания профессионально-ориентированных дидактических ресурсов по иностранному языку в техническом вузе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. Т. 4. № 1. С. 1–11. [Almazova N. I., Popova N. V., Evtushenko T. G. Organizational and methodological aspects of developing profession-oriented foreign language didactic resources in a technical university. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(1): 1–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-1-1-11>
14. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991. 207 с. [Verbicki A. A. *Active learning in higher education: A contextual approach*. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 207. (In Russ.)]
15. Князькова О. И., Чивилева И. В., Романов В. В., Жебряткина И. Я. Контекстный подход в обучении иностранному языку как основа интеграционных процессов в профессиональном образовании. *Казанский педагогический журнал*. 2023. № 2. С. 118–126. [Knyazkova O. I., Chivileva I. V., Romanov V. V., Zhebratkina I. Ya. Contextual approach in teaching a foreign language as a basis for integration processes in vocational education. *Kazan Pedagogical Journal*, 2023, (2): 118–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ibphof>
16. Викулина М. А., Вилкова Л. В. Формирующее оценивание как технология достижения результатов обучения иностранному языку в вузе. *Современные проблемы науки и образования*. 2024. № 2. [Vikulina M. A., Vilkova L. V. Formative assessment as a technology for achieving educational outcomes of teaching a foreign language at a university. *Modern Problems of Science and Education*, 2024, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.33389>
17. Юрченко М. А. Формирующее оценивание в диагностике сформированности межкультурной компетенции. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2023. № 207. С. 37–46. [Yurchenko M. A. Formative assessment in intercultural competence formation diagnostics. *Scientific Journal of Herzen University*, 2023, (207): 37–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgivyg>
18. Федорова Н. Ю. Оценка умений составления аннотаций статей в курсе иностранного языка для аспирантов. *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 477. С. 201–208. [Fedorova N. Yu. Assessment of formation of postgraduate students' ability to write article abstracts in a foreign language. *Tomsk State University Journal*, 2022, (477): 201–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/477/22>
19. Заруцкая Е. В. Валидность устных тестов по иностранному языку. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2012. № 3. С. 78–82. [Zarutskaya E. V. Oral language tests validity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2012, (3): 78–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pesgor>
20. Hale G. A. Student major field and text content: Interactive effects on reading comprehension in the test of English as a foreign language. *Language Testing*, 1988, 5(1): 49–61. <https://doi.org/10.1177/026553228800500104>
21. Bachman L. F. Modern language testing at the turn of the century: Assuring that what we count counts. *Language Testing*, 2000, 17(1): 1–42. <https://doi.org/10.1191/026553200675041464>
22. Татур Ю. Г. Высшее образование: методология и опыт проектирования. М.: Логос, 2006. 256 с. [Tatur Yu. G. *Higher education: The methodology and development experience*. Moscow: Logos, 2006, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/surkkj>
23. Пригожина К. В. Из опыта подготовки аспирантов к публичным выступлениям на иностранном языке. *Высшее образование в России*. 2015. № 7. С. 50–55. [Prigozhina K. V. Preparing presentations for international conferences. *Higher Education in Russia*, 2015, (7): 50–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufgrub>
24. Alley M. *The craft of scientific presentations: Critical steps to succeed and critical errors to avoid*. New York: Springer, 2013, 286.
25. Шимановская Л. А. Анализ типичных ошибок в аннотациях на английском языке к научным статьям по проблемам инженерной экологии. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013. Т. 16. № 13. С. 287–292. [Shimanovskaya L. A. Typical mistakes in scientific abstracts on engineering ecology. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2013, 16(13): 287–292. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlqcut>

оригинальная статья

eLibrary EDN: CAGBCV

Классификация некоммерческих организаций через призму осуществления контроля и надзора за их деятельностью

Чудаев Антон Константинович

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

<http://orcid.org/0009-0006-4169-520X>

chaknkvd@mail.ru

Аннотация: Некоммерческие организации, которые в настоящее время играют значимую роль в развитии общественного сектора Российской Федерации, существуют в самых различных организационно-правовых формах и создаются для решения самых разных задач, что требует более серьезного подхода к их классификации, позволяющего раскрыть особенности различных групп некоммерческих организаций. Цель – выявить основные подходы к классификации некоммерческих организаций в Российской Федерации по различным основаниям через призму реализации полномочий по контролю и надзору за их деятельностью. Проведенное исследование базируется на широком спектре различных научных методов, таких как метод анализа, формально-догматический метод, метод обращения к пограничным отраслевым юридическим и неюридическим наукам. Изучение научных концепций и судебной практики показало различие порядка образования, структуры и деятельности некоммерческих организаций, а также признаков, позволяющих различать некоммерческие организации по отношению друг к другу. В проведенном исследовании было установлено, что некоммерческие организации неоднородны и в значительной степени отличаются друг от друга, не представляя собой единой системы, что необходимо, по мнению автора, учитывать при регулировании их правового статуса и деятельности, а также при осуществлении контроля за их деятельностью.

Ключевые слова: некоммерческие организации, виды некоммерческих организаций, контроль, надзор, социально ориентированные организации, формы организации некоммерческих организаций, цели организации некоммерческих организаций, развитие третьего сектора, региональные некоммерческие организации

Цитирование: Чудаев А. К. Классификация некоммерческих организаций через призму осуществления контроля и надзора за их деятельностью. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 337–345. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-337-345>

Поступила в редакцию 16.03.2026. Принята после рецензирования 06.04.2026. Принята в печать 13.04.2026.

original article

Control and Supervision Classification of Non-Profit Organizations

Anton K. Chudayev

Southwestern State University, Russia, Kursk

<http://orcid.org/0009-0006-4169-520X>

chaknkvd@mail.ru

Abstract: Non-profit organizations are crucial for the development of Russia's public sector. They exist in a wide variety of legal forms to address a wide range of objectives. As a result, their classification requires a detailed approach, allowing for a more comprehensive understanding of each type. Focusing on the aspects of control and supervision, the authors identified the main criteria used to classify non-profit organizations in the Russian Federation. The study involved analytical methods, formal dogmatic approaches, and borderline legal disciplines. The scientific concepts and judicial practice revealed differences in the formation, structure, and activities of non-profit organizations, as well as characteristics that distinguish them from one another. Non-profit organizations make up a heterogeneous system of significantly different units. This fact must be taken into account when regulating and monitoring their organization and activities.

Keywords: non-profit organizations, types of non-profit organizations, control, supervision, socially oriented organizations, forms of non-profit organizations organization, goals of non-profit organizations organization, third sector development, regional non-profit organizations

Citation: Chudayev A. K. Control and Supervision Classification of Non-Profit Organizations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 337–345. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-337-345>

Received 16 Mar 2026. Accepted after review 6 Apr 2026. Accepted for publication 13 Apr 2026.

Введение

Некоммерческие организации (НКО), которые в настоящее время играют значимую роль в развитии общественного сектора Российской Федерации, существуют в самых различных организационно-правовых формах и создаются для решения самых разных задач, что требует более серьезного подхода к их классификации, позволяющего раскрыть особенности различных групп некоммерческих организаций. В России ежегодно увеличивается количество некоммерческих организаций. Так, на начало 2024 г. в России зарегистрировано более 215 тыс. НКО в 15 организационно-правовых формах. При этом важно отметить, что в России в последние годы сохраняется стабильная тенденция по увеличению их общего количества примерно на 10 тыс., что составляет около 5 % ежегодного прироста (в 2021 г. – 10,5 тыс., в 2022 г. – 11,5 тыс., за 8 месяцев 2023 г. зарегистрировано более 9 тыс. новых некоммерческих организаций)¹.

Цель исследования – выявить основные подходы к классификации некоммерческих организаций в Российской Федерации по различным основаниям через призму реализации полномочий по контролю и надзору за их деятельностью.

Методы и материалы

В работе применялись общенаучные и специально-научные методы познания (формально-догматический метод, метод обращения к пограничным отраслевым юридическим и неюридическим наукам), среди которых важным выступил метод сравнения, применяемый при оценке различных некоммерческих организаций.

Материалами исследования стали доктринальные источники, а именно научные труды, в которых рассматриваются теоретические и практические вопросы по теме исследования. Так, вопросам теории контроля и надзора посвящены труды В. П. Беляева [1], А. А. Спиридонова [2], С. А. Агамагомедовой [3]. Вопросы общественного контроля и его взаимодействия с публичной властью исследуются в работах Е. В. Бердниковой [4], Т. Н. Михеевой [5], О. А. Земсковой [6], С. М. Зубарева [7], В. В. Гончарова [8]. Проблемы организации и деятельности различных видов НКО рассматриваются в работах

С. А. Авакьяна [9], Е. А. Воронцовой [10], Ю. В. Соболева [11], О. Е. Калининой [12], А. В. Грищенко [13], Е. А. Абросимовой [14–16]. Вопросы непосредственно контроля за деятельностью НКО затрагиваются в работах С. М. Мироновой [17], А. А. Дегтяревой [18], А. В. Грищенко [19; 20], Л. И. Гончаренко, О. Н. Савиной [21], И. Б. Лагутина [22], И. А. Светкиной [23].

Результаты

Как справедливо отмечает Л. И. Якобсон, «самоорганизация граждан и альтруистическое поведение – масштабные и исключительно значимые явления, без которых немислима жизнь современного общества. С ними ассоциируются негосударственные некоммерческие организации (НКО) и общественные движения, группы взаимопомощи и общения, широко понимаемые благотворительность и волонтерство, короче говоря, действия, совершаемые добровольно ради так или иначе понимаемых интересов других людей, группы или всего общества» [24, с. 11].

В. В. Гриб относит некоммерческие организации к «ключевым субъектам общественного контроля» [25, с. 13].

Перед тем как перейти к раскрытию разновидностей некоммерческих организаций, осуществляющих в России общественную деятельность, необходимо разобраться с самим понятием *некоммерческая организация*.

Достаточно подробно понятие *некоммерческая организация* исследовал в своих работах В. Е. Чиркин, который указывал на то, что некоммерческая организация – это «определение отрицательное и потому в значительной мере условное. За частицей "не" остается все остальное, множество образований разного рода» [26, с. 265].

Важно отметить, что в Российской Федерации сложилась сложная и многообразная система общественных и некоммерческих организаций, которые можно классифицировать по самым разным основаниям, например:

- 1) исходя из цели создания некоммерческой организации и ее вида деятельности;
- 2) исходя из территории, на которой она осуществляет свою деятельность;

¹ Куликов В. Минюст прогнозирует рост новых НКО в России. *Российская газета*. 23.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/23/miniuist-prognoziruet-rost-novyh-nko-v-rossii.html> (дата обращения: 08.12.2025).

- 3) исходя из правовой формы организации;
- 4) в зависимости от источника финансирования;
- 5) в зависимости от социальной значимости некоммерческих организаций.

М. Я. Хубецов понимает под видом некоммерческой организации «совокупность следующих объективных критериев, существенно отличающих конкретную некоммерческую организацию от организаций иных форм» [27, с. 6].

Итак, в зависимости **от источников правового регулирования** некоммерческие организации можно разделить на:

- действующие на основе Федерального Закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²: общественные и религиозные организации (объединения); общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьи общества; фонды; государственные корпорации; государственные компании; некоммерческие партнерства; частные учреждения; государственные, муниципальные учреждения; бюджетные учреждения; автономные некоммерческие организации; ассоциации (союзы);
- действующие на основе Федерального Закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»³ (ранее Федеральный Закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»): общественные организации; общественно полезные фонды; благотворительные учреждения;
- действующие на основе Федерального Закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁴: общественные организации; общественные движения; общественные фонды; общественные учреждения; органы общественной самодеятельности; политические партии.

Помимо указанных выше законов, деятельность НКО регулируется: Федеральным Законом от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»⁵, Федеральным Законом от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской

Федерации»⁶, Федеральным Законом от 15.04.1998 № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»⁷, Федеральным Законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁸, Федеральным Законом от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»⁹ и другими нормативными правовыми актами.

В зависимости **от цели создания** некоммерческие организации делятся на:

- благотворительные и добровольческие (волонтерские) организации; культурные организации;
- образовательные и научные некоммерческие организации; религиозные некоммерческие организации;
- оздоровительные и спортивные некоммерческие организации; социальные некоммерческие организации;
- некоммерческие организации здравоохранения, включая профессиональные организации медиков;
- организации по защите окружающей среды, животных и растений; некоммерческие организации по защите интересов определенного круга лиц, а также по защите интересов в определенных сферах профессиональной деятельности (адвокатская, нотариальная, сельское хозяйство и т. д.).

Существенным отличием деятельности НКО, оказывающих образовательные услуги, в соответствии с Федеральным Законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰, Федеральным Законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹¹, является то, что такие организации обязаны получить лицензию на образовательную деятельность. Данное требование распространяется не только на образовательные некоммерческие организации, но и на все другие организации, в том числе осуществляющие свою деятельность в иных сферах (культура, спорт и т. д.), в случае оказания ими образовательных услуг.

² О некоммерческих организациях. ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ. *СЗ РФ*. 1996. № 3. Ст. 145.

³ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве). ФЗ от 11.08.1995 № 135-ФЗ. *СЗ РФ*. 1995. № 33. Ст. 3340.

⁴ Об общественных объединениях. ФЗ от 19.05.1995 № 82-ФЗ. *СЗ РФ*. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁵ Об автономных учреждениях. ФЗ от 03.11.2006 № 174-ФЗ. *СЗ РФ*. 2006. № 45. Ст. 4626.

⁶ Об Общественной палате РФ. ФЗ от 04.04.2005 № 32-ФЗ. *СЗ РФ*. 2005. № 15. Ст. 1277.

⁷ О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан. ФЗ от 15.04.1998 № 66-ФЗ. *СЗ РФ*. 1998. № 16. Ст. 1801.

⁸ О свободе совести и о религиозных объединениях. ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ. *СЗ РФ*. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁹ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности. ФЗ от 12.01.1996 № 10-ФЗ. *СЗ РФ*. 1996. № 3. Ст. 148.

¹⁰ Об образовании в РФ. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ. *СЗ РФ*. 2012. № 53. Ст. 7598.

¹¹ О лицензировании отдельных видов деятельности. ФЗ от 04.05.2011 № 99-ФЗ. *СЗ РФ*. 2011. № 19. Ст. 2716.

Особенность религиозных организаций состоит в том, что они должны иметь официальное полное наименование, которое должно содержать сведения о ее вероисповедании (п. 8 ст. 8 Федерального Закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹²), а осуществление религиозным объединением деятельности без указания своего официального полного наименования в тех случаях, когда закон предписывает раскрытие данной информации в полном объеме, образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.26 КоАП РФ¹³ (Постановление КС РФ от 03.11.2020 № 45-П¹⁴).

Стоит также отметить, что в отношении некоммерческих организаций дела о привлечении их к ответственности рассматриваются арбитражными судами Российской Федерации (с учетом положений ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ), а в отношении их должностных лиц – судами общей юрисдикции. В качестве примера можно привести Решение Арбитражного суда Костромской области от 31.08.2007 № А31-3487/2007-26, где суд признал организацию виновной в совершении административного правонарушения и назначил ей административное наказание в виде штрафа за осуществление перевозки пассажиров автотранспортом с нарушением предусмотренных лицензией условий¹⁵.

По территории осуществления деятельности некоммерческие организации бывают:

- некоммерческие организации, осуществляющие свою деятельность на всей территории РФ (всероссийские);
- некоммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в рамках одного субъекта РФ (региональные);
- муниципальные некоммерческие организации (в соответствии со ст. 69 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁶ (с 19 июня 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 20.03.2025

№ 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹⁷, таким образом, действие Федерального закона № 131-ФЗ будет распространяться только частично до 1 января 2027 г. в отношении полномочий отдельных видов муниципальных образований, в остальных случаях применяется новый Федеральный закон № 33-ФЗ).

Стоит отметить, что в последнее время в основном создаются некоммерческие организации без указания территории, где они могут осуществлять свою деятельность.

В зависимости **от наличия членства** некоммерческие организации можно разделять на:

- корпоративные (коллективное управление и членство);
- унитарные (не имеющие членства, их учредители не становятся участниками или членами организации).

К унитарным некоммерческим организациям относятся различные благотворительные и общественные фонды, бюджетные учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации и т. д.

В зависимости **от осуществления фактической деятельности** некоммерческие организации делятся на осуществляющие и не осуществляющие уставную, в том числе финансовую, деятельность (временно или постоянно). Важно отметить, что одни некоммерческие организации фактически существуют и всегда существовали лишь формально, т. е. только «на бумаге», в то время как другие некоммерческие организации, которые ранее осуществляли деятельность, но в связи с определенными обстоятельствами фактически прекратили ее вести, до сих пор остаются не ликвидированы.

В зависимости **от источника финансирования деятельности** некоммерческие организации делятся на:

- получающие финансирование из зарубежных источников (при этом важно учитывать из какой страны осуществляется финансирование, т. к.

¹² О свободе совести...

¹³ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. *РГ.* 2001. № 256.

¹⁴ По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.2020 № 45-П. *СЗ РФ.* 2020. № 46. Ст. 7378.

¹⁵ Суд признал Организацию виновной в совершении административного правонарушения и назначил ей административное наказание в виде штрафа за осуществление перевозки пассажиров автотранспортом с нарушением предусмотренных лицензией условий (извлечение). Решение Арбитражного суда Костромской области от 31.08.2007 г. № А31-3487/2007-26. *ИПП Гарант.*

¹⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 13.12.2024). *СЗ РФ.* 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ. *Официальный интернет-портал правовой информации.* URL: [http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/federalnyy-zakon-ot-20-03-2025-33-fz-ob-obshchikh-printsipakh-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya-/](http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/federalnyy-zakon-ot-20-03-2025-33-fz-ob-obshchikh-printsipakh-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya/) (дата обращения: 20.01.2026).

это может влиять на контроль в отношении них¹⁸);

- получающие бюджетное финансирование в форме субсидий из бюджетов различных уровней;
- получающие финансирование из грантовых фондов (государственных и негосударственных) по итогам рассмотрения грантовых заявок;
- получающие финансирование в форме благотворительных пожертвований от физических и юридических лиц;
- получающие смешанное финансирование из различных источников.

Источники финансирования могут влиять на правовой статус НКО, а именно из-за иностранного финансирования НКО может быть включено в реестр «НКО, выполняющих функции иностранного агента»¹⁹, в соответствии с Федеральным Законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»²⁰. То есть НКО можно разделять на включенные и не включенные в реестр иностранных агентов, что будет влиять на механизм осуществления контроля в отношении таких НКО и на освещение их деятельности, т. к. их информационные ресурсы также будут ограничены на территории РФ²¹.

В зависимости *от вида деятельности* некоммерческая организация либо подлежит лицензированию, либо не подлежит.

Далее рассмотрим критерий в зависимости *от добросовестности соблюдения требований законодательства*. Государство через систему контроля должно стимулировать транспарентность и добросовестность функционирования НКО, освободить добросовестные некоммерческие организации от контроля или минимизировать отчетность и контроль в отношении таких организаций.

Как справедливо отмечает В. П. Беляев, современный государственный контроль «неразрывно связан с другими функциями государства» [1, с. 200]. А. В. Мануйлов предлагает выделять смешанный контроль, т. е. контроль, «осуществляемый субъектами гражданского общества, не наделенными государственно-властными полномочиями, но функционирующими при органах, наделенных

такими полномочиями, в качестве наблюдательных и совещательных (контроль, осуществляемый общественными и наблюдательными советами при исполнительных и законодательных органах власти)» [28, с. 9].

Полагаем, в настоящее время назрела необходимость уточнения ст. 50 Гражданского кодекса РФ «Коммерческие и некоммерческие организации»²², поскольку перечисленные в ней организационно-правовые формы юридических лиц требуют нового подхода к классификации и систематизации. Соответствующие изменения требуются в законах о некоммерческих организациях.

Так, для некоммерческих организаций, которые осуществляют общественную деятельность, необходимо разработать механизмы контроля, схожие с теми, которые реализуют грантовые фонды, позволяющие осуществлять постоянный удаленный мониторинг за проводимыми НКО мероприятиями и за расходами, которые несут НКО в процессе своей финансово-хозяйственной деятельности. Также целесообразно освободить от отчетной деятельности те НКО, которые в отчетный период деятельности не осуществляли, т. е. необходимо исключить обязанность по представлению «пустых» отчетов. В отношении всех остальных некоммерческих организаций, не осуществляющих общественную деятельность, необходимо сохранить имеющийся в настоящее время порядок осуществления контроля и сдачи отчетности.

Также на объем и содержание контроля за деятельностью некоммерческих организаций должны влиять и дополнительные обстоятельства (наличие иностранного финансирования и статуса иностранного агента). В этом случае контроль за такими организациями должен быть более предметный. И наоборот, НКО, которые стали победителями грантовых конкурсов, успешно реализовали заявленные проекты и отчитались перед администраторами грантов, а также проявили себя добросовестно в процессе реализации проектов, могут быть освобождены на определенное время от отчетности и контроля со стороны государства, что будет стимулировать добросовестность и позволит избежать дублирования контроля за одними и теми же проектами.

¹⁸ См., например: О внесении изменений в ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу подпунктов 8 и 9 пункта 10 статьи 6 ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ». ФЗ от 08.03.2026 № 51-ФЗ. СЗ РФ. 2026. № 10. Ст. 1070.

¹⁹ Реестр иностранных агентов. *Министерство юстиции Российской Федерации*. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 08.12.2025).

²⁰ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием. ФЗ от 14.07.2022 № 255-ФЗ. СЗ РФ. 2022. № 29. Ст. 5222.

²¹ Реестр информационных ресурсов иностранных агентов, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации. *Роскомнадзор*. URL: <https://426-fz.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 08.12.2025).

²² Подробнее см.: Гражданский Кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. ПГ. 1994. № 238-239. Ст. 50.

Более того, проанализированная в исследовании практика администрирования и контроля за реализацией грантовых проектов некоммерческими организациями со стороны грантовых фондов дает возможность сделать вывод о том, что в целом применяемые методики позволяют получать необходимую информацию от НКО о реализуемых проектах и обеспечивают должный уровень прозрачности, но при этом не препятствуют развитию некоммерческого сектора в России и не создают дополнительных сложностей для работы НКО в России. Аналогичные механизмы осуществления контроля за некоммерческими организациями со стороны администраторов грантовых конкурсов, по мнению автора, могут внедряться и в работу государственных контрольных органов, осуществляющих контроль за деятельностью некоммерческих организаций.

Также система правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в России должна учитывать не только содержание их деятельности, но и территорию, где НКО осуществляют свою деятельность [21]. К таким регионам можно отнести приграничные и новые субъекты Российской Федерации, а также регионы, которые осложнены какими-либо обстоятельствами.

Итак, некоммерческие организации в России условно можно разделить на социально ориентированные некоммерческие организации, выполняющие социально значимые функции²³, и на иные некоммерческие организации, не выполняющие указанные функции. Важно понимать, что социально ориентированные НКО не подменяют органы исполнительной власти субъектов РФ в решении социальных вопросов, а лишь помогают им, дополняют их работу. Открытым также остается вопрос контроля за расходованием некоммерческими организациями средств.

Как справедливо отмечает И. Б. Лагутин, «в настоящее время российские некоммерческие организации в области финансирования все больше интегрируются в публично-правовую сферу и привлекают для осуществления своей деятельности субсидии из бюджетов всех уровней власти» [22, с. 3].

Итак, какие же критерии признания некоммерческой организации социально ориентированной

закреплены в действующем законодательстве²⁴? Во-первых, некоммерческие организации должны осуществлять деятельность в одной из указанных законом форм. Во-вторых, в учредительных документах (уставе) НКО должен быть отражен один или несколько видов деятельности, перечисленных в ст. 31.1 Федерального Закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». По содержанию перечисленных видов деятельности можно определить, что практически все основные направления общественной деятельности, осуществляемые некоммерческими организациями, можно отнести к социально значимой деятельности, что делает такое деление условным и не имеющим практического значения, т. к. под указанные виды деятельности подпадает фактически все. В этой связи на законодательном уровне требуется уточнение содержания социально значимой деятельности с целью ее отделения от других видов деятельности некоммерческих организаций.

В 2024–2025 гг. социально ориентированными в реестрах значатся от 130 до 133 тыс. НКО, или 64 %, без учета некоммерческих организаций новых регионов Российской Федерации. Вместе с указанными субъектами Российской Федерации социально ориентированных НКО зарегистрировано в количестве 135256, или 65 % от общего числа некоммерческих организаций²⁵.

Исключением являются некоммерческие организации, представляющие собой объединения промышленников, строителей, транспортников, а также других категорий и видов деятельности. Стоит отметить, что существуют указанные организации в России еще с начала XX в., они начали создаваться сразу после революции 1905 г. с целью обслуживания интересов торговли и промышленности и для взаимодействия с правительственными учреждениями [1]. Схожие некоммерческие организации существуют и в настоящее время. В качестве примера можно привести «Российский союз промышленников и предпринимателей», который представляет интересы деловых кругов как в России, так и на международном уровне. Российский союз осуществляет свою деятельность посредством двух юридических лиц, обладающих различным правовым

²³ Согласно докладу Минэкономразвития России, «количество социально ориентированных некоммерческих организаций увеличилось с 128,6 тысячи организаций в 2020 году до 130,9 тысячи в 2023-м. А количество СО НКО в реестре Минэкономразвития России с 33 тысяч организаций увеличилось до 50,8 тысячи». Минэкономразвития подвело итоги развития сектора СО НКО за четыре года. *Агентство социальной информации*. 09.12.2024. URL: <https://asi.org.ru/news/2024/12/09/minekonomrazvitiya-rf-podvelo-itogi-razvitiya-sektora-sonko-za-chetyre-goda/> (дата обращения: 20.12.2024).

²⁴ Некоммерческая организация создана в одной из форм, предусмотренных Федеральным законом «О некоммерческих организациях», за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями, государственных и муниципальных учреждений.

²⁵ Подробнее см.: Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2024 год. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/084f9b27bcfb4c972ab7d4eb2727042/doklad_o_deyatelnosti_i_razvitiya_sonko_v_rf_za_2024_g.pdf (дата обращения: 25.01.2026).

статусом – общероссийского объединения работодателей и общероссийской общественной организации, и включает «более ста отраслевых и региональных объединений, представляющих ключевые секторы экономики, в том числе машиностроение, инвестиционно-банковскую сферу, топливо-энергетический комплекс, а также строительство, химическое производство, легкую и пищевую промышленность, сферу услуг»²⁶. Также в России создана и активно работает Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», «представляющая интересы лидеров частных несырьевых компаний. Организация, основанная в 2001 году, объединяет более 10 тыс. бизнесменов России. Общая численность сотрудников на предприятиях "Деловой России" – более 4,5 млн человек, а суммарная годовая выручка предприятий превышает 10 трлн руб.»²⁷. Деятельность таких НКО (с учетом их масштаба и особенностей деятельности), в том числе механизмы осуществления контроля за их деятельностью, по мнению автора, требуют специального правового регулирования.

Важно понимать, что контроль за НКО должен зависеть не только от правовой формы и статуса некоммерческой организации, учитывая ее специфику, но и от особенностей содержания видов деятельности, которые данная некоммерческая организация осуществляет.

Заключение

Некоммерческие организации в России неоднородны и в значительной степени отличаются друг от друга, не представляя собой единой системы, что необходимо учитывать при регулировании их правового статуса и деятельности, а также при осуществлении контроля за их деятельностью.

Литература / References

1. Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения. *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 4. С. 199–207. [Belyaev V. P. Monitoring and supervision: The problem of distinguishing. *Actual Problems of Russian Law*, 2017, (4): 199–207. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.77.4.199-207>
2. Спиридонов А. А. Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиций конституционного права. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 5. С. 33–45. [Spiridonov A. A. State, municipal and public control: The content and correlation of concepts in the context of constitutional law. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, 17(5): 33–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.033-045>
3. Агагомедова С. А. Аксиологические аспекты государственного контроля и надзора. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 1. С. 37–61. [Agamomedova S. A. Axiological aspects of state control and supervision. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 2021, (1): 37–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.37.61>

²⁶ Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/about/inform/> (дата обращения: 25.01.2026).

²⁷ Деловая Россия. URL: <https://deloros.ru/o-nas/> (дата обращения: 25.01.2026).

Детальная классификация некоммерческих организаций способствует усовершенствованию подходов, форм и методов контроля, применяемых в отношении некоммерческих организаций, что позволит более рационально расходовать ресурсы государства, направленные на организацию и проведение контрольных мероприятий, и повысить эффективность контроля в целом. Наиболее правильно, по мнению автора, классифицировать НКО через призму их участия в общественной деятельности, а также исходя из источников их финансирования. В этой связи органы контроля можно разграничивать на органы, осуществляющие контроль общей компетенции, реализующие контрольные полномочия в отношении всех юридических лиц в России, и органы, осуществляющие специализированный контроль в отношении некоммерческих организаций в особых формах и с применением специальных методов.

Также необходимо разграничивать контроль за деятельностью некоммерческих организаций не только в зависимости от вида некоммерческой организации, но и от направления и содержания их деятельности. Так, НКО можно разделять на осуществляющие общественную деятельность (по направлениям: в области спорта, культуры, волонтерской деятельности и т.д.) и не осуществляющие общественную деятельность.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

4. Бердникова Е. В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. 482 с. [Berdnikova E. V. *Public control in the constitutional and legal interaction of public authority and civil society institutions in the Russian Federation*. Dr. Law. Sci. Diss. Saratov, 2022, 482. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbtddie>
5. Михеева Т. Н. К вопросу о понимании общественного контроля. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2017. Т. 3. № 4. С. 77–83. [Mikheeva T. N. The issue of understanding public control. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 2017, 3(4): 77–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoojok>
6. Земскова О. А. Понятие общественного контроля и его современные трактовки. *Альманах современной науки и образования*. 2008. № 6-2. С. 76–79. [Zemskova O. A. The concept of public control and its modern interpretations. *Almanac of Modern Science and Education*, 2008, (6-2): 76–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbxga>
7. Зубарев С. М. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов. *Административное право и процесс*. 2011. № 5. С. 7–13. [Zubarev S. M. Concept and essence of public control over the activities of state bodies. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2011, (5): 7–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nulgjf>
8. Гончаров В. В. Сущность и значение категории «общественный контроль власти». *Политика и общество*. 2018. № 10. С. 1–17. [Goncharov V. V. The essence and significance of the category of public control of authorities. *Politics and Society*, 2018, (10): 1–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.10.27414>
9. Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М.: Рос. юрид. изд. дом, 1996. 359 с. [Avakyan S. A. *Political pluralism and public associations in the Russian Federation: Constitutional and legal foundations*. Moscow: Ros. iurid. izd. dom, 1996, 359. (In Russ.)]
10. Воронцова Е. А. Предпринимательские организации в России: историографии, источники, история. М.: Этерна, 2013. 576 с. [Vorontsova E. A. *Entrepreneurial organizations in Russia: Historiography, sources, and history*. Moscow: Eterna, 2013, 576. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmuptz>
11. Соболева Ю. В. Основы административно-правового статуса негосударственных организаций. Саратов: Научная книга, 2017. 195 с. [Soboleva Yu. V. *Fundamentals of the administrative and legal status of non-governmental organizations*. Saratov: Nauchnaya kniga, 2017, 195. (In Russ.)]
12. Калинина О. Е. К вопросу о правовом положении некоммерческой организации. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2012. № 2-2. С. 176–183. [Kalinina O. E. Questions of legal status of non-commercial organization. *News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2012, (2-2): 176–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaklur>
13. Грищенко А. В. Новые организационно-правовые формы некоммерческих организаций: анализ положений гражданского законодательства. *Некоммерческие организации в России*. 2015. № 3. С. 50–54. [Grishchenko A. V. New legal forms of non-profit organizations: An analysis of the provisions of civil law. *Non-profit organizations in Russia*, 2015, (3): 50–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukilrs>
14. Абросимова Е. А. Некоммерческие организации в экономике: проблемы правового регулирования. *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 9–13. [Abrosimova E. A. Non-profit organizations in the economy: Problems of legal regulation. *Journal of Russian Law*, 2016, (1): 9–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/17226>
15. Абросимова Е. А. Некоммерческие организации и инвестиционная привлекательность России: вопросы правового регулирования. *Журнал российского права*. 2020. № 1. С. 33–42. [Abrosimova E. A. Noncommercial organizations and investment attractiveness of Russia: Legal regulation. *Journal of Russian Law*, 2020, (1): 33–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.003>
16. Абросимова Е. А., Музафаров Э. Э., Севеева К. В. Эволюция доктринальных подходов к определению правовой природы некоммерческих организаций. *Гражданское право*. 2021. № 3. С. 3–8. [Abrosimova E. A., Muzafarov E. E., Seveeva K. V. The evolution of doctrinal approaches to the determination of the legal nature of non-profit-making organizations. *Civil Law*, 2021, (3): 3–8. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2021-3-3-8>
17. Миронова С. М. Совершенствование системы муниципального финансового контроля. *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2011. № 4. С. 86–96. [Mironova S. M. Improvement of the municipal financial control system. *Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*, 2011, (4): 86–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onvkn>
18. Дегтярева А. А. Контроль и надзор за деятельностью некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: соотношение понятий. *Наука. Общество. Государство*. 2019. Т. 7. № 3. С. 32–38. [Degtyareva A. A. Control and supervision of the activities of non-profit organizations performing the functions

- of a foreign agent: Correlation of concepts. *Science. Society. State*, 2019, 7(3): 32–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdsquh>
19. Грищенко А. В. Совершенствование методического обеспечения налогового контроля некоммерческих организаций. *Экономика. Налоги. Право*. 2016. Т. 9. № 1. С. 143–151. [Grishchenko A. V. Publications of young researchers improving methodological support for tax control of non-profit organizations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2016, 9(1): 143–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqgzav>
20. Грищенко А. В. Налогообложение некоммерческих организаций: проблемы и перспективы. М.: Дело и Сервис, 2013. 152 с. [Grishchenko A. V. *Taxation of non-profit organizations: Problems and prospects*. Moscow: Delo i Servis, 2013, 152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xswkvn>
21. Гончаренко Л. И., Савина О. Н. Проблемы налогового регулирования социальной поддержки населения в Российской Федерации: региональный аспект. *Экономика. Налоги. Право*. 2015. № 6. С. 118–127. [Goncharenko L. I., Savina O. N. Tax tools to provide social support of the population in the Russian Federation: The regional aspect. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2015, (6): 118–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpcetx>
22. Лагутин И. Б. Контроль над финансово-хозяйственной деятельностью некоммерческих организаций в Российской Федерации: правовое регулирование и практика организации. *Финансовое право*. 2023. № 6. С. 2–5. [Lagutin I. B. Control over financial and economic activities of non-profit institutions in the Russian Federation: Legal regulation and practice of organizational. *Financial Law*, 2023, (6): 2–5. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujvine>
23. Светкина И. А. Актуальные проблемы внутреннего контроля уставной деятельности в некоммерческих организациях. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2024. № 1. С. 66–73. [Svetkina I. A. Actual problems of internal control of statutory activities in non-profit organizations. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2024, (1): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fjgdgv>
24. Беневоленский В. Б., Дискин И. Е., Иванова Н. В., Мерсиянова И. В., Туманова А. С., Шабанова М. А., Якобсон Л. И. Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции. М.: ВШЭ, 2024. 376 с. [Benevolensky V. B., Diskin I. E., Ivanova N. V., Mersiyanova I. V., Tumanova A. S., Shabanova M. A., Yakobson L. I. *Self-organization of citizens, charity, and the third sector: Theories, history, and modern trends*. Moscow: HSE, 2024, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/niaule>
25. Гриб В. В. Общественный контроль. М.: Юрист, 2017. 656 с. [Grib V. V. *Public control*. Moscow: Yurist, 2017, 656. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrcbhj>
26. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Инфра-М, 2007. 352 с. [Chirkin V. E. *Legal entity of public law*. Moscow: Infra-M, 2007, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdqozx>
27. Хубецов М. Я. Государственный контроль за соблюдением законодательства некоммерческими организациями РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010. 187 с. [Khubetsov M. Ya. *State control over compliance with legislation by non-commercial organizations of the Russian Federation*. Cand. Law. Sci. Diss. Vladikavkaz, 2010, 187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfazml>
28. Мануйлов А. В. Контроль гражданского общества за государственным аппаратом: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 221 с. [Manuilov A. V. *Civil society control over the state apparatus: A theoretical and legal study*. Cand. Law. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2018, 221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjzgas>

обзорная статья

eLibrary EDN: DARMQT

Государственная пространственная политика современной России: отдельные конституционно-правовые проблемы

Шиндина Анна Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 2716-2596

<http://orcid.org/0000-0001-9924-810X>

a.v.shindina@yandex.ru

Аннотация: Интегральное территориальное построение современной Российской Федерации обоснованно является основой обеспечения реализации национальных целей развития отечественного государства. Формирование самостоятельной экистической политики пространственного развития отечественного государства станет действенным ответом на имеющиеся внешние и внутренние вызовы. Цель – провести конституционно-правовой анализ отдельных вопросов построения пространственного развития России через призму реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Необходимость настоящего исследования обусловлена имеющимися пробелами синергии действующих актов комплексного стратегического планирования, направленных на формирование действенного опорно-узлового каркаса расселения; отсутствием нормативно-правового регулирования вопросов типизации и наименования населенных пунктов; наличием релевантных подходов соотношения терминов *пространство* и *территория*; неоднозначностью применяемых критериев формирования перечня опорных населенных пунктов в регионах России. Методологической основой настоящего исследования выступают признанные общенаучные и частнонаучные методы, применяемые в юридической науке, а также специальные методы научного познания – сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический. В результате был обозначен имеющийся двойственный подход определения термина *опорный населенный пункт*; доказана необходимость имплементации термина *сельская агломерация* в рассматриваемый акт комплексного стратегического планирования; предложены новые критерии отбора опорных населенных пунктов.

Ключевые слова: пространственное развитие, стратегия, каркас расселения, национальные цели, опорный населенный пункт, сельская агломерация

Цитирование: Шиндина А. В. Государственная пространственная политика современной России: отдельные конституционно-правовые проблемы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 346–363. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-346-363>

Поступила в редакцию 27.01.2026. Принята после рецензирования 02.03.2026. Принята в печать 04.03.2026.

review article

State Territorial Policy in Modern Russia: Selected Constitutional and Legal Issues

Anna V. Shindina

Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 2716-2596

<http://orcid.org/0000-0001-9924-810X>

a.v.shindina@yandex.ru

Abstract: Russia's integral territorial structure ensures its development as a unified nation-state. An independent economic policy for the territorial development of the nation-state is an effective response to current external and internal challenges. This article presents a constitutional and legal analysis of Russia's territorial development within the framework of the Spatial Development Strategy through 2030 and 2036. The relevance of the research stems from a number of existing gaps. First, the synergy of current legislative acts reveals gaps in integrated strategic planning, failing to form an effective supportive and nodal framework for public settlement. Second, there is a lack of strict regulation regarding the classification and nomenclature of settlements. Third, the relationship between

the terms *space* and *territory* remains vague, as do the criteria used to compile the list of reference settlements in Russian regions. The research relies on general scientific methods used in legal science, as well as specific methods of scientific cognition, including comparative law, historical legal analysis, and statistical methods. The author identifies an existing dual approach to defining the term *core settlement* and develops a set of more reliable criteria for this type of settlement, while demonstrating the need to integrate the term *rural agglomeration* into integrated strategic planning.

Keywords: territorial development, strategy, settlement framework, national goals, core settlement, rural agglomeration

Citation: Shindina A. V. State Territorial Policy in Modern Russia: Selected Constitutional and Legal Issues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 346–363. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-346-363>

Received 27 Jan 2026. Accepted after review 2 Mar 2026. Accepted for publication 4 Mar 2026.

Введение

Вопросы построения интегрального территориального устройства современной России, безусловно, имеют определенный уровень научной и практической проработки [1, с. 99], однако обусловлены продолжающимися научными исследованиями ввиду принятия Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.¹ (далее – Стратегия), которой имплементируется новое «связующее звено» всего пространственного развития – *опорные населенные пункты*. Действующий документ стратегического планирования определяет *опорные населенные пункты* как населенные пункты, приоритетное развитие которых «способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности»². Указанный подход детерминирует понимание анализируемой Стратегии как некую скрепу действующих документов комплексного стратегического планирования, закладывающих прочный фундамент необходимых преобразований, способствующих формированию действенных ответов отечественного государства существующим внешним и внутренним вызовам³.

На вопросы целостного построения пространственного устройства, не сводящегося «только к определению пространственных границ государства» [2, с. 5], неоднократно обращает внимание С. В. Кабышев. Ученый определяет свою точку зрения не теряющей актуальность позицией В. И. Вернадского о том, что «мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей

территории» [Там же, с. 6] и, будучи «государством-континентом», «страдаем от того, что в действительности является первоисточником нашей силы» [Там же].

Конституционно-правовое исследование пространственного развития невозможно без уяснения термина *пространство*. Вопросы отнесения тех или иных структур к совокупности *пространство* присущи еще античным мыслителям [3] и понимаются в философии через субстанциональный подход, которому свойственно толкование пространства как самостоятельной сущности, развивающейся независимо от специфики протекающих в нем материальных процессов, а также через реляционную концепцию, согласно которой пространство понимается как «совокупность взаимоотношений между действующими в нем субъектами» [4, с. 53]. Обуславливая современную интерпретацию представленных суждений, отметим, что мы отталкиваемся от понимания термина *пространство* в рамках реляционной концепции и солидарны с позицией А. В. Суворовой, которая характеризует *пространство* как среду, «окружающую» материальные объекты, которая воздействует на них, испытывает влияние с их стороны [Там же].

Понимание пространственного развития имеет первоочередную и взаимообуславливающую связь с территорией. Однако термины *пространство* и *территория* не являются тождественными. Пространство понимается шире и включает

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. *СЗ РФ*. 2025. № 2. Ст. 74.

² Там же.

³ Например: О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. *СЗ РФ*. 2024. № 20. Ст. 2584; Стратегия национальной безопасности РФ (О Стратегии национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. *СЗ РФ*. 2021. № 27. Ст. 5351; Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. *СЗ РФ*. 2017. № 20. Ст. 2902; Стратегии научно-технологического развития РФ (Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. *СЗ РФ*. 2025. № 2. Ст. 74).

в себя «как собственно физическое пространство (территорию), так и его географическое поле (географические взаимосвязи)» [5, с. 131]. С точки зрения конституционной науки стоит привести мнение Н. С. Бондаря, который рассматривал «понимание конституционной природы территории – и как материальной основы, и как пространственного предела осуществления публичной власти, реализации юрисдикционного суверенитета» [6, с. 11]. Уясняя, что изучаемая нами Стратегия определяет именно пространственное развитие территории отечественного государства, стоит отметить, что и в данном подходе существуют различные подходы. Например, Е. Е. Лейзерович указывает, что «прилагательное "пространственное" излишне в этом словосочетании, так как развитие территории и так предполагает наличие определенного пространства» [7, с. 68]. В свою очередь, С. А. Тархов обозначает, что пространственное развитие является составной частью территориального развития [8, с. 26]. На указанную разрозненность обращает внимание А. В. Суворова: она пишет, что «территориальное развитие включает в себя развитие пространственное (т. е. является более широкой категорией), однако термин "территория" несколько уже, чем термин пространство» [9, с. 93]. Учитывая имеющиеся релевантные подходы и применяя их в современной действительности, полагаем допустить рассмотрение терминов *территория* и *территориальное развитие* как составную часть пространства и пространственного развития. Считаем, что указанный подход способствует построению сбалансированного пространственного развития, не ограниченного только территориальными границами. Кроме того, он ориентирован и на заложенные приоритеты пространственного развития рассматриваемой Стратегии: транспорт (виды современного транспорта способствуют пониманию пространства шире территории); энергетика (ее развитие распространяется в целом на понимание термина *пространство*); экология, природопользование и адаптация к изменению климата (бесспорно, экологическое «направление» имеет широкое распространение и выходит за пределы только территории); информационно-телекоммуникационная инфраструктура и связь (развитие способов связи также обязует рассматривать построение пространственного развития, не опираясь только на термин *территория*).

Цель исследования – провести конституционно-правовой анализ отдельных вопросов построения пространственного развития Российской Федерации через призму реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.

Методы и материалы

Методологической основой настоящего исследования выступают признанные общенаучные и частнонаучные методы, применяемые в юридической науке, а также специальные методы научного познания – сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический. Работа основана на анализе источников российского права, в частности документов государственного стратегического планирования, а также на эмпирической базе отечественных и зарубежных исследователей. Выводы базированы на результатах признанных научных исследований в области доктринального понимания территории, пространственного развития и целостности государства.

Результаты

Употребление термина *пространственное развитие* относительно территориального развития в широком смысле имеет экономическое начало – в 1826 г. немецкий экономист И. Г. фон Тюнен впервые ввел понятие *пространственное развитие* в своей работе «Изолированное государство» [10; цит. по: 11]. Современная имплементация термина *пространственное развитие* снова начинает свой путь в Германии. Так, в 1930-х гг. В. Кристаллер выявил закономерности в отношении числа, размера и пространственного рассредоточения населенных пунктов, выполняющих функции в сфере торговли и услуг [цит. по: 11, с. 148]. Таким образом, была обоснована концепция центральных мест, служивших некими «опорными пунктами» (субъекты третичного сектора), которые находились на небольшом отдалении друг от друга, и на их «площадке» рационально определялись вопросы «насыщенности» определенными функциями [12, с. 207] в рамках построения равномерности пространственной организации и равенства социальных и экономических условий для населения исследуемой территории. Стоит отметить, что «центральным» принципом построения модели пространственного развития В. Кристаллер обозначал территориальную удаленность – около 20 километров между населенными пунктами. В последующем ученый говорил о том, что данная модель не может быть широко применима в международной практике [13], однако данный принцип территориальной доступности важен при последующем анализе построения пространственного развития современной России [14, с. 49].

Говоря об отечественном опыте, стоит отметить, что в 1970-х гг. некой адаптацией рассмотренной теории В. Кристаллера стало формирование концепции опорного каркаса расселения в отношении сельских территорий с относительно низкой плотностью населения, а также к очаговому заселению, характерному для Арктических территорий, Центральной

и Восточной Сибири [15, с. 143]. К сожалению, указанная работа не стала постоянной в проводимой государственной деятельности, и после 1980-х гг. концепции построения опорного каркаса расселения в связи с социально-политическими изменениями в государстве уделялось гораздо меньше внимания, кроме этого, до 2021 г. она рассматривалась в приоритетном развитии крупных городских агломераций [16, с. 68]. Стоит отметить, что Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.⁴ во многом определяла пространственное развитие через построение городских агломераций [17, с. 192; 18, с. 21] и развитие крупных центров экономического роста и не уделяла должного внимания вопросам организации сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики посредством развития сельских населенных пунктов [19, с. 58].

Необходимость формирования действенного опорного каркаса расселения современной России, выраженная в проработке предложения введения опорных населенных пунктов как инструмента достижения принципа сбалансированного пространственного развития отечественного государства, закрепленного в рассматриваемой Стратегии, обусловлена следующими факторами, с которыми сталкивается отечественное государство:

- деформация каркаса расселения населения после распада СССР: часть регионов, которые не были приграничными, стали таковыми (Алтайский край, Новосибирская, Омская, Тюменская области и др.), был сформирован полуэксклав (Калининградская область);
- вхождение новых территорий и необходимость их интеграции в проводимые трансформационные процессы современной России;
- проведение специальной военной операции и обусловленность закрепления процессов демилитаризации;
- отсутствие современной практики построения моделей расселения, направленной на выработку оптимальной модели пространственного развития, основанного на политике оптимизации национальной системы расселения с учетом реализации принципа сбалансированного пространственного развития и нивелирования негативных тенденций пространственного сжатия.

Поиск формирования организационно-правовых основ производимых преобразований логично начать с анализа существовавших теорий построения моделей пространственного развития, предложенных в период СССР. Стоит отметить, что большая

часть существующих исследований государственного пространственного развития опирается на идеи В. Кристаллера [20, с. 36; 21, с. 209]. Вместе с тем советскими исследователями были предложены иные подходы построения опорного каркаса расселения. Например, О. К. Кудрявцев отстаивал идею формирования опорного каркаса расселения через построение «главной полосы расселения» [цит. по: 22, с. 21], логика организации которой формировалась вдоль Транссибирской магистрали. Указанная идея нашла свое продолжение в концепции линейного расселения, предложенной И. Г. Лежавой. Данная концепция имеет схожие черты с современной системой городских агломераций. Так, И. Г. Лежава основным элементом пространственного развития обозначает линейные города, которые концентрируются на продольной оси вдоль Транссибирской магистрали [23]. Однако автор предлагает включать не только продольное, но и поперечное сечение, а именно формирование неких «слоев» линейной структуры с расстоянием между ними в 10–15 км: техническая зона, зона интенсивного освоения природы и жизни человека, щадящая природу зона и зона нетронутой природы [24, с. 21]. Вторым подходом рассматриваемого периода является концепция согласованного агломерационного развития (кластерно-сетевое расселение) Г. С. Юсина, согласно которой расселение осуществляется вокруг кластеров, в которых происходит интенсификация межселенных связей и формирование многоядерной системы центров расселения, их интеграция в каркас сетевого типа [цит. по: 25, с. 20]. Указанные приемы построения пространственного развития важны, но они все же не формируют действенного ответа на построение государственной политики пространственного развития [26, с. 127], ведь ни линейный подход, ни кластерная концепция не отвечают потребностям, заложенным в анализируемой Стратегии обеспечения национальной безопасности и формирования целостного сбалансированного пространственного развития. Таким образом, обозначенная проблематика детерминирует обоснованность проведения комплексного анализа сформулированной в Стратегии идеи формирования опорно-узлового каркаса расселения.

Обращаясь к мировой практике, стоит отметить опыт Китая, где реформирование моделей расселения происходило в 1990-х гг. в формате сельской индустриализации, которая заложила основу интеграции деревни и города. Указанная работа не была случайной и была обоснована похожими с современной Россией процессами. Например, стремительный

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022). *СЗ РФ*. 2019. № 7. Ст. 702. (Документ утратил силу.)

рост городского населения посредством оттока населения из сельских территорий [27, с. 185]. Стоит отметить, что власти Китая формируют поселенческий каркас, активно развивая и трансформируя сельские населенные пункты. Например, «процесс концентрации производства в сельских промышленных центрах привел к формированию на их основе малых городов» [28, с. 20]. Возможно, указанная практика будет полезной для формирования целостного каркаса расселения современной России в аспекте нивелирования процессов негативных тенденций пространственного сжатия. Вместе с тем необходимо понимать, что современное общество не может развиваться в привычных границах сельского хозяйства [29, с. 48], а требует интеграции проводимых трансформационных процессов цифровизации (в том числе при предоставлении муниципальных услуг), развития социальных функций государства и интегрального построения современного общества с позиции целостного понимания института сельской урбанизации.

Справедливо считать, что обоснование необходимости формирования опорных населенных пунктов исходит из следующих положений:

- существующие угрожающие темпы пространственного сжатия малых населенных пунктов актуализируют создание мелкодисперсной системы расселения [30], способствующей равномерному расселению населения в том числе на приграничных районах и стратегически важных территориях;
- необходимость организации концентрации рабочей силы исходя из задач реализации продовольственной и национальной безопасности посредством синтеза человекоцентрированного подхода в процесс формирования принципов построения опорных населенных пунктов [31, с. 101];
- выделение новых форм организации публичной власти в рамках проводимого реформирования публичного администрирования [32, с. 170].

Во исполнение положений действующей Стратегии президиумом Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ был утвержден «Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации»⁵ (далее – Единый перечень). В него вошли 2160 различных населенных пунктов. Безусловно, позитивным выступает тот факт, что в довольно ограниченные сроки был сформирован большой документ, включающий в себя в том числе небольшие населенные пункты,

расположенные на всей территории России, однако отдельные аспекты, выявленные при формировании Единого перечня, вызывают ряд вопросов и опасений.

Идея государственного дифференцирования населенных пунктов уже имела место в период существования СССР, когда проводилась политика, «направленная на борьбу с миграцией из села в город путем совмещения методов по ликвидации "неперспективных деревень"» [33, с. 119]. Данная работа, в первую очередь, ориентировалась на развитие территорий Нечерноземья. К сожалению, указанная деятельность не только не принесла ожидаемых результатов, но и стала тем самым фактором, в результате которого «неперспективные» поселки были погружены в «рукотворную» неблагоприятную среду их жизнедеятельности, что «привело к сокращению общего числа населенных пунктов (на примере Нечерноземья за 1970-е гг. этот показатель численности населенных пунктов на сельских территориях упал на 17 %)» [34, с. 434].

Видится, что несмотря на высокую государственную заинтересованность в развитии обозначенных в Едином перечне населенных пунктов [35, с. 11], не стоит «забывать» и об иных населенных пунктах в рамках исполнения принципа сбалансированного пространственного развития страны, ведь включенные в Единый перечень населенные пункты составляют только 1,4 % от общего количества населенных пунктов в современной России. Вместе с тем в настоящее время заметна тенденция вымирания малых сельских поселений. Как отмечает А. Н. Диденко, «уже сейчас 24751 село не имеет постоянных жителей. На подходе еще 66027 сел с населением менее 50 жителей... Этим существенно ослабляется пространственный поселенческий каркас страны, в котором поселки и села играют ту скрепляющую роль, которую песок и мелкий гравий играют в бетоне» [36, с. 18].

С большой долей вероятности одним из вариантов устранения данного риска выступают: совершенствование технико-юридического закрепления рассматриваемых дефиниций в действующих актах стратегического развития; комплексный анализ методических рекомендаций по критериям определения населенных пунктов с последующей детальной проработкой необходимых корректировок; осмысление вопроса интеграции сельских агломераций в рассматриваемую Стратегию.

Первостепенно стоит обратить внимание на некоторую противоречивость сформулированной идеи

⁵ Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. *Министерство экономического развития РФ*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennykh_punktov_rf/ (дата обращения: 08.01.2026).

авторов Стратегии, в результате которой в рассматриваемом акте стратегического планирования мы вновь встречаем закрепление термина *городская агломерация*, но не находим фиксации термина *сельская агломерация*, хотя подход, направленный на образование таких форм, весьма коррелируется с закреплением в Стратегии «опорных населенных пунктов с прилегающими территориями» [37, с. 218]. Как отмечают Ю. В. Савельев и коллеги, определение опорных населенных пунктов с прилегающими территориями, по сути, является сельской агломерацией [38, с. 10].

Термин *опорный населенный пункт* впервые использован в 2021 г. в рамках стратегии «Агрессивное развитие инфраструктуры» [39, с. 125], в последующем было принято Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий»⁶ (далее – методические рекомендации), определившее критерии отнесения населенного пункта к *опорному населенному пункту*. Широкое применение рассматриваемого термина также обусловлено его интеграцией в федеральный проект «Развитие субъектов Российской Федерации и отдельных территорий», входящего в состав государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁷ и «Комплексное развитие сельских территорий»⁸ (далее – государственная программа), и детерминировано в том числе посредством развития сельских агломераций. Указанная государственная программа под сельскими агломерациями устанавливает «совокупность опорного населенного пункта и прилегающей территории, определенных высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации или исполнительным органом субъекта Российской Федерации, уполномоченным высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, с учетом методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих

территорий, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 4132-р»⁹. Получается, что законодатель соотносит опорный населенный пункт и сельскую агломерацию как часть и целое, исключает возможность формирования сельских агломераций без включения в таковые опорных населенных пунктов.

Стоит отметить, что понимание термина *сельская агломерация* было радикально изменено Постановлением Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»¹⁰, вместе с тем в рамках исполнения положений ранее действующей редакции государственной программы субъектами Российской Федерации сформированы перечни сельских агломераций, и сейчас общее число сельских агломераций, содержащихся в перечнях сельских агломераций субъектов Российской Федерации, составляет не менее 2500 единиц [40]. Например, только в Московской области создана 41 сельская агломерация, в которую входит 5921 сельский населенный пункт¹¹.

Обостряет понимание и логику построения единого государственного подхода и тот факт, что действующая «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.»¹² не содержит закрепления термина *сельская агломерация*, хотя данный акт напрямую соотносится с указанной выше государственной программой и является основой в формировании и развитии сельских территорий современной России [41].

Понимая, что на сегодня толкование термина *сельская агломерация* является дискуссионным как в науке [41–43], так и в приведенной выше практике, и ограничиваясь границами настоящего исследования, мы остановимся только на фактах, подкрепляющих наши суждения. Например, в 2025 г. за счет средств целевого капитала фонда «Институт экономики города» был проведен аналитический отчет «Сельские агломерации в контексте системы опорных населенных пунктов Российской Федерации»,

⁶ Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р (ред. от 27.08.2025). *СЗ РФ*. 2023. № 1. Ст. 357.

⁷ Об утверждении государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 24.12.2025). *СЗ РФ*. 2014. № 18. Ст. 2162.

⁸ Об утверждении государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ. Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696. *СЗ РФ*. 2019. № 23. Ст. 2953.

⁹ Там же.3.

¹⁰ О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ. Постановление Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876. *СЗ РФ*. 2025. № 48. Ст. 7337.

¹¹ Об утверждении Перечня населенных пунктов Московской области, входящих в состав сельских агломераций Московской области. Распоряжение Минсельхозпрода МО от 19.04.2021 № 19РВ-139 (ред. от 27.10.2025). *ИПП Гарант*.

¹² Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. *СЗ РФ*. 2015. № 6. Ст. 1014.

в котором были выделены типы сельских агломераций, сформированных региональной практикой путем принятия региональных программ во исполнение действующей государственной программы: «"сельские агломерации – районы" (определены на основе ячеек административно-территориального деления "районного" уровня); "сельские агломерации – сельсоветы" (определены на основе низовых ячеек административно-территориального деления); "сельские агломерации – пригороды" (определены на основе города и примыкающих населенных пунктов); "сельские агломерации – населенные пункты" (определены на основе единственного населенного пункта)»¹⁵.

В настоящее время в научном сообществе представлены следующие подходы понимания сельских агломераций. Первый предполагает их понимание через функциональный параметр: П. Д. Косинский и коллеги определяют сельскую агломерацию как «форму организации жизнедеятельности нескольких сельских поселений или групп поселений в рамках ограниченной территории, объединенных общими трудовыми, финансовыми, материальными, информационными ресурсами на взаимовыгодном и эффективном их использовании, представляющую собой сложную социально-экономическую систему, имеющую интенсивные внутренние связи» [44, с. 452]. Указанный подход основан на наличии важнейшего компонента для обеспечения функционирования единой деятельности – общей инфраструктуры [45, с. 99], однако он является довольно обширным, не подкрепляющим особенности организационно-управленческой основы сельских агломераций. Второй подход – «управленческий» способ понимания сельских агломераций, основу которого составляет социально-экономическое развитие сельской территории: как пишут Н. А. Клепцова и А. Е. Меньшова, «сельские агломерации представляют собой территориальное образование, где основой объединения являются экономические и производственные взаимоотношения, социальная инфраструктура с целью обеспечения ее развития, сельской экономики и улучшения социальных условий на селе» [44, с. 513].

Вместе с тем делимитация сельских агломераций требует установления единых методов формирования таковых территорий; понимания ядра / центра территории и условия его / ее территориальной связанности с иными территориями агломерации; определения количества жителей сельской агломерации; перечень объектов социальной

инфраструктуры и органов публичной власти, необходимый для обеспечения жизнедеятельности населения. Стоит отметить, что вопрос рассмотрения городских агломераций также является одним из актуальных в современной юридической дискуссии [46, с. 146; 47, с. 41; 48, с. 215–216], вместе с тем при формировании сельских агломераций необходимо использовать практику оценки степени территориально-экономической связанности, применяемой при формировании городских агломераций. Например, Е. О. Миргородская выделяет пять методов, позволяющих выявить и оценить степень подобной территориально-экономической связанности: пространственная концентрация на основе индекса Тейла; исследование региональной контактно-гравитационной среды территории; комплексная оценка вариации показателей муниципальных образований на основе индекса Джини; делимитация агломерации на основе транспортных взаимосвязей между городами; исследование взаимодействия городов как хозяйствующих субъектов [49, с. 7]. Стоит отметить, что интеграция опыта городских агломераций в подобные территориальные образования в сельских местностях не может быть абсолютной.

Беря во внимание понимание сельской агломерации, закрепленной в государственной программе, логично возникает предположение, что таким ядром / центром будет выступать опорный населенный пункт, а его прилегающая территория будет определять границы сельской агломерации. Указанный подход обращает внимание на еще один не проработанный в настоящее время механизм относительно определения опорных населенных пунктов – их необходимое количество в рамках каждого субъекта Российской Федерации исходя из принципа связанности, обеспечения национальной безопасности, построения продовольственной безопасности и прочих стержневых показателей развития государства [50, с. 56]. Так, проведенный детальный авторский анализ численности опорных населенных пунктов в рамках каждого субъекта и округа позволил выявить ряд регионов с низким количеством населенных пунктов, включенных в Единый перечень: Ненецкий автономный округ – 1 опорный населенный пункт, Тюменская область – 3, Тульская область и Республика Ингушетия – по 8. Проецируя имеющуюся практику построения сельских агломераций, возникает вопрос качественной проработки идеи государственного развития на указанных территориях. При этом Республика

¹⁵ Аналитический отчет «Сельские агломерации в контексте системы опорных населенных пунктов Российской Федерации». 2025. С. 34. URL: https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/selskie_aglomeracii_v_kontekste_sistemy_opornyh_naselennyh_punktov_rossiiskoi_federacii.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

Башкортостан имеет 62 опорных населенных пункта в Едином перечне, а Алтайский край – 66. Отметим, что развитие субъектов должно быть дифференцировано, но указанный разрыв в количестве опорных населенных пунктов объяснить довольно сложно, а выявленный пробел построения инфраструктурного каркаса региона ставит под сомнение устойчивость и связанность всего пространственного развития. Построение подхода пространственного развития во многом отталкивается от теорий и концепций, в основе которых находятся идеи равномерности пространственной организации и равенства социальных и экономических условий [51, с. 70; 52, с. 111].

Отталкиваясь от новой модели *сельская агломерация – опорный населенный пункт*, необходимо обратить внимание и на процесс формирования сельских агломераций и опорных населенных пунктов [53, с. 41]. Так, согласно положениям государственной программы, перечень сельских агломераций на территории субъекта Российской Федерации определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ или уполномоченным органом¹⁴. В свою очередь, Единый перечень опорных населенных пунктов утвержден президентом Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации. Считаю возможным предложить единый подход определения указанных территориальных образований: *перечень опорных населенных пунктов и сельских агломераций определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ или уполномоченным органом и направляется на утверждение в президиум Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации*. Указанное предложение обусловлено наличием определенных коллизий в настоящем закреплении рассматриваемых территориальных образований. Например, один из выводов приведенного выше аналитического отчета – положение, согласно которому «субъектами Российской Федерации перечни сельских агломераций носят в большинстве своем "административный" и, в конечном счете, производный характер и не опираются на объективные характеристики территорий»¹⁵.

Говоря о технико-юридическом закреплении, стоит отметить некоторые неточности в действующих актах стратегического развития отечественного государства. Так, понимая особую роль транспорта как одного

из факторов пространственного развития территории [54, с. 81; 55, с. 1777], считаем необходимым привести в соответствие применяемый термин *опорные населенные пункты*, используемый в Распоряжении Минтранса России от 22.04.2025 № РС-84-р «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке программ развития (модернизации) общественного транспорта в субъектах Российской Федерации»¹⁶.

Позитивным выступает тот факт, что уже ведется работа по корректировке технико-правового регулирования базовых документов стратегического планирования пространственного развития. Например, в Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 27.08.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» Постановлением Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» были внесены изменения, и теперь «понятия "опорный населенный пункт" и "прилегающая территория", используемые в Программе, соответствуют понятиям, предусмотренным Стратегией пространственного развития»¹⁷.

Кроме того, понимание системы опорных населенных пунктов как основы пространственного развития Российской Федерации [56, с. 27; 57, с. 40] обуславливает закрепление термина *опорный населенный пункт* и в Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.». Думается, что в настоящее время в современной России действует достаточное количество документов комплексного стратегического планирования, поэтому сейчас стоит задача их синхронизации и упорядочивания в аспекте максимальной связи в обеспечении реализации национальных целей.

Важным подвопросом понимания опорных населенных пунктов выступает анализ положений методических рекомендаций исходя из текста рассматриваемой Стратегии. Мы понимаем соотношение Стратегии и методических рекомендаций как целого и его части с учетом того, что часть не может противоречить целому, а признана обеспечивать его комплексную реализацию. Однако существует проблематика закрепленных в методических

¹⁴ Об утверждении государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий»...

¹⁵ Аналитический отчет «Сельские агломерации в контексте системы опорных населенных пунктов Российской Федерации»... С. 45.

¹⁶ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке программ развития (модернизации) общественного транспорта в субъектах РФ. Распоряжение Министерства транспорта РФ от 22.04.2025 № РС-84-р. *ИПП Гарант*.

¹⁷ О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ...

рекомендациях подходов к определению критериев отбора опорных населенных пунктов и их соответствия населенным пунктам, вошедшим в Единый перечень [58, с. 87] (табл.).

На наличие определенных противоречий действующих методических рекомендаций обращает внимание и И. А. Секушина, по мнению которой после утверждения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов только возросла актуальность поиска критериев и новых способов их выделения [59, с. 170]. Например, Е. В. Орлов предлагает «перейти от критериев, предполагающих дихотомическую оценку, к балльной системе, учитывающей проявленность каждого фактора, которая, например, может оцениваться по шкале от 0 до 10 с шагом 1» [60, с. 63], а также помимо опорных населенных пунктов ввести термин *кандидат в опорные населенные пункты*.

Не обращаясь к частным показателям, на поверхности анализа методических рекомендаций выступает тот факт, что критериями охватываются только такие показатели, как территориальная концентрация, численность населения, территориальная доступность, социальные объекты, коммунальные и коммуникационные особенности, государственные и муниципальные услуги, финансовый и торговый секторы. Некоторые авторы отмечают недостаточную проработанность отнесения объектов, направленных на реализацию конституционного принципа социального

государства [61, с. 92; 62]. Мы же находим определенное противоречие в отсутствии критериев, формирующих исполнение такой национальной цели развития, как экологическое благополучие, хотя рассматриваемая Стратегия к основным направлениям и задачам пространственного развития Российской Федерации [63, с. 176] относит формирование «территорий экологического благополучия посредством реализации мероприятий по сохранению и восстановлению природной среды, обеспечению качества окружающей среды, необходимого для комфортной и безопасной жизни человека, а также устойчивого развития экономики»¹⁸. По мнению Е. И. Артемовой и коллег, «новая классификация населенных пунктов должна обеспечить дифференцированный подход к инструментам государственной поддержки развития территорий, которые должны учитывать специфику системы расселения, демографический прогноз, уровень социально-экономического развития территории, а также ее экологическую ситуацию» [64, с. 171].

Таким образом, логично предложить исключить из действующих методических рекомендаций пункты «б», «д», «е», «ж» ч. 2, строго ограничивающие критерии определения опорного населенного пункта.

В качестве промежуточного вывода стоит предположить, что общим подходом выделения опорных населенных пунктов может быть интегральный принцип, включающий в себя следующие компоненты:

Табл. Сравнение текста методических рекомендаций и содержания Единого перечня
Tab. Methodological recommendations vs. Unified list

Текст методических рекомендаций	Содержание Единого перечня
П. «б» ч. 2: не является административным центром субъекта Российской Федерации; п. «в» ч. 5: не входит в установленном порядке в границы (состав) городской агломерации	212 населенных пунктов, в том числе все агломерации и административные центры регионов ¹⁹
П. «д» ч. 2: не является наукоградом	9 наукоградов: г. Бийск, г. Обнинск, г. Королев, г. Реутов, г. Фрязино, г. Серпухов, г. Черноголовка, р.п. Кольцово, г. Мичуринск
П. «е» ч. 2: не располагается на территории закрытого административно-территориального образования	74 крупнейших по численности населения населенных пунктов в составе Закрытых административно-территориальных образований
П. «ж» ч. 2: численность постоянного населения в границах опорного населенного пункта на 1 января года, предшествующего принятию решения о предоставлении мер государственной поддержки, составляет не более 50 тыс. человек	Логично предположить, что как минимум большинство административных центров регионов превышают этот показатель

¹⁸ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г...

¹⁹ Перечень опорных населенных пунктов более чем наполовину состоит из малых городов и сел. *Фонд развития территорий*. 28.04.2025. URL: <https://фрт.рф/news/perechen-opornykh-naselennykh-punktov-bolee-chem-napolovinu-sostoit-iz-malykh-gorodov-i-sel/> (дата обращения: 08.01.2026).

- социальная политика (демографический потенциал; наличие замкнутой образовательной экосистемы в регионе; обеспеченность объектами культуры и здравоохранения; уровень удовлетворения населения предоставляемыми государственными и муниципальными услугами);
- географические особенности региона (приграничная территория; особое стратегическое значение; отдельная роль в обеспечении вопросов национальной безопасности; сложность природного ландшафта; статус порта);
- экономический потенциал (наличие градообразующих предприятий; инвестиционная привлекательность; возможности развития туристической базы; транспортная связанность);
- экологическое благополучие (необходимость обеспечения работы, направленной на ликвидацию свалок, очистку воздуха и водоемов, создание экономики замкнутого цикла и сохранение биоразнообразия).

Вместе с тем генеральной идеей в принятии решения о количестве опорных населенных пунктов должен оставаться принцип построения целостного сбалансированного развития современной России, в котором особую роль играет связанность территории (опорно-узловая система расселения) [65, с. 27].

Понимая, что введенные опорные населенные пункты по своей сути являются «еще одним типом территорий с дополнительной государственной и муниципальной поддержкой» [66, с. 78], и в силу различий как административно-территориального устройства, так и нормативно-правового регулирования, а также ввиду различного вида функций и задач, свойственных опорным населенным пунктам, тактовые территориальные объединения нуждаются в различных сценариях интеграции в существующую правовую действительность [67]. Стоит отметить, что рассматриваемой Стратегией определены критерии отбора, на основании которого населенный пункт был включен в Единый перечень²⁰. Имеющиеся критерии отбора логичным образом предполагают

подразделение опорных населенных пунктов на два больших типа: городские агломерации и сельские агломерации. Указанное обуславливает проведение мониторинговых показателей и корректировку положений Стратегии (в ее тексте закрепляется создание центра пространственного анализа), эффективность которых не может быть единой для городских и сельских агломераций [68]. На особый сценарий интеграции сельских территорий, например в вопросах проводимой цифровой трансформации, неоднократно обращало внимание научное сообщество [69; 70].

Понимая необходимость исполнения всех положений рассматриваемой Стратегии, стоит предложить расширить критерии включения населенных пунктов в Единый перечень опорных населенных пунктов, а также систематизировать опорные населенные пункты, опираясь на обозначенные ранее критерии отбора (городские и сельские). Дополнительными критериями по включению населенных пунктов в опорные могут стать:

- населенные пункты, обеспечивающие транспортную связанность с административными центрами соответствующих регионов, опорными населенными пунктами и приграничными районами дружественных государств, в том числе в Арктическом бассейне;
- населенные пункты, имеющие в своем составе индустриальные (промышленные) парки и промышленные технопарки с учетом приоритета развития геостратегических территорий Российской Федерации, территорий с высоким потенциалом повышения глубины переработки сырья;
- территории с высоким рекреационным потенциалом, включая реализацию проекта «Пять морей и озеро Байкал».

Новеллой построения предложенной Стратегией пространственного развития выступает «компромиссная модель, основанная на поддержке территорий с недоиспользуемым потенциалом экономического

²⁰ См. столбец 5 Единого перечня: входит в состав городской агломерации и обеспечивает национальную безопасность; входит в состав городской агломерации и основная функция населенного пункта состоит в обслуживании критически важной инфраструктуры; входит в состав городской агломерации и реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории; входит в состав городской агломерации и численность населения превышает 1 % от численности населения ядра агломерации; входит в состав городской агломерации и численность населения превышает 100 тыс. чел.; входит в состав городской агломерации и численность населения превышает 5 % от численности населения ядра агломерации; входит в состав городской агломерации и является крупнейшим по численности населения населенным пунктом в городском округе, которому присвоен статус наукограда; иной населенный пункт, обеспечивающий национальную безопасность; крупнейший по численности населения населенный пункт в городском округе, которому присвоен статус наукограда; крупнейший по численности населения населенный пункт в приграничном муниципальном образовании, обеспечивающий безопасность государственной границы; крупнейший по численности населения населенный пункт в составе ЗАТО; населенный пункт, который является основным центром предоставления социальных услуг для одного или нескольких муниципальных образований, определенный высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации; основная функция населенного пункта состоит в обслуживании критически важной инфраструктуры; реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории; статус административного центра субъекта РФ; является ядром городской агломерации (численность населения города свыше 100 тыс. чел. при наличии в часовой транспортной доступности не менее двух городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел.).

роста, которая предполагает расширение перспективного пространства» [71, с. 15]. В силу указанного обоснованным видится расширение перечня опорных населенных пунктов таким критерием, как *населенные пункты (включая моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, поддержку которых необходимо выстраивать исходя из рискориентированного подхода.*

Дополнительной экспансией критериев опорных населенных пунктов является решение вопроса не только отнесения наукоградов к опорным населенным пунктам, но и применение современных критериев выделения опорных населенных пунктов с высоким научным и научно-технологическим потенциалом (например, федеральная территория «Сириус», инновационные научно-технологические центры, инновационный центр «Сколково» и др.). Действенная проработка указанного вопроса гармонично отражается в разработке идей, направленных на трансформацию законодательства о науке [72–75], а также позволит «интегрировать пространственные приоритеты в состав отраслевых задач» [76, с. 5].

Также стоит отметить, что реализация пространственной политики конкретным опорным населенным пунктом будет реализована посредством разработки мастер-плана, по своей сути являющимся индивидуально направленным актом комплексного стратегического развития конкретного опорного населенного пункта²¹. Указанная работа подчеркивает необходимость «согласованного развития всех населенных пунктов в составе агломерации на основе согласованной системы документов» [77, с. 71]. Осложняется указанный процесс несколькими факторами:

Во-первых, подобная работа уже предусмотрена в рассматриваемой государственной программой части: «Для достижения целей и реализации задач документов стратегического планирования, а также приоритетов и целей государственной политики в сфере реализации Программы исполнительными органами субъектов Российской Федерации утверждаются долгосрочные планы социально-экономического развития опорных населенных пунктов и прилегающих территорий на период до 2030 года»²². Подвопросом является то, что в состав утвержденных Единым перечнем опорных населенных пунктов уже вошли 113 населенных

пунктов в составе городской агломерации. Вместе с тем управление городскими агломерациями осуществляется в том числе посредством принятия стратегических планов развития городских агломераций. Возникает вопрос удвоения аналогичных видов работ.

Во-вторых, в действующем законодательстве отсутствует нормативно-правовая типизация населенных пунктов, толкование определения *населенный пункт* не закреплено и на федеральном уровне. Его понимание осуществляется через общую нормативную регламентацию «городских и сельских населенных пунктов»²³, а также закрепление видов муниципальных образований: «1) городской округ; 2) муниципальный округ; 3) внутригородское муниципальное образование города федерального значения»²⁴. Безусловно, при организации административно-территориального устройства важно учитывать географические, климатические, экономические, культурные и иные особенности, но вместе с тем при проведении работы, направленной на построение единого пространственного развития, логичнее работать в обозначенных пределах и границах такового устройства. Думается, что в рамках нового Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» возможно предусмотреть более детальное и широкое закрепление типов населенных пунктов. Другим подходом в решении данного вопроса является позиция А. Н. Диденко: «Необходим федеральный закон об общих принципах организации административно-территориального деления в России, в котором должны быть даны легальные определения населенных пунктов, их видов и подвидов, определены параметры численности населения и его плотности в границах населенного пункта» [36, с. 18]. Считаю, что обозначенная проблематика остро актуальная и нуждается в детальной проработке [78], поэтому логично предположить, что решение вопроса нормативно-правовой синхронизации планов инфраструктурного развития [79] станет одним из ключевых в едином понимании таковых стратегических документов. Аналогичной позиции придерживается и М. С. Шайхуллин: он пишет, что «повысится степень исполнения нормативно-правовых актов

²¹ Неверова О. В Послании президента России Федеральному собранию 2024 г. важность выделения опорных населенных пунктов была подчеркнута задачей разработки для 200 ОНП специальных мастер-планов. RG.RU. 06.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/06/zaglanutv-zavtra.html> (дата обращения: 10.01.2026).

²² Об утверждении государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий»...

²³ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025). СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

²⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ. СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

в сфере стратегического планирования, имеющих курс на правовое регулирование модусов и моделей взаимодействия российских регионов и создание условий, снижающих межрегиональные различия в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации» [80, с. 29].

Заключение

Решение вопроса конституционно-правового осмысления модели построения пространственного каркаса современной России необходимо, т. к. от качества проводимых трансформационных процессов [81; 82] зависят как вопросы национальной безопасности, так и вопросы продовольственной безопасности, научно-технологического лидерства и иных национальных целей развития Российской Федерации. Вместе с тем исполнение глобальных задач требует

выработки эффективного правового регулирования для нивелирования имеющихся коллизий: отсутствие единого подхода в понимании опорных населенных пунктов и принципов отнесения населенных пунктов к таковым; дефицит нормативно-правового регулирования определения и типизации населенных пунктов; недостаточная синергия имеющихся документов комплексного стратегического развития в аспекте достижения национальных целей развития.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты. *Власть*. 2022. Т. 30. № 2. С. 95–111. [Markvart E., Kiseleva N. N., Sosnin D. P. The system of central (reference) settlements as a management tool: Theoretical and practical aspects. *Vlast*, 2022, 30(2): 95–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>
2. Кабышев С. В. Институт федеральной территории в системе российской государственности: методология конституционно-правового исследования. *Журнал российского права*. 2025. Т. 29. № 7. С. 5–15. [Kabyshev S. V. The institute of the federal territory in the system of Russian statehood: Methodology of constitutional and legal research. *Journal of Russian Law*, 2025, 29(7): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ziipdx>
3. Джохадзе Д. В. Диалектика Аристотеля. М.: Наука, 1971. 264 с. [Dzhokhadze D. V. *The dialectics of Aristotle*. Moscow: Nauka, 1971, 264. (In Russ.)]
4. Суворова А. В. Пространственное развитие: содержание и особенности. *Journal of New Economy*. 2019. Т. 20. № 3. С. 51–64. [Suvorova A. V. Spatial development: Essence and specifics. *Journal of New Economy*, 2019, 20(3): 51–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxqeev>
5. Марченко М. Н., Бабуринов С. Н., Байтин М. И., Бережнов А. Г., Керимов Д. А., Крылов Б. С., Мамут Л. С. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х т. Т. 1: Государство. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2016. 576 с. [Marchenko M. N., Baburin S. N., Baytin M. I., Berezhnov A. G., Kerimov D. A., Krylov B. S., Mamut L. S. *General theory of state and law. Academic course in three volumes. Vol. 1: State*. 4th ed. Moscow: Norma, 2016, 576. (In Russ.)]
6. Бондарь Н. С. Территория как конституционно-правовая категория: единство публично-властных и личностных начал. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2016. Т. 3. № 4. С. 7–14. [Bondar N. S. Territory as a constitutional category: Unity of public and personal elements. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2016, 3(4): 7–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygsmch>
7. Лейзерович Е. Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 1995. № 2. С. 67–74. [Leizerovich E. E. Levels of spatial organization: Economic and geographical analysis. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 1995, (2): 67–74. (In Russ.)]
8. Тархов С. А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа. *География и проблемы регионального развития*, ред. С. С. Артоболевский, Г. А. Приваловская. М.: Институт географии АН СССР, 1989. С. 23–31. [Tarkhov S. A. Concepts of territorial development and methodology of spatial analysis. *Geography and problems of regional development*, eds. Artobolevsky S. S., Privalovskaya G. A. Moscow: Institut geografii AN SSSR, 1989, 23–31. (In Russ.)]
9. Суворова А. В. Особенности измерения социально-экономического пространства в региональных стратегиях развития. *Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических*

- систем: XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26–27 ноября 2020 г.) Уфа: УФИЦ РАН, 2020. С. 91–97. [Suvorova A. V. Features of measuring socio-economic space in regional development strategies. *Problems of functioning and development of territorial socio-economic systems*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 26–27 Nov 2020. Ufa: UFRC RAS, 2020, 91–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jebbta>
10. Тюнен И. Г. Изолированное государство, пер. с нем. Е. А. Торнеус. М.: Экономическая жизнь, 1926. XII. 326 с. [Thünen J. H. *Isolated state*, tr. Torneus E. A. Moscow: Economicheskaya zhizn, 1926, XII, 326. (In Russ.)]
 11. Бахметова А. А., Астанин Д. М. Проблемы пространственного развития Вологодской области. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 11-3. 2021. С. 147–150. [Bakhmetova A. A., Astanin D. M. Problems of spatial development in Vologda oblast. *International Research Journal*, 2021, (11-3): 147–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.103>
 12. Магон Т. С. Эволюция методического аппарата теории центральных мест: возможность применения к реальным системам расселения. *Архитектура и современные информационные технологии*. 2025. № 1. С. 206–215. [Magon T. S. Evolution of the methodological framework of central place theory: Applicability to real settlement systems. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, (1): 206–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-1-206-215>
 13. Christaller W. Central places in Southern Germany. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1996, 230.
 14. Дружинин А. Г., Колосов В. А. Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи. *Проблемы прогнозирования*. 2025. № 4. С. 47–57. [Druzhinin A. G., Kolosov V. A. Spatial development strategy for Russia up to 2030: Innovations and tasks for solution. *Problems of Forecasting*, 2025, (4): 47–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-47-57>
 15. Вардомский Л. Б., Глезер О. Б., Гончаров Р. В. и др. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI. М.: КМК, 2020. 365 с. [Vardomsky L. V., Glezer O. B., Goncharov R. V. et al. *Challenges and policy of Russia's spatial development in the 21st century*. Moscow: KMK Scientific Press, 2020, 365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/охаохи>
 16. Евлампиева Е. В. Система опорных населенных пунктов как основа пространственного развития Российской Федерации. *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2025. № 2. С. 66–73. [Evlampieva E. V. System of key settlements as a basis for spatial development of the Russian Federation. *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*, 2025, (2): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gsvyqqs>
 17. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202. [Antonov E. V. Urban agglomerations: Approaches to the allocation and delimitation. *Kontury global'nyh transformacij: Politika, ekonomika, pravo*, 2020, 13(1): 180–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10>
 18. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Мегалополисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2020. № 1. С. 7–25. [Ivanov O. B., Buchwald E. M. Megacities and agglomerations in the system of management and strategic development of territories. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 2020, (1): 7–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10001>
 19. Бухвальд Е. М. Характер и условия реализации программы пространственного развития России. *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 3. С. 57–59. [Bukhvald E. M. Nature and modalities of Russian spatial development program. *Theory and Practice of Social Development*, 2018, (3): 57–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.3.12>
 20. Дмитриев Р. В., Горохов С. А. Теория центральных мест: этапы развития и новые вызовы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*. 2023. № 1. С. 35–43. [Dmitriev R. V., Gorokhov S. A. Central place theory: Stages of development and new challenges. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, 2023, (1): 35–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2023/1/35-43>
 21. Жоголева А. В., Шатрова А. Н. Система центров обслуживания городского населения крупного города в теории Вальтера Кристаллера. *Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство*: 79 Всерос. науч.-технич. конф. (Самара, 18–22 апреля 2022 г.) Самара: СамГТУ, 2022. С. 208–219. [Zhogoleva A. V., Shatrova A. N. The system of service centers for the urban population of a large city in the theory of Walter Christaller. *Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and urban planning*: Proc. 79th All-Russian Sci.-Techn. Conf., Samara, 18–22 Apr 2022. Samara: SSTU, 2022, 208–219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpsjld>

22. Мазаев А. Г. Отечественный опыт оптимизации национальной системы расселения. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2017. № 3. С. 20–25. [Mazaev A. G. Domestic experience of optimization of the national system of settlement. *Akademicheskii Vestnik UralNIiproekt RAASN*, 2017, (3): 20–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjrzcl>
23. Лежава И. Г. Выбор XXI века – линейная структура городских систем. *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*. 2009. № 2. С. 66–69. [Lezhava I. G. The choice of XXI century – linear structure of urban systems. *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2009, (2): 66–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzhghj>
24. Береговских А. Н. Прошлое, настоящее и будущее территориального планирования. *Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура*. 2013. № 31-1. С. 18–25. [Beregovskikh A. N. Past, present and future of territorial planning. *Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Construction and architecture*, 2013, (31-1): 18–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdpawr>
25. Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение. *Известия Академии наук СССР. Серия географическая*. 1983. № 5. С. 16–28. [Lappo G. M. The concept of a basic skeleton of the economic spatial structure: Development, theoretical and practical role. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia geograficheskaiia*, 1983, (5): 16–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdsfwa>
26. Полян П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение. М.: Новый хронограф, 2014. 788 с. [Polyan P. M. *Territorial structures, urbanization, and settlement*. Moscow: Novyi khronograf, 2014, 788. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tayfbz>
27. Ерохин В. Л. Исследование миграционных процессов в сельской местности северного Китая. *Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА*. 2018. № 1. С. 182–196. [Erokhin V. L. Study of migration processes in rural areas of Northern China. *Bulletin of the Moscow University of Finance and Law*, 2018, (1): 182–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orkikp>
28. Баснукаев Х. У. Зарубежный опыт реализации государственной политики пространственного развития. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018. № 6. С. 18–24. [Basnukaev H. U. Foreign experience in implementing state policy of spatial development. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2018, (6): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmpitf>
29. Шпаковский Ю. Г. Устойчивое развитие – новая парадигма сохранения цивилизации. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 1. С. 38–63. [Shpakovskii Yu. G. Sustainable development – a new paradigm for civilization save. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, (1): 38–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whppwn>
30. Одицова А. В. Местное сообщество: проблема институционализации. *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 2. С. 52–63. [Odintsova A. V. Local self-government: Problems of institutionalization. *Issues of Economic Theory*, 2023, (2): 52–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gitinx>
31. Иванова А. А. Особенности формирования организационно-экономического механизма обеспечения продовольственной безопасности. *Продовольственная политика и безопасность*. 2025. Т. 12. № 1. С. 97–122. [Ivanova A. A. Characteristics of organizational and economic food security mechanisms. *Food Policy and Security*, 2025, 12(1): 97–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ppib.12.1.122665>
32. Артемова Е. И., Плотникова Е. В., Литра Е. Н. Опорные населенные пункты как институт комплексного развития сельских территорий. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2025. № 2. С. 169–173. [Artemova E. I., Plotnikova E. V., Litra E. N. Support settlements as an institute of complex development of rural areas. *International Agricultural Journal*, 2025, (2): 169–173. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_2_169
33. Заславская Т. И. Проблемы зональной дифференциации целевых программ развития села. *Советская социология*, ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 117–128. [Zaslavskaya T. I. Problems of zonal differentiation of target programs for rural development. *Soviet sociology*, eds. Ryabushkin T. V., Osipov G. V. Moscow: Nauka, 1982, vol. 1, 117–128. (In Russ.)]
34. Шиндина А. В. Генезис нормативно-правового регулирования устойчивого развития сельских территорий. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 3. С. 432–441. [Shindina A. V. State regulation of sustainable rural development: Genesis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 432–441. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-432-441>

35. Чеботарева Е. Н. Нормативно-правовой базис обеспечения устойчивого развития сельских территорий. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2025. № 1. С. 10–16. [Chebotareva E. N. The regulatory framework for ensuring sustainable rural development. *Innovative economy: Information, analytics, forecasts*, 2025, (1): 10–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2025.1.1.001>
36. Диденко А. Н. К вопросу о правовой типизации населенных пунктов (город, поселок, сельский населенный пункт). *Конституционное и муниципальное право*. 2025. № 1. С. 16–25. [Didenko A. N. On legal typing of settlements (city, village, rural settlement). *Constitutional and Municipal Law*, 2025, (1): 16–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-1-16-25>
37. Галиновская Е. А., Пономарев М. В., Азимзода А. Ш. и др. Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств – участников СНГ. М.: Инфра-М, 2022. 456 с. [Galinovskaya E. A., Ponomarev M. V., Azimzoda A. Sh. et al. *Legal issues of sustainable spatial development of the CIS member states*. Moscow: Infra-M, 2022, 456. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pidqfp>
38. Савельев Ю. В., Вульфович Р. М., Майборода В. А. Институционально-территориальный аспект создания и развития сельских агломераций в России: оценка рисков и возможностей. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2024. № 8. С. 7–17. [Saveliev Yu. V., Vulfovich R. M., Maiboroda V. A. Institutional and territorial aspect of creation and development of rural agglomerations in Russia: Assessment of risks and opportunities. *Regional problems of transforming the economy*, 2024, (8): 7–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cfiim>
39. Герцберг Л. Я. На пути к сбалансированному пространственному развитию Российской Федерации. *Academia. Архитектура и строительство*. 2024. № 1. С. 122–130. [Gertsberg L. Ya. Towards balanced spatial development of Russian Federation. *Academia. Architecture and Construction*, 2024, (1): 122–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2024-1-122-130>
40. Шамин А. Е., Зуева С. В. Сущность сельских территорий и их роль в региональной и национальной экономике. *Вестник НГИЭИ*. 2021. № 12. С. 117–127. [Shamin A. E., Zueva S. V. The essence and role of rural areas in the regional and national economy. *Bulletin of NGIEI*, 2021, (12): 117–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2021-12-117-127>
41. Муравьева М. В. Сельская агломерация в контексте комплексного развития сельских территорий. *Наука и бизнес: пути развития*. 2021. № 11. С. 171–173. [Muravyova M. V. Rural agglomeration in the context of integrated development of rural areas. *Science and Business: Ways of Development*, 2021, (11): 171–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vemplq>
42. Клепцова Н. А., Меньшова А. Е. Особенности и принципы развития сельских агломераций. *Russian Journal of management*. 2024. Т. 12. № 2. С. 513–523. [Kleptsova N. A., Menshova A. E. Features and principles of development of rural agglomerations. *Russian Journal of management*, 2024, 12(2): 513–523. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2024-12-2-513-523>
43. Гаврилюк М. Н. Сельские агломерации: проблемы формирования правового статуса. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. № 8. С. 57–64. [Gavrilyuk M. N. Rural agglomerations: Problems of formation of legal status. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, (8): 57–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2024-8275-57-64>
44. Косинский П. Д., Меркурьев В. В., Харитонов А. В. Агломерация как инструмент устойчивого развития сельских территорий региона. *Фундаментальные исследования*. 2017. № 9-2. С. 450–454. [Kosinsky P. D., Merkur'yev V. V., Kharitonov A. V. Agglomeration as instrument of sustainable development of rural territories of the region. *Fundamental research*, 2017, (9-2): 450–454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zitucp>
45. Украинский В. Н. Многомерное картографирование и нерешенные методологические вопросы отечественной урбанистики (в приложении к системам расселения Юга Дальнего Востока). *Пространственная экономика*. 2025. Т. 21. № 1. С. 84–111. [Ukrainsky V. N. Multidimensional mapping and unresolved methodological issues of domestic urban studies (application to settlement systems of the South of the Russian Far East). *Spatial Economics*, 2025, 21(1): 84–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/se.2025.1.084-111>
46. Галиновская Е. А., Кичигин Н. В. Городская агломерация как правовая категория: постановка проблемы. *Журнал российского права*. 2020. № 8. С. 141–156. [Galinovskaya E. A., Kichigin N. V. Urban agglomeration as a legal category: Problem statement. *Journal of Russian Law*, 2020, (8): 141–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.100>
47. Шугрина Е. С. Модели управления российскими агломерациями. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018. № 2. С. 39–43. [Shugrina E. S. Models of Russian agglomerations management. *State Power and Local Self-government*, 2018, (2): 39–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrzcza>

48. Лисина Н. Л., Ушакова А. П., Баев В. Д. Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 2. С. 214–223. [Lisina N. L., Ushakova A. P., Baev V. D. Legislative basis for the development of agglomerations in the Kemerovo region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 214–223. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-214-223>
49. Миргородская Е. О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2017. Т. 19. № 4. С. 6–20. [Mirgorodskaya E. O. Assessment of the territorial and economic connection of cities in the agglomeration (the case of Big Rostov). *Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, 2017, 19(4): 6–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1>
50. Одицова А. В. Опорные населенные пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации. *Федерализм*. 2025. Т. 30. № 1. С. 52–70. [Odintsova A. V. Anchor settlements – new priority of spatial development of the Russian Federation. *Federalism*, 2025, 30(1): 52–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-52-70>
51. Маркварт Э., Безвербный В. А., Ситковский А. М. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей. In: Безвербный В. А., Белкин С. В., Блинов Г. Н. и др. *Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии*. М.: Дело, 2021. С. 63–93. [Markvart E., Bezverbny V. A., Sitkovsky A. M. Spatial compression of the territories of the Russian Federation: Concept, criteria, and indicators. In: Bezverbny V. A., Belkin S. V., Blinov G. N. et al. *Cities of the future: Spatial development, participatory governance, and creative industries*. Moscow: Delo, 2021, 63–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uensfm>
52. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем. *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. [Kuznetsova O. V. Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation. *Spatial Economics*, 2019, 15(4): 107–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
53. Кузнецова О. В., Дружинин А. Г. К новой стратегии пространственного развития России. *Проблемы прогнозирования*. 2024. № 4. С. 36–45. [Kuznetsova O. V., Druzhinin A. G. On a spatial development strategy for Russia. *Problemy Prognozirovaniya*, 2024, (4): 36–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45>
54. Заколюкина Е. С. Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории. *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 5. С. 79–95. [Zakolyukina E. S. Transport infrastructure as a factor in the territory's spatial development. *Problems of Territory's Development*, 2023, 27(5): 79–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.6>
55. Дробот Е. В., Ярикова Е. В. Факторы регионального развития России: влияние пространства и расстояний и возможности их нивелирования. *Экономические отношения*. 2019. Т. 9. № 3. С. 1775–1784. [Drobot E. V., Yarikova E. V. Factors of regional development of Russia: The influence of space and distance and the possibility of their leveling. *Journal of International Economic Affairs*, 2019, 9(3): 1775–1784. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40837>
56. Глигич-Золотарева М. В., Лукьянова Н. И. Развитие опорных населенных пунктов в контексте пространственного развития Российской Федерации. *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 4. С. 23–46. [Gligich-Zolotareva M. V., Lukyanova N. I. The development of stronghold settlements in the context of the spatial development of the Russian Federation. *Federalism*, 2024, 29(4): 23–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-4-23-46>
57. Евлампиева Е. В. Роль местного самоуправления в стратегическом планировании пространственного развития Российской Федерации. *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2025. Т. 21. № 1. С. 38–47. [Evlampieva E. V. The role of local government in strategic planning of spatial development of the Russian Federation. *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2025, 21(1): 38–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-1-38-47>
58. Рой О. М., Бичун В. С., Опорные населенные пункты в условиях новой пространственной стратегии России. *Муниципальная академия*. 2025. № 3. С. 81–89. [Roy O. M., Bichun V. S. Reference settlement in the context of Russia's new spatial strategy. *Municipal Academy*, 2025, (3): 81–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdpolu>
59. Секушина И. А. Возможности практического применения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов (на примере Европейского Севера России). *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023. Т. 26. № 2. С. 160–174. [Sekushina I. A. Practical application of methodological recommendations for identifying key settlements: A case study of the European North

- of Russia. *Sever i rynek: Formirovanie ekonomicheskogo porjadka*, 2023, 26(2): 160–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.011>
60. Орлов Е. В. Опорные населенные пункты: корректировка критериев отбора. *Управленческое консультирование*. 2025. № 6. С. 57–71. [Orlov E. V. Key settlements: Adjustment of selection criteria. *Administrative Consulting*, 2025, (6): 57–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syubui>
61. Сычева И. В., Сычева Н. А. Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов. *Проблемы развития территории*. 2024. Т. 28. № 5. С. 81–98. [Sycheva I. V., Sycheva N. A. Methodological aspects of extending the sustainable development principles to the objects of regional social infrastructure. *Problems of Territory's Development*, 2024, 28(5): 81–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.5.133.6>
62. Аитова Ю. С. Оценка развития социальной инфраструктуры в регионах Российской Федерации с позиции воспроизводства человеческого капитала. *Вестник Евразийской науки*. 2020. Т. 12. № 4. [Aitova Yu. S. The assessment of social infrastructure development in the regions of Russian Federation from the standpoint of human capital reproduction. *The Eurasian Scientific Journal*, 2020, 12(4). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gnxlhj>
63. Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации. *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 7. С. 174–187. [Shpakovskiy Yu. G., Zhavoronkova N. G. Environmental safety of sustainable development: Strategy and implementation mechanisms. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, 19(7): 174–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.164.7.174-187>
64. Артемова Е. И., Плотникова Е. В., Литра Е. Н. Опорные населенные пункты как институт комплексного развития сельских территорий. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2025. № 2. С. 169–173. [Artemova E. I., Plotnikova E. V., Litra E. N. Support settlements as an institute of complex development of rural areas. *International Agricultural Journal*, 2025, (2): 169–173. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_2_169
65. Ильин В. А., Морев М. В. Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 1. С. 9–40. [Ilyin V. A., Morev M. V. The Russian Federation in the first quarter of the 21st century. The president has set tasks until 2030. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2024, 17(1): 9–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.1>
66. Виленский А. В. Опорные населенные пункты в пространственном развитии РФ: разнообразие функций и задач. *Вестник Российской академии естественных наук*. 2025. Т. 25. № 2. С. 76–84. [Vilenskiy A. V. Key settlements in the spatial development of the Russian Federation: Diversity of functions and tasks. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2025, 25(2): 76–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2025-25-2-76-84>
67. Kuznetsova O. V. Settlement transformation and the problems of its adequate consideration in the spatial development strategy. *Population and Economics*, 2019, 3(1): 53–62. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34777>
68. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа. *Крестьяноведение*. 2024. Т. 9. № 2. С. 153–179. [Kartseva M. A., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Yu. F. Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. *Peasant Studies*, 2024, 9(2): 153–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179>
69. Липчанская М. А., Паламарчук С. А. Цифровое неравенство и цифровая трансформация в публичном управлении: эволюция понятия и критериев. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2025. № 2. С. 38–42. [Lipchanskaya M. A., Palamarchuk S. A. Digital divide and digital transformation in public governance: Evolution of the concept and criteria. *State Power and Local Self-government*, 2025, (2): 38–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-2-38-42>
70. Липчанская М. А., Шиндина А. В. Особенности цифровой трансформации сельских муниципалитетов: конституционно-правовое исследование. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2025. № 55. С. 66–77. [Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Features of digital transformation of rural municipalities: A constitutional and legal study. *Tomsk State University Journal of Law*, 2025, (55): 66–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22253513/55/6>
71. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития России – 2030: новации и перспективные направления исследований. *Вестник Российской академии наук*. 2025. № 2. С. 12–21. [Kuznetsova O. V. Spatial

- development strategy of Russia – 2030: Novations and promising research areas. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2025, (2): 12–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S3034520025020023>
72. Липчанская М. А., Чаннов С. Е., Чурикова А. Ю., Шиндина А. В. Институт местного самоуправления в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: правовые аспекты. М.: Проспект, 2024. 160 с. [Lipchanskaya M. A., Channov S. E., Churikova A. Yu., Shindina A. V. *Institute of local self-government in the Russian Federation in the context of digital transformation: Legal aspects*. Moscow: Prospect, 2024, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/icqfdy>
73. Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации. *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140. [Kabyshev S. V. Conceptual issues of improving legislation on science and scientific and technological development in the Russian Federation. *Lex Russica*, 2025, 78(2): 130–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140>
74. Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 1. С. 241–243. [Sobko R. V. Humanities education in the context of post-truth: Problems and strategies. *Iuridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2024, (1): 241–243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgbtfs>
75. Гринёв А. В. Проблемы наукометрии и ее пригодность для управления научной деятельностью в современной России. *Управленческие науки*. 2024. Т. 14. № 1. С. 117–132. [Grinev A. V. Problems of scientometrics and its suitability for management scientific activity in modern Russia. *Management Sciences*, 2024, 14(1): 117–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2024-14-1-117-132>
76. Вахруков Д. С. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. *Вестник Российской академии наук*. 2025. № 2. С. 3–11. [Vakhrukov D. S. Strategy development strategy of the Russian Federation up to 2030 with a forecast up to 2036. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2025, (2): 3–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S3034520025020013>
77. Лисина Н. Л., Ушакова А. П. Как обеспечить согласованность документов территориального планирования: лучшие практики российских городских агломераций. *Lex Russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 70–82. [Lisina N. L., Ushakova A. P. How to ensure the consistency of territorial planning documents: Best practices of Russian urban agglomerations. *Lex Russica*, 2024, 77(2): 70–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.207.2.070-082>
78. Диденко А. Н. Населенные пункты и муниципальные образования в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года и в перспективе до 2036 года. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2025. № 9. С. 13–16. [Didenko A. N. Populated areas and municipalities in the strategy for spatial development of the Russian Federation until 2030 and in the future until 2036. *State Power and Local Self-government*, 2025, (9): 13–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-9-13-16>
79. Левченков А. В. Практика управления агломерационными образованиями за рубежом. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2021. № 1. С. 27–41. [Levchenkov A. V. Management practices of agglomerations abroad. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Estestvennye i meditsinskie nauki*, 2021, (1): 27–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fifdcx>
80. Шайхуллин М. С. Об актуальности исследования конституционно-правового регулирования пространственного развития в Российской Федерации. *Право и государственность*. 2024. № 1. С. 27–32. [Shaikhullin M. S. On the relevance of the study of constitutional and legal regulation of spatial development in the Russian Federation. *Law and Statehood*, 2024, (1): 27–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhprfv>
81. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России. *Журнал российского права*. 2020. № 5. С. 5–22. [Chernogor N. N., Emelyanov A. S. Spatial and legal matrix of modern Russia. *Journal of Russian Law*, 2020, (5): 5–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.051>
82. Рапопорт Б. Л. Политические вызовы России: история и современность. *Блокнот гражданского просвещения*. 2025. № 2. С. 45–58. [Raporort B. L. Political challenges of Russia: History and modernity. *Bloknot grazhdanskogo proshvshcheniia*, 2025, (2): 45–58. (In Russ.)]

оригинальная статья

eLibrary EDN: EIKUOM

Выборы и отзыв народных судей как проявление народного контроля в советский период в истории России

Пастухов Александр Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

pastukh39@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию процедур выборов и отзыва народных судей в качестве проявлений народного контроля в советский период в истории России. Цель работы заключается в анализе институтов выборов и отзыва народных судей с точки зрения функционирования их элементов как в интересах народного контроля, так и с позиции их эффективности для формирования работоспособного и заслуживающего народного доверия состава суда. В статье дана общая характеристика процедур выборов и отзыва народных судей на основе нормативных правовых актов, регулировавших их деятельность, особое внимание уделено механизмам и элементам, способствовавшим не только общей эффективности институтов, но и вовлечению народных масс в осмысленный контроль за персональным составом народных судей. Раскрывается содержание и принципиальное значение мероприятий по подготовке выборов, влияние партийных и административных органов на предвыборных стадиях на ход и результаты выборов. С применением признаков народного контроля обосновывается отнесение выборов и отзыва народных судей к проявлениям народного контроля по содержанию. Кроме того, оценивается эффективность указанных институтов в качестве методики контроля за формированием личного состава народных судей. В результате сделаны выводы, позволяющие оценить эффективные и неэффективные элементы вышеназванных процедур, что может способствовать определению направлений, в которых будет происходить реформирование методов комплектования судейского корпуса при возникновении кадровых проблем.

Ключевые слова: народный контроль, гражданский контроль, общественный контроль, советское право, народный суд, народные судьи, выборы народных судей, прекращение полномочий, отзыв народного судьи

Цитирование: Пастухов А. С. Выборы и отзыв народных судей как проявление народного контроля в советский период в истории России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 364–375. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-364-375>

Поступила в редакцию 27.02.2026. Принята после рецензирования 19.03.2026. Принята в печать 23.03.2026.

original article

Elections and Recall of Judges in People's Court as a Manifestation of People's Control in Soviet Russia

Alexander S. Pastukhov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

pastukh39@gmail.com

Abstract: The fact that Soviet citizens could elect and recall judges is widely viewed by social scientists as a clear manifestation of people's control in Soviet Russia. This article examines the institutional frameworks and procedures governing the election and recall of People's Court judges, explaining their role in shaping a capable and trustworthy judiciary. Utilizing the regulatory legal acts of the Soviet era, the author outlines these election and recall mechanisms, focusing on how they engaged citizens in overseeing judicial composition while maintaining systemic effectiveness. Additionally, the study reveals how Communist Party and administrative bodies influenced pre-election stages and final outcomes. While these procedures reflected distinct features of Soviet social control, the article critically evaluates their actual performance in managing judicial recruitment. Identifying which elements succeeded or failed offers valuable historical insights for modern judicial recruitment reforms.

Keywords: people's control, civil control, public control, Soviet law, People's Court, People's Judges, elections of People's Judges, office termination, recalling of People's Judges

Citation: Pastukhov A. S. Elections and Recall of Judges in People's Court as a Manifestation of People's Control in Soviet Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2026, 10(2): 364–375. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-364-375>

Received 27 Feb 2026. Accepted after review 19 Mar 2026. Accepted for publication 23 Mar 2026.

Введение

Построение подлинно демократического государства ставит перед нами вопросы разработки и изучения эффективных форм осуществления власти народом и контроля граждан над властью. История отечественных демократических институтов, имея несколько меньшие хронологические рамки по сравнению с общемировыми, не уступает богатым практическим опытом. Важным периодом в формировании институтов участия народа во власти стал период Советской России, несмотря на определенную строгость политического режима тех лет. Анализ как достижений, так и ошибок советской власти в вопросах народовластия и контроля «снизу» представляет большую ценность для прогнозирования направлений совершенствования форм народного участия во власти и контроле в любом современном государстве, и современное Российское государство не является исключением.

Народный контроль, постепенно оформившийся из рабочего контроля, превратился в принцип социалистического управления, пронизывавший практически все сферы хозяйства страны. Традиционно считается, что народный контроль имеет свои границы, в частности, судебные органы и их власть в обществе считаются относительно независимой сферой деятельности государства, непосредственный контроль за которой со стороны граждан недопустим.

Однако в юстиции советского периода существовали механизмы и элементы, которые, будучи прямо не отнесенными к системе народного контроля в теории, на практике представляют собой проявления народного контроля как принципа социалистического управления. В поле нашего обсуждения попали две взаимосвязанные процедуры – выборы и отзыв народных судей.

Определяющее значение для функционирования судов имеет доверие граждан к правовой системе в целом, в том числе и к судьям – именно они фактически и являются лицом судебной системы страны. Потребность в таком доверии особенно актуальна в период глобальных изменений и кризисов, когда запрос граждан на укрепление социальной стабильности и справедливости крайне высок. Таким

образом, изучение выборов и отзыва народных судей в Советской России имеет не только историческое значение, но и актуальное прикладное применение, способствуя развитию эффективных механизмов общественного и гражданского контроля и укреплению принципов справедливости и законности в современном обществе.

Цель работы заключается в анализе институтов выборов и отзыва народных судей с точки зрения функционирования их элементов как в интересах народного контроля, так и с позиции их эффективности для формирования работоспособного и заслуживающего народного доверия состава суда. Задачи:

1) определение понятий и признаков контроля граждан над властью и народного контроля в частности;

2) общая характеристика процедур выборов и отзыва народных судей с опорой на нормативные правовые основы их осуществления;

3) анализ институтов выборов и отзыва народных судей на предмет функционального назначения их элементов в контексте осуществления народного контроля и сопоставление существенных черт указанных процедур с признаками народного контроля;

4) оценка эффективности выборов и отзыва народных судей в качестве проявлений народного контроля и методов формирования судейского корпуса с учетом научной критики этих институтов.

Методы и материалы

Теоретическую основу исследования составили научные труды авторов, изучавших как феномен контроля граждан над властью в целом, так и анализировавших процедуры выборов и отзыва народных судей: А. А. Гончарова [1], М. И. Мумлевой [2], Т. Н. Ильиной и Н. А. Богдановой [3], Ю. В. Гинзбурга [4], А. Я. Кодищева [5], Д. С. Севрюкова [6; 7] и др.

Источниковая база исследования представлена нормативными правовыми актами, регулировавшими выборы и отзыв народных судей в течение периода существования этих процедур, в частности нормами Конституций СССР 1936 г.¹ и РСФСР 1937 г.², Законами СССР «О судостроительстве СССР, союзных

¹ Конституция (Основной Закон) СССР (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936). *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1936. № 283.

² Конституция (Основной Закон) РСФСР (утв. Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937). *СУ РСФСР*. 1937. № 2. Ст. 11.

и автономных республик» от 16.08.1938³, «Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» от 25.12.1958⁴, Положением о выборах народных судов РСФСР (далее – Положение) от 25.09.1948⁵ и др.

Для характеристики институтов выборов и отзыва народных судей применялись такие общенаучные методы, как структурно-функциональный, исторический метод, а также анализ. При изучении нормативных правовых актов по данному вопросу из специально-юридических методов применялся формально-юридический метод.

Результаты

Народный контроль как принцип социалистического управления

Народный контроль – один из наиболее интересных и характерных элементов советской демократии. В. И. Ленин в своей работе «Очередные задачи советской власти» указывал: «Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц для определенных процессов работы, в определенные моменты чисто исполнительских функций, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма» [8, с. 25].

Когда мы говорим о контроле, нам интересны два его компонента, реализуемых на практике: 1) государственный контроль, или «контроль сверху», 2) гражданский контроль, иначе говоря, общественный, народный контроль, «контроль снизу».

А. А. Гончаров считает понятия *народный контроль*, *гражданский контроль* и *общественный контроль* синонимами, понимая под ними наблюдение людей и негосударственных объединений за деятельностью органов власти и должностных лиц, оценку ее законности и эффективности, а также принятие мер по пресечению выявленных нарушений прав и законных интересов человека [1].

Е. С. Селиванова полагает, что понятия *народный контроль*, *гражданский контроль* и *общественный контроль* близки по значению, но не тождественны. Так, *гражданский контроль* предполагает максимальную персонификацию субъекта – гражданина, у которого есть осознанная потребность в реализации его социальных функций контроля за деятельностью

государства. Народный и общественный контроль, в отличие от гражданского, предполагает в первую очередь не отдельное лицо, а некую совокупность людей, которой движет общественный, коллективный интерес [9, с. 206].

Особенность понятия *народный контроль* в системе советской демократии заключается в том, что народный контроль – это не опциональное дополнение к государственному контролю, осуществляемое силами активных граждан, а прежде всего принцип в основе социалистического управления, согласно которому политическая и социальная активность общества должна выражаться в тех или иных формах контроля «снизу» в каждой сфере управления, что позволяет «разрывать дистанцию» между управленческим аппаратом и народом с целью реального обеспечения интересов последнего.

В целом контроль граждан над властью имеет ряд общих отличий от контроля «сверху», таких как: формирование личного состава общественным путем (при минимальных формальных процедурах); отсутствие вознаграждения непосредственно за контрольную деятельность; определяющее влияние активной гражданской позиции на качество контроля; авторитет как источник влияния и значимости, а в ряде случаев и властных полномочий.

Поскольку народный контроль это не только явление, но и принцип управления, для него характерны свои особенности. Во-первых, это обязательный компонент системы контроля в государстве наряду с контролем «сверху», для которого революционной властью были предусмотрены организационно-правовые предпосылки функционирования и дальнейшего совершенствования по мере роста революционного правосознания советского народа, а упразднение или отмирание его не допускается, т. к. противоречит идее социалистического управления. Во-вторых, это наличие реальных полномочий у органов и личного состава в народном контроле, реальная обязательность выносимых актов для объектов контроля.

Выборы народных судей в качестве процедуры одобрения народом кадровых решений в судебной системе

В одном из первых советских декретов – Декрете СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде»⁶ – был провозглашен принцип избрания местных судей на основании

³ О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Закон СССР от 16.08.1938. *Ведомости ВС СССР*. 1938. № 11.

⁴ Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик. Закон СССР от 25.12.1958. *Ведомости ВС СССР*. 1958. № 1. Ст. 12.

⁵ Об утверждении «Положения о выборах народных судов РСФСР». Указ Президиума ВС РСФСР от 25.09.1948. *Ведомости ВС СССР*. 1948. № 39.

⁶ О суде. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917. *СПС КонсультантПлюс*.

прямых демократических выборов. В качестве временной меры до организации таких выборов местные судьи избирались Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов – районными, волостными, а при их отсутствии уездными, городскими и губернскими.

Более конкретно такие возможности отражены в ст. 109 Конституции СССР 1936 г., закрепившей выборы народных судей районных (городских) народных судов на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В союзной Конституции срок полномочий избранного судьи составлял три года⁷. Согласно Конституции РСФСР 1937 г., народные судьи избирались на три года⁸, а затем – на пять лет⁹. Из-за Великой Отечественной войны к активной работе по проведению прямых выборов народных судей оказалось возможным приступить лишь к концу 1940-х гг. [2, с. 97]: в период с 19 декабря 1948 г. по 20 февраля 1949 г. в стране прошли первые выборы народных судей и народных заседателей [10, с. 145]. С этой целью с начала периода послевоенного восстановления велась работа по обновлению нормативной правовой базы процедуры выборов, а также по организационной подготовке к их проведению [3, с. 360].

Одними из ключевых нормативных актов, регулировавших выборы народных судей, стали принятые положения о выборах народных судов в каждой из советских республик. Таким было, например, Положение о выборах народных судов РСФСР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25.09.1948¹⁰. Согласно исходной редакции Положения, народные суды, т. е. и народные судьи, и народные заседатели, избирались гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года. На один избирательный округ предполагалось избрать одного народного судью. Избирательным округом охватывалось все население, проживающее на территории деятельности данного народного суда. Требования к будущим народным судьям и заседателям, установленные п. 2 Положения от 25.09.1948 и ст. 11 Закона СССР «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» от 16.08.1938, были крайне демократичны: в качестве таковых мог быть избран каждый

гражданин, обладающий избирательным правом, достигший возраста 23 лет и не имеющий судимости. Стоит также отметить, что возрастной ценз был введен именно Положением от 25.09.1948 с внесением изменений в Закон Указом Верховного Совета СССР от 16.09.1948 – судья по всему, практика подтвердила необходимость наличия жизненного опыта и моральной зрелости для будущего народного судьи [2, с. 98]. В будущем Положением от 28.10.1960¹¹ необходимый возраст был еще несколько увеличен – он стал составлять 25 лет [4, с. 171].

Как было отмечено выше, подготовка к выборам была масштабной и ответственной и занимала около полугодия. В этот период происходили как прямо предусмотренные Положением от 25.09.1948, так и иные подготовительные мероприятия. В частности, Положением были предусмотрены формирование избирательных пунктов, утверждение состава уполномоченных по избирательным пунктам, обеспечение пунктов бюллетенями и т. д. Краевед и пресс-секретарь Ульяновского областного суда Л. А. Берч в своей работе приводит справку с применением архивных данных о первых выборах народных судей в г. Ульяновске, проходивших 16 января 1949 г., где указывает на инструктивные совещания с участием председателей сельсоветов, уполномоченных райисполкомов при избирательных пунктах, секретарей парткомов, руководителей агитгрупп, представителей райкомов [10, с. 147]. Помимо этого, народным судьям предписывалось проводить среди населения просветительские мероприятия по ознакомлению его с советскими законами и их популяризации. Например, такое поручение нарсудьям дал начальник Управления Министерства юстиции УССР при Закарпатском облисполкоме согласно инструкции «О проведении народными судьями отчетов перед избирателями (населением) об их работе и работе народного суда» [11, с. 255–256]. На наш взгляд, подобные мероприятия на тот момент несли несколько полезных функций: это не только правовое просвещение, важное для укрепления правосознания и популяризации выборов народных судей, но и возможность для знакомства и сближения народа с народными судьями в преддверии выборов.

Следующее важное мероприятие по подготовке к выборам – собрания по выдвижению кандидатов.

⁷ Конституция (Основной Закон) СССР...

⁸ Конституция (Основной Закон) РСФСР...

⁹ О внесении изменений в статью 113 Конституции (Основного Закона) РСФСР. Закон РСФСР от 27.10.1960. *Ведомости ВС РСФСР*. 1960. № 40. Ст. 590.

¹⁰ Об утверждении «Положения о выборах народных судов РСФСР»...

¹¹ Об утверждении «Положения о выборах городских (районных) народных судов РСФСР». Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.10.1960. *Ведомости ВС СССР*. 1960. № 41. Ст. 608.

Предусмотренный Положением от 25.09.1948 порядок выставления (то есть выдвижения) кандидатов в народные судьи и народные заседатели должен был способствовать подбору качественных кадров. Согласно п. 26 Положения, право выставления кандидатов в народные судьи и народные заседатели обеспечивалось определенными коллективными субъектами – общественными организациями и обществами трудящихся: например, партийными организациями, общими собраниями по месту работы или службы и т.д. [12, с. 110]. Согласие кандидата на выдвижение подтверждалось его заявлением. Самовыдвижения кандидатов предусмотрено не было, что, по всей видимости, являлось продолжением идеи авторитета будущего судьи в глазах его окружения. Коллективное выдвижение, таким образом, должно было играть роль некой «предвыборной» ступени отбора, отсеивающей кандидатов, негативно характеризующихся в таких коллективах.

В силу п. 27 Положения от 25.09.1948 все общественные организации или общества трудящихся должны были зарегистрировать выставленных ими кандидатов в исполнительном комитете районного или городского Совета депутатов трудящихся не позднее, чем за 25 дней до выборов. Исполнительный комитет, в свою очередь, обязан был зарегистрировать всех выставленных кандидатов. В п. 30 Положения, однако, указано, что в случае отказа исполнительного комитета зарегистрировать кандидата такой отказ обжалуется в вышестоящие советы, решение которых является окончательным. Это указывает на возможность вышестоящих советов отказывать в регистрации кандидата, что, скорее всего, является следствием наличия государственных проверочных мероприятий на соответствие требованиям, предусмотренным Положением и Законом СССР от 16.08.1938.

Существенное влияние на процесс подбора и выдвижения кандидатов оказывали партийные организации. Так, Т. Н. Ильина и Н. А. Богданова в своей работе, посвященной выборам народных судей в СССР на примере Курской области РСФСР, приводят архивный документ – докладную о ходе подготовки выборов народных судей и народных заседателей от 25.11.1948 № 93, согласно которому в ходе подготовки к выборам на заседании бюро районного комитета ВКП(б) утверждались кандидатуры народных судей, а материалы об этом направлялись в областной комитет. Авторы указывают на активное участие партийных организаций в подготовке к выборам: председатель Курского областного суда направлял информацию о кандидатах и подготовке к выборам в территориальное управление

Министерства юстиции СССР, которое, в свою очередь, направляло эти сведения в кадровые подразделения областного комитета (обкома) ВКП(б) (после 1952 г. – КПСС) – специально организованный для работников суда и прокуратуры административный отдел. Заведующий отдела отчитывался о ходе подготовки к выборам перед секретарем обкома, а последний после проведения выборов направлял отчет о результатах выборов в Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза в г. Москве [3, с. 361–362].

Также по поручению органов КПСС активное участие в подборе кандидатов принимали судьи областных судов. В силу того, что судьи областного суда осуществляли контроль за деятельностью народных судов, они были осведомлены о работе почти каждого народного судьи, его персональных и деловых качествах, на основании чего давали свои рекомендации к назначению народных судей. Более чем в половине случаев уже работавшие судьи благополучно получали рекомендацию на дальнейшее избрание, но по веским причинам принималось решение не рекомендовать уже опытного народного судью: в силу состояния здоровья, достижения предельного возраста трудоспособности, переезда, а порой и в силу несоответствия морального облика и поступков статусу судьи [13, с. 138–139].

Порядок голосования задействовал технологии, процедурно похожие на современные выборы. Например, в Положении от 25.09.1948 этому посвящена глава VI. День выборов устанавливается областными Советами в нерабочий день, об указанном дне официально объявлялось не позднее, чем за 45 дней до выборов. После проверки избирательных ящиков и списка избирателей уполномоченный исполкома районного или городского Совета приглашал избирателей к подаче голосов. После подтверждения личности избиратель получал бюллетень, заполнял его в специальном изолированном от иных лиц помещении путем вычеркивания всех кандидатов, кроме того, за которого он отдал голос, после чего опускал бюллетень в ящик.

В силу п. 56 Положения от 25.09.1948 избранным считался кандидат, получивший абсолютное число голосов. Существовал и механизм второго тура: согласно п. 61 Положения, в случае если ни один из кандидатов не набрал необходимого для победы количества голосов, то в срок не позднее двух недель назначалась перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов¹².

Институт выборов народных судей как инструмент народного контроля над кадровым составом

¹² Об утверждении «Положения о выборах народных судов РСФСР»...

судебных органов подвергается критике. Так, Т. Н. Ильина и Н. А. Богданова по результатам изучения вышеуказанного и иных архивных документов приходят к выводу, что свободных выборов в народные суды в СССР не было. Они утверждают, что примерно за полгода до выборов кадровое подразделение совместно с региональным управлением Минюста СССР отбирало кандидатов на должности народных судей – как среди действующих судей, так и новых. Затем кандидатуры подвергались проверке правоохранительных органов, после чего их окончательно утверждали партийные органы. С их точки зрения, выдвижение кандидатов общественными организациями и обществами трудящихся было чисто формальным, в действительности же от имени кандидатов выдвигали их сами партийные органы совместно с Минюстом [3, с. 362].

Нередко в качестве отдельного повода для критики выборов народных судей выступает низкий уровень образованности избранных судей. Так, в Курской области РСФСР из 87 судей, избранных в ходе выборов 1948–1949 гг., всего 7 человек имели высшее юридическое образование, 58 – среднее юридическое (29 из них обучались заочно), остальные не имели юридического образования. В целом в РСФСР статистика была аналогичная: высшее юридическое образование имели 11,2 % народных судей, среднее юридическое – 49,4 % [Там же, с. 363]. Острота этой проблемы возрастала по мере удаления от центральной части РСФСР. Например, в Хакасской автономной области в конце 1940-х гг. областной суд отменял почти каждое третье решение народных судов. Среди народных судей этого региона в первые годы выборов народных судей нередко встречался низкий уровень юридического образования, а порой и общая безграмотность [14, с. 90–91]. На этом сказались географическая удаленность филиалов Всесоюзного заочного юридического института от Хакасии, затруднявшая получение образования, загруженность на основной работе, семейные обстоятельства [Там же, с. 93].

Нельзя сказать, что эти замечания не имеют под собой оснований, однако, на наш взгляд, необходимо учесть следующее:

Во-первых, учитывая исторический контекст существования процедуры выборов народных судей, следует подчеркнуть, что в условиях ленинского демократического централизма (сочетания подотчетности народу органов власти и централизации вертикали власти) и этатического позитивизма (отождествления общественного и государственного), характерных для данного периода [15, с. 343], партийный контроль и являлся тем самым проявлением народного контроля как сочетание государственного и общественного.

Во-вторых, в тех непростых условиях, в которых советская власть выстраивала систему органов власти практически с нуля, участие партийных органов в этой процедуре было суровой необходимостью. Нет сомнений, что цикл проверочных мероприятий необходим для осуществления любых выборов, в том числе для занятия судейской должности. Такие события, как Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 г., Гражданская война 1917–1922 гг., а затем и Великая Отечественная война 1941–1945 гг., сопровождались сопротивлением враждебных советской государственности сил: это были представители как вооруженных сил иностранных государств, так и активно действующий внутри страны классовый враг. Не стоит забывать и о преступности среди судейского корпуса, которая все же имела место. Так, в военные годы увеличилось количество злоупотреблений и преступлений, совершенных судьями: присвоение вещественных доказательств, злоупотребление должностным положением ради получения материальной выгоды, взятки и т. д. [5, с. 37]. Вышеуказанные факторы побуждали советское руководство крайне внимательно относиться к подбору кандидатов на должности будущих носителей судебной власти, не допуская социально опасные элементы в систему правосудия.

В-третьих, уступки в части образовательного ценза не только позволили справиться с острым дефицитом кадров в послевоенные годы, но и сделали первое звено советской судебной системы по-настоящему народным. Трудности с кадрами в целом были актуальной проблемой советской юстиции долгое время после Революции [16]. Большинство дореволюционных юристов не поддержали советскую власть, из-за чего судьи с дореволюционным стажем были весьма редким явлением [17, с. 10]. Со временем благодаря временной мере избрания судей местными Советами ситуация улучшилась, хоть и оставалась непростой. На 1 октября 1937 г. даже Верховный суд РСФСР был укомплектован на 68 % (46 из 67), а суды второй инстанции – на 40,5 %. Статистика у народных судей была лучше: на 1 мая 1938 г. не хватало 243 судей, или 5,4 % [3, с. 361]. Однако, к сожалению, свои коррективы внесла в кадровое обеспечение начавшаяся Великая Отечественная война. В РСФСР в июле – октябре 1941 г. сменилось 30 % народных судей. Всего за 1941 г. выбыл 2941 судья (82 %). К лету 1942 г. число народных судей РСФСР уменьшилось в два раза по отношению к довоенному времени [5, с. 38–39]. При этом подготовка новых специалистов также существенно замедлилась. Юридические институты закрывались и эвакуировались, а вчерашним студентам приходилось вставать на защиту Родины – в результате в 1941 г. число

выпускников юридических институтов сократилось на 46 % в сравнении с прошлым годом, в 1942 г. из стен юридических вузов вышло всего 426 выпускников, а Всесоюзный юридический заочный институт прекратил работу, выпустив 251 студента в 1941 г. [18, с. 222]. Пока страна пыталась справиться с более насущными проблемами (сначала с войной, а затем и с возвращением к мирной жизни), судебной системе требовались общественно и политически активные работники, готовые учиться практически в процессе правоприменения.

Нарком юстиции Н. М. Рычков также объяснял необязательность образовательного ценза высоким уровнем политической сознательности советского народа, который выступит гарантией избрания кандидатов, заслуживающих доверия [19]. Просматриваемая здесь ленинская идея народного контроля должна была максимально компенсировать недостаток квалификации общепризнанными достойными качествами, политической и общественной активностью кандидата. Конечно, по мере возвращения к мирной жизни образовательному уровню судей уделялось все большее внимание, поскольку глубокие и системные правовые знания всегда положительно сказываются на качестве работы. Уже в начале 1952 г. Минюст СССР приказом от 26.01.1952 № 4 обозначил курс на получение всеми судьями высшего образования [20, с. 134]. Пусть и не сразу, но уровень образованности судей неуклонно повышался. Так, в 1970 г. высшее юридическое образование имели 90 % избранных народных судей [21, с. 16–17], а к концу 1980-х гг. – 100 % [22, с. 81], благодаря чему впервые появилась возможность закрепить высшее юридическое образование как обязательное требование ко всем кандидатам на должность судьи, что было официально закреплено Законом СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР»¹⁵ [23, с. 83].

Д. С. Севрюков подчеркивает, что с момента возникновения Советского государства правительство взяло курс на формирование не профессионального судейского корпуса, а в первую очередь идеологически устойчивого состава суда [7, с. 176]. На наш взгляд, в условиях сохраняющихся социальных противоречий, острого кадрового дефицита, а также коренных и принципиальных изменений действующего законодательства этот курс был наиболее правильным, если не единственно возможным.

Отзыв народного судьи как замыкающее звено народного контроля за кадрами судебных органов

Очевиден и тот факт, что сделанный выбор не всегда оказывается верным, и кандидат по тем или иным причинам может не оправдать оказанного ему доверия. Процедура отзыва народного судьи замыкает механизм народного контроля: она нацелена на то, чтобы добиться подотчетности избранного кандидата народу, его ответственности перед ними.

Впервые указание на отзыв судьи появилось в ст. 84 Положения о Народном суде РСФСР от 30.11.1918¹⁴, но до конца 1930-х гг. право на отзыв (отозвание) принадлежало исполнительным органам. После принятия Конституции СССР 1936 г. порядок отзыва народных судей изменился: как подчеркивает Н. И. Биюшкина, данная модель была введена по аналогии с выборами депутатов советов различных уровней [24, с. 61]. В силу ст. 17 Закона СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» освобождение судей от должности и народных заседателей от их обязанностей допускалось «не иначе, как по отзыву избирателей, или же в силу состоявшегося о них приговора суда»¹⁵.

Однако, поскольку порядок отзыва избирателями фактически не был урегулирован, освобождать народных судей от должности продолжили исполкомы, что происходило в нарушение Закона СССР от 16.08.1938 [6, с. 61].

После внесения изменений в Конституцию СССР 1936 г. об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик и судопроизводстве в 1957 г. наконец появилась возможность урегулирования порядка отзыва народных судей – согласно ст. 35 указанного нормативного акта, порядок досрочного отзыва судей и народных заседателей судов Союза ССР и союзных республик определялся соответственно законодательством Союза ССР и союзных республик¹⁶. В течение 1961–1962 гг. в союзных республиках были изданы акты о порядке досрочного отзыва судей – Положения, утвержденные Указами Президиума Верховных Советов республик.

Основания для отзыва были следующими: народный судья мог быть досрочно отозван, во-первых, если не оправдал доверие избирателей или органа, его избравшего, во-вторых, если совершил действия, «недостойные высокого звания судьи».

¹⁵ О статусе судей в СССР. Закон СССР от 04.08.1989. *Ведомости ВС СССР*. 1989. № 9. Ст. 223.

¹⁴ О Народном Суде РСФСР (Положение). Декрет ВЦИК от 30.11.1918. *Собрание Узаконений*. 1918. № 85. Ст. 889.

¹⁵ О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик...

¹⁶ Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик...

Субъекты инициативы права отзыва были аналогичны субъектам, выдвигавшим кандидатов на выборы народного судьи – общественные организации и общества трудящихся. Они сообщали о постановке вопроса об отзыве самому судье, а судья имел право дать объяснение по мотивам отзыва. Решение об отзыве направлялось в исполнительный комитет районного (городского) Совета депутатов трудящихся. В случае правильности соблюдения процедуры возбуждения вопроса об отзыве исполком назначал проведение голосования об отзыве.

Для решения вопроса об отзыве народного судьи по месту работы, службы или жительства избирателей исполкомами созывались собрания избирателей, правомочные при участии в нем большинства избирателей работающих или проживающих по месту собрания.

Вопрос об отзыве решался открытым голосованием посредством достижения большинства голосов. Для ведения собрания избирался президиум, который вел протокол собрания, фиксировал число избирателей, голосов за или против отзыва, устанавливал результаты голосования [6, с. 64].

После принятия Конституции СССР 1977 г.¹⁷ и соответствующих республиканских конституций в республиках принимались новые законы об отзыве народных судей и народных заседателей, но существенных изменений порядок отзыва народного судьи избирателями не претерпел вплоть до замены на отзыв судьи должностными лицами судейского корпуса или исполнительными органами Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.02.1990¹⁸.

Процедура отзыва судей также критикуется за сильное влияние исполнительных органов. Д. С. Севрюков, оценивая положительно сам факт урегулирования процедуры отзыва народных судей, отмечает решающее участие в этом процессе исполкомов – он поддерживает точку зрения о том, что, по сути, именно исполкомы лишали судью его полномочий. Такое основание отзыва, как *не оправдал доверия*, по его мнению, являлось дискреционным и могло служить инструментом для удаления властями неугодных судей. Кроме того, в силу наличия у исполкомов полномочий как по организации голосования по отзыву, так и по досрочному прекращению полномочий, последние все равно могли прекратить полномочия судьи «по уважительным

причинам», на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РСФСР [Там же, с. 65].

Наша оценка процедуры отзыва народных судей схожа с мнением о выборах. Безусловно, мы видим достаточно сильное влияние исполнительных органов на организацию процедуры отзыва. Однако здесь, как и в случае с выборами, усматривается не только намерение бороться с «неугодными» судьями, но и желание советского государства провести собственную предварительную оценку оснований для отзыва и не допустить необоснованной постановки вопроса о снятии судей с должности. Кроме того, несмотря на все же ограниченный компонент непосредственного народного участия, возможность избирателей выразить свое мнение по поводу личности и деятельности конкретного судьи полностью не исключается.

Концепция выборов и отзыва народных судей в качестве проявлений народного контроля

В результате мы можем говорить о недостаточной демократичности выборов народных судей в Советской России и процедуры их отзыва, однако этот недостаток был обусловлен крайне сложной обстановкой, складывавшейся в стране в течение длительного времени.

Выборы народных судей как проявление народного контроля были несовершенны, но достаточно демократичные требования к кандидатам и вложенный в идею выборов элемент народного участия помогли восполнить острую нехватку кадров. В тех условиях стране Советов пригодились пусть и не высококвалифицированные, но целеустремленные и готовые учиться кандидаты, обладавшие при этом революционным правосознанием, т.е. готовностью содействовать социалистическому строительству и учиться применять принципиально новые нормы права. Чрезвычайно метко охарактеризовал нравы судейского корпуса тех лет председатель окружного суда в г. Салехард Дмитрий Постников в беседе со стажером Марией Малюгиной в 1941 г.: «кроме знания законов судье еще совесть нужна, нет совести – нет судьи, хоть три академии оканчивай»¹⁹.

Поэтому выборы и отзыв народных судей, на наш взгляд, концептуально не должны сводиться к оценке непосредственно профессиональных качеств кандидата или соответствия его требованиям к должности,

¹⁷ Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного совета СССР девятого созыва 07.10.1977). *Ведомости ВС СССР*. 1977. № 41. Ст. 617.

¹⁸ О порядке и размерах возмещения расходов, связанных с исполнением народными заседателями их обязанностей в суде. Указ Президиума Совета РСФСР от 27.02.1990 (утратил силу). *Ведомости ВС РСФСР*. 1990. № 10. Ст. 289.

¹⁹ «Нет совести – нет судьи, хоть три академии оканчивай». *Право.ру*. 15.08.2013. URL: <https://pravo.ru/story/view/87630/> (дата обращения: 27.11.2025).

поскольку не имеющие специального образования или подготовки народные массы не смогут объективно оценить кандидатов в этих качествах. Возникает вопрос: если кандидаты уже прошли легальный этап, связанный с оценкой их биографии и профессионализма, не делает ли это легитимный компонент (то есть непосредственно выборы) пустой формальностью, фикцией? На этот вопрос мы склонны ответить отрицательно. Черты, характеризующие первые выборы народных судей: высокая явка (около 99,87 %), а также преимущественно положительные результаты голосования (около 0,7 % голосов против всех). Это может указывать на то, что и сама процедура, и кандидаты вызывали поддержку и доверие у народа [25, с. 37]. Так государственные органы, принимая кадровые решения, не изолируются от народа, продолжают реализацию его интересов и являются (в контексте упоминавшегося нами этатического позитивизма) единым целым с ним. Выборы, таким образом, представляют собой задокументированное согласие населения с предварительными проверками административных и / или партийных органов, выбор наиболее достойных кандидатов, т. е., по сути, подлинный народный контроль.

Данные процедуры – это скорее выражение отношения политически сознательного народа к личности кандидата, его отношению к своей стране, своему делу, коллегам, иным окружающим его людям. Их основная задача – не допустить к должности народного судьи кандидата, отвечающего формальным требованиям, но не имеющего доверия у народа.

Итак, нам представляется, что проверка профессиональных качеств и соответствия требованиям к должности – это необходимый легальный компонент отбора, нацеленный на оценку компетентности. Непосредственные выборы же – легитимный компонент отбора, призванный выбрать из кандидатов, отвечающих профессиональным требованиям, наиболее достойного, т. е. пользующегося народным доверием.

Логично продолжает этот механизм процедура отзыва народных судей, позволяющая не допустить к дальнейшей работе народного судью, не оправдавшего народного доверия. В ней также присутствует сильный легальный (административно-исполнительный) компонент и легитимный компонент, связанный с непосредственным участием народа в голосовании по отзыву.

Однако, несмотря на имеющиеся успехи, следовало всемерно продолжать внедрять ленинские принципы демократии, в том числе в сфере выборов и отзыва народных судей. К сожалению, после периода деятельности И. В. Сталина на посту руководителя СССР повысить удельный вес народного

участия в выборах народных судей существенно не удалось вплоть до отказа от подобной формы укомплектования судейского корпуса. Процедура отзыва избирателями, напротив, подобралась ближе к своей концептуальной форме уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг., однако (как и выборы народных судей) не полностью реализовала свой потенциал.

Заключение

Следует признать, что процедуры выборов и отзыва народных судей обладают как многими чертами, которые содержатся в понятиях контроля граждан над властью в целом и народного контроля в частности, так и признаками демократической процедуры, т. е. осуществления народовластия.

Если говорить о формировании личного состава, то мы видим, что в обоих случаях речь идет не о некоем конкретно определенном составе лиц, а обо всем населении избирательного округа. Однако при неперсонифицированном характере этих лиц мы можем наблюдать ограничение по территории: избирательным округом является территория деятельности данного народного суда. Следовательно, в выборах и отзыве участвуют именно лица, интересы которых будут защищаться избранным народным судьей. Кроме того, это не противоречит формированию состава контролирующих лиц общественным путем при минимизации формальных процедур: любое лицо, обладавшее активным избирательным правом (гражданин СССР, достигший возраста 18 лет, не признанный в законном порядке умалишенным), обладало правом участвовать в голосовании по выборам или отзыву народного судьи.

Разумеется, избиратели не получали вознаграждения за участие в выборах или голосовании по отзыву, что также характерно для форм народного контроля.

Несмотря на то что советская власть во время первых выборов народных судей вела активную агитацию граждан для обеспечения их явки на выборы, по своей природе участие в голосовании на выборах и по отзыву народных судей является правом. Соответственно, активная гражданская позиция имеет немалое значение как для самого решения участвовать в выборах, так и для ответственного подхода к этому выбору, например общения с другими избирателями, в том числе в коллективе, изучения сведений о кандидатах, публикуемых в средствах массовой информации.

Такой признак, как авторитет, служащий источником влияния на принятие государством решений, для результатов голосования наименее характерен. Следует признать, что результаты голосования являются обязательными в первую очередь в силу

закона, а не признания данной формы контроля эффективной со стороны населения. Однако именно такое признание обеспечивает искомый эффект таких голосований: когда избиратели уверены, что предпочитаемый ими кандидат получит должность, а в случае нарушения ими же будет привлечен к ответственности – это как повышает вовлеченность населения и эффективность выборов и отзыва, так и воспитывает в народном судье чувство ответственности перед населением.

В процедурах выборов и отзыва народных судей можно обнаружить и признаки, характерные непосредственно для народного контроля.

Выборы и отзыв народных судей (как и другие проявления народного контроля) основательно вплетены в систему государственного управления, причем выборы на конституционном уровне, а отзыв – на уровне законодательства о судостроительстве. Положение выборов в этом плане прочнее, однако отзыв продолжает логику избирательной системы по союзной Конституции, предполагая отозвание выборного должностного лица тем же органом или тем же кругом лиц, которые его избрали.

Наличие же реальной обязательности принятого избирателями решения не вызывает сомнений: кандидат, победивший на выборах, занимал должность народного судьи, равно как и кандидат, не оправдавший доверия, освобождался от должности по результату голосования избирателей.

Говоря о реальной эффективности данных институтов, следует признать наличие ограничений демократического элемента в выборах и отзыве народных судей, но их наличие было вызвано объективной необходимостью, обусловленной несколькими факторами. С одной стороны, это сложная кадровая ситуация, возникшая в результате Великой Отечественной войны и предшествовавших ей потрясений, с другой – обусловленная социальными противоречиями необходимость тщательного отбора кандидатов на ответственные судебские должности.

На наш взгляд, выборы народных судей концептуально стоит рассматривать как процедуру, включающую в себя два компонента: легальный и легитимный. Легальный компонент заключается

в проверке кандидатов на соответствие требованиям, установленным в законе, включая отсутствие конфликтов с законом, а также в общей оценке партийными и исполнительными органами компетенции и способностей кандидата. Легитимный же компонент – это непосредственные выборы среди лиц, проживающих на территории деятельности народного судьи, преследующие цель выбрать наиболее достойного и заслуживающего доверия кандидата из тех, кто уже прошел «легальный этап» и соответствует формальным требованиям и профессиональным ожиданиям.

Процедура отзыва народного судьи дополняет выборы и выступает продолжением идеи народного контроля за кадрами народных судов. Легальный компонент, осуществляемый исполкомами, был нацелен на придание процедуре организованной формы и предупреждение необоснованной постановки вопроса об отзыве, а легитимный компонент позволял избирателям принять окончательное решение о доверии или недоверии народному судье.

С нашей точки зрения, учитывая исторический контекст, а также реальные экономические и политические обстоятельства существования институтов выборов и отзыва народных судей в том виде, в котором мы ознакомились с ними в настоящей статье, эти процедуры были довольно прогрессивными и эффективными для своего времени. В сущности, выборы и отзыв народных судей представляли собой именно согласие народа, легитимизирующее вступление в должность кандидатов, прошедших партийные и административные линии проверки, и соответствующее решение по освобождению от должности им же избранного кандидата в случае недоверия, т. е. подлинный народный контроль.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Гончаров А. А. Сущность и понятие гражданского контроля. *Управление общественными и экономическими системами*. 2011. № 2. [Goncharov A. A. Summary of the concept of civic control. *Upravlenie obshchestvennymi i ekonomicheskimi sistemami*, 2011, (2). (In Russ.)]
2. Мумлева М. И. Законодательное регламентирование правового положения советских судей в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2012. № 2. С. 93–98. [Mumleva M. I. Legal education as the qualification requirements to the soviet judges (formation and development). *Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2012, (2): 93–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcfbrbj>

3. Ильина Т. Н., Богданова Н. А. Выборы народных судей в конце 1940-х – начале 1950-х годов: организация, проведение, итоги (на примере Курской области). *Актуальные проблемы государства и права*. 2024. Т. 8. № 3. С. 357–365. [Ilyina T. N., Bogdanova N. A. Elections of people's judges in the late 1940s – early 1950s: Organization, conduct, results (on the example of the Kursk region). *Current Issues of the State and Law*, 2024, 8(3): 357–365. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-357-365>
4. Гинзбург Ю. В. Формирование судейского корпуса в СССР в период с 1930-х по 1950-е годы: основные принципы и подходы. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 4. С. 166–174. [Ginzburg Yu. V. Formation of the judicial corps in the USSR from the 1930s to the 1950s: Basic principles and approaches. *Historical-legal problems: The new viewpoint*, 2019, (4): 166–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwdaml>
5. Кодинцев А. Я. Кадровый состав советских судов в 1941–1945 годах. *Администратор суда*. 2011. № 1. С. 37–40. [Kodintsev A. Ya. The personnel of Soviet courts in 1941–1945. *Administrator suda*, 2011, (1): 37–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntlxcb>
6. Севрюков Д. С. Законодательное регулирование оснований прекращения полномочий судей в 1936–1977 гг. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2013. № 2. С. 59–67. [Sevryukov D. S. The legislative regulation of judges' office termination in the period from 1936 to 1977. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Iurisprudentsiia*, 2013, (2): 59–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qceceb>
7. Севрюков Д. С. Эволюция цензовых требований, предъявляемых к кандидатам на должности народных судей в РСФСР в 1917–1938 гг. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 7-1. С. 172–177. [Sevryukov D. S. Evolution of qualification requirements for candidates for people's judges posts candidates in the RSFSR in 1917–1938. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2013, (7-1): 172–177. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbkngd>
8. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. М.: Изд-во Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов р., с., кр. и казач. депутатов, 1918. 30 с. [Lenin V. I. *The immediate tasks of the Soviet government*. Moscow: Izd-vo Vserossiiskogo tsentralnogo ispolnitelnogo komiteta Sovetov r., s., kr. i kazach. deputatov, 1918, 30. (In Russ.)]
9. Селиванова Е. С. К вопросу о различии в понятиях «народный», «общественный», «гражданский» контроль в научном и прикладном дискурсах. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 5. С. 203–208. [Selivanova E. S. On question of differentiation in notions "public", "social", "civil" control in scientific and applied discourses. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, (5): 203–208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qokypz>
10. Берч Л. А. Именем народа. О выборах народных судей и народных заседателей в Ульяновской области. *Краеведческие записки: Межрег. науч. конф.* (Ульяновск, 19 мая 2023 г.) Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 143–168. [Berch L. A. In the name of the people. On the election of People's Judges and People's Assessors in the Ulyanovsk Region. *Notes on local history: Proc. Interreg. Sci. Conf.*, Ulyanovsk, 19 May 2023. Ulyanovsk: Promotion Technology Corporation, 2023, 143–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/clyipp>
11. Думанивская А. Я. Правовые Основы регулирования выборов народных судей в западных областях Украинской ССР в 1948–1949 гг. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2013. № 1. С. 254–261. [Dumanivska A. Ya. Legal foundations of regulation of elections of People's Judges in the Western regions of the Ukrainian SSR in 1948–1949. *Severny region: Nauka, obrazovanie, kultura*, 2013, (1): 254–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vckfyh>
12. Голунский С. А., Карев Д. С. Судостроительство СССР. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1946. 195 с. [Golunsky S. A., Karev D. S. *The judicial system of the USSR*. Moscow: Iurid. izd-vo Ministerstva iustitsii SSSR, 1946, 195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dyxekz>
13. Труфанов С. В. Кадровая политика в отношении судейского корпуса в Курской области в 50–70 годы XX века. *Наука и современность*. 2011. № 13-1. С. 136–141. [Trufanov S. V. Personnel policy for the judicial corps in the Kursk region in the 1950s–1970s. *Nauka i sovremennost*, 2011, (13-1): 136–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnedyd>
14. Печерский В. А. Судебные органы Хакасской автономной области в послевоенные годы (1945–1953 гг.). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 6-1. С. 88–94. [Pecherskiy V. A. Judicial authorities of the Khakass autonomous region in the postwar years (1945–1953). *Historical and Socio-Educational Idea*, 2016, 8(6-1): 88–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrafep>

15. Немытина М. В., Михеева Ц. Ц. Социальные отношения и право в советском обществе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2017. Т. 21. № 3. С. 331–354. [Nemytina M. V., Mikheeva Ts. Ts. The social relations and law in Soviet society. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, 21(3): 331–354. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354>
16. Егоров С. Г., Трушков С. А., Цеглеев Э. А. Выборы народных судей и народных заседателей в Кировской области в 1948 г. *Вопросы истории*. 2021. № 8-1. С. 244–250. [Egorov S. G., Trushkov S. A., Tsegleev E. A. Elections of people's courts in the Kirov Region in 1948. *Voprosy Istorii*, 2021, (8-1): 244–250. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi20>
17. Крыжан А. В. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 5. С. 5–15. [Kryzhan A. V. The challenges of organizing the people's court as a part of the soviet judicial system. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2020, (5): 5–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V044>
18. Гаврилова А. В., Козлова Н. В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве. *Современная научная мысль*. 2017. № 6. С. 218–225. [Gavrilova A. V., Kozlova N. V. Educational census as a criterion of professionalism in the law-enforcement system in the Soviet state. *Modern scientific thought*, 2017, (6): 218–225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylcana>
19. Рычков Н. М. О проекте «Положения о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»: Доклад и заключит. слова нар. комиссара юстиции СССР на 2 сессии Верховного Совета СССР 1 созыва 15–16 авг. 1938 г. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938 (Ф-ка книги «Кр. Пролетарий»). 56 с. [Rychkov N. M. *On the draft of Regulations on the judicial system of the USSR, Union and Autonomous Republics: Report and conclusion. the words of People's. Commissioner of Justice of the USSR at the 2nd session of the Supreme Soviet of the USSR of the 1st convocation on August 15–16, 1938*. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1938 (F-ka knigi "Kr. proletarii"), 56. (In Russ.)]
20. Пухнаревич С. И. Переподготовка и повышение квалификации судей в России: историко-правовое исследование. *Правосудие*. 2022. Т. 4. № 4. С. 126–145. [Pukhnarevich S. I. Retraining and professional development of judges in Russia: A historical and legal study. *Justice*, 2022, 4(4): 126–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gtszcd>
21. Пашкевич П. Ф. Демократические принципы советского правосудия. М.: Знание, 1975. 47 с. [Pashkevich P. F. *Democratic principles of Soviet justice*. Moscow: Znanie, 1975, 47. (In Russ.)]
22. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование. *Высшее образование в России*. 2013. № 10. С. 77–82. [Serov D. O. Russian judges and higher legal education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2013, (10): 77–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rlzcxh>
23. Гаврилова А. В. Особенности квалификационных требований к юристам и проблемы юридического образования в советский период российской государственности. *Историческое просвещение и юридическое образование в фокусе историко-правовой науки: IV Всерос. форум историков права*. (Тюмень, 23–24 мая 2025 г.) Тюмень: ТюмГУ, 2025. С. 79–86. [Gavrilova A. V. Features of qualification requirements for lawyers and problems of legal education in the soviet period of Russian statehood. *Historical education and legal education in the focus of historical and legal science: Proc. IV All-Russian Forum of Law Historians, Tyumen, 23–24 May 2025*. Tyumen: TSU, 2025, 79–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/olavvq>
24. Биюшкина Н. И. Анализ эволюции статуса советских судей (октябрь 1917–1991 гг.). *Юридическая техника*. 2024. № 18. С. 57–62. [Biyushkina N. I. Analysis of the evolution of the status of soviet judges (October 1917–1991). *Yuridicheskaya tekhnika*, 2024, (18): 57–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qkgigw>
25. Селезнев А. В. Система формирования народных судов в РСФСР в 1948–1949-х гг. (на примере Красноярского края). *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2025. № 4-2. С. 34–39. [Seleznev A. V. The system of formation of people's courts in the RSFSR in 1948–1949 (on the example of the Krasnoyarsk territory). *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2025, (4-2): 34–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-4-2-34-39>

оригинальная статья

eLibrary EDN: FVGAYI

Криминалистические аспекты распознавания дипфейков

Волгин Юрий Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Autor SPIN: 5312-3220

<https://orcid.org/0000-0003-3694-8058>

volgin384@mail.ru

Аннотация: В данной статье на основе анализа криминогенной обстановки в Российской Федерации делается вывод о существенном изменении способов, которые используются лицами при совершении преступлений. В последние годы значительно возросло число преступлений, совершаемых с использованием средств искусственного интеллекта, в частности такого его продукта, как фальсифицированный контент (дипфейк). В целях проведения детального расследования преступлений, совершаемых с использованием дипфейков, и установления всех обстоятельств необходимо иметь четкое представление о признаках и методах, позволяющих распознавать фальсифицированный контент и представлять такие выводы в доказательственной форме. Цель – установить, какие существуют признаки фальсифицированного контента, созданного с использованием средств искусственного интеллекта. Детальное изучение научных публикаций и практической деятельности экспертных подразделений позволило выделить следующие группы признаков фальсифицированного контента: признаки фальсифицированного графического изображения; признаки фальсифицированного звукового сообщения; признаки фальсифицированного видео. Распознавание указанных групп признаков предполагает проведение компьютерной, фонографической, фототехнической, портретной и видеотехнической экспертиз. В целях распознавания отличительных признаков фальсифицированного контента, содержащего голос или изображение конкретных лиц, целесообразно использование возможностей идентификационных экспертиз по динамическим признакам внешности человека и признакам, характеризующим автора сообщений. С учетом наличия разнообразных по своему характеру признаков фальсифицированного контента делается вывод о целесообразности комплексного подхода и назначения комплексных судебных экспертиз.

Ключевые слова: преступление, информационно-телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект, дипфейк, фальсифицированный контент, комплексная судебная экспертиза

Цитирование: Волгин Ю. Г. Криминалистические аспекты распознавания дипфейков. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 376–383. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-376-383>

Поступила в редакцию 29.01.2026. Принята после рецензирования 25.02.2026. Принята в печать 04.03.2026.

original article

Criminal Aspects of Identifying Deepfakes

Yurii G. Volgin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Autor SPIN: 5312-3220

<https://orcid.org/0000-0003-3694-8058>

volgin384@mail.ru

Abstract: The contemporary criminal landscape in the Russian Federation is undergoing a paradigm shift driven by evolving operational methods. It demonstrates a significant surge in offenses that utilize artificial intelligence and AI-generated synthetic media (deepfakes). Conducting effective investigations into these crimes requires a precise comprehension of the markers and detection methodologies necessary to establish robust evidentiary verification in court. Based on a comprehensive review of scientific literature and expert reports, these forensic markers can be categorized by source into image, audio, and video data. Their identification involves an intersection of specialized forensic disciplines, including computer, phonographic, phototechnical, portrait, and video-technical examinations. Detecting signs of manipulation relies on identifying the dynamic features of a subject's altered physical appearance alongside idiolect anomalies within communications, which can be verified through forensic

identification examinations. An integrated approach and a multidisciplinary, complex forensic examination are required given the multi-layered complexity of synthetic AI-generated falsifications.

Keywords: crime, information and telecommunication technologies, artificial intelligence, deepfake, falsified content, complex forensic examination

Citation: Volgin Yu. G. Criminal Aspects of Identifying Deepfakes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 376–383. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-376-383>

Received 29 Jan 2026. Accepted after review 25 Feb 2026. Accepted for publication 4 Mar 2026.

Введение

Анализ криминогенной ситуации в Российской Федерации позволяет сделать вывод о кардинальном изменении подходов лиц, совершающих преступления, к выбору способов. Так, в последние годы широкое распространение имеют преступления, совершаемые с использованием средств искусственного интеллекта. К сожалению, нынешний подход к статистическому учету не дает возможности оценки детальной картины степени распространенности указанной группы преступлений. Вместе с тем о таковой можно судить по косвенным показателям. Так, за 2024 г. официально зарегистрировано 765365 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации¹. За 11 месяцев 2025 г. было зарегистрировано 627037 преступлений данного вида². По состоянию на 2017 г. (год, с которого был введен официальный учет преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации) рассматриваемый показатель составлял 90587 преступлений³. Число совершаемых преступлений указанного вида за эти годы увеличилось почти в 8,5 раз, а их доля в общей массе зарегистрированных преступлений возросла с 4,00 % до 40,05 %.

А. А. Бессонов также указывает на расширение видов преступлений, которые совершаются с использованием информационных технологий [1, с. 29]. Среди преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, особо следует выделить именно преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта.

В своем исследовании М. А. Иващенко делает вывод о появлении новой формы организованной преступности – совершение преступлений с использованием искусственного интеллекта [2, с. 139].

Объяснение данному феномену приводят в своих публикациях такие авторы, как Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева [3, с. 130], Р. И. Дремлюга [4, с. 161], О. Б. Дронова [5, с. 13], Я. А. Климова [6, с. 82], Е. И. Пырьева и коллеги [7, с. 208]. В качестве объяснений данному феномену они выделяют:

1) повышение эффективности преступного воздействия за счет возможностей анализа средствами искусственного интеллекта больших объемов финансовой и иной информации, изменения значительных массивов информации, а также возможностей по созданию вредоносного кода;

2) минимизируются риски со стороны лиц, использующих данные средства в целях совершения преступлений, чему способствует значительное его удаление от предмета преступного посягательства, а также трудности по выявлению и фиксации следов совершенного преступления;

3) расширяется число лиц, в отношении которых предпринимаются попытки совершить преступление;

4) относительная доступность средств искусственного интеллекта, включая аппаратно-технические.

Отдельно следует указать на крайне низкую раскрываемость преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. За 2024 г. было раскрыто всего 172627 преступлений (22,55 %) ⁴.

В качестве еще одного аргумента, определяющего необходимость рассмотрения криминалистических аспектов, связанных с раскрытием и расследованием

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. М., 2025. С. 6. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 12.01.2026).

² Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2025 года. М., 2026. С. 6. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/16106985> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года. М., 2018. С. 4. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1241295> (дата обращения: 12.01.2026).

⁴ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года...

преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, следует указать, что, помимо требования ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) по выяснению всех обстоятельств совершения преступления, в последнее время появилась точка зрения о целесообразности оценки самого факта использования искусственного интеллекта в преступных целях в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, с включением такового в перечень обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Так, президент Российской Федерации В. В. Путин в своем поручении от 5 марта 2025 г. указал на необходимость рассмотрения вопроса «о целесообразности признания в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность или наказание, использования при совершении правонарушения (преступления) технологий искусственного интеллекта»⁵.

Группа депутатов Государственной Думы, в которую входят С. М. Миронов, Я. В. Лантратова, О. А. Нилов, Н. В. Новичков, А. А. Кузнецов, М. Г. Делягин, Д. Г. Гусев и А. С. Аксененко, в апреле 2025 г. внесла на рассмотрение законопроект о дополнении соответствующим положением ст. 63 УК РФ⁶. Несмотря на отклонение данного законопроекта профильным Комитетом по государственному строительству и законодательству по формальным основаниям, данный вопрос остается открытым.

О необходимости включения использования искусственного интеллекта при совершении преступлений в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, рассуждают и такие специалисты уголовного права, как И. С. Алихаджиева [8, с. 168], Э. Р. Гафурова [9, с. 208], Е. В. Зотина [10, с. 80].

В целях распознавания фальсифицированного контента при расследовании преступлений, совершаемых с использованием дипфейков, важно иметь детальное представление об их криминалистически значимых признаках, а также сформулировать предложения по формированию методических основ проведения экспертных исследований.

Методы и материалы

При проведении исследования были использованы сравнительный и системный анализ научных публикаций по проблемам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием средств искусственного интеллекта, а также практики проведения экспертных исследований сотрудниками

Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД по Кемеровской области – Кузбассу и Кемеровской лаборатории судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации.

Применялся также классификационный метод логики, что дало возможность выделить группы признаков, позволяющих распознавать фальсифицированный контент.

Многомерный подход, заключающийся в осуществлении исследования по нескольким взаимосвязанным направлениям, позволил сформировать целостное представление о свойствах такого сложного объекта, как дипфейк.

Результаты

Основные направления использования средств искусственного интеллекта в преступных целях рассматриваются такими исследователями, как А. А. Бессонов [1, с. 28–29], Р. И. Дремлюга [4, с. 161], В. Б. Батоев и А. В. Руденко [11, с. 91], Ю. А. Даниленко [12, с. 237], П. А. Пикалов [13, с. 57], Я. А. Климова [14, с. 32–33; 15, с. 137], С. В. Лемайкина [16, с. 120; 17, с. 144–145], Г. В. Макович [18, с. 72]. Анализ работ указанных авторов позволяет выделить следующие основные направления: мошенничество (кибермошенничество) и вымогательство; посягательство на национальную безопасность государства; кибератаки на информационные ресурсы; создание и изменение сексуального контента, а также сексуальная эксплуатация детей.

В качестве непосредственных способов использования средств искусственного интеллекта в преступных целях выделяют: создание (генерация) фальсифицированного контента; автоматизация кибератак на пароли и системы безопасности; использование искусственного интеллекта в качестве инструмента социальной инженерии; разработка сценариев будущих преступлений.

Среди указанных способов использования искусственного интеллекта при совершении преступлений следует выделить генерацию фальсифицированного контента – создание так называемых дипфейков. Изначально технология создания дипфейков была ориентирована на использование в развлекательных целях. Их и сейчас применяют в архитектуре, киноиндустрии, искусстве, образовании, рекламе и маркетинговых исследованиях [19, с. 114]. Не обошли своим вниманием предоставляемые технологией дипфейков возможности также и лица, совершающие преступления.

⁵ Перечень поручений Президента РФ по итогам совещания с членами Правительства 5 марта 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76615> (дата обращения: 06.01.2026).

⁶ О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса РФ. Законопроект № 885494-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8> (дата обращения: 06.01.2026).

Стоит заметить, что в настоящее время термин *дипфейк* не имеет общепринятого определения. И. А. Воронин и Д. П. Гавра разделяют точки зрения на понятие *дипфейк* на три группы: техноцентричный подход, нормативный подход и синтетический подход [20, с. 31–35]. Однако, по нашему мнению, в рамках рассматриваемой проблемы следует за основу принять дефиницию, которую сформулировали Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева. Ими предлагается под дипфейком понимать «цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом» [21, с. 178].

Поддельный контент (дипфейк), как указывает С. В. Лемайкина, создается с целями последующего использования в качестве: дезинформации и распространения фальсифицированных новостей; фальсифицированных аккаунтов известных личностей; фальсифицированной порнографии [16, с. 120; 17, с. 144–145].

Изучение практики деятельности сотрудников Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД по Кемеровской области – Кузбассу позволило установить, что помимо создания фальсифицированных аккаунтов известных личностей, генерируются также и аккаунты несуществующих (вымышленных) лиц.

После создания фальсифицированный контент для реализации преступного замысла целенаправленно доводится до аудитории. А. Л. Осипенко, положив в основу анализа публикации зарубежных и отечественных специалистов, выделяет следующие каналы донесения до адресатов фальсифицированного контента (содержания дипфейков): традиционные средства массовой информации; устные коммуникации; социальные сети; мессенджеры и чаты; интернет-сайты и блоги; электронная почта [22, с. 17–18].

Детальное изучение научных публикаций, авторами которых являются В. Б. Батоев, А. В. Руденко [11, с. 91], Я. А. Климова [14, с. 33–34], Ю. С. Гречкина, И. К. Карабинцева [19, с. 115–117], А. М. Андриянов, О. В. Баяк [23, с. 170], И. Н. Поздняк [24, с. 75], а также практики деятельности Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД по Кемеровской области – Кузбассу и Кемеровской лаборатории судебных экспертиз Министерства юстиции РФ позволяет выделить следующие группы признаков фальсифицированного контента, созданного с использованием средств искусственного интеллекта: признаки фальсифицированного графического изображения; фальсифицированного звукового сообщения; фальсифицированного видео. Аналогичную

точку зрения в выделении видов дипфейков выражают также Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева. Вместе с тем данные ученые обозначают и виды, являющиеся сочетанием вышеуказанных [21].

Признаками фальсифицированного графического изображения, как указывают М. В. Бабичева и И. А. Третьяков, являются различные аномалии и артефакты [25, с. 95]. К таковым следует отнести:

- муар, который представляет собой волнообразный узор, возникающий из-за наложения одного пиксельного изображения на другое;
- излишнюю пикселизацию, при которой группы отдельных пикселей, формирующих изображение, заменяются одноцветными пикселями;
- нечеткое или смазанное изображение;
- механический и неестественный характер лица или лиц;
- различие в освещенности и тенях отдельных элементов изображений;
- нарушение детализации отдельных элементов изображений.

Признаками, указывающими на наличие фальсифицированного звукового сообщения или звуковой дорожки, могут быть: дрожание речи; внезапное изменение тембра речи; отсутствие пауз, вызванных необходимостью перевести дыхание.

Признаки фальсифицированного видео:

- неестественные движения как лиц, так и иных элементов вещной обстановки, формирующих видеоизображение;
- неестественная мимика (лицевые экспрессии) человека;
- отсутствие синхронизации между речью и движениями губ, запаздывание речи;
- полное отсутствие моргания или же видеоизображение человека, при котором частота моргания намного реже чем в реальной жизни;
- диспропорции во внешности, причёске и голосе, которые возникают при изменении речевых параметров технологии синтеза речи;
- понижение качества видео как попытка скрыть факт использования дипфейка.

Распознавание дипфейка, по утверждениям специалистов, возможно благодаря выявлению наличия указанных признаков и осуществляется двумя путями: посредством использования программных средств либо посредством проведения судебных экспертиз.

Так, уже сейчас для распознавания дипфейков используются различные программные средства. В публикациях В. Б. Батоева, А. В. Руденко [11, с. 92], Л. С. Макаровой и коллег [26, с. 24] упоминаются следующие разработки ведущих зарубежных IT-компаний: Microsoft Video AI Authenticator, Intel FakeCatcher, Sentinel AI, Sensity AI, Deepware Scanner,

WeVerify Deepfake Detection Tool. Приводятся ими также примеры отечественных IT-решений, позволяющих распознавать дипфейки, а именно: ИС «Вебрь», ПО «Зефир», технические решения ПАО «Сбербанк», Deep-Fake-детектор.

Необходимо указать на то, что программный способ позволяет решать задачи оперативного распознавания и профилактики.

Для формирования методических основ проведения экспертных исследований при расследовании преступлений, совершаемых с использованием фальсифицированного контента, необходим несколько иной взгляд на признаки дипфейков.

По нашему глубокому убеждению, признаки, по которым распознаются дипфейки, следует разделять с использованием многомерного подхода по следующим основаниям: по характеру контента (виду информации, имеющей признаки фальсификации); по характеру причин, определяющих появление признаков, по которым возможно распознавание фальсифицированного контента.

Предлагаемый нами подход позволяет:

1) определить конкретный вид судебной экспертизы, при проведении которой будет сделан вывод о наличии признаков, указывающих на фальсификацию контента;

2) сформировать методические рекомендации по проведению экспертного исследования цифрового фальсифицированного контента.

Ранее нами были выделены такие виды фальсифицированного контента, как аудио (звуковое сообщение), графическое изображение и видео. Именно они представляют собой соответствующие объекты экспертного исследования. Так, исследование фальсифицированного аудио требует проведения фонографической экспертизы, исследование графического изображения – фототехнической или портретной, исследование видео – видеотехнической.

Вместе с тем Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева выделяют такие разновидности фальсифицированного контента, как сочетание звука и графики; сочетание текста, графики и звука [21]. Отмеченные обстоятельства, несомненно, требуют комплексной оценки разнородной информации, т. е. назначения и проведения комплексных экспертиз.

Также необходимо рассмотреть, что является причинами возникновения отличительных признаков дипфейков. К таковым следует отнести: техническое несовершенство средства искусственного интеллекта, использованного при создании контента; наличие отличительных признаков, присущих лицу, чей образ фальсифицируется (например, динамические признаки внешности, авторская лексика).

Именно различие признаков, характеризующих «оригинал» (лицо, чей исходный «образ» был

использован в качестве основы генерации фальсифицированного контента), может служить основой распознавания дипфейка.

В этом отношении весьма интересна позиция Г. В. Маковича, по мнению которого могут быть применены идиолектные маркеры речи, являющиеся индивидуальными языковыми особенностями, используемыми «для авторской атрибуции синтетических материалов» [18, с. 72]. Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева вносят предложение по проведению автороведческой экспертизы для распознавания авторства речевого содержания контента [27, с. 137]. Также авторы ведут речь о необходимости комплексного подхода для распознавания синтезированного аудиального контента [Там же, с. 138]. Нами полностью разделяется точка зрения И. Н. Позняка, указывающего на целесообразность применения комплексного подхода при распознавании дипфейков с привлечением экспертов из различных отраслей знаний, компетентных в проведении портретных, компьютерно-технических и фоноскопических видов экспертиз, а также специалистов из других областей [24, с. 75].

Важным представляется не только характеристика признаков, по которым осуществляется распознавание дипфейков, но и методы решения данной задачи. К таким методам С. В. Лемайкина относит анализ качества изображений; статистический анализ; выявление артефактов, специфичных для фальсифицированного контента; выявление временных или пространственных несоответствий [16, с. 121–122]. Данные методы выработаны различными отраслями научных знаний.

Заключение

На основании проведенного исследования установлено, что указанные признаки дипфейков могут быть использованы для распознавания таковых при проведении судебных экспертиз. Также в качестве рекомендации следует указать на целесообразность комплексного характера таких экспертиз, который требует собственно назначение комплексных экспертиз; привлечение для проведения экспертиз специалистов различных отраслей науки и техники; применение методов проведения исследований, заимствованных из смежных с криминалистикой, прежде всего технических, наук.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Бессонов А. А. Киберпреступность: тенденции и перспективы. *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2024. № 3. С. 23–30. [Bessonov A. A. Cybercrime: Trends and prospects. *Investigation of crimes: problems and solution*, 2024, (3): 23–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.54217/2411-1627.2024.45.3.002>
2. Иващенко М. А. Новые технологии и их влияние на трансформацию организованной преступности в России. *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2020. № 4. С. 136–140. [Ivashchenko M. A. New technologies and their impact on the transformation of organized crime in Russia. *Investigation of crimes: problems and solution*, 2020, (4): 136–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kqouyr>
3. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Судебно-экспертное противодействие дипфейк-дезинформации. *Союз криминалистов и криминологов*. 2024. № 4. С. 129–142. [Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Forensic countering of deepfake disinformation. *Union of Criminalists and Criminologists*, 2024, (4): 129–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2024-4-216-129-142>
4. Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2021. Т. 23. № 3. С. 153–165. [Dremluga R. I. Application of artificial intelligence for criminal purposes from criminal law perspective. *Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 2021, 23(3): 153–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>
5. Дронова О. Б. Криминалистические аспекты преступности в цифровом обществе: современные проблемы и перспективы развития. *На страже закона*. 2024. № 4. С. 11–16. [Dronova O. B. Forensic aspects of combating crime in digital society: Modern problems and development prospects. *Law enforcement*, 2024, (4): 11–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/roodvv>
6. Климова Я. А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2023. № 1. С. 81–87. [Klimova Ya. A. Artificial intelligence and digital evidences while investigating crimes committed through the use of modern information and communication technologies. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 2023, (1): 81–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A079>
7. Пырьева Е. И., Попова Н. В., Лихачева Е. А. Наиболее значимые элементы криминалистической характеристики хищений, совершаемых с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий. *Вестник Воронежского института ФСИН России*. 2025. № 2. С. 208–215. [Puryeva E. I., Popova N. V., Likhacheva E. A. The most significant elements of the criminalistic characteristics of thefts committed using methods of social engineering and information and telecommunication technologies. *Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2025, (2): 208–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dllcas>
8. Алихаджиева И. С. Перспективы установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности (законопроект № 718538-8). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2025. Т. 15. № 2. С. 154–171. [Alikhadzhieva I. S. Prospects for establishing criminal liability for crimes involving the use of identity substitution technologies (Draft Law № 718538-8). *Proceedings of Southwest State University. Series: History and law*, 2025, 15(2): 154–171. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-154-171>
9. Гафурова Э. Р. Совершение преступлений с использованием искусственного интеллекта как новая форма организованной преступности. *Правовые взгляды Анатолия Федоровича Кони и их влияние на развитие судебной системы*: Междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 27–28 марта 2024 г.) Ижевск: ВГУЮ, 2024. С. 206–209. [Gafurova E. R. Committing crimes using artificial intelligence as a new form of organized crime. *Anatoly F. Koni' views on law and their influence on the development of the judicial system*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Izhevsk, 27–28 Mar 2024. Izhevsk: ARSUJ, 2024, 206–209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hufyoe>
10. Зотина Е. В. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2024. Т. 15. № 3. С. 72–82. [Zotina E. V. Criminal aspect of public telecommunications networks crime and social engineering prevention. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2024, 15(3): 72–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8>
11. Батоев В. Б., Руденко А. В. О детекции дипфейков, используемых в преступной деятельности. *Юристы-Правоведь*. 2025. № 1. С. 87–94. [Batoev V. B., Rudenko A. V. On the identification of deepfakes used in criminal activity. *Jurist-Pravoved*, 2025, (1): 87–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dzydcd>

12. Даниленко Ю. А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. Т. 9. № 4. С. 232–240. [Danilenko Yu. A. The use of artificial intelligence for criminal purposes: Criminal and legal characteristics. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2023, 9(4): 232–240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxvlsn>
13. Пикалов П. А. Кибермошенничество с использованием искусственного интеллекта. *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями*. 2024. № 2. С. 56–59. [Pikalov P. A. Cyber fraud using artificial intelligence. *Current Issues in Crime Control*, 2024, (2): 56–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dqklru>
14. Климова Я. А. Криминалистический анализ преступлений, совершенных с использованием дипфейк-технологии. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 2. С. 29–35. [Klimova Ya. A. Forensic analysis of crimes committed using deepfake technology. *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, (2): 29–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dwwtgc>
15. Климова Я. А. Основные положения частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных с использованием технологии дипфейк: от теории к практике киберследствия. *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20. № 10. С. 133–143. [Klimova Ya. A. Core principles of a special forensic methodology for investigating crimes committed using deepfake technology: From theory to cyber-investigation practice. *Actual Problems of Russian Law*, 2025, 20(10): 133–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.179.10.133-143>
16. Лемайкина С. В. Методы обнаружения фальсификации информационного контента. *Философия права*. 2023. № 3. С. 119–124. [Lemaikina S. V. Methods for detecting falsification of information content. *Philosophy of Law*, 2023, (3): 119–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ejqkqb>
17. Лемайкина С. В. Проблемы противодействия использованию дипфейков в преступных целях. *Юрист-Правовед*. 2023. № 2. С. 143–148. [Lemaikina S. V. Problems of combating the use of deepfakes for criminal purposes. *Jurist-Pravoved*, 2023, (2): 143–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjcpim>
18. Макович Г. В. Идиолектные маркеры в дипфейках как метод идентификации субъекта контента в юридической практике. *Вестник филологических наук*. 2025. Т. 5. № 6. С. 71–75. [Makovich G. V. Idiolect markers in deepfakes as a method of identifying the subject of content in legal practice. *Philological Sciences Bulletin*, 2025, 5(6): 71–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbzjcm>
19. Гречкина Ю. С., Карабинцева И. К. О некоторых признаках обнаружения дипфейков. *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*. 2025. № 2. С. 113–118. [Grechkina Yu. S., Karabintseva I. K. About some signs of deepfake detection. *Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*, 2025, (2): 113–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgvfbb>
20. Воронин И. А., Гавра Д. П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы. *Российская школа связей с общественностью*. 2024. № 33. С. 28–47. [Voronin I. A., Gavra D. P. Deepfakes: Modern understanding, approaches to definition, characteristics, problems and prospects. *Russian School of Public Relations*, 2024, (33): 28–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47>
21. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2023. Т. 48. № 4. С. 173–181. [Bodrov N. F., Lebedeva A. K. The concept of deepfake in Russian law, its classification and problems of legal regulation. *Law Herald of Dagestan State University*, 2023, 48(4): 173–181. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2023-48-4-173-181>
22. Осипенко А. Л. Дезинформация в криминальной деятельности и противодействие ей в условиях цифровизации. *Общество и право*. 2025. № 1. С. 14–23. [Osipenko A. L. Disinformation in criminal activity and counteraction to it in the context of digitalization. *Society and Law*, 2025, (1): 14–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hrpsma>
23. Андриянов А. М., Баюк О. В. Дипфейк как угроза информационной безопасности России и инструмент манипуляции и обмана. *Научно-технический вестник Поволжья*. 2025. № 1. С. 169–172. [Andriyanov A. M., Bayuk O. V. Deepfake as a threat to Russia's information security and a manipulation and deception tool. *Scientific and Technical Volga Region Bulletin*, 2025, (1): 169–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iaemqz>
24. Поздняк И. Н. Цифровые угрозы в современном мире: технология deepfake. *Судебная экспертиза Белоруси*. 2024. № 2. С. 72–77. [Pozdnjak I. N. Digital threats in the modern world: Deepfake technology. *Forensic Examination of Belarus*, 2024, (2): 72–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfiub>

25. Бабичева М. В., Третьяков И. А. Автоматизация процедуры распознавания фальшивых изображений посредством нейронных сетей. *Проблемы искусственного интеллекта*. 2025. № 1. С. 94–105. [Babicheva M. V., Tretiakov I. A. Avtomatoin is a procedure for deepfake image detection using neural networks. *Problems of Artificial Intelligence*, 2025, (1): 94–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2413-7383-94-105>
26. Макарова Л. С., Баташев Ю. В., Солодовников А. Г., Померанцев И. В. Дипфейк как феномен современного информационного пространства. *Челябинский гуманитарий*. 2024. № 3. С. 24–35. [Makarova L. S., Batashev Yu. V., Solodovnikov A. G., Pomerantsev I. V. Deepfake as a phenomenon of the modern information space. *Chelyabinskij gumanitarij*, 2024, (3): 24–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2024-68-3-24-35>
27. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Судебно-экспертное противодействие дипфейк-дезинформации. *Союз криминалистов и криминологов*. 2024. № 4. С. 129–142. [Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Forensic countering of deepfake disinformation. *Union of Criminalists and Criminologists*, 2024, (4): 129–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2024-4-216-129-142>

оригинальная статья

eLibrary EDN: EAADJC

Способы и средства получения и оценки правдивых показаний: генезис, тенденции развития, классификация

Курбатова Светлана Михайловна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

Красноярский государственный аграрный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 6197-2655

<https://orcid.org/0000-0001-8518-9233>

ksm-2024@mail.ru

Аннотация: Цель – исследовать роль и значение различных способов и средств, используемых для получения и оценки правдивых показаний. В исторической ретроспективе проанализированы разные технологии распознавания лжи, в том числе дошедшие до наших дней и так или иначе используемые в производстве по уголовным делам и не только. Исследованы современные способы получения и оценки правдивости показаний, применяемые в разных юридически значимых процедурах. Рассмотрена возможность применения данных способов в уголовном судопроизводстве. Сформулированы тенденции дальнейшего развития основных направлений по разработке способов и средств для выявления лжи в информации, исходящей от конкретного лица, определяемой по вербальным и невербальным признакам, данным физиологических и электрохимических процессов, происходящих в человеческом организме. Предложена классификация современных технологий, в той или иной степени применяющихся в разных странах для обеспечения получения правдивых показаний: по времени их применения; по способу передачи проверяемой информации; по субъекту оценивания правдивости излагаемой информации и др. Отмечен ряд особенностей и необходимых допущений для применения способов и средств выявления лжи в производстве по уголовному делу. Выделены принципы допустимости использования технологий по выявлению лжи в отношении участников уголовного судопроизводства. Сформулирован вывод о приоритете прав человека в вопросах использования технологий выявления лжи и определения правдивости в показаниях лиц, участвующих в производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: информация, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация, уголовное дело, показания, допрос, тактика допроса, средства идентификации лжи в криминалистике, технологии получения показаний, доказательственная информация, допустимость сведений, достоверность сведений

Цитирование: Курбатова С. М. Способы и средства получения и оценки правдивых показаний: генезис, тенденции развития, классификация. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 384–393. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-384-393>

Поступила в редакцию 19.02.2026. Принята после рецензирования 13.03.2026. Принята в печать 23.03.2026.

original article

Obtaining and Evaluating Truthful Testimony: Evolution and Classification

Svetlana M. Kurbatova

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 6197-2655

<https://orcid.org/0000-0001-8518-9233>

ksm-2024@mail.ru

Abstract: Advanced credibility assessment technologies rely on verbal and non-verbal cues, as well as physiological and electrochemical processes. This article explores the role and significance of various methods used to obtain and evaluate testimony during criminal investigation. It provides a historical overview of contemporary deception-detecting technologies used in criminal proceedings and various legal procedures. The author developed an international classification of modern credibility assessment technologies based on timing, data transmission

methods, and the type of credibility assessor. The application of credibility assessment technologies in criminal proceedings is strictly limited by admissibility principles and is subject to the priority of human rights regarding individuals giving testimony during criminal proceedings.

Keywords: information, verbal communication, non-verbal communication, criminal case, testimony, interrogation, interrogation tactics, means of identifying lies in criminology, technologies for obtaining testimony, evidence information, admissibility of information, reliability of information

Citation: Kurbatova S. M. Obtaining and Evaluating Truthful Testimony: Evolution and Classification. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 384–393. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-384-393>

Received 19 Feb 2026. Accepted after review 13 Mar 2026. Accepted for publication 23 Mar 2026.

Введение

Изначально, с появлением социума, взаимодействие между людьми осуществлялось на основе честности и правдивости. Честность в словах и действиях – важный компонент эффективной коммуникации, который помогает выстраивать доверительные отношения, принимать решения и реализовывать их, в том числе посредством совместных действий. То, что человечество развивалось по пути правды, а не лжи, свидетельствует о том, что эмпирическим путем объективно установлена важность первой и деструктивность второй характеристики поведения лиц в коммуникативных ситуациях. Правда отражает соответствие знаний окружающему миру, выражает степень адекватности оценок социальных отношений и поведения людей. Тогда как ложь – это умышленная передача сведений, не соответствующих действительности, т. е. лицо знает, что говорит неправду, делает это сознательно. Например, сведения, которые содержатся в передаваемой информации, не соответствуют правде (явная ложь), либо они количественно или качественно больше истинных данных (преувеличение), либо они поданы так, что вроде бы несут в себе истину, но на самом деле направлены на то, чтобы обмануть (тонкая ложь). При этом понимание правды субъективно, т. к. каждый человек основывается при этом на собственных критериях правдивости [1, с. 109–110]. Более того, в бытовых отношениях правда без прикрас может создавать определенные проблемы. Человек живет в социуме с установленными правилами поведения, а это накладывает определенный отпечаток на формат общения. В психологии непрощенная правда рассматривается как попытка установить иерархию в отношениях, причем, как правило, это осуществляется только в отношении более слабых субъектов. В клинической психологии честность без эмпатии рассматривается как дисфункция префронтальной коры, отвечающей за социальное взаимодействие. У некоторых людей выявлен феномен *everyday sadism* (*повседневный садизм*), проявляющийся в виде

получаемого удовольствия от наблюдения за чужими замешательством и болью. Одной из его разновидностей как раз и является проявление *агрессивной прямолинейности*, т. е. жесткой честности, которая сопровождается дофаминовой реакцией в мозгу [2, с. 331–332]. В рамках концепции *radical candor* (*радикальная простота*) сформулирован постулат: «критика без заботы о человеке – это оскорбительная агрессия» [3, с. 25] и делается вывод, что публичная «честность» без сострадания – это маркер социопатии [Там же, с. 31].

Однако необходимость разграничения ложных и правдивых сведений приобретает особое значение, когда речь идет о публичных интересах, т. к. вред, который может быть причинен ложью, в этом случае может иметь правовые последствия. В основе различных видов юридических процедур лежит стремление к поиску истины вообще и по конкретному вопросу в частности. Особенно актуально это для судебных производств, где действующий от имени государства орган власти должен рассмотреть дело по существу, установить все имеющие значение обстоятельства, найти истину и вынести соответствующее законное и обоснованное решение. Поэтому правдивость показаний, которые дают участники судебного процесса, приобретает особую юридическую значимость, т. к. влияет на его результат. Причем в уголовном судопроизводстве, учитывая его стадийность, это имеет значение не только в судебном, но и в досудебном производстве, где действующее законодательство предусматривает целый ряд процессуальных действий, направленных на получение информации от его участников (допрос, очная ставка и пр. [4, с. 57–58]). Это, а также специфика уголовно-процессуальных отношений, равно как необходимость решения вопросов, напрямую связанных с конституционными правами человека, обуславливает повышенное внимание исследователей к изучению проблем получения правдивых показаний и выявлению ложных сведений именно в данном виде судопроизводства.

Цель работы – исследовать роль и значение различных способов и средств, используемых для получения и оценки правдивых показаний.

Результаты

Исторический анализ способов выявления лжи

Тысячелетия в общении между людьми существует такой извечный вопрос, как *Правда это или ложь?* Для ответа на него изыскивались разные способы и применялись разные средства. Анализ таких способов и средств позволяет подразделить их на несколько групп:

1. Некоторые способы, к которым прибегали в прошлые века, воспринимаются в настоящем времени со снисхождением, основанном на понимании уровня развития общества тех времен и объема имеющихся знаний у людей того времени. Например, около 500 г. до н.э. в Древней Индии лицу, подозреваемому в совершении преступления, последовательно озвучивались слова, как связанные с вменяемым ему деянием, так и не связанные с ним. В ответ на каждое названное ему слово подозреваемый также должен был произносить ответное слово, первое, что пришло ему по ассоциации. При этом он должен был одновременно тихо бить в гонг. Считалось, что на маркерные слова лицо будет бить громче, т.к. на них у него проявляются яркие ассоциации, которые выражаются в силе удара. В Древнем Риме были так называемые *Уста Истины (Vocca della Verita)* – высеченное из камня лицо-маска божества Правды, где вместо рта было отверстие, куда допрашиваемый должен был вложить свою руку и отвечать на вопросы. Было мнение, что каменное изваяние откусывает руки лжецам, поэтому страх лишиться данной части тела стимулировал к даче правдивых показаний. В Африке допрашиваемому давали в руки яйцо, которое, как считалось, лжец раздавит от избытка эмоций.

2. Другие способы поражают своей жестокостью. Так, сохранились свидетельства, когда в Древней Спарте будущего воина ставили на краю скалы и задавали разные вопросы, причем не имело особого значения, что прозвучит в ответ – правда или ложь, т.к. в первую очередь проверялось наличие или отсутствие признаков страха: если молодой человек при ответе на какой-то вопрос бледнел, то его стаскивали со скалы, ведь, как считалось, он, во-первых, жет, а во-вторых, еще и боится – от труса и лжеца не будет пользы в боевых сражениях¹.

В некоторых племенах африканских государств применялся отвар *дерева красной воды*

(*erythrophleum guineense*), используемый сейчас в промышленных целях и по-разному действующий на людей, вплоть до серьезного отравления или летального исхода. Именно последнее являлось фактором, определяющим достоверность показаний – если его употребление не причиняло вреда жизни и здоровью, что зависело, на самом деле, от концентрации вещества, то считалось, что человек говорил правду, если наоборот, то он лгал [5, с. 608].

Испытания или Суды Божие, ордалии (лат. *Judicium Dei*; англосак. *ordâl*; нем. *Urteil*) широко применялись в Раннем Средневековье (хотя есть свидетельства и о более ранних периодах [6]) как способ установления истины благодаря, как считалось, прямому вмешательству Бога. В основе лежало убеждение, основанное на твердой вере в то, что всеведущий и доброжелательный Бог не позволит невиновному быть признанным виновным и, следовательно, наказанным, и что Он вмешается (даже чудесным образом), если потребует, чтобы восторжествовала правда. Испытания были двух видов: те, что совершались только обвиняемым лицом, и те, в которых участвовали обе стороны дела. Как правило, последнее означало их сражение «не на жизнь, а на смерть», где выживший воспринимался как человек, за кем правда в этом споре. Суд Божий для обвиняемого лица означал необходимость подтверждения правдивости сказанных им сведений через прохождение суровой проверки на честность. Испытания были различными у разных народов. Например, среди германских народов как в самой Германии, так и в королевствах, возникших после миграций в древнеримские провинции Галлия, Италия и Бретань, получил распространение ордалий в виде необходимости удержания в руке бруска раскаленного железа. Другие варианты – обвиняемый должен был пройти определенное расстояние (девять футов у англосаксов), неся в руках раскаленный прут; либо ходить босиком по плугам (обычно девяти), также нагретых до красного цвета. Если лицу удавалось пройти испытание не пострадав, его невиновность считалась доказанной, соответственно, то, что он говорил, признавалось правдой. Были и другие виды ордалий (погружение руки в кипяток, бросание связанного человека в реку и др.), но все они носили характер риска для здоровья и жизни, и пройти такие испытания невредимым априори было невозможно².

Конечно, на многие века в разных странах прочно укоренилась практика применения пыток

¹ Свираев А. История полиграфа. Детекция лжи. Часть 1. *LiveJournal*. 02.02.2013. URL: <http://a-svirayev.livejournal.com/7454.html> (дата обращения: 10.02.2026).

² Kirsch J. P. *Ordeals. The catholic encyclopedia*. New York: Robert Appleton Company, 1911. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11276b.htm> (accessed 10 Jan 2026).

для получения «правдивых» показаний, причем их разнообразие и изощренность поражает и ужасает [7; 8].

3. Отдельные способы заслуживают внимания и сегодня, т. к. основаны на понимании особенностей человеческого организма еще в те времена³ [9]: например, в X в. до н. э. в Китае допрашиваемому клали в рот сухой рис – было замечено, что из-за волнения у человека выделяется меньше слюны, а ложь и обстановка допроса как раз таки обуславливали данное эмоциональное состояние. Поэтому, если спустя несколько минут рис во рту оставался сухим, то это расценивалось как дача данным человеком ложных показаний. В дальнейшем подобный подход был использован в средневековой Европе: лицу, дающему показания, предлагался кусок сухого хлеба и сыра, которые нужно было есть. Если при этом он давился и не мог проглатывать куски, это было равносильно установлению лжи в его словах, т. к. считалось, что из-за страха разоблачения у него пересыхало горло [10, с. 162–163].

У некоторых индейских племен применялся способ *ритуальной чаши*, когда лицо, дающее показания, должно было поместить свой палец в специальную чашу, наполненную водой, и отвечать на вопросы. Ложь должна была себя проявить в том, что на воде вокруг пальца появлялась рябь, т. к. палец начинал дрожать, выдавая реакцию человека на неправду [11, с. 42].

За тысячу лет до наших дней среднеазиатские врачи привлекались для наблюдения за пульсом допрашиваемого: им нужно было анализировать частоту ударов как реакцию лица на называемые ему слова, связанные с конкретным событием или действием. И если пульс прерывался, то врач должен был давать знак, и тогда в контексте данного маркерного слова назывались другие (в сочетании с ним), чтобы перепроверить реакцию и исключить ошибку. В дальнейшем (с развитием технологий) уже в XIX в. появилось разработанное Э.-Ж. Маре устройство, учитывающее изменения в кровяном давлении человека, «глубину дыхания и частоту пульса на фоне провоцируемого стрессового состояния (резкие звуки, пульсирующий свет и т. д.)»⁴, на основе которого итальянский судебный психиатр Ч. Ломброзо «разработал один из первых детекторов лжи, прибор для регистрации артериального давления (гидросфигмометра). Подозреваемого просили опустить руку в резервуар с водой, уровень которого

поднимался и опускался в такт с пульсом. Чем сильнее были колебания жидкости, тем человек считался менее искренним»⁵.

4. Обособленное место среди средств получения правдивых показаний занимала и занимает присяга, которая, возникнув еще до появления письменности, во времена, когда все коммуникации происходили словесно, а люди всерьез опасались кары небесной, причем по отношению не только к себе, но и своим родным и близким, была эффективным средством стимулирования дачи правдивых показаний [12, с. 67].

При этом все вышеизложенные способы и средства обеспечения получения правдивых показаний от допрашиваемого лица в свое время считались законными и обоснованными, а значит, подлежащими применению.

Современные способы и средства, направленные на обеспечение получения правдивых показаний

До настоящего времени дошли (пусть и с изменениями, но все же сохранившиеся в своей первоначальной основе) два вида способов, направленных на получение правдивых показаний: присяга и полиграф, хотя оба вызывают неоднозначные мнения относительно достоверности полученных с их помощью показаний:

1. **Присяга**, используемая при даче показаний лицами в США, Федеративной Республике Германия (ФРГ), Франции, Англии и ряде других стран, осуществляется сейчас как в религиозном (Англия и др.), так и светском (США и др.) формате [13, с. 384–387]. При этом присяга подразделяется на предварительную и последующую. В большинстве случаев встречается первый вариант, когда лицо клянется говорить правду перед дачей показаний. Однако в некоторых странах, например в ФРГ, предусмотрен и второй вид с целью дать возможность лицу еще раз осознать принимаемые на себя последствия произнесенной клятвы и одуматься, если были даны ложные сведения. Кроме того, клятва в правдивости показаний дается, как правило, только на стадии судебного разбирательства. Однако данная процедура возможна и в рамках предварительного расследования уголовного дела. В частности, это закреплено в § 62 УПК ФРГ: если ситуация не терпит отлагательства (например, имеется повышенный риск того, что данный свидетель

³ Зазулин А. Правдивая ложь. Прообразы полиграфа в древних обществах. *Zakon.ru*. 24.08.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/8/24/pravdivaya_lozh_proobrazy_poligrafa_v_drevnih_obschestvah (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ Свираев А. История полиграфа. Детектор лжи. Часть 3. *LiveJournal*. 05.02.2013. URL: <https://a-svirayev.livejournal.com/8952.html> (дата обращения: 10.02.2026).

⁵ Там же.

может умереть или его местоположение нельзя будет установить [14].

2. «Детектор лжи» (полиграф) используется официально как метод «выявления и фиксации лжи» при получении показаний от физических лиц в некоторых государствах с учетом требований их законодательства – Канада, США, Япония и др.: где-то исключительно в расследовании уголовных дел и рассмотрении их в суде, где-то в том числе и в процессе проверок сотрудников при приеме на работу или проведении служебных расследований [15; 16]. Помимо непосредственно полиграфа, используются нейролингвистическое программирование, анализ когнитивных вызванных потенциалов, электроэнцефалография. Разнообразие разработанных к настоящему времени соответствующих приборов позволяет подразделять их на группы, выделяя, например:

1. Цифровые – использующие датчики верхнего и нижнего дыхания, кардиодатчики, электродермальные сенсоры, записывающие данные на электронные носители и применяющие специальное программное обеспечение для анализа результатов;

2. Аналоговые – механические устройства, фиксирующие артериальное давление и частоту пульса, ритм и глубину дыхания, электрическую проводимость кожи и записывающие показания на бумажную ленту с помощью чернильных перьев [17; 18].

Наряду с этим появились и новые способы получения правдивых показаний и оценки их правдивости.

В начале XX в. была применена технология, основанная на использовании медикаментозных средств, получивших общее название *сыворотка правды*: скополамин, барбитураты, амитал и некоторые другие психоактивные вещества, которые, действуя на человека подобно наркотикам и алкоголю, расслабляют его настолько, что лицо, как считается, не в состоянии напрягаться для лжи, поэтому говорит правду, отвечая на задаваемые ему вопросы. В 1922 г. этот способ был применен при допросе двух заключенных в тюрьме округа Даллас, чья вина казалась явно подтвержденной. Находясь под действием данного препарата, оба мужчины отрицали обвинения, которые были им предъявлены, и в дальнейшем они были признаны судом невиновными. Эксперимент привлек широкое внимание, и изначально идея препарата «правды» была положительно воспринята общественностью как гуманный и вполне надежный способ достижения истины. В дальнейшем было проведено

много исследований в этом направлении: перечень препаратов расширился, а техника допроса с их использованием варьировалась в зависимости от информации о лице, серьезности обвинений, его отношения к процедуре наркоза, установления контакта с врачом и пр.⁶ Особое распространение данный способ получил в США, где на государственном уровне даже был утвержден проект MK-ULTRA, реализуемый Центральным разведывательным управлением, когда с начала 1950-х по конец 1960-х гг. это агентство проверяло поведенческие эффекты нескольких препаратов и их влияние на результаты допросов, причем многим испытуемым давали вещества без их ведома или согласия. Различные злоупотребления, допущенные в ходе данной программы, были раскрыты на слушаниях в Конгрессе США в 1977 г., получили широкую огласку и вызвали негативную реакцию со стороны общества⁷.

Поэтому данный способ неоднозначен и по прошествии десятилетий изучения был отринут большинством стран мира, т.к. появились высказываемые против него позиции, в том числе:

- желание общаться не означает, что лицо будет всегда говорить правду и только правду;
- все люди разные, поэтому эффективность препаратов индивидуальна и непредсказуема;
- подобные технологии сравнимы с опытами над человеком, что запрещено международным правом;
- использование подобных методов подавляет психику человека, а значит заставляет его делать то, что он на самом деле не хочет, тем более, возможно, во вред самому себе (в частности, когда речь идет о подозреваемых, обвиняемых, дающих признательные показания, детализирующие объективную сторону совершения преступления);
- подобное вмешательство может быть субъективно воспринято самим лицом как ужасное и непереносимое, что есть ни что иное, как пытка, а пытки запрещены международным правом.

Эти и иные причины привели к тому, что в конце XX в. страны отказались от идей применения «сыворок правды», однако на международном уровне прямо это не было закреплено. Более того, имеющиеся неточности в формулировках ряда международно-правовых норм создают условия для обоснования возможности по использованию

⁶ Zonta M. "Truth" drugs in interrogations. *Bathtub Bulletin*. 11 Dec 2020. URL: <https://bathtubbulletin.com/truth-drugs-in-interrogation/> (accessed 12 Feb 2026).

⁷ Brown D. Some believe 'truth serums' will come back. *Washington Post*. 20 Nov 2006. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/11/19/AR2006111900891.html> (accessed 20 Jan 2026).

подобных технологий при проведении допросов. Например, Женевские конвенции о военнопленных запрещают применение всяких принудительных мер воздействия по отношению к данной категории лиц для получения от них каких-либо сведений. Тем самым получается, что в отношении военнопленных нельзя применять «сыворотку правды». Однако подозреваемые в терроризме не считаются военнопленными и не подпадают под действие конвенции, что уже обусловило дискуссию о недопустимости применения к террористам любых средств, которые способны предотвращать преступления и устанавливать виновных, ставшую особенно активной после событий 11 сентября 2001 г. в США, состоящих из серии координируемых террористических актов, унесших множество человеческих жизней.

Как показывает XXI в., практика применения «сыворотки правды», возможно, возвращается. Случаи единичные, но они есть. Так, в начале 2007 г. применение пентотала в качестве «сыворотки правды» было официально одобрено для использования полицией г. Мумбаи (Индия) при допросе подозреваемых в серийных убийствах. После сделанных инъекций серийный маньяк и его слуга-сообщник указали на места захоронения останков убитых ими детей. В 2008 г. индийские следователи применили фармакологический допрос к Амджалу Касабу, единственному выжившему из 10 террористов, которые во время теракта в Мумбаи убили 166 человек⁸. В 2010 г. израильский суд разрешил применить «сыворотку правды» к мужчине, признанному виновным в убийстве супруги, но отрицающим свою виновность. В ходе допроса под воздействием препарата он повторил свои показания о том, что его жена совершила самоубийство, и это в дальнейшем было использовано адвокатами при подаче апелляции по данному уголовному делу⁹. В 2013 г. в США суд разрешил применение аналогичных веществ к Джеймсу Холмсу, обвиняемому в стрельбе в г. Орора, в результате которой 12 человек погибли и 58 получили ранения, чтобы установить, был ли он вменяемым (но с его согласия)¹⁰.

Более того, современные достижения в области науки и техники выводят технологию «сыворотки правды» на новый, высокотехнологичный

уровень. Развитие нейротехнологий, имплантации чипов в человеческий мозг, разработок в сфере импульсных воздействий на разные его области – как подавляющие, так и возбуждающие определенные эмоции и чувства человека, – исследований в области транскраниальной магнитной стимуляции (TMS) и электростимуляции мозга, способных стимулировать или подавлять активность в отдельных его частях и пр., делает вполне реальной ситуацию, когда в результате подобных воздействий на мозг человека будут проводиться манипуляции с его волей и сознанием¹¹. Учитывая постоянно востребованное стремление человечества к правде в силу разных причин, на что было обращено внимание в начале исследования, подобного рода нейромодуляции мозга – это дело времени, причем, надо полагать, не очень далекого, учитывая то, какое развитие получили современные технологии за последние десятилетия. Тем не менее (как и ко всему новому) к подобным тенденциям развития науки и техники необходимо подходить взвешенно и с осторожностью, особенно если это касается человека, его прав и свобод, как в данном случае.

Тенденции развития технологий, направленных на обеспечение получения правдивых показаний

Дальнейшее совершенствование технологий по обеспечению получения правдивых показаний, возможных к применению в юридически значимых процедурах и непосредственно в уголовном судопроизводстве, как и другие современные технологии, неразрывно связано с развитием систем искусственного интеллекта (ИИ) [19; 20].

На сегодняшний день уже запатентованы десятки программ, сочетающих в себе машинное обучение, обработку естественного языка и биометрический анализ, задача которых заключается в выявлении признаков лжи, отграничения правды от неправды:

1. **По глазам.** Так, американская компания Converus в 2014 г. анонсировала технологию EyeDetect, которая сканируя глаза человека, сидящего перед компьютером и отвечающего на тест с вопросами, может определить ложь с точностью до 88 %. Для этого используется инфракрасная камера, анализирующая движения глаз, ежесекундно регистрируя

⁸ «Сыворотка правды». *РИА Новости*. 14.12.2008. URL: <https://ria.ru/20081204/156461331.html> (дата обращения: 12.02.2026).

⁹ Израильский суд впервые разрешил применить «сыворотку правды». *Lenta.ru*. 19.03.2010. URL: <https://lenta.ru/news/2010/03/19/permit/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁰ Judge approves use of 'truth serum' on accused Aurora shooter James Holmes. *The Guardian*. 12 Mar 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/12/judge-approves-truth-serum-james-holmes> (accessed 20 Jan 2026).

¹¹ Сильное магнитное поле заставляет людей говорить правду. *ZOOM.Cnews*. 08.09.2011. URL: https://zoom.cnews.ru/rnd/news/line/silnoe_magnitnoe_pole_zastavlyaet_govorit_pravdu (дата обращения: 12.02.2026).

до 60 измерений произвольного поведения глазных яблок, включая изменение диаметра зрачка, моргание и фокусирование. По завершении прохождения теста программа обрабатывает данные и менее чем за пять минут выдает результат¹².

2. По мимике лица. Еще в начале XXI в. была разработана программа Silent Talker, основанная на отслеживании микровыражений лица. Набор искусственных нейронных сетей в видеокадрах распознает ключевые черты человеческого лица и головы, такие как глаза, брови, нос и общее положение лица, оценивает изменения в этих чертах, в том числе закрытие глаз, моргание, направление взгляда и движения головы, обрабатывает видеоданные и классифицирует невербальные проявления, указывающие на обман¹³.

3. По голосу. Так, российскими специалистами разработана онлайн-система выявления лжи по звучанию голоса испытуемого – RiskControl. Программа основана на том, что необходимость врать вызывает у человека определенный стресс, физиологические проявления которого можно зарегистрировать с помощью измерительного оборудования, в данном случае – голоса [21, с. 106–111].

4. По анализу нескольких показателей. Пример: технология AVATAR (Automated Virtual Agent for Truth Assessments in Real Time) – автоматический виртуальный агент по оценке правдивости высказываний в реальном времени. Данная технология основана на принципе интервьюирования, когда аппарат с загруженным в него соответствующим программным обеспечением озвучивает лицу, стоящему перед ним, определенные вопросы, при этом комплексно анализирует изменения глаз, голоса, жестов и позы человека, чтобы определить ложь, если она была произнесена¹⁴. Изначально эта система разрабатывалась в помощь сотрудникам пограничных служб и аэропортов и уже показала успешные результаты на практике. Однако сейчас ведутся разработки для возможности ее применения и в иных сферах, включая уголовное судопроизводство. Это же относится и к другим программам по распознаванию лжи.

Более того, в 2017 г. американскими специалистами была представлена система анализа и распознавания лжи с помощью технологии искусственного интеллекта DARE (Deception Analysis and Reasoning

Engine), которая уже изначально была предназначена для выявления лжи в зале суда. Ученые обучили ИИ распознавать пять различных микровыражений лица, связанных с ложью: нахмуренные брови, приподнятые брови, приподнятые уголки губ, вытянутые губы и поворот головы в сторону. Ученые утверждают, что DARE может выявлять ложь с точностью до 92 %¹⁵.

В числе положительных характеристик применения систем ИИ для обеспечения получения правдивых показаний от людей можно выделить: скорость получения и обработки данных; отсутствие субъективизма, присутствующего у экспертов-людей, специализирующихся на выявлении лжи; возможность отличать истину от лжи лучше, чем человек; эффективность получаемых результатов, о чем свидетельствуют уже сегодняшние наработки; широкая сфера применения и др.

Тем не менее существуют и риски: неспособность ИИ корректно анализировать уникальные эмоциональные проявления человека, поскольку ИИ оперирует обобщениями, полученными в результате анализа множества индивидуальных показателей; использование таких технологий может привести к нарушению прав людей; при разработке программы по выявлению лжи с использованием ИИ могут быть изначально (ошибочно или специально, по неосторожности или умышленно) внесены неправильные данные, что скажется на получаемом результате; возможны технические сбои в работе ИИ и др.

Также непонятна пока процедура признания информации, полученной таким путем, допустимой и имеющей доказательственное значение в уголовном судопроизводстве.

Тем не менее уже сейчас можно со вполне определенной уверенностью полагать, что в будущем (причем, возможно, и не таком далеком) системы ИИ будут частью средств доказывания по уголовным делам. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость проведения соответствующих исследований, причем не по отдельности учеными-процессуалистами и криминалистами и специалистами в области программирования и систем искусственного интеллекта, а комплексно – с привлечением представителей и других наук (психологии, педагогики и пр.).

¹² Технология EyeDetect выявляет ложь по глазам с высокой точностью. *4PDA*. 28.05.2022. URL: https://4pda.to/2022/05/28/400077/tehnologiya_eyedetect_vyyavlyayet_lozh_po_glazam_s_vysokoj_tochnostyu/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹³ Silent Talker Lie Detector. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Silent_Talker_Lie_Detector (accessed 12 Feb 2026).

¹⁴ Аватар: робот-детектор лжи в любом аэропорту. *Techinsider*. 28.12.2016. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/310602-avatar-robot-detektor-lzhi-v-lyubom-aeroporту/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁵ The robot that knows when you're lying: Scientists create an AI that can detect deception in the courtroom (and it's already 'significantly better' than humans). *Daily Mail Science*. 20 Dec 2017. URL: <https://www.dailymail.com/sciencetech/article-5197747/AI-detects-expressions-tell-people-lie-court.html> (accessed 12 Feb 2026).

Классификация современных средств, направленных на получение и проверку правдивых показаний, и их криминалистическое значение

В целом анализ современных средств, в той или иной степени применяемых в разных странах для обеспечения получения правдивых показаний, позволяет подразделить их по разным основаниям:

1) по времени их применения:

а) используемые до начала передачи лицом вербальной информации (присяга, «сыворотка правды»);

б) применяемые одновременно с произнесением слов данным лицом (полиграф, кинесика, паралингвистические маркеры речи);

в) предназначенные для последующей проверки, например при анализе видеозаписи, на которой лицо дает показания (наблюдение за невербальными проявлениями мимики, жестами и вербальными нюансами его речи);

2) по способу передачи проверяемой информации:

а) направленные на проверку вербальной информации (сведений, сообщаемых лицом посредством его устной речи);

б) направленные на проверку невербальной информации (анализ письменного текста автора – психографический анализ почерка [22], наблюдение за движениями глаз [23], мимикой лица [24; 25]);

3) учитывая, что в абсолютном большинстве случаев интерес представляет вербальная информация, т. к. именно **вербальный способ общения** наиболее характерен для человека, то средства, направленные на установление истины, можно подразделить на две следующие группы:

а) которые побуждают говорить правду (так называемые «сыворотки правды» и присяги);

б) которые нацелены на проверку правдивости информации, содержащейся в произносимых человеком словах и проявляющейся в невербальных сигналах (полиграф, наблюдение за невербальными проявлениями мимики, жестов, поз);

4) по субъекту оценивания правдивости излагаемой информации:

а) оценивает непосредственно человек (специалист по вербальным и невербальным сигналам; эксперт-полиграфолог и др.);

б) оценивают системы ИИ (обработка данных и полученный на основе этого результат есть следствие «машинной деятельности», без прямого участия человека).

Заключение

Развитие средств установления истины соответствует уровню развития человеческого общества. Спустя какое-то время те из них, которые когда-то считались верными и действенными, воспринимаются и оцениваются как неправильные и недействительные. Способы выявления лжи могут быть простыми и сложными, наивными и жестокими, исходить от человека или «машины». Однако основополагающими факторами, которые должны лежать в основе любого из них, следует назвать законность и соблюдение прав человека. Особенно, когда речь идет об уголовном судопроизводстве, специфика целей и задач которого обуславливает необходимость особого отбора этих способов и средств, равно как и контроля за их применением.

Учитывая тот факт, что человечество вошло в эпоху технологий искусственного интеллекта, программное обеспечение, использующее системы ИИ, так или иначе, но будет применяться в процессе производства по уголовным делам. Тем более когда для свершения правосудия так важно получать правдивые ответы на задаваемые участникам производства по уголовному делу вопросы. Представляется, что необходимо крайне осторожно относиться к подобным инновациям и тщательно изучать опыт тех стран, которые первыми начнут обращаться к технологиям ИИ в этой области, а сам вопрос о допустимости и достоверности технологий ИИ, направленных на обеспечение получения правдивых показаний в уголовном судопроизводстве, нуждается в дальнейшем исследовании.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Орлов А. Б. Психология индивидуальности: между объективной истиной и субъективной правдой. *Психология индивидуальности*: 3 Всерос. науч. конф. (1–3 декабря 2010 г.) М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 108–110. [Orlov A. B. Psychology of individuality: Between objective truth and subjective truth. *Psychology of individuality*: Proc. 3 All-Russian Sci. Conf., 1–3 Dec 2010. Moscow: SU-HSE, 2010, 108–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdnomn>

2. Buckels E. E., Trapnell P. D., Andjelovic T., Paulhus D. L. Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment. *Journal of Personality*, 2019, 87(2): 328–340. <https://doi.org/10.1111/jopy.12393>
3. Скотт К. Радикальная прямота. Как управлять людьми, не теряя человечности. М.: Эксмо, 2025. 416 с. [Scott K. *Radical candor: Be a kick-ass boss without losing your humanity*. Moscow: Eksmo, 2025, 416. (In Russ.)]
4. Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технология. М.: Экзамен, 2015. 303 с. [Bertovskiy L. V. *Interrogation: Tactics and technology*. Moscow: Ekzamen, 2015, 303. (In Russ.)]
5. Leeson P., Coyne Ch. Sassywood. *Journal of Comparative Economics*, 2012, 40(4): 607–620. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2012.02.002>
6. Winkler H. *Die Gesetze Hammurabis, Königs von Babylon um 2250 v. Chr. Das älteste Gesetzbuch der Welt*. Leipzig: O. C. Hinrichs'sche Buchh., 1903, 44.
7. Бардеев К. А. История пытки как средства уголовного процесса в западной правовой традиции. *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 3. С. 142–145. [Bardeev K. A. History of torture as a means of criminal procedure in the western legal tradition. *Theory and Practice of Social Development*, 2023, (3): 142–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.22>
8. Брайан И. Всемирная история пыток. М.: Эксмо, 2018. 189 с. [Brian I. *The history of torture*. Moscow: Eksmo, 2018, 189. (In Russ.)]
9. Смолькова И. В. История появления полиграфа и его применения в практике раскрытия и расследования преступлений. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. № 1. С. 197–208. [Smolkova I. V. History of the polygraph and its application in the practice of crimes discovery and investigation. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2023, (1): 197–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2023.74.72.018>
10. Ford E. B. Lie detection: Historical, neuropsychiatric and legal dimensions. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2006, 29(3): 159–177. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2005.07.001>
11. Cooter R. D., Schäfer H.-B. *Solomon's knot: How law can end the poverty of nations*. Princeton: Princeton University Press, 2012, 325.
12. Семеновский А. И. Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний. *Уголовная юстиция*. 2022. № 20. С. 65–69. [Semenovskiy A. I. The institution of oath (swearing-in) as a measure to encourage truthful testimony. *Ugolovnaya yusticiya*, 2022, (20): 65–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/23088451/20/11>
13. Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н., Опалев Р. О., Михайлов С. М., Раскатова Н. Н., Фокина М. А., Юдин А. В., Юсупов Т. Б. Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с. [Afanasyev S. F., Baulin O. V., Lukyanova I. N., Opalev R. O., Mikhailov S. M., Raskatova N. N., Fokina M. A., Yudin A. V., Yusupov T. B. *Course of evidentiary law. Civil procedure. The arbitration process. Administrative proceedings*. 2nd ed. Moscow: Statut, 2019, 656. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ixfryi>
14. Курбатова С. М. Некоторые процессуальные процедуры обеспечения достоверности показаний свидетелей в уголовном зарубежном судопроизводстве. *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 12. С. 467–468. [Kurbatova S. M. Some procedural procedures for ensuring the reliability of witness testimony in criminal foreign proceedings. *Law and State: The Theory and Practice*, 2023, (12): 467–468. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_467
15. Ушаков А. Ю. Международный опыт применения полиграфа в борьбе с преступностью. *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2015. № 4. С. 110–112. [Ushakov A. Y. International experience of using the polygraph in the investigation of crimes. *Problems of law-enforcement activity*, 2015, (4): 110–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdfokl>
16. Холодный Ю. И. Применение психофизиологического метода детекции лжи в Японии. *Вестник криминалистики*. 2008. № 4. С. 30–35. [Holodnyy Yu. I. Psychophysiological method of lie detection in Japan. *Bulletin of Criminalistics*, 2008, (4): 30–35. (In Russ.)]
17. Осипов Я. В. Современные технические средства детекции лжи. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2012. № 4. С. 94–98. [Osipov Ya. V. Modern lie detection equipment tool. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, (4): 94–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyamif>
18. Урманова Н. С., Меркулова Н. И., Шарипова А. Р. Инструментальная детекция лжи. К истории вопроса, проблемы и перспективы. *Закон и право*. 2020. № 9. С. 135–137. [Urmanova N. S., Merkulova N. I., Sharipova A. R. Instrumental lie detection: The history of the issue, problems and prospects. *Law & Legislation*, 2020, (9): 135–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxzmzg>

19. Саморока В. А. Интеллектуальные технологии в достижении целей уголовного судопроизводства. *Вестник экономической безопасности*. 2024. № 4. С. 117–119. [Samoroka V. A. Intelligent technologies in achieving the goals of criminal proceedings. *Vestnik of economic security*, 2024, (4): 117–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-117-119>
20. Малина М. А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы. *Государство и право*. 2022. № 1. С. 91–97. [Malina M. A. The use of artificial intelligence in the administration of criminal justice: Problems and prospects. *State and Law*, 2022, (1): 91–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdpsas>
21. Быкова И. В., Ротанева Н. Ю., Шкарапута А. П. Применение математических методов в искусственной нейронной сети для распознавания в голосе «фальшивых» эмоций. *Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика*. 2024. № 4. С. 104–116. [Bykov I. V., Rotaneva N. Yu., Shkaraputa A. P. Mathematical methods application in an artificial neural network to recognize "fake" emotions in the voice. *Bulletin of Perm University. Mathematics. Mechanics. Computer Science*, 2024, (4): 104–116. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1993-0550-2024-4-104-116>
22. Деулин Д. В. Психографический анализ почерка как вспомогательный метод обеспечения процедуры инструментальной детекции лжи. *Прикладная психология и педагогика*. 2016. Т. 1. № 1. [Deulin D. V. Psychographic analysis of handwriting as an auxiliary method of providing instrumental lie detection procedures. *Applied psychology and pedagogy*, 2016, 1(1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjelkn>
23. Романова Н. М., Рытик А. П., Самохина М. А., Скрипаль А. В., Усанов Д. А. Особенности глазодвигательных реакций человека при произнесении истинной и ложной информации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2008. Т. 8. № 1. С. 65–73. [Romanova N. M., Rytik A. P., Samokhina M. A., Skripal A. V., Usanov D. A. The peculiarities of oculomotor reactions of a person telling false or true information. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2008, 8(1): 65–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvuvkd>
24. Златковская М. В. Как распознать ложь по мимике людей. *Наука и современность*. 2010. № 4-1. С. 294–297. [Zlatkovskaya M. V. How to recognize a lie by facial expressions. *Nauka i sovremennost'*, 2010, (4-1): 294–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtexer>
25. Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2024. 377 с. [Ekman P. *The psychology of lying: Lie to me if you can*. St. Petersburg: Piter, 2024, 377. (In Russ.)]

оригинальная статья

eLibrary EDN: ZOPERI

Информационные права и обязанности бенефициарного владельца корпорации

Горбачук Виктор

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1512-7072

<https://orcid.org/0009-0006-8156-0094>

gorbachuk.2000@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье исследуется право бенефициарного владельца корпорации, который опосредованно владеет корпорацией, на получение информации, а также его обязанность раскрывать сведения о себе и о контролируемой им корпоративной структуре. Цель исследования – рассмотреть возможности и условия предоставления бенефициарным владельцам корпорации информации о деятельности соответствующего юридического лица в случае невозможности получения сведений от подконтрольных лиц (номинальных участников), а также целесообразность установления встречной обязанности раскрытия информации о бенефициарном владельце перед третьими лицами. Анализируется целесообразность и условия предоставления бенефициарному владельцу информационных прав, правовые последствия исполнения обязанности по раскрытию информации. На основе анализа судебной практики определяется объем информации и перечень документов о деятельности корпорации, которые вправе истребовать бенефициарный владелец. Отдельное внимание уделяется особенностям предоставления информации о деятельности дочерних обществ, входящих в корпоративную группу. Рассматривается правовая природа раскрытия информации о бенефициарном владельце, в том числе посредством введения реестра бенефициарных владельцев с учетом зарубежного опыта правового регулирования. Анализируются проблемы, возникающие при исполнении обязанности по раскрытию сведений о бенефициарном владельце, в частности соотношение требований конфиденциальности и принципа публичности реестров участников и акционеров, а также вопрос доверия третьих лиц к достоверности содержащихся в них данных. Ключевой проблемой, рассматриваемой в работе, является соотношение объема информационных прав и обязанностей бенефициарного владельца. В результате установлено, что право на получение информации, как правило, обусловлено наличием определенных предпосылок и условий, тогда как обязанность раскрытия сведений о себе носит императивный характер. В качестве возможного направления совершенствования правового регулирования предлагается введение непубличного реестра бенефициарных владельцев, что позволит обеспечить баланс частных и публичных интересов.

Ключевые слова: бенефициарный владелец корпорации, право на информацию, обязанность раскрыть информацию, баланс прав и обязанностей, фидуциарные обязанности, реестр бенефициарных владельцев, косвенный корпоративный контроль

Цитирование: Горбачук В. Информационные права и обязанности бенефициарного владельца корпорации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 2. С. 394–402. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-394-402>

Поступила в редакцию 06.03.2026. Принята после рецензирования 06.04.2026. Принята в печать 13.04.2026.

original article

Information Rights and Obligations of the Beneficial Owner of Corporations

Viktor Gorbachuk

Kutafin Moscow State Law University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1512-7072

<https://orcid.org/0009-0006-8156-0094>

gorbachuk.2000@mail.ru

Abstract: The beneficial owner of a corporation holds a unique legal status balancing the right to receive corporate information against the strict obligation to disclose personal and structural data. This article analyzes the rationale and conditions for granting informational rights to beneficial owners, particularly when obtaining such data from nominee participants is impossible. Concurrently, it examines the legal consequences of their counter-obligation to disclose information to third parties. Through an analysis of judicial practice, the author defines the scope of accessible corporate documents and outlines the specific rules governing information disclosure within corporate groups and subsidiaries. While disclosure typically occurs through beneficial ownership registers, this study evaluates international best practices and systemic challenges, including the tension between confidentiality and public registries. Ultimately, the author addresses the core asymmetry between the conditional nature of informational rights and the mandatory nature of disclosure obligations. To balance private and public interests, the article proposes the implementation of non-public registers of beneficial owners as a regulatory solution.

Keywords: beneficial owner of a corporation, right to information, obligation to disclose information, balance of rights and obligations, fiduciary duties, register of beneficial owners, indirect corporate control

Citation: Gorbachuk V. Information Rights and Obligations of the Beneficial Owner of Corporations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(2): 394–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-2-394-402>

Received 6 Mar 2026. Accepted after review 6 Apr 2026. Accepted for publication 13 Apr 2026.

Введение

Бенефициарным владельцем корпорации признается лицо, которое в конечном итоге (прямо или косвенно) владеет более 25 % в капитале юридических лиц либо имеет возможность определять действия такого юридического лица¹.

В случае, если бенефициарным владельцем корпорации выступает лицо, которое является участником корпорации, то, по общему правилу, проблем с предоставлением ему информации и раскрытием информации о нем не возникает.

В данной работе под бенефициарным владельцем мы будем понимать лицо, которое определяет действия юридического лица и влияет на принимаемые решения корпорации опосредованно, т. е. не имея статуса участника корпорации, например, путем дачи указаний формальным участникам корпорации. Участникам корпорации принадлежат информационные корпоративные права в силу закона, а соответствующий статус «косвенного» бенефициарного владельца законом не регламентирован. При этом бенефициарные владельцы, обладая возможностью

влиять на принятие решений органами управления корпорацией, иногда нуждаются в предоставлении им корпоративных прав наряду с формальными (номинальными) участниками корпорации, что одновременно влечет за собой возложение обязанностей на таких бенефициарных владельцев корпорации.

При этом стоит отметить, что, по общему правилу, бенефициарные владельцы получают информацию от корпорации и номинальных участников. Однако нередко возникают корпоративные конфликты и утрата корпоративного контроля, в результате которых бенефициарным владельцам участники и органы управления корпорации отказывают в предоставлении информации, что вынуждает первых обращаться в суд для получения информации.

Одним из базовых прав, которое может быть предоставлено бенефициарному владельцу, является право на получение информации о деятельности корпорации, чему в свою очередь корреспондирует наделение такого лица обязанностью предоставлять информацию о себе и о деятельности корпорации.

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ. СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.

Цель исследования – рассмотреть возможности и условия предоставления бенефициарным владельцам корпорации информации о деятельности соответствующего юридического лица в случае невозможности получения сведений от подконтрольных лиц (номинальных участников), а также целесообразность установления встречной обязанности раскрытия информации о бенефициарном владельце перед третьими лицами.

Результаты

Содержание права на получение информации бенефициарным владельцем корпорации

Фигура бенефициарного владельца корпорации вызывает интерес с точки зрения частного права, т. к. остается нерешенным вопрос о том, является ли субъектом корпоративных правоотношений бенефициарный владелец корпорации, который не является участником корпорации [1, с. 68].

Для того чтобы определить, может ли бенефициарный владелец являться субъектом корпоративных отношений, необходимо уяснить, могут ли бенефициарному владельцу корпорации принадлежать субъективные корпоративные права и является ли он носителем корпоративных обязанностей.

Само по себе субъективное корпоративное право на получение информации принадлежит участникам корпорации и влияет на реализацию этими лицами таких корпоративных прав, как право на управление корпорацией, право на реализацию контроля за деятельностью органов управления корпорацией [2, с. 102], поскольку решения на уровне органов управления корпорацией, в том числе бенефициарным владельцем, принимаются на основе имеющийся информации.

Важно понимать, что право на получение информации о деятельности корпорации не является безусловным, а некоторая информация и документы могут быть предоставлены лишь мажоритарным участникам корпорации. Например, ст. 91 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрен критерий владения конкретным акционером определенным количеством голосующих акций. Кроме того, вышеуказанной статьей предусмотрен критерий наличия деловой цели, под которой понимается законный интерес конкретного акционера в получении информации и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации корпоративных

прав². Тезис о наличии деловой цели подтверждает тот факт, что право на получение информации представляет собой основу для реализации иных субъективных корпоративных прав.

Право на получение информации участниками корпорации является правом субъектов корпоративных правоотношений. Так, Т. В. Мельникова указывает, что за нарушение права на получение информации корпоративным законодательством должна быть установлена ответственность [3, с. 68]. Иски, связанные с нарушением прав участников корпорации на получение информации, широко известны в странах англо-саксонской правовой семьи, например в Великобритании и Соединенных Штатах Америки [4, с. 113]. Это позволяет предположить, что такие иски применимы и для российского правопорядка, т. к. информация является ключевым объектом правоотношений с участием бенефициарного владельца, который скрывает свою личность от третьих лиц.

Проводя аналогию с иными субъективными правами, в том числе процессуальными, можно констатировать, что бенефициарные владельцы получают право на судебную защиту и в иных корпоративных спорах, не связанных с получением информации, в частности в делах о признании решений высшего органа корпорации недействительными [5, с. 45].

Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»³ долгое время являлось основой для разрешения споров, связанных с предоставлением информации участникам хозяйственных обществ [6, с. 32].

Лишь в 2023 г. в Обобщении судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами Верховный Суд РФ указал случаи, когда бенефициарный владелец обладает правом на информацию о деятельности корпорации⁴. Верховный Суд подчеркнул, что по общему правилу такое право у бенефициарных владельцев отсутствует, однако в отдельных случаях судом на корпорацию может быть возложена обязанность предоставить бенефициарному владельцу такую информацию. К таким случаям могут быть отнесены: утрата корпоративного контроля по причине противоправных действий третьих лиц, а также в иных аналогичных случаях,

² Об акционерных обществах. ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ. *СЗ РФ*. 1996. № 1. Ст. 1.

³ О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144. *Вестник ВАС РФ*. 2011. № 3.

⁴ Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023). *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2024. № 2.

требующих обеспечения эффективной судебной защиты бенефициарного владельца при нарушении его прав и законных интересов. При этом важно, чтобы судами учитывалась корпоративная структура управления и владения корпорацией.

Вопрос о предоставлении бенефициарному владельцу информации при возникновении корпоративного конфликта решается судом индивидуально в каждом конкретном случае, учитывается поведение и добросовестность бенефициарного владельца [7, с. 135]. Однако до 2023 г. существовал строго формальный подход, согласно которому третьи лица, в том числе и бенефициарные владельцы, не являющиеся участниками корпорации, не могли требовать предоставления им информации [8, с. 88]. Примечательно, что изменение подхода о предоставлении бенефициарному владельцу корпорации информации стало результатом формирования осознанного подхода, а не результатом изменения позиции судов. Верховный Суд РФ путем моделирования выработал подход, согласно которому в исключительных случаях бенефициарному владельцу корпорации может быть предоставлено право на получение информации, которое по общему правилу предоставляется лишь участникам корпоративных отношений.

В. А. Микрюков полагает, что предоставление бенефициарному владельцу субъективного корпоративного права на получение информации может быть основано на применении по аналогии норм о предоставлении бенефициарному владельцу процессуальных прав [9, с. 81].

По своей правовой природе право на получение информации – субъективное корпоративное право, которое принадлежит участникам корпорации ввиду наличия между участниками и корпорацией специальной правовой связи – участия. И. С. Шиткина считает, что бенефициарным владельцам могут быть предоставлены лишь процессуальные права как участнику корпоративного спора, а предоставление корпоративных прав лицам, которые не являются членами корпорации, недопустимо [10, с. 130]. Кроме этого, стоит подчеркнуть, что корпоративные правоотношения строятся не только на модели участия, но и на модели управления (о чем речь также пойдет далее).

С точки зрения правовой природы участия в корпорации подход И. С. Шиткиной является справедливым и обоснованным, однако стоит учитывать тот факт, что бенефициарные владельцы могут скрывать свою личность в рамках правового поля, например, делегируя ведение бизнеса для минимизации коммерческих рисков или преследуя иные законные

цели. Важно отметить, что бремя доказывания наличия права на получение информации должно быть возложено на бенефициарного владельца, который должен доказать, что сокрытие его личности не преследует в качестве цели нарушение законодательства и / или субъективных прав третьих лиц.

Таким образом, предоставление бенефициарным владельцам корпорации информации, с учетом поведения такого бенефициарного владельца, является следствием развития корпоративного права, где учитывается не только юридический контроль и формальный статус лица, но и фактическая возможность лиц влиять на принятие решений органами управления корпорации.

Учитывая вышесказанное, необходимо понимать, что бенефициарному владельцу не могут и не должны принадлежать корпоративные права в полном объеме, как это свойственно формальным участникам корпорации. Предоставление корпоративных прав, в том числе и права на предоставление информации, должно ограничиваться в том объеме, который необходим для защиты и восстановления нарушенных прав бенефициарного владельца.

На практике часто бенефициарные владельцы контролируют несколько корпораций в рамках одной корпоративной структуры (цепочки). Нередко формальные участники дочерних корпораций, в особенности миноритарные участники, могут быть не осведомлены о том, кто является бенефициарным владельцем конкретного юридического лица. В связи с этим (в случае возникновения корпоративного конфликта) бенефициарные владельцы требуют предоставления информации о деятельности дочерних обществ через материнскую компанию. Однако бывают и обратные случаи, когда бенефициарный владелец напрямую предъявлял требование о предоставлении ему информации о деятельности дочерних обществ. Например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2025 № Ф05-30787/2024 по делу № А40-31881/2024 суд указал, что иск бенефициарного владельца к дочернему обществу является обоснованным, т.к. общее собрание участников материнской компании в уставе было наделено полномочиями по управлению дочерними обществами, что дало право бенефициарному владельцу требовать получения соответствующей информации⁵.

Полагаем, что отношения между бенефициарным владельцем строятся по модели фидуциарных отношений, из чего следует, что номинальные участники должны информировать бенефициарного владельца об изменениях в корпорации [11, с. 42]. В зарубежной практике, например в Республике

⁵ Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2025 № Ф05-30787/2024 по делу № А40-31881/2024. ИПП Гарант.

Кипр, используется механизм трастовой декларации, оформляющий отношения бенефициарного владельца и номинальных участников корпорации.

Важно осознавать, что бенефициарные владельцы, скрывая свою личность, желают получать и сохранять информацию о деятельности корпорации, поэтому в качестве номинальных участников выбирают лояльных им лиц, например родственников [12, с. 22].

Что касается объема информации, который вправе требовать бенефициарный владелец корпорации, то судебная практика показывает, что бенефициарные владельцы вправе требовать предоставления информации, связанной с управлением корпорацией, но не документов, оформляющих хозяйственную деятельность. Например, бенефициарный владелец вправе требовать предоставления ему договоров об учреждении дочерних обществ (см., например, Решение Арбитражного суда Московской области от 24.03.2025 по делу № А41-25580/2024), но не вправе требовать выписки по счетам корпорации и гражданско-правовые договоры, опосредующие хозяйственную деятельность корпорации (см., например, Решение Арбитражного суда города Москвы от 23.05.2025 по делу № А40-170396/24-189-1118).

Таким образом, в случае возникновения корпоративного конфликта бенефициарный владелец может обратиться в суд с требованием о предоставлении ему информации. Однако существуют проблемы касательно предоставления информации о дочерних обществах, объема информации. Возможность надления бенефициарного владельца информационными правами свидетельствует о сближении правового статуса бенефициарного владельца корпорации и участника корпорации.

Обязанность бенефициарного владельца предоставить информацию о себе корпорации и иным лицам

Главной причиной отсутствия у бенефициарного владельца статуса участника корпорации является его желание сохранить конфиденциальность [13, с. 64]. Публичное право обязывает юридические лица не только располагать сведениями, но и принимать обоснованные и доступные меры по установлению информации о своих бенефициарных владельцах, регулярно обновлять и хранить не менее пяти лет данную информацию, а также впоследствии предъявлять ее по требованию уполномоченных органов [14, с. 93].

Проблема раскрытия информации является важной как с точки зрения публичного, так и с точки зрения частного права, т. к. необходимо найти

компромисс между открытостью информации о бенефициарном владельце корпорации и защитой персональных данных таких лиц. Поиск баланса между публичным и частным интересом является проблемой не только российской юрисдикции, но и иных правовых порядков [15, с. 179].

С точки зрения частного права наличие бенефициарного владельца, который формирует волю корпорации, не является противоправным. Гражданское законодательство не содержит запрета на ведение коммерческой деятельности через посредников, из чего можно сделать вывод, что лица вправе контролировать деятельность корпораций, даже если между такими лицами и корпорацией отсутствует формальная связь в виде участия.

Примечательным оказывается то, что в соответствии с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) корпоративными отношениями являются отношения, связанные с участием или управлением корпоративными организациями⁶. Исходя из буквального содержания указанной статьи, управлять корпорацией и быть субъектом корпоративных правоотношений может не только участник корпорации, но и, например, ее бенефициарный владелец.

Как было указано выше, юридические лица обязаны располагать информацией о своих бенефициарных владельцах. Полагаем, что юридические лица в лице единоличного исполнительного органа не всегда могут быть осведомлены о наличии бенефициарного владельца, который может взаимодействовать лишь с номинальными участниками корпорации. Так, для того чтобы юридические лица располагали информацией о своих бенефициарных владельцах, последние должны предоставлять и регулярно обновлять информацию о себе. Более того, в определенных случаях суд может принять решение о понуждении бенефициарного владельца раскрыть о себе такую информацию [16, с. 85].

Несмотря на то что раскрытие информации о бенефициарном владельце регулируется публичным правом, это имеет значение и для частного права, т. к. предоставление или непредоставление информации о бенефициарном владельце юридического лица влияет на возможность защиты его гражданских прав.

Раскрытие бенефициарным владельцем информации о себе и о контролируемой им корпоративной структуре является признаком проявления принципа добросовестности. Наглядным примером такого проявления стал спор по делу «Аспект-Финанс», где бенефициарный владелец получил судебную защиту в оспаривании решения о назначении генерального

⁶ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. *СЗ РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.

директора корпорации, в том числе и потому, что раскрыл информацию о себе и о многоуровневой структуре владения⁷. Дело десятилетней давности стало отправной точкой в развитии предпосылок для предоставления прав добросовестным бенефициарным владельцам. Несмотря на это, в некоторых других спорах бенефициарным владельцам было отказано в удовлетворении их требований. По мнению А. В. Егорова, иски, основанные на корпоративных началах, вправе предъявлять только участники корпорации [17].

Отсутствие и непредоставление информации о бенефициарном владельце усложняет процесс его идентификации, даже несмотря на формальные критерии, установленные публичным законодательством [18, с. 16].

В соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лицо, которое имеет возможность определять действия юридического лица, обязано действовать добросовестно и разумно [19, с. 3]. Кроме того, такое лицо может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности [20, с. 7].

Стоит согласиться с В. Г. Голубцовым, который указывает, что в обязательственных правоотношениях одним из критериев добросовестности является предоставление информации [21, с. 177]. Более того, стоит добавить, что в таком качестве принцип добросовестности должен проявляться не только в обязательственном, но и в корпоративном праве, учитывая, что к корпоративным правоотношениям могут быть применимы нормы ГК РФ, регулирующие обязательственные правоотношения.

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе активно обсуждается вопрос о том, должны ли быть доступны сведения о бенефициарных владельцах третьим лицам, а если и должны, то каким третьим лицам и в каком объеме должны предоставляться такие сведения. В связи с этим является актуальной дискуссия о введении реестров бенефициарных владельцев. Глобально можно выделить два вида реестров бенефициарных владельцев: непубличные, которые доступны лишь компетентным органам (например, в Сингапуре) и публичные (например, в Люксембурге).

Заимствование идеи внедрения системы реестров бенефициарных владельцев могло бы стать основанием для защиты прав бенефициарных владельцев, выступая в качестве показателя добросовестности такого лица. В долгосрочной перспективе внедрение реестров бенефициарных владельцев положительно бы повлияло на восприятие обществом фигуры

бенефициарного владельца. Кроме того, благодаря таким реестрам бенефициарные владельцы на основании записи в реестре (без судебного разбирательства) могли бы сохранить и передать корпоративный контроль в случае конфликта с номинальными участниками корпораций.

Таким образом, обязанность предоставления информации о бенефициарном владельце и раскрытие такой информации является не только важной фидуциарной обязанностью такого лица, но и специальной предпосылкой для защиты его прав в случае возникновения корпоративного конфликта или утраты бенефициарным владельцем корпоративного контроля.

Коллизии и теоретические проблемы раскрытия информации о бенефициарном владельце корпорации

В юридической науке существует несколько неразъясненных коллизий, связанных с раскрытием информации о бенефициарных владельцах.

Первая коллизия заключается в том, что, с одной стороны, юридические лица должны предоставлять информацию о бенефициарном владельце для предотвращения каких-либо финансовых правонарушений, а с другой – целью бенефициарного владения является сохранение конфиденциальности и персональных данных бенефициарного владельца. В данном случае речь идет о столкновении частных и публичных интересов. Например, страны Европейского союза не нашли общее решение такой проблемы, а некоторые из них ограничили доступ к реестрам бенефициарных владельцев, сделав такой реестр непубличным [22].

Полагаем, что соблюдение баланса между частными и публичными интересами можно достичь с помощью введения закрытых (непубличных) реестров, которые обеспечивали бы сохранение конфиденциальности. При этом предоставление информации государственным органам и конкретным третьим лицам помогло бы предотвратить совершение правонарушений и преступлений в финансовой и иных сферах, а также обеспечить достижение главной цели бенефициарного владения – сохранение конфиденциальности.

Другой частноправовой проблемой является то, что лица, заключающие сделки с корпорацией, считают, что лица, которые формируют волю корпорации, указаны в публичном реестре, и полагаются на его достоверность. При этом ведение деятельности от своего имени за чужой счет в пользу другого

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 по делу № 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31032016-po-delu-n-305-es15-14197-a40-1045952014/?ysc lid=mpuxzik8n9902605050> (дата обращения: 02.02.2026).

лица не запрещено ГК РФ и иными федеральными законами. Смысл принципа публичной достоверности реестров заключается в том, что третьи лица могут полагаться на то, что внесенная в реестр запись соответствует действительности [23, с. 44]. В связи с этим возникают следующие вопросы: В какой степени контрагенты должны проявлять должную осмотрительность в целях выявления бенефициарного владельца корпорации? Какие последствия возникнут, если после заключения сделки или исполнения обязательства контрагент корпорации узнает, что заблуждался касаясь бенефициарного владельца корпорации? Будет ли такое заблуждение являться существенным, и может ли это привести к признанию сделки недействительной по смыслу ст. 178 ГК РФ?

Теоретически оспаривание такой сделки представляется возможным, т.к. в соответствии со ст. 178 ГК РФ заблуждение считается достаточно существенным, если сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой. Именно бенефициарный владелец может считаться таким лицом, т.к. он фактически одобрил такую сделку либо дал указание исполнительному органу ее совершить от имени корпорации. В данном случае необходимо учитывать причины, по которым бенефициарный владелец скрывает свою личность, а также причинно-следственную связь между сокрытием личности и существенным заблуждением контрагента. Например, контрагент не заключил бы договор поставки, если бы знал, что бенефициарным владельцем корпорации является его конкурент либо лицо с отрицательной деловой репутацией.

Широко обсуждаемой является проблема соотношения объема прав и обязанностей бенефициарного владельца корпорации [24, с. 194]. В настоящее время бенефициарный владелец должен всегда действовать в интересах корпорации добросовестно и разумно, при этом корпоративные права ему могут быть предоставлены не всегда, а лишь в случае возникновения корпоративного конфликта или в других случаях, требующих предоставления защиты такому лицу. Кажется, что наличие такого дисбаланса не является справедливым с точки зрения частного права, и соответствующие права бенефициарным владельцам могут быть предоставлены не только в исключительных случаях, но и в обычном порядке при соблюдении ряда специальных предпосылок или условий [25, с. 348].

Литература / References

1. Чугунова К. Ю. Правовое положение бенефициарного владельца в современных условиях предпринимательской деятельности. *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 7. С. 68–72. [Chugunova K. Yu. The legal status of the beneficial owner in the current entrepreneurial practice. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, (7): 68–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrfqxz>

Заключение

Информационные права и обязанности являются важным элементом правового статуса бенефициарного владельца корпорации. Они служат не только предпосылкой для защиты и реализации иных прав бенефициарного владельца корпорации, но и для защиты интересов корпорации. Наличие информационных прав и соответствующих корреспондирующих обязанностей позволяет сказать, что бенефициарный владелец может претендовать на статус субъекта корпоративных правоотношений. При этом существует некоторое количество правовых проблем, которые требуют принятия соответствующих решений как на законодательном уровне, так и на уровне юридической науки. Важным решением в проблеме наделения бенефициарного владельца информационными правами может стать введение непубличного реестра бенефициарных владельцев. Такой реестр обеспечит охрану публичных интересов, наличие лица в таком реестре станет признаком того, что лицо скрывает свою личность добросовестно и исключительно в правомерных целях, т.к. корпорация, которая заключает сделку, либо сам бенефициарный владелец могут предоставить контрагенту выписку из реестра в целях раскрытия соответствующей информации о фактическом корпоративном контроле. Такое раскрытие позволит защитить корпорацию от какого-либо оспаривания сделок в связи с незнанием о лицах, связанных со стороной правоотношений. Информационные права и обязанности бенефициарного владельца также показывают, что в правовом регулировании общественных отношений необходимо находить баланс публичных и частных интересов, баланс между правами и обязанностями не только бенефициарного владельца, но и иных субъектов гражданского оборота.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

2. Двойченкова И. В. Право на информацию в системе принципов корпоративных отношений: постановка проблемы. *Ленинградский юридический журнал*. 2022. № 1. С. 102–112. [Dvoichenkova I. V. Right to information in the system of principles of corporate relations: Statement of the problem. *Leningrad Legal Journal*, 2022, (1): 102–112. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/18136230_2022_1_102
3. Мельникова Т. В. Некоторые проблемы правового регулирования обязанностей акционерного общества раскрывать информацию и предоставлять информацию. *Юрист*. 2021. № 3. С. 64–69. [Melnikova T. V. Some problems of the legal regulation of obligations of a joint-stock company to disclose and submit information. *Jurist*, 2021, (3): 64–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emwfwu>
4. Бойко Т. С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником. *Закон*. 2017. № 3. С. 116–136. [Boiko T. S. Liability of shareholder to another shareholder. *Zakon*, 2017, (3): 116–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylmywb>
5. Ионова Д. Ю. К вопросу о праве на предъявление иска по некоторым категориям корпоративных споров. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2024. № 9. С. 40–45. [Ionova D. Yu. On the issue of the right to sue in certain categories of corporate disputes. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2024, (9): 40–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/boljev>
6. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 432 с. [Andreev V. K., Laptev V. A. *Corporate law of modern Russia*. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2023, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysgtgc>
7. Кантор Н. Е. О двойных (множественных) косвенных исках бенефициарных владельцев в интересах подконтрольных корпораций. *Закон*. 2024. № 8. С. 133–145. [Kantor N. E. On double (multiple) derivative suits of beneficial owners in the interests of controlled corporations. *Zakon*, 2024, (8): 133–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-8-133-145>
8. Макарова О. А. Право наследников участников ООО и акционеров на информацию. *Вестник арбитражной практики*. 2024. № 1. С. 87–93. [Makarova O. A. Heirships of LLC's members and shareholders to information. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2024, (1): 87–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbxqjn>
9. Микрюков В. А. Пределы аналогии в разрешении корпоративных споров о предоставлении информации. *Современное право*. 2024. № 10. С. 77–82. [Mikryukov V. A. Limits of analogy in resolving corporate disputes on provision of information. *Sovremennoe pravo*, 2024, (10): 77–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25799/NI.2024.28.50.014>
10. Шиткина И. С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве. *Закон*. 2018. № 7. С. 114–133. [Shitkina I. S. Liability of de facto controlling persons under corporate legislation. *Zakon*, 2018, (7): 114–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwbkpb>
11. Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества. *Журнал российского права*. 2017. № 10. С. 37–49. [Kanashevsky V. A. An interaction between trust participants in respect of trust assets. *Journal of Russian Law*, 2017, (10): 37–49. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_59c4d75eac0d32.24855266
12. Лаптев В. А. Модели обезличенного управления коммерческими корпорациями. *Право и бизнес*. 2024. № 1. С. 21–23. [Laptev V. A. Models of impersonal management of commercial corporations. *Law and Business*, 2024, (1): 21–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shntvy>
13. Гарашчук О. А. Практическое использование института бенефициарного владельца в корпоративных отношениях. *Мониторинг правоприменения*. 2018. № 1. С. 62–67. [Garashchuk O. A. Practical use of the institution of beneficial owner in corporate relations. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2018, (1): 62–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqyzut>
14. Курин И. Ю., Кисиль К. В. Конфиденциальность бенефициарного владения. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2024. № 1. С. 93–96. [Kurin I. Yu., Kisil K. V. Confidentiality of beneficial ownership. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2024, (1): 93–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gcjpke>
15. Зыкова О. А. Реестр конечных бенефициаров как правовой механизм отслеживания реального владельца компании. Опыт в России и за рубежом. *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 1. С. 178–183. [Zykova O. A. Register of ultimate beneficiaries as a legal mechanism for tracking the real owner of the company. Experience in Russia and abroad. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, 26(1): 178–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqzwd5>
16. Канашевский В. А. О раскрытии информации о бенефициарах офшорных компаний и трастов: текущее состояние и перспективы. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 2. С. 81–86. [Kanashevsky V. A. On disclosure of information about beneficiaries of trusts and offshore

- companies: The current status and perspectives. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, (2): 81–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/art.2018.2.12>
17. Егоров А. В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу корпоративной структуры. Анализ дела Постригаило в. «Разрез Аршановский». *Журнал РШЧП*. 2019. № 2. С. 104–122. [Egorov A. V. Limits of piercing the corporate veil in favor of the corporate structure. A case analysis of Postrigailo v. Razrez Arshanovsky. *Zhurnal RShChP*, 2019, (2): 104–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmcrgu>
 18. Разумова И. В. Прозрачность и бенефициарная собственность в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. *Налого и финансы*. 2015. № 2. С. 14–20. [Razumova I. V. Transparency and beneficiary ownership in the system of opposition to money laundering and terrorism financing. *Nalogi i finansy*, 2015, (2): 14–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uscamih>
 19. Ломакин Д. В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против. *Гражданское право*. 2019. № 4. С. 3–8. [Lomakin D. V. Fiduciary obligations of parties to corporate relationships: For and against. *Civil Law*, 2019, (4): 3–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ssfhxi>
 20. Морхат П. М. Ответственность лица, признаваемого скрытым бенефициаром компании. *Право и бизнес*. 2021. № 1. С. 7–12. [Morkhat P. M. Liability of a person acknowledged as an undisclosed beneficiary of a company. *Law and Business*, 2021, (1): 7–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrxxio>
 21. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016. № 32. С. 175–184. [Golubtsov V. G. The principle of good faith as an element of the legal mechanism for stimulating the debtor to proper execution of obligations and guaranteeing creditors interests: Analysis of judicial and arbitration practice. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2016, (32): 175–184. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-175-184>
 22. Mitric I. UBO information transparency in the corporate registers and its effect on privacy protection from AML-CFT perspective. *Facta Universitatis Series Law and Politics*, 2023, 21(1): 11–25. <https://doi.org/10.22190/FULP230422002M>
 23. Чупрунов И. С. К вопросу о принципах ведения корпоративных реестров. *Цивилистика*. 2020. Т. 2. № 6. С. 34–88. [Chuprunov I. S. Principles of maintaining corporate registers. *Civilistics*, 2020, 2(6): 34–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eirri>
 24. Багманова А. Права бенефициарного владельца компании: теория корпоративного права и тенденции судебной практики. *Журнал РШЧП*. 2020. № 1. С. 193–196. [Bagmanova A. Rights of a beneficial owner: Corporate law theory and judicial practice trends. *Zhurnal RShChP*, 2020, (1): 193–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dnpxcg>
 25. Подшивалов Т. П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений. *Пермский юридический альманах*. 2018. № 1. С. 343–348. [Podshivalov T. P. To the question of the relation of the doctrine of beneficial property and the doctrine of piercing corporate veil in the challenging of corporate solutions. *Perm Legal Almanac*, 2018, (1): 343–348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yngmhb>

Итоги Всероссийского научно-практического круглого стола «Актуальные вопросы разрешения корпоративных споров»

23 июня 2026 г. в стенах Юридического института Кемеровского государственного университета (КемГУ) состоялся Всероссийский научно-практический стол «Актуальные вопросы разрешения корпоративных споров», организованный Московским государственным юридическим университетом имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в партнерстве с Институтом государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) в целях реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Модерировал круглый стол канд. юрид. наук, доцент Е. С. Трезубов, передавший в библиотеку Юридического института КемГУ комплект учебников по корпоративному праву, написанных коллективом авторов кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, для использования при изучении соответствующей дисциплины магистрантами программы «Защита гражданских прав», реализуемой в КемГУ.

В мероприятии приняли участие научно-педагогические работники и аспиранты МГЮА, КемГУ, ИГП РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, СГЮА, нотариусы, адвокаты, практикующие юристы, специализирующиеся на разрешении корпоративных споров. С приветственным словом к участникам обратились директор Юридического института КемГУ, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор **С. О. Гаврилов**, а также исполняющий обязанности председателя Арбитражного суда Кемеровской области **А. Ф. Федотов**, обратившие внимание на значимость обсуждаемых вопросов для обеспечения состояния защищенности участников корпоративных отношений и эффективности правоприменительной практики. Корпоративные споры – одни из сложнейших категорий дел, рассматриваемых арбитражными судами и судами общей юрисдикции, а также в арбитраже (третейском разбирательстве). Они требуют не просто правильного, но и эффективного применения норм материального и процессуального права, гибкости процедуры и учета интересов множества субъектов, даже прямо не привлеченных к участию в деле. Коллаборация МГЮА, КемГУ и ИГП РАН позволила провести информационно насыщенное мероприятие и всесторонне обсудить материально-правовые и процессуальные вопросы рассмотрения корпоративных споров.

Президент Кемеровской областной нотариальной палаты **Е. Н. Афанасьева**, а также председатель методического совета Кемеровской областной нотариальной палаты **К. О. Батушев** в своем докладе обозначили ряд существенных проблем, возникающих в нотариальной практике, в том числе сложности применения обществами с ограниченной ответственностью типовых уставов, управление в хозяйственных обществах с множественным единоличным исполнительным органом (так называемых «компаниях двух ключей»), проблемы наследования долей в уставных капиталах непубличных обществ, приобретения и реализации корпоративных прав участниками корпоративных организаций, роль нотариусов в совершении регистрационных действий в отношении юридических лиц и их уставного (складочного) капитала.

Неоднократно участники круглого стола апеллировали к проблеме приобретения корпоративных прав в порядке наследования и при разделе совместно нажитого имущества участников непубличных хозяйственных обществ, обращая внимание на необходимость детальной проработки содержания устава корпорации, а также учета воли ее участников, особенностей хозяйственной деятельности юридического лица.

Трезубов Егор Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки»

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, директор Юридического института Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Н. Е. Кантор, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА выступила с докладом на тему «Двойные (множественные) косвенные иски: за и против», обратившись к проблематике защиты интересов бывших участников корпорации и фактических бенефициарных владельцев. Как отметила Наталья Евгеньевна, корпоративное право нацелено на регулирование правоотношений прямых правообладателей (участников, акционеров), оставляя за скобками правовой статус косвенных участников (бенефициарных владельцев). Такие лица, управляя другими уровнями корпоративной системы, зачастую остаются в информационном дефиците относительно состояния дел дочерних обществ и без правовых средств для защиты своих интересов в случае недобросовестного поведения менеджмента обществ «нижних» звеньев структуры. Допущение множественных косвенных исков бенефициарных владельцев в интересах подконтрольных обществ (об оспаривании сделок, взыскании убытков, а также об оспаривании решений собраний) обеспечивает надлежащую судебную защиту интересов бенефициаров и всей корпоративной группы. Это способствует правовой определенности и устойчивости предпринимательской деятельности в холдинговых структурах. Косвенные иски демонстрируют свою постоянную модификацию в зависимости от меняющихся экономических условий, развития теории корпоративных групп, концепции единой сделки и пр. Множественные косвенные иски, являясь видом производных (косвенных) исков, следуют данной тенденции и должны быть восприняты судебной практикой.

Федотов Александр Фёдорович, исполняющий обязанности председателя Арбитражного суда Кемеровской области, г. Кемерово

Е. А. Козина, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро г. Москвы «ЭЛКО профи» продолжила развитие данной проблематики, выступив с докладом на тему «О правах бенефициарных владельцев на защиту корпоративных интересов в холдинговых структурах». По мнению докладчика, в современном корпоративном праве России отсутствует эффективный механизм защиты прав миноритарных бенефициарных владельцев, чьи активы обесцениваются вследствие недобросовестных сделок на уровне «внучатых» обществ. Формальное правило, предоставляющее право на косвенный иск только прямым участникам корпорации, игнорирует экономическую реальность холдингов, где убыток дочернего общества напрямую уменьшает стоимость активов материнской компании и ее акционеров. Обращаясь к практике Верховного Суда РФ, Елена Александровна указала, что Суд признает возможность защиты опосредованного интереса в «исключительных случаях», однако нижестоящие суды не имеют четких критериев для применения этой категории. Установление материально-правовой связи, предопределяющей необходимый для косвенного иска производный интерес, понуждающий предъявлять требование в защиту корпорации, требует обстоятельного подхода к определению предмета доказывания по каждому делу.

В докладе Е. А. Козиной на основе анализа судебной практики и сравнительно-правового исследования зарубежных юрисдикций обоснована необходимость легализации множественного косвенного иска. Предложены конкретные критерии допустимости такого иска (добросовестность заявителя, соответствие интересам компании, отсутствие иной эффективной защиты, процессуальные гарантии от злоупотреблений), а также рекомендации для развития правоприменительной практики.

В. А. Лаптев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, главный научный сотрудник Сектора предпринимательского права ИПП РАН в своем выступлении подчеркнул значимость обсуждаемых в рамках круглого стола вопросов и обратил внимание на необходимость подхода к разрешению корпоративных споров при обязательном применении фундаментальных основ гражданского и предпринимательского права, выработанных за длительный период существования корпоративных юридических лиц. Василий Андреевич призвал при выработке позиции

по корпоративному спору не обращаться к единичным примерам из судебной практики как к единственно верному примеру правоприменения, а комплексно подходить к юридическому делу и разрешать его при достижении баланса частных и публичных интересов.

А. Н. Беседин, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, руководитель магистерской программы «Корпоративное право», реализуемой в Университете имени О. Е. Кутафина, представил доклад на тему «Право бывшего участника общества с ограниченной ответственностью на получение действительной стоимости доли». Как отметил докладчик, вопрос об осуществлении и защите права бывшего участника общества с ограниченной ответственностью на получение действительной стоимости доли относится к числу актуальных. Право бывшего участника на получение действительной стоимости доли относится к числу его имущественных прав (п. 1 ст. 67 ГК РФ, п. 4, п. 6.1. ст. 23 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), сохраняющихся после утраты правового статуса участника, и прекращается с момента выплаты ему действительной стоимости доли в полном объеме.

В случае если общество не исполнит или ненадлежащим образом исполнит обязанность по выплате бывшему участнику действительной стоимости доли, участник вправе:

- предъявить иск о взыскании действительной стоимости доли;
- предъявить иск о возмещении убытков непосредственно к оставшимся в обществе участникам и иным лицам, входящим в состав органов управления, если их действия (бездействие) направлены на то, чтобы воспрепятствовать расчетам общества по долгу перед вышедшим участником;
- предъявить иск об истребовании бывшим участником информации, на основании которой была рассчитана действительная стоимость доли и которая влияет на такой расчет;
- предъявить иск о привлечении контролирующих общество лиц к субсидиарной ответственности (если решение о выходе принято участником в период, когда общество осуществляло хозяйственную деятельность).

Как правило, одновременно с предъявлением требований бывший участник также запрашивает у общества информацию, в соответствии с которой действительная стоимость доли была определена. Объем информации, которая подлежит предоставлению бывшему участнику хозяйственного общества, связан только с определением и проверкой определения действительной стоимости доли. Указанное право не прекращается в случае, если общество произвело выплату бывшему участнику действительной стоимости доли, поскольку в процессе определения действительной стоимости доли со стороны общества могли быть допущены ошибки и злоупотребления.

В случае если в результате ознакомления бывшего участника с предоставленной информацией будет выявлено, что действительная стоимость доли занижена в результате совершения гражданско-правовой сделки, бывший участник не обладает правом ее оспаривания, а может сослаться на искусственное занижение действительной стоимости доли и недобросовестность общества. Соответственно, суд при установлении действительной стоимости доли должен руководствоваться объективными данными об имущественных активах общества, а в случае, если будет выявлено искусственное занижение действительной стоимости доли, возложить обязанность по доказыванию обстоятельств, подтверждающих, к примеру, наличие задолженности перед контрагентом, на ответчика. То есть когда объективная необходимость совершения действий, приводящих к уменьшению действительной стоимости доли, не будет доказана, суд вправе определить размер действительной стоимости доли, как если бы эти действия не были совершены.

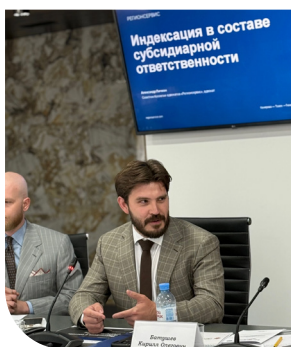
Афанасьева Елена Николаевна,
нотариус, президент Кемеровской
областной нотариальной палаты,
г. Кемерово

Батушев Кирилл Олегович,
нотариус, председатель методиче-
ского совета Кемеровской
областной нотариальной палаты,
г. Кемерово

Кантор Наталья Евгеньевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Личман Александр Андреевич, адвокат, советник НО Коллегия адвокатов «Регионсервис», г. Кемерово

Е. Р. Аминов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА выступил с докладом на тему «Корпоративные споры, осложненные иностранным элементом: проблемы выбора применимого права», отметив в своем выступлении сложность определения применимого права при разрешении соответствующих юридических дел. Личный закон корпорации, как отметил Евгений Раульевич, далеко не всегда может рассматриваться как единственно возможное решение при определении коллизионной привязки; необходимо учитывать специфику корпоративных отношений и заявленных требований, т. к. участниками корпорации могут выступать физические и юридические лица различных юрисдикций, а исполнение решения по корпоративному спору может предполагать применение законодательства органа принудительного исполнения. Между тем применение личного закона корпорации в качестве ключевого правила при разрешении корпоративных споров должно рассматриваться как приоритетное правило.

В. А. Сырбо, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Юридического института КемГУ представил сообщение на тему «Корпоративные решения как основания разрешаемых судами отдельных категорий корпоративных споров». Владислав Анатольевич отметил, что одним из ключевых принципов деятельности корпорации является принцип большинства, само по себе несогласие меньшинства участников с решением не делает последнее нелегитимным. В то же время участники общества в силу общих требований пунктов 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ обязаны действовать разумно и добросовестно, воздерживаться от злоупотребления правами. Поэтому ряд решений общего собрания участников должен подвергаться тщательному судебному контролю, даже если такие решения принимались необходимым большинством голосов при формальном соблюдении процедуры их принятия. К подобным решениям относятся те, которые затрагивают само существо корпоративных прав, включая право на получение дивидендов.

Как отметил В. А. Сырбо, суды должны оценивать последовательные решения собрания участников одного и того же общества на предмет значения последующего решения в качестве акта, отменяющего или изменяющего предыдущее решение. Сложность в правильной квалификации спорных правоотношений здесь заключается в том, что действующее законодательство прямо не регулирует вопрос отмены (изменения) принятого легитимно и действующего решения собрания, не разрешая, но и не запрещая такие действия.

А. А. Личман, адвокат, советник коллегии адвокатов «Регионсервис» выступил с сообщением на тему «Субсидиарная ответственность по корпоративным долгам недействующего предприятия: о правомерности включения сумм индексации в состав ответственности». Докладчик отметил, что контролирурующие лица, действия которых стали причиной прекращения деятельности предприятия и невозможности исполнения корпоративных требований, подлежат привлечению к субсидиарной ответственности. Размер ответственности формируется из неисполненных обязательств основного должника по выплате действительной стоимости доли, процентов, судебных издержек, индексации. Докладчик поставил под сомнение правомерность включения индексации в состав ответственности, исходя из ее правовой природы, механизма начисления и целей ответственности – восстановление нарушенного права. По убеждению Александра Андреевича, являясь правовым механизмом возмещения потерь взыскателя от неисполнения судебного решения должником, индексация имеет тесную и неразрывную связь с конкретным судебным спором, которая должна выступать препятствием для перекладывания ее в составе субсидиарной ответственности на контролирурующих лиц.

Д. И. Богатырев, адвокат коллегии адвокатов «Регионсервис» выступил с докладом на тему «Ограничения на переход долей (акций) к правопреемникам и в порядке раздела общего имущества супругов: проблемы и решения». Денис Игоревич отметил, что сохранение персонального состава участников (акционеров) непубличных обществ – одно из важнейших условий для успешного ведения общего дела. Вступление новых лиц без согласия участников зачастую приводит к серьезным корпоративным конфликтам, тупиковым ситуациям и невозможности ведения деятельности. Особенно остро такой вопрос встает в случае перехода долей в порядке наследования или при разделе общего имущества супругов. В таком случае участникам доступно только установление запрета на вступление в общество без согласия иных участников. На примере актуальных постановлений Верховного Суда РФ были проанализированы спорные вопросы вступления правопреемников, а также бывших супругов в состав участников хозяйственных обществ, отмечены недостатки законодательного регулирования и правовых позиций Верховного Суда РФ, предложены оптимальные варианты регулирования *de lege ferenda*.

А. Д. Красовская, адвокат коллегии адвокатов «Регионсервис» обратилась к проблематике фидуциарных обязанностей исполнительного органа юридического лица. Александра Дмитриевна представила сообщение на тему «Директор автолюбитель. Транспорт как производственная необходимость или повод для взыскания убытков». Александра Дмитриевна отметила, что транспортные средства используются в деятельности практически каждой организации. Вместе с тем действия, связанные с приобретением и использованием транспорта, являются рисковыми и в будущем часто становятся поводом для постановки вопроса о взыскании убытков с руководителя юридического лица. В таких спорах особое значение придается вопросу о границах дозволенного поведения директора. В какой момент потребность в транспортном средстве перестает быть потребностью организации и переходит в разряд личных интересов руководителя? Ответ на этот вопрос является определяющим для оценки возможности привлечения к ответственности лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа. В докладе на основании судебной практики освещены общие условия привлечения директора к ответственности по спорам, связанным с использованием транспортных средств, обстоятельства, исследуемые судом по рассматриваемой категории дел, обозначены основные риски, связанные с совершением сделок с транспортными средствами, а также возможные способы их минимизации.

В. Н. Калинин, адвокат коллегии адвокатов «Регионсервис», ассистент кафедры гражданского права Юридического института КемГУ, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА выступил с сообщением на тему «Особенности законной силы судебного решения по делам о защите прав и законных интересов группы лиц по корпоративным спорам», в котором обратил внимание на возможность рассмотрения корпоративных споров по правилам группового производства в гражданском и арбитражном процессах, а также на то, что в российской модели коллективного иска решение суда распространяется качествами преюдициальности как на лиц, прошедших сертификацию группы лиц (присоединившихся к требованию истца-представителя), так и на иных лиц, подпадающих под условия авторизации, прописанные в судебном акте, хотя и не выразивших волю на присоединение к групповому иску. В то же время правила ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ и ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ не лишены внутреннего и системного противоречия. Предоставляя право участнику группы лиц, не присоединившемуся ранее к коллективному иску, оспаривать при рассмотрении личного иска обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением

Крючков Антон Васильевич, управляющий партнер ООО «Центр правовой поддержки «ЮрИнвест», г. Кемерово
Федотов Александр Фёдорович, исполняющий обязанности председателя Арбитражного суда Кемеровской области, г. Кемерово

Потлов Семен Геннадьевич, старший преподаватель кафедры гражданского права Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Калинин Вячеслав Николаевич, адвокат, юрист НО Коллегия адвокатов «Регионсервис», ассистент кафедры гражданского права Кемеровского государственного университета, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Красовская Александра Дмитриевна, адвокат НО Коллегия адвокатов «Регионсервис», г. Кемерово

Богатырев Денис Игоревич, адвокат НО Коллегия адвокатов «Регионсервис», г. Кемерово

Личман Александр Андреевич, адвокат, советник НО Коллегия адвокатов «Регионсервис», г. Кемерово

Трезубов Егор Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

по групповому иску, закон не предоставляет это право ответчику, формально связанному преюдициальностью. В связи с изложенным для обеспечения равноправия сторон и должной состязательности делается вывод о необходимости наделения обеих сторон (истца и ответчика) одинаковыми правами и обязанностями по доказыванию при рассмотрении последующего личного иска.

Е. С. Трезубов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института КемГУ представил доклад на тему «Мед-арб как приоритетная форма разрешения (урегулирования) корпоративных споров». В своем сообщении Егор Сергеевич обобщил озвученные спикерами мероприятия проблемы, указав на разноплановость вопросов и разнонаправленность интересов участников споров. В силу специфики судебного разрешения спора стороны не могут рассчитывать на прекращение их корпоративного конфликта – в лучшем случае лишь на разрешение конкретного заявленного требования. При этом некоторые прогрессивные способы защиты, применяемые в практике разрешения корпоративных споров, такие как принятие возламещающего решения или исключение участника из общества, восстановление корпоративного контроля, являются чрезвычайно специфичными, недостаточно эффективными. Высокая конфликтность в корпоративных отношениях и необходимость учета интересов большинства (а в идеале – всех) участников предопределяет целесообразность обращения к более гибким, нежели судопроизводство, процедурам разрешения или урегулирования корпоративных споров. Таковыми стоит признать арбитраж и медиацию. Однако актуальная практика свидетельствует о низкой востребованности третейского разбирательства при разрешении корпоративных споров (всего 4 спора в 2025 г.) и о применении судебной медиации в корпоративных спорах на уровне «статистической погрешности» (2 медиативных соглашения из без малого 10 тыс. корпоративных споров, рассмотренных арбитражными судами за первое полугодие 2025 г.). Для интенсификации медиативной практики предложено включать медиативные оговорки в учредительные документы корпоративных организаций, а также продолжать практику открытия территориальных представительств постоянно действующих арбитражных учреждений в регионах страны (здесь очевидно не реализован потенциал торгово-промышленных палат субъектов). При этом именно сочетание медиации и арбитража в рассмотрении корпоративного спора позволит найти наиболее эффективный способ разрешения конфликта, а также выстроить наиболее эффективную модель корпоративного управления и контроля на будущее.

Организаторы мероприятия выражают слова благодарности всем участникам круглого стола и надежду на продолжение оживленной и интересной дискуссии как в формате выступлений на научных форумах, так и в рамках публикаций.

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор,
КемГУ; ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», МГЮА; egortrezubov@mail.ru

Федькина Анна Петровна, ответственный секретарь, КемГУ;
j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University;
ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction of Law,
Kutafin Moscow State Law University; egortrezubov@mail.ru

Anna P. Fedkina, Executive Secretary,
Kemerovo State University; j.juredu@yandex.ru

Литературный редактор – Анна Петровна Федькина.

Корректор – Ксения Игоревна Молокова.

Литературный редактор (английский язык) –

Надежда Владимировна Рабкина.

Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editor – Anna P. Fedkina.

Proof-reader– Ksenia I. Molokova

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 01.06.2026.

Дата выхода в свет 30.06.2026.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 25,11. Уч.-изд. л. – 23.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-hss.kemsu.ru

